П22
1983

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XVIII, вып. 1, 2 и 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Болгары и чуваши. Н. П. Ашмарина (съ 2 таблицами) . 1—132.

2. Древнія грамоты и разные документы (матеріалы для исторіи Казанской епархіи). Е. А. Малова 1—54.

3. Къ исторіи Казанскихъ монастырей до 1764 года. И. М. Покровскаго . . . . . 1—80.

Приложеніе: описаніе 29 мужскихъ и 13 женскихъ монастырей. И. М. Покровскаго . . I—XXV.

4. Къ вопросу о наслѣдственномъ правѣ церковныхъ учрежденій, въ частности Казанскаго Архіерейскаго дома, въ концѣ XVII вѣка. И. М. Покровскаго . . . . . 1—6.

5. Приложеніе: Отчетъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1901 годъ, составленный Н. К. Горталовымъ, списокъ изданій Общества и списокъ членовъ Общества . . . . . 1—47

Гос Пуб

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

1902.

2000

Тираж 10 [illegible].

23М
#12-10

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XVIII, вып. 1, 2 и 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Болгары и чуваши. Н. И. Ашмарина (съ 2 таблицами) . I—132.

2. Древнія грамоты и разные документы (матеріалы для исторіи Казанской епархіи). Е. А. Малова 1—54.

3. Къ исторіи Казанскихъ монастырей до 1764 года. И. М. Покровскаго . . . . . 1—80.

Приложеніе: описаніе 29 мужскихъ и 12 женскихъ монастырей. И. М. Покровскаго . . I—XXV.

4. Къ вопросу о наслѣдственномъ правѣ церковныхъ учрежденій, въ частности Казанскаго Архіерейскаго дома, въ концѣ XVII вѣка. И. М. Покровскаго . . . . . 1—6.

5. Приложеніе: Отчетъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1901 годъ, составленный Н. К. Горталовымъ, списокъ изданій Общества и списокъ членовъ Общества . . . . . 1—27.

Казань.

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета

1902.

Вышелъ 10 декабря.

Въ книжномъ складѣ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ могутъ быть пріобрѣтаемы слѣдующія книги:

1) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Томъ I, 1878, выпуски 2—5, по 20 к. (прочіе выпуски I-го тома, а равно томы II, VII и 1-е вып. VI-го, VI-го и XIII томовъ, разошлись безъ остатка). Томъ III, 1884, ц. 2 руб. 50 коп Томъ IV, 1885, ц. 1 руб. 50 коп. Томъ V, 1884, ц. 1 руб. Томъ VI, вып. 2, 1888, ц. 1 руб. Томъ VIII, вып. 1, 1890, ц. 2 руб.; вып. 2, 1890, ц. 2 руб. 25 коп.; вып. 3, 1890, ц. 25 коп. Томъ IX, 1891, вып. 1, ц. 1 руб. 25 коп.; вып. 2, ц. 1 руб. 75 коп., вып. 3, ц. 30 коп. Томъ X, 1892, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XI, 1893, вып. 2—6 по 1 руб. Томъ XII, 1894—1895, вып. 1—6 по 1 руб. Томъ XIII, 1895—1896, вып. 2 ц. 1 руб., —3, 5 и 6 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—1 руб. 25 коп. Томъ XIV, 1897—1898, вып. 1—3 по 1 руб. 50 коп., вып. 4—6 по 1 руб. Томъ XV, 1899, вып. 1—2, цѣна 2 руб. 50 коп.; вып. 3 и 4 по 1 руб.; вып. 5—6, цѣна 1 руб. 50 коп. Томъ XVI, вып. 1—3 по 1 руб., вып. 4—6 цѣна 2 руб. Томъ XVII, вып. 1 цѣна 1 руб., вып. 2—3, цѣна 2 руб., вып. 4 цѣна 1 руб., вып. 5—6 ц. 2 руб. Томъ XVIII, вып. 1, 2 и 3 цѣна 3 руб. — Томы I, II и VII, а равно и 1-е вып. VI-го, XI-го и XIII-го томовъ и 3-й вып. XIII т. «Извѣстій», Общество принимаетъ обратно въ обмѣнъ на другіе выпуски одинаковой стоимости.

2) Вотяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 352 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 25 коп.

3) Пермяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова, 1891. 289 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 75 коп.

4) Мордва, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1895. 296 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 50 коп.

5) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. П. Вескe. 1890. 324 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

6) Спасскій монастырь въ г. Казани, историческое описаніе. Е. М. Лебедева. 1895. 215 стран. 8°. Цѣна 2 руб.

7) Труды IV археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани: томъ I и II (1884 и 1891) по 3 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891)—цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877 Цѣна 1 рубль.

8) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882 Часть I, 300 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.

9) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стран. 8° Цѣна 75 коп.

10) Краткій очеркъ восьмилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886. 16 стран. 12° Цѣна 10 коп.

11) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф И. Н. Смирнова. 1890. 36 стран. 12°. Цѣна 20 коп.

12) О задачахъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Шпилевскаго, и Замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Моркваши, Н. И Золотницкаго. 1884, 56 стран. 8°. Цѣна 45 коп.

13) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882. 67 стран. 8°. Цѣна 45 коп

14) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 20 коп.

15) Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка. А. И. Соколова. 1892. Цѣна 2 коп.

16) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 15 стр. Цѣна 5 коп.

17) О древнемъ поселеніи около г. Спасска. А. Обрѣзкова. 1893. Цѣна 3 коп.

18) О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. 1895. Цѣна 20 коп.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества Н. Катановъ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

посвященныхъ

350-лѣтію (1552—1902)

ПРИСОЕДИНЕНІЯ КАЗАНИ

КЪ РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВѢ.

ПЕРВЫЙ ПОЛУТОМЪ.

Предисловіе.

Въ общемъ Собраніи ч. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, состоявшемся 17 февраля 1900 года, была доложена записка дѣйствит. члена Общества В. Л. Борисова о предстоящемъ въ 1902 году 350-лѣтнемъ юбилеѣ взятія Казани. Признавъ основную идею записки г. Борисова объ участіи Общества въ празднованіи юбилея заслуживающею полнаго вниманія со стороны Общества и одобривъ принципіально мысль о посвященіи XVIII тома „Извѣстій" Общества, имѣющаго выходить въ свѣтъ въ 1902 году, этому юбилею, Общее Собраніе постановило избрать коммиссію для болѣе подробнаго выясненія вопроса о юбилеѣ и объ участіи въ немъ со стороны Общества. Въ составъ этой коммиссіи вошли дѣйствительные члены: А. С. Архангельскій, В. Л. Борисовъ, Д. А. Корсаковъ, Е. А. Маловъ и И. М. Покровскій. Вскорѣ послѣ этого г. Архангельскій и Борисовъ вышли изъ состава коммиссіи. Во второй половинѣ 1901 года въ составъ коммиссіи вошли еще: члены сотрудники Общества: П. П. Аѳмаринъ и Н. С. Михеевъ и дѣйствительные члены: П. Ѳ. Каѳановъ, Н. Ѳ. Юшковъ и Д. В. Васильевъ, такъ что къ концу 1901 года коммиссія состояла уже изъ 8 членовъ. Первое засѣданіе коммиссіи происходило 27 декабря 1901 года. Предсѣдателемъ коммиссіи избранъ Н. Ѳ. Каѳа-

новъ и секретаремъ И. И. Ашмаринъ. Въ томъ-же засѣданіи рѣшено было — вопросъ о празднованіи юбилея пока отложить, относительно-же юбилейнаго сборника между прочимъ постановлено было слѣдующее: во-первыхъ, XVIII томъ „Общества, кромѣ собственнаго заглавнаго листа — „Извѣстія" тома XVIII, долженъ имѣть и другой заглавный листъ — „Юбилейный сборникъ статей, посвященныхъ 350-лѣтію [1552—1902] присоединенія Казанскаго Царства къ Россійской Державѣ"; во-вторыхъ, сборникъ этотъ долженъ выйти въ двухъ полутомахъ, изъ коихъ первый составитъ 1, 2 и 3 выпуски XVIII тома „Извѣстій", а второй — 4, 5 и 6 выпуски того-же тома; въ-третьихъ, у каждаго отдѣла, во избѣжаніе задержки при печатаніи книги, должна быть особая пагинація; въ-четвертыхъ, статьи редактируются самими авторами и печатаются подъ общимъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества и коммиссіи Н. Ѳ. Катанова, и, наконецъ, въ-пятыхъ, каждая статья, предназначаемая къ помѣщенію въ юбилейномъ сборникѣ, предварительно должна быть доложена Общему Собранію. Постановленіе коммиссіи принято во вниманіе, и настоящая книга, составляющая первый полутомъ юбилейнаго сборника, заключаетъ въ себѣ 4 статьи, доложенныя въ общихъ Собраніяхъ 1902 года и принадлежащія членамъ коммиссіи: члену-сотруднику Общества Н. И. Ашмарину, дѣйствит. члену Е. А. Малову и дѣйствит. члену И. М. Покровскому.

Второй полутомъ юбилейнаго сборника будетъ содержать въ себѣ работы другихъ лицъ и выйдетъ въ свѣтъ въ 1903 году.

Предсѣдатель Общества Н. Катановъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . I—II.

1. Болгары и чуваши. Н. И. Ашмарина. (съ 2 таблицами) . . . . . 1—132.

2. Древнія грамоты и разные документы (матеріалы для исторіи Казанской епархіи). Е. А. Малова . . . . . 1—54.

3. Къ исторіи Казанскихъ монастырей до 1764 года. И. М. Покровскаго. . . . . 1—80.

Приложеніе: описаніе 29 мужскихъ и 12 женскихъ монастырей. И. М. Покровскаго. . I—XXV.

4. Къ вопросу о наслѣдственномъ правѣ церковныхъ учрежденій, въ частности Казанскаго Архіерейскаго дома, въ концѣ XVII вѣка. И. М. Покровскаго. . . . . 1—6.

Н. И. Ашмаринъ.

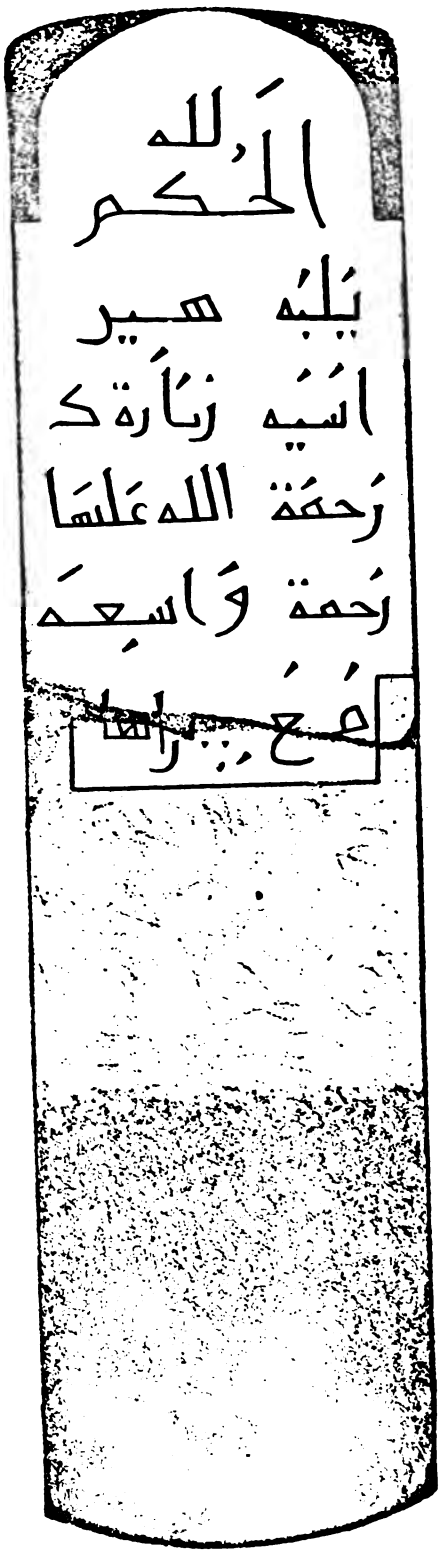
БОЛГАРЫ и ЧУВАШИ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Катановъ*.

(Отдѣльный оттискъ изъ XVIII тома „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи" за 1902 годъ).


الحكم لله
يلبه سير
اسيه زيارة ك
رحمة الله عليها
رحمة واسعة

Къ вопросу о волжскихъ болгарахъ и ихъ отношеніи къ нынѣшнимъ чувашамъ.

Вопросъ о происхожденіи и языкѣ волжскихъ болгаръ, какъ извѣстно, до сихъ поръ нельзя считать окончательно исчерпаннымъ, хотя его надлежащее разрѣшеніе имѣетъ весьма важное значеніе для историческаго и этнографическаго изученія Поволжья. Имѣя въ рукахъ различные матеріалы, почерпнутые изъ нарѣчій волжскихъ инородцевъ и, по моему мнѣнію, могущіе пролить нѣкоторый свѣтъ на довольно темную для науки область болгаровѣдѣнія, я рѣшился составить небольшой обзоръ тѣхъ свѣдѣній, какія представляетъ намъ литература о Волжской Болгаріи, дополнивъ ихъ нѣкоторыми новыми соображеніями, вытекающими изъ разсмотрѣнія имѣющихся въ нашемъ распоряженіи лингвистическихъ данныхъ. Такъ какъ главною цѣлью настоящаго очерка служило лишь сообщеніе результатовъ изысканій въ области языковѣдѣнія, то я долженъ замѣтить заранѣе, что болѣе или менѣе подробное обозрѣніе всѣхъ другихъ источниковъ по занимающему насъ предмету не могло войти въ тѣ довольно узкія рамки, которыя были отведены мною для предлагаемой статьи.

При изслѣдованіи вопроса о волжскихъ болгарахъ мы не можемъ пройти молчаніемъ нѣкоторыя другія, болѣе древнія народности, поэтому я и начну здѣсь свою рѣчь съ послѣднихъ, а именно съ гунновъ, къ которымъ, какъ мы увидимъ далѣе, болгары стояли въ весьма близкихъ отношеніяхъ.

I.

По извѣстіямъ, почерпаемымъ въ китайскихъ источникахъ, *хіунну* или *хіунг-ю* были кочевымъ народомъ, который начиная съ X в. до Р. Х. обиталъ въ степныхъ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Китая. Около половины третьяго столѣтія до Р. Х. этотъ народъ сталъ пріобрѣтать важное значеніе и сильно распространяться все дальше и дальше за предѣлы своей первоначальной родины. Силу этого народа чувствовали не только китайцы, но и другія сосѣднія племена, и многочисленная часть послѣднихъ была принуждена покинуть свои прежнія обиталища и переселиться на новыя мѣста. Послѣ расцвѣта гуннскаго могущества, продолжавшагося три столѣтія, сила гунновъ, въ началѣ нашей эры, стала значительно ослабѣвать подъ вліяніемъ внутреннихъ неурядицъ, и южная часть этого народа признала надъ собою владычество Китая. Что касается сѣверныхъ гунновъ, то китайцы заключили противъ нихъ союзъ съ сосѣдними племенами, и около 93 г. по Р. Х. имъ удалось одержать верхъ надъ гуннскими ордами, что и вызвало распаденіе гуннскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужило однимъ изъ первыхъ важнѣйшихъ толчковъ къ передвиженію гунновъ на западъ. Въ первой половинѣ II вѣка Маринъ Тирскій уже опредѣляетъ мѣстопребываніе гунновъ (Οὖννοι) на границахъ Европы, а Птолемей, одинъ изъ географовъ этого столѣтія, уже называетъ рѣку Уралъ ея тюркскимъ наименованіемъ Δάϊξ, которое является у Менандра Протектора въ формѣ Δαΐχ и соотвѣтствуетъ тюркскому Jajık или Цајык. Въ 374 г. масса западныхъ гунновъ перешла черезъ Волгу подъ предводительствомъ одного вождя, по имени Баламира, и покорила себѣ алановъ, пастушескій народъ, обитавшій въ степяхъ между Волгою и Дономъ. Соединившись вмѣстѣ, гунны и аланы перешли въ бродъ Меотійское Болото и бросились на готское государство Эрманариха, которое, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ попытокъ, должно было отказаться отъ безполезнаго сопротивленія. Послѣ пораженія остготовъ Эрманариха и послѣдовавшаго затѣмъ бѣгства вестготовъ, гуннскія орды Баламира подвигались все дальше и

дальше на западъ, занимая опустѣвшія отъ выселенія жителей области, и въ скоромъ времени незатѣйливыя юрты кочевниковъ появились и на среднемъ теченіи Дуная. Время правленія Аттилы (433—454) представляетъ собою самый блестящій періодъ гуннскаго могущества, но послѣ загадочной смерти этого вождя, когда началась вражда между его преемниками, подвластные имъ народы возмутились и силою оружія вернули себѣ прежнюю свободу. Мѣстность по рѣкамъ Дунаю и Тиссѣ была очищена отъ кочевниковъ, и, перекочевавъ обратно за Прутъ и Днѣстръ, масса гунновъ снова распалась на отдѣльныя мелкія орды, разселившіяся на обширномъ пространствѣ степей, между рѣками Днѣпромъ и Дономъ.

По мнѣнію J. Marquart'a, автора сочиненія Die Chronologie der Alttürkischen Inschriften, подъ именемъ *Ирника*, второго изъ князей, правившихъ у дунайскихъ болгаръ и означенныхъ въ извѣстномъ именникѣ болгарскихъ хановъ, о которомъ мы будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи, нужно понимать не кого другого, какъ любимаго сына Аттилы *Эрнака*, который, послѣ пораженія, нанесеннаго гуннамъ гепидами, и распаденія великаго гуннскаго государства, удалился со своею ордою въ самый отдаленный уголъ Малой Скиѳіи и, вѣроятно, занялъ мѣстность между устьями Дуная и рѣкою Днѣстромъ. Преемникомъ Ирника былъ *Курт*, или, какъ его называютъ византійскіе писатели, *Кубратъ*, племянникъ того самаго гуннскаго князя *Органа*, который въ 619 г., вмѣстѣ съ знатными лицами изъ гунновъ, обратился въ христіанскую вѣру [1]). Такимъ образомъ, первыя историческія извѣстія о болгарахъ неразрывно связываютъ имя этого народа съ именемъ гунновъ.

Какъ по свидѣтельству дошедшаго до насъ списка болгарскихъ князей, такъ и по показаніямъ другихъ историческихъ источниковъ, болгары, почти до послѣдней четверти VII в., безпрерывно жили на лѣвомъ берегу Дуная, въ углу, образуемомъ этою рѣкою и рѣкою Днѣстромъ [2]). Отсюда они

издавна совершали набѣги на придунайскія земли. Около 635 г. болгарскій князь Кубратъ освободилъ свой народъ отъ владычества аваръ, которые въ 623 и 626 г.г. грозили даже Константинополю, и выгналъ аварскія войска, стоявшія въ его странѣ. Новый періодъ болгарской исторіи начинается съ княземъ Исперихомъ, при которомъ болгары перешли черезъ рѣку Дунай и покорили жившихъ въ Мизіи славянъ. О поселеніи болгаръ на правомъ берегу Дуная мы читаемъ у Ософана подъ 679 г. по Р. Х., а Никифоръ упоминаетъ о немъ непосредственно передъ константинопольскимъ соборомъ 680 г. У перваго они являются подъ именемъ *Οὐννογοῦνδουροι Βούλγαροι*, а у втораго—*Οὖννοι καὶ Βούλγαροι*, а также *Οὐνογοῦνδουροι*. Константинъ Багрянородный, говоря о переходѣ болгаръ черезъ Дунай, сообщаетъ, что переправа ихъ черезъ эту рѣку произошла въ концѣ царствованія императора Константина IV Погоната († 685 г.), и что тогда сдѣлалось извѣстнымъ и ихъ настоящее имя, такъ какъ раньше ихъ называли оногундурами.

У греческихъ авторовъ встрѣчается слѣдующее преданіе о разселеніи болгарскихъ колѣнъ, впрочемъ значительно уклоняющееся отъ истиннаго хода событій. Страна, которая нѣкогда называлась Великою Болгаріею и была родиною котраговъ, соплеменниковъ унногундуръ-болгаръ, лежала около Меотійскаго Болота (Азовскаго моря) и на Куфисѣ (Кубани). Когда Кубратъ, князь этой Болгаріи, скончавшійся въ царствованіе Константина IV, умирая, оставлялъ послѣ себя четырехъ сыновей, то онъ старался внушить имъ, чтобы послѣ его смерти они никогда не разставались съ своими исконными обиталищами. Не смотря на совѣты отца, дѣти князя поступили такъ, какъ это имъ показалось удобнымъ, и разошлись со своими ордами въ разныя стороны. Первая орда, подъ предводительствомъ старшаго, *Баяна*, осталась на прежнихъ мѣстахъ, на Меотійскомъ Болотѣ; вторая, съ своимъ вождемъ *Котрагомъ*, будто бы перешла черезъ р. Донъ и расположилась напротивъ первой; третья, подъ пред-

водительствомъ *Аспаруха*, переправилась черезъ Днѣстръ и поселилась на узкой полосѣ земли, лежащей въ углу между Днѣстромъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ, которая называлась по-старославянски Кгла, по греческимъ документамъ ὄγγλος, и которой татарами было дано наименованіе того же самаго значенія—*Буджакъ*. Четвертая орда перешла Дунай и помѣстилась въ Панноніи, гдѣ и подчинилась аварамъ, а пятая дошла до Италіи и тамъ покорилась римлянамъ. Когда такимъ образомъ народъ разъединился, то изъ внутреннихъ областей страны *Βερζυλία* выступилъ страшный народъ хазары, обитавшій близъ сарматовъ, покорилъ всѣ тѣ мѣста на Понтѣ и сдѣлалъ своимъ данникомъ также и Баяна, князя Великой Болгаріи.

Въ этомъ разсказѣ есть значительная хронологическая ошибка, такъ какъ раздѣленіе болгарскихъ колѣнъ началось въ гораздо болѣе древнюю эпоху, и болгары кочевали по Дунаю много ранѣе VII вѣка. Какъ намъ извѣстно, еще передъ уходомъ остготовъ изъ Мизіи въ Италію (487) остготскому королю Теодориху Великому уже приходилось сражаться съ болгарами, при чемъ онъ поразилъ одного непріятельскаго предводителя. Въ 504 г. войска этого государя опять бились въ Панноніи съ болгарами, а съ 499 г. происходили частыя нападенія болгаръ на провинціи, лежащія къ югу отъ Дуная: Мизію, Ѳракію и Иллирію.

Что касается болгарскаго племени, обитавшаго въ Панноніи, то намъ извѣстно, что, поссорившись тамъ съ аварами, эти болгары, въ числѣ 9000 человѣкъ, бѣжали вмѣстѣ съ своими семьями къ франкамъ и просили у ихъ короля Дагоберта позволить имъ переэимовать въ Баваріи; Дагобертъ далъ имъ просимое разрѣшеніе, но потомъ приказалъ ихъ всѣхъ истребить. Это кровавое происшествіе относится къ девятому году царствованія короля Дагоберта (631—32). Однако часть этихъ болгаръ избѣжала кровавой сѣчи; позднѣе они пришли въ Италію, гдѣ лонгобарды отвели имъ для поселенія древніе самнитскіе города Сепинумъ, Бовіанумъ и

Эзернію. Во времена лонгобардскаго историка Павла Діакона († 800), они еще говорили на болгарскомъ языкѣ, хотя уже всѣ знали и по-итальянски (Marquart, 72—86).

Болгары, занимавшіе мѣста между р.р. Дунаемъ и Днѣстромъ, какъ уже было сказано выше, перешли на правый берегъ Дуная, покорили лишенныхъ всякой политической организаціи славянъ Мизіи и положили основаніе первому болгарскому государству. Такъ какъ они были гораздо малочисленнѣе славянъ и значительное число ихъ погибало въ войнахъ съ Византіею, то они, естественно, должны были ославяниться, причемъ имя завоевателей перешло на побѣжденную ими славянскую народность.

Второе болгарское государство было основано на сѣверѣ, вѣроятно тѣми болгарскими племенами, которыя, оставшись на своей родинѣ, позднѣе стали распространять свою территорію далѣе, вверхъ по теченію р. Волги. Объ этомъ государствѣ мы узнаемъ очень поздно, не ранѣе 922 г., когда упоминается о первыхъ сношеніяхъ волжскихъ болгаръ съ арабами; извѣстія же болѣе ранней эпохи ничего намъ о немъ не говорятъ. Первыя свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сливаются Кама и Волга, восходятъ ко времени знаменитаго готскаго короля Эрманариха, который, около 350 г., подчинилъ своей власти, въ числѣ другихъ народовъ, также народы Mordens, Merens и Srem(n)iscans. Подъ этими именами, говоритъ академикъ Куникъ, не трудно узнать, коль скоро мы отбросимъ слабое готское окончаніе им. п. мн. ч. *ans* (утонченное *ens*), теперешнихъ финскихъ мордвиновъ, вымершую, но безъ сомнѣнія очень близко стоявшую къ финскимъ черемисамъ мерю и, наконецъ, самихъ черемисовъ, которые сами себя называютъ *мари*, а у чувашей называются сармиссъ (слѣдуетъ: çармăс или çармăç, чит. *ćармйс*, *ćармйć*). Что касается болгаръ и чувашъ, то о нихъ у Іорданиса, писавшаго около 550 г., еще нѣтъ и помину, такъ какъ эти племена тогда еще не появлялись въ мѣстахъ ихъ позднѣйшаго поселенія и пришли туда, по мнѣнію Куника, вѣроятно лишь тогда, когда

или авары подчинили себѣ болгарское племя или когда возраставшее могущество хазаръ стало грозить этому племени опасными осложненіями. Послѣднее событіе, продолжаетъ онъ, кажется, совершилось довольно поздно, въ VII столѣтіи.

Первыми извѣстіями о Волжской Болгаріи, которыя относятся къ началу X в., мы обязаны арабскому писателю Ибнъ-Фадлану, начинающему собою длинный рядъ арабскихъ историковъ и географовъ, писавшихъ между прочимъ и о болгарахъ. Изъ оставленныхъ ими по большей части отрывочныхъ замѣтокъ можно видѣть, что въ X столѣтіи болгары представляли изъ себя сильный народъ, жили осѣдло въ городахъ, имѣли развитыя торговыя сношенія съ окрестными странами, исповѣдывали исламъ и управлялись самодержавнымъ государемъ. Однако о племенномъ происхожденіи волжскихъ болгаръ тѣ же восточные писатели сообщаютъ намъ лишь весьма сбивчивыя извѣстія, и, какъ выражается нашъ оріенталистъ Григорьевъ, недостатокъ положительныхъ свѣдѣній открылъ здѣсь, какъ и вездѣ, обширное поприще для предположеній.

Греки обозначали Волжскую Болгарію именемъ „Черной“ (*Μαύρη Βουλγαρία*), а арабы называли ее внутреннею; кромѣ этихъ названій мы также встрѣчаемъ у позднѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ и другое. Плано Карпини, въ своемъ повѣствованіи, упоминаетъ о волжскихъ болгарахъ трижды, и всегда подъ двойнымъ именемъ—*Bilери* id est Magna Bulgaria („Билеры, т. е. Великая Болгарія“), а Рубруквисъ говоритъ: „Etilia est major fluvius, quam unquam viderim, et venit ab aquilone, de Majori Bulgaria tendens ad meridiem“.—„Я никогда не видалъ рѣки больше Этиліи; она течетъ съ сѣвера, направляясь отъ Великой Болгаріи въ полуденную сторону)“. Что касается названія Minor Bulgaria („Малая Болгарія“), то подъ этимъ наименованіемъ въ средніе вѣка понимали Болгарію на Дунаѣ. По извѣстіямъ, находимымъ у арабскихъ писателей, земля болгаръ лежала смежно съ землею буртасовъ, находившеюся между хазарскими и болгарскими владѣніями,

на разстояніи пятнадцати дней пути отъ первыхъ, и жили болгары на берегу рѣки Итиль, которая впадаетъ въ море Хазарское (Каспійское), протекая между землями хазарской и славянской. Согласно тѣмъ же извѣстіямъ, болгары дѣлились на три особыхъ отдѣла, изъ которыхъ одинъ назывался *Бересул* (برصول), другой *Эсегель* (اسكل اسفل), а третій *Болгаръ*, причемъ всѣ они жили смежно, въ одной и той же мѣстности. [3]) Что между волжскими болгарами существовали какія-то подраздѣленія, объ этомъ свидѣтельствуютъ и русскія лѣтописи, упоминающія ихъ подъ различными наименованіями. Однако, такъ какъ всѣ эти названія, повидимому, служили для отличенія различныхъ частей одного и того же народа лишь по мѣстамъ, ими занимаемымъ, по именамъ нѣкоторыхъ рѣкъ и урочищъ, т. е. въ чисто географическомъ отношеніи, то позволительно думать, что племенныя отличія этихъ группъ могли быть весьма незначительными.

Въ различное время границы болгарской территоріи простирались отъ Уральскаго хребта до рѣкъ Суры и Оки, отъ Вятки и Камы до истоковъ Дона, Хопра и Самары; но на всемъ этомъ пространствѣ наряду съ болгарами, вѣроятно, жили и другія народности, которыя частью живутъ въ этомъ краю и до сихъ поръ (Григ.).

Исторія волжскихъ болгаръ дошла до насъ лишь въ весьма неясныхъ чертахъ, такъ какъ эта знаменитая отрасль болгарскаго народа, кромѣ нѣсколькихъ надгробныхъ камней и небольшого числа монетъ [4]), не оставила послѣ себя никакихъ другихъ памятниковъ письменности. По извѣстіямъ, сообщаемымъ арабскими писателями, кади города Болгара Якубъ-Ибнъ-Нуманъ написалъ во второй половинѣ XII в. „Исторію Болгаріи,“ но это сочиненіе до нашего времени не сохранилось. Самыя раннія и наиболѣе важныя извѣстія о болгарахъ принадлежатъ арабскимъ писателямъ и путешественникамъ, изъ которыхъ нѣкоторые побывали въ землѣ волжскихъ болгаръ сами. Кромѣ того, важныя свѣдѣнія объ этомъ наро-

дѣ заключаются въ русскихъ лѣтописяхъ, а у также различныхъ историковъ, писавшихъ о завоеваніяхъ монголовъ.

Какъ намъ передаютъ арабскіе писатели, страна, которую занимали болгары, состояла изъ болотистыхъ мѣстностей и дремучихъ лѣсовъ, среди которыхъ и обиталъ этотъ народъ. Въ особенности изобиловало въ ихъ странѣ орѣховое дерево, которое тамъ образовывало цѣлые лѣса, простиравшіеся въ длину и ширину на десятки фарсанговъ. Ибнъ-Фадланъ также разсказываетъ намъ объ одномъ неизвѣстномъ ему деревѣ необыкновенной вышины, стволъ котораго былъ безъ листьевъ, вершина походила на вершину пальмы, а листья были тонки и собраны вмѣстѣ. Болгары приходили къ извѣстному имъ мѣсту въ стволѣ этого дерева, пробуравливали его и подставляли сосудъ, въ который текла изъ пробуравленнаго отверстія жидкость, вкусомъ превосходившая медъ. Если человѣкъ пилъ ея много, то пьянѣлъ, какъ отъ вина. „У нихъ, говоритъ онъ дальше, есть зеленыя, весьма кислыя яблоки; дѣвицы ѣдятъ ихъ и становятся жирными.“ „Змѣй, продолжаетъ Ибнъ-Фадланъ, я видѣлъ у нихъ множество, такъ что около вѣтви дерева обвивается ихъ десятокъ и больше; ихъ не убиваютъ и онѣ не причиняютъ имъ никакого вреда.“

Болгары были народомъ земледѣльческимъ и воздѣлывали всякаго рода зерновой хлѣбъ: пшеницу, ячмень, просо и другія хлѣбныя растенія; но въ особенности славились они своими торговыми сношеніями съ окружавшими ихъ народами. Черезъ болгарскія владѣнія шли всѣ товары изъ мусульманскихъ земель на сѣверъ Европы и обратно; Кама и Вятка служили для нихъ удобными путями для веденія торговыхъ сношеній съ различными финскими народностями, жившими на востокъ и на сѣверъ отъ ихъ страны, тогда какъ по Волгѣ они сносились съ племенами, занимавшими побережья Каспійскаго моря, а также съ западными и сѣверозападными областями Руси. Кромѣ того, между Болгаромъ, Ховарезмомъ и Хорасаномъ производилась постоянная торговля при посредствѣ каравановъ. Очень важныя свѣдѣнія о товарахъ, вывози-

мыхъ изъ Болгаріи сообщаются у Мукаддеси. Говоря о Хоарезмѣ (нынѣшней Хивѣ) онъ перечисляетъ слѣдующіе предметы торговли, вывозимые изъ этой страны и привозимые туда изъ Болгаріи: мѣха соболи, бѣличьи, горностаевые, куньи, лисьи, бобровые, заячьи; козьи шкуры, воскъ, стрѣлы, крупную рыбу, шапки, бѣлужій клей, рыбьи зубы (т. е. мамонтовые или моржовые клыки), бобровую струю, янтарь, юфть, медъ, орѣхи лѣсные и грецкіе, мечи, кольчуги, березовый лѣсъ, невольниковъ изъ славянъ, овецъ и рогатый скотъ. Часть этихъ товаровъ привозилась въ Болгаръ изъ Руси, земли буртасовъ, веси и перми. Точно также намъ извѣстно изъ историческихъ источниковъ, что спросъ на мѣха нѣкоторыхъ звѣрей, которые уже не водились въ Волжской Болгаріи, заставлялъ предпріимчивыхъ болгаръ пускаться въ далекія путешествія, куда они отправлялись или на лодкахъ, водою, или сухимъ путемъ, даже на собакахъ. Арабамъ было извѣстно, что болгары вели на крайнемъ сѣверѣ нѣмую торговлю съ югрою, выменивая у послѣдней мѣха на острые желѣзные товары. Такъ Абу-Хамидъ Аль-Андалуси сообщаетъ намъ о торговлѣ болгаръ простыми грубыми клинками, которые покупались ими въ мусульманскихъ владѣніяхъ и привозились къ сѣверному племени юра (югрѣ), платившему за нихъ купцамъ высокую цѣну. Объ употребленіи этихъ клинковъ югрою у арабовъ существовалъ баснословный разсказъ. По словамъ Абу-Хамида, они бросали одинъ изъ такихъ мечей въ море, и изъ моря выплывала большая рыба; за этого рыбою гналась другая, еще больше первой, которая попадала на мелкое мѣсто и не имѣла силъ съ него сдвинуться. Тогда югра въ лодкахъ подплывали къ этой рыбѣ и названными здѣсь клинками вырѣзывали изъ нея огромные куски мяса. Мясо это они съѣдали и часто наполняли имъ цѣлые дома. Если же они не бросали въ море подобнаго меча, то большая рыба не появлялась, и тогда у нихъ наступалъ голодъ. Объясненіе этого разсказа, по мнѣнію Хвольсона, заключается въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о мечахъ, а о гарпунахъ, ко-

торыми пользовалась югра при ловлѣ китовъ или ловлѣ рыбы вообще.

У другихъ арабскихъ писателей мы находимъ извѣстіе, что чужеземные купцы, посѣщавшіе Поволжье, доходили только до болгаръ, болгарскіе же купцы доходили и до югры, съ которою они имѣли торговыя сношенія.

О торговлѣ волжскихъ болгаръ съ Персіею и Индіею существуютъ извѣстія Идриси, Ибнъ-Эль-Варди, Абульфеды и др. писателей, а помимо того ея существованіе доказывается нѣкоторыми древними находками, сдѣланными въ разное время на территоріи болгарскаго царства.

Помимо упомянутыхъ нами выше кожаныхъ издѣлій, которыми славились болгары и которыя подъ именемъ *болгарскихъ* были извѣстныя по всему Востоку и даже въ западной Европѣ [5]), нѣкоторые предметы, находимые на территоріи ихъ древняго царства, даютъ намъ полное основаніе предполагать, что болгары дошли до большого совершенства также и въ искусствѣ обработки металловъ. Имъ были хорошо извѣстны плавка мѣди и ковка желѣза; изъ мѣди они выдѣлывали грубую домашнюю утварь, а изъ мѣдной и бронзовой проволоки приготовляли различныя необыкновенно тонкія вещи. Желѣзо болгарскихъ находокъ до того хорошо, что нынѣшніе кузнецы очень охотно употребляютъ его для различныхъ работъ. Надо замѣтить, что умѣніе добывать изъ земли металлы также не было чуждо болгарамъ, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Болгаріи сохранились и до нашего времени слѣды древнихъ рудниковъ.

Относительно состоянія умственной культуры у волжскихъ болгаръ могутъ свидѣтельствовать дошедшія до насъ имена нѣкоторыхъ болгарскихъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ, какъ мы уже видѣли выше, написалъ болгарскую исторію, другому принадлежало самостоятельное сочиненіе по медицинѣ и комментаріи къ сочиненіямъ, написаннымъ другими восточными учеными. Кромѣ того, сохранилось извѣстіе объ астрономическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ однимъ болгарскимъ уче-

нымъ въ мѣстности, лежавшей на разстояніи около 700 верстъ къ сѣверу отъ г. Болгара. Къ сожалѣнію, болѣе подробныя свѣдѣнія о древней болгарской образованности до нашего времени не дошли.

Ахмедъ-Ибнъ-Фадланъ, пріѣзжавшій во главѣ посольства въ Болгарію при аббасидскомъ халифѣ Муктедирбиллахѣ (въ 922 г.), оставилъ намъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о странѣ и нравахъ болгаръ. Послы отправились изъ Багдада 21 іюня 921 г. по Р. Х. и, направляясь черезъ Ховарезмъ (Хиву), прибыли къ царю болгаръ почти черезъ годъ послѣ выѣзда, 11 мая слѣдующаго года.

Путешествіе ихъ отъ Ургенджа, столицы Ховарезма, по земли болгаръ продолжалось семьдесятъ дней, что составляетъ около 2500 верстъ. Болгары встрѣтили пословъ халифа съ большимъ почетомъ; когда послѣдніе находились отъ мѣстопребыванія болгарскаго царя на разстояніи двадцати четырехъ часовъ пути, то онъ выслалъ для ихъ встрѣчи четырехъ подчиненныхъ ему царей, а также своихъ дѣтей и братьевъ, которые встрѣтили приближавшихся путешественниковъ съ хлѣбомъ, мясомъ и просомъ и затѣмъ примкнули къ ихъ отряду. Самъ царь встрѣтилъ гостей на разстояніи двухъ фарсанговъ отъ своего жилища и предложилъ имъ обѣдъ въ своей палаткѣ, во время котораго собственноручно раздавалъ присутствовавшимъ разрѣзанное на куски мясо. „Таковъ у нихъ обычай, говоритъ Ибнъ-Фадланъ, что никто не дотрогивается до кушанья, пока не подастъ ему самъ царь; а когда царь подастъ, то ему приносятъ особый столъ. Такимъ образомъ принесли каждому изъ сидѣвшихъ передъ нимъ столъ, и каждый изъ насъ ѣлъ особо, на своемъ столѣ... Когда окончили ѣду, каждый изъ насъ унесъ оставшееся на его столѣ домой. Послѣ этого онъ велѣлъ принести напитокъ изъ меда, называемый у нихъ سجو (*сиджу*), который стали пить и онъ и мы.“ На торжественномъ пріемѣ, сдѣланномъ гостямъ, рядомъ съ царемъ сидѣла также и его супруга.

Тотъ же самый писатель разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ странѣ болгарскаго царя столько чудесъ, что ихъ и не

перечесть. „Одно изъ нихъ то, говоритъ онъ, что въ первую ночь, которую мы провели въ его странѣ, увидѣлъ я около часа передъ заходомъ солнца, что небесный горизонтъ сталъ весьма красенъ, а въ воздухѣ услышалъ громкіе голоса и глухой шумъ. Я поднялъ голову, и вотъ: облако, красное, какъ огонь, находилось близъ меня; изъ него то и исходили шумъ и голоса, въ немъ видны были какъ бы люди и кони, а въ рукахъ этихъ фигуръ были луки, копья и мечи; я различалъ и представлялъ ихъ себѣ. И вотъ, показалось другое подобное облако, въ которомъ я также видѣлъ людей съ оружіемъ и копьями, и оно устремилось на первое, подобно тому, какъ одинъ полкъ конницы нападаетъ на другой. Мы были этимъ испуганы и стали съ покорностью молиться Богу, а жители страны издѣвались надъ нами и удивлялись нашему поведенію.

Мы смотрѣли все, какъ одно облако неслось на другое; они то смѣшивались оба на нѣкоторое время, то снова раздѣлялись, что продолжалось до часа ночи: затѣмъ они исчезли. Мы спрашивали объ этомъ царя, и онъ намъ объяснилъ, что его предки разсказывали, будто это поклонники дьяволовъ и отвергающіе ихъ, которые сражаются каждый вечеръ и никогда не прекращаютъ своей борьбы.“ Вмѣстѣ съ этимъ явленіемъ, въ которомъ нѣкоторые видятъ сѣверное сіяніе, Ибнъ-Фадлана поразила краткость лѣтней ночи въ Болгаріи: ночь была тамъ столь непродолжительна, что, по словамъ царскаго портного, бесѣдовавшаго съ Ибнъ-Фадланомъ, когда ставили на огонь горшокъ во время вечерней молитвы, то не успѣвалъ онъ свариться, какъ уже наступало время молитвы утренней.

Особые обычаи, встрѣченные путешественникомъ въ Волжской Болгаріи, также поразили его и запечатлѣлись въ его памяти. Встрѣчаясь съ царемъ, болгаринъ снималъ съ себя шапку и клалъ ее подъ-мышку; мужчины и женщины ходили на рѣку и купались вмѣстѣ, голыми, ничѣмъ не закрываясь одни отъ другихъ. Однако при этомъ они никогда не позволяли себѣ предосудительныхъ поступковъ, такъ какъ неосторож-

ные прелюбодѣи навлекали на себя жестокое возмездіе. Если же случалось, что кто-нибудь бывалъ уличенъ въ подобномъ преступленіи, кто бы только онъ ни былъ, то болгары вбивали въ землю четыре кола, привязывали его къ нимъ по рукамъ и по ногамъ и разсѣкали его сѣкирой, начиная отъ шеи и до самыхъ бедръ. Тому же самому наказанію подвергались и виновныя женщины, а затѣмъ разсѣченныя на части тѣла преступниковъ вѣшались на дерево. Совершенно такимъ же образомъ поступали у нихъ и съ ворами. У другого арабскаго писателя, Ахмеда Туси, встрѣчается извѣстіе, что если кто-либо изъ нихъ убивалъ другого, то убійцу запирали въ деревянный сундукъ, который потомъ вѣшали на высокомъ столбѣ, оставляя несчастнаго преступника умереть тамъ отъ стужи или отъ солнечнаго зноя. Между прочимъ, мы обязаны Ибнъ-Фадлану слѣдующимъ страннымъ извѣстіемъ: если встрѣчали человѣка подвижнаго и свѣдущаго въ дѣлахъ, то болгары говорили: этому человѣку приличествуетъ служить Богу; поэтому они брали его, надѣвали ему на шею петлю и вѣшали его на дерево, гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока не распадался на части. Существуетъ довольно основательное предположеніе, что здѣсь идетъ рѣчь не о комъ другомъ, какъ о колдунахъ или о знахаряхъ. Такое объясненіе можетъ быть подкрѣплено показаніемъ одного араба, Абу-Хамида Андалуси, лично посѣтившаго болгаръ въ XII в. Относительно обращенія послѣднихъ съ колдуньями онъ разсказываетъ весьма любопытную вещь. „Каждыя двадцать лѣтъ—передаетъ этотъ писатель—старухи въ этой странѣ заподазриваются въ колдовствѣ. Это производитъ сильное волненіе въ народѣ. Тогда собираютъ старухъ и, связавъ имъ руки и ноги, кидаютъ ихъ въ протекающую тамъ большую рѣку. Ту, которая выплыветъ, считаютъ колдуньею и сожигаютъ, ту же, которая станетъ тонуть, объявляютъ невинною и освобождаютъ ")".

По словамъ того же Ибнъ-Фадлана, въ болгарской землѣ весьма нерѣдко бывали грозы; когда молнія ударяла въ чей-нибудь домъ, то послѣ того болгары боялись приближаться

къ подобному жилищу и оставляли его необитаемымъ, пока его не уничтожало время, такъ какъ они были увѣрены, что на мѣстѣ, пораженномъ молніею, почіетъ гнѣвъ Божій. Аналогичныя суевѣрныя воззрѣнія на ударъ молніи Френъ указываетъ и у другихъ народовъ, именно у вотяковъ и у калмыковъ.

Верховная власть въ Волжской Болгаріи принадлежала царю, подъ властью котораго находилось нѣсколько подчиненныхъ ему мелкихъ царьковъ; повидимому было также и высшее сословіе, нѣчто въ родѣ знати, которое Троицкая лѣтопись называетъ въ одномъ мѣстѣ словомъ трунове. Не знаю, есть ли возможность объяснить это слово изъ восточныхъ языковъ, но замѣчу только, что это наименованіе, если мы отбросимъ славянское окончаніе им. п. мн. ч. ове, напоминаетъ собою названія нѣсколькихъ селъ и деревень, расположенныхъ въ уѣздахъ Козмодемьянскомъ, Буинскомъ и Царевококшайскомъ. Въ первыхъ двухъ уѣздахъ мы находимъ чувашскія селенія подъ именемъ Турупово, называющіяся по-чувашски *Тӑрӑн* (*Тӧрӧн*), а въ послѣднемъ есть дер. Турунова, около которой видна какая-то насыпь, слывущая въ народѣ подъ названіемъ кургана [7]). Какъ извѣстно, слова, обозначающія званіе и должности, вообще нерѣдко являются также и въ наименованіяхъ населенныхъ мѣстъ. Это доказывается, напримѣръ, словомъ Тарханъ, подъ которымъ извѣстно нѣсколько десятковъ селеній, находящихся въ различныхъ поволжскихъ губерніяхъ. Названія деревень въ формѣ *Турхан*, *Торхан* (*Турһан*, *Торһан*), встрѣчаются также и въ разныхъ мѣстахъ чувашскаго края; кромѣ того, тѣмъ же самымъ словомъ у чувашъ с. Тюрлемы Чебокс. у. обозначаются лица, нѣкогда получившія жалованныя земли, а у другихъ чувашъ оно употребляется въ значеніи личнаго языческаго имени и фамильнаго прозвища.

Доходы болгарскаго царя состояли изъ податей, собираемыхъ съ народа. Какъ разсказываетъ Ибнъ-Фадланъ, каждый, кто занимался земледѣліемъ, бралъ все собираемое съ

поля себѣ, царь же не получалъ изъ хлѣбныхъ продуктовъ ничего; ему давали только по бычачьей шкурѣ съ каждаго дома; а когда, по его приказанію, отрядъ войска отправлялся въ набѣгъ на ту или другую страну, то и онъ получалъ на свою долю извѣстную часть добычи. По словамъ другого арабскаго писателя, Ибнъ-Даста, подать своему царю болгары платили лошадьми и другими вещами. Съ каждаго мужчины, вступавшаго въ бракъ, царь взималъ въ свою пользу по верховой лошади, а когда въ Болгарію приходили мусульманскія купеческія суда, то владѣльцы ихъ были обязаны платить за право торговли опредѣленную пошлину, десятую часть своихъ товаровъ.

Пищу болгаръ, по Ибнъ-Фадлану, составляли просо и конина, хотя въ ихъ странѣ также родилось очень много пшеницы и ячменя; у нихъ не было другого масла, кромѣ рыбьяго жира, и онъ замѣнялъ для нихъ оливковое и кунжутное масло, вообще употребительныя на востокѣ.

Объ остаткахъ кочевой жизни, замѣчающихся въ бытѣ волжскихъ болгаръ, мы находимъ любопытное извѣстіе у Эль-Балхи († между 935—951), который сообщаетъ о жителяхъ болгарскихъ городовъ Болгара и Сувара, что они, въ лѣтнее время, покидали свои зимнія жилища и расходились изъ городовъ по войлочнымъ юртамъ. Нѣчто подобное говоритъ намъ Ибнъ-Даста также о хазарахъ, которые съ наступленіемъ весны выходили изъ городовъ въ степь, гдѣ и оставались до приближенія зимы.

Въ странѣ, которую занимали волжскіе болгары, было нѣсколько городовъ; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ дошли и до насъ въ тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ черпаются матеріалы для болгарской исторіи. Столицею болгарскаго царства былъ городъ, извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ *Великаго Города;* относительно мѣстонахожденія его существуютъ различныя мнѣнія; одни отождествляютъ его съ городомъ Болгаромъ, развалины котораго можно видѣть и до сего времени около села Успенскаго-Болгаръ, въ Спас. у.

Казан. губ.; другіе (Шпилевскій) считаютъ Великимъ Городомъ другой болгарскій городъ, Буляръ, на развалинахъ котораго, при рѣчкѣ Биляркѣ, притокѣ Черемшана, построенъ нынѣшній пригородъ Чист. у. Казан. губ. Билярскъ. Арабскій географъ Абульфеда говоритъ о городѣ Болгарѣ подъ статьею „Биляръ“ и думаетъ, что оба эти названія относятся къ одному и тому же городу. По свидѣтельству Андалуси, *Биляръ*, вмѣсто *Болгаръ*, было извѣстно уже въ началѣ XII вѣка, и имя это считалось тогда за первоначальное и туземное. Болгарскій историкъ Якубъ-бенъ-Нуманъ говорилъ навѣщавшему его Андалуси, что названіе *Биляръ* ихъ городъ получилъ отъ нѣкоего Биляра, который ввелъ у нихъ мусульманство, и что это первоначальное имя впослѣдствіи было арабизировано и превращено въ *Болгаръ*. Но это, какъ справедливо замѣтилъ Хвольсонъ, безъ сомнѣнія невѣрно: въ дѣйствительности было два различныхъ города, наименованія которыхъ, благодаря значительному звуковому сходству, подали естественный поводъ къ ихъ смѣшенію. Въ китайскихъ источникахъ страна или столица болгаръ упоминается подъ именемъ *Buliarh*, и то же самое имя слѣдуетъ читать и на одной китайской географической картѣ, относящейся къ первой половинѣ XIV вѣка [8]). Плано Карпини зналъ Болгарію подъ тѣмъ и другимъ наименованіемъ (см. выше), а въ Венгріи, какъ мы увидимъ далѣе, выходцы изъ Волжской Болгаріи были извѣстны подъ именемъ *bileres*. Приведенное выше мнѣніе г. Шпилевскаго, что подъ Великимъ Городомъ нашихъ лѣтописей слѣдуетъ разумѣть именно Буляръ, находитъ себѣ непосредственное подтвержденіе въ словахъ Мукаддеси, которыхъ не могъ объяснить Хвольсонъ и объясненія которыхъ я не нашелъ и у г. Шпилевскаго. Извѣстіе Мукаддеси, что Болгаръ лежитъ у рѣки Итиль и находится ближе къ морю, чѣмъ столица, повидимому, указываетъ совершенно опредѣленно, что здѣсь говорится не о другой какой-либо столицѣ, а именно о столицѣ болгарской, которою былъ г. Буляръ, дѣйствительно болѣе удаленный отъ Каспійскаго моря, нежели городъ Болгаръ.

Развалины древней столицы Волжской Болгаріи лежатъ около нынѣшняго пригорода Чистоп. у. Казан. губ. Билярска; здѣсь, на вершинѣ горы, по словамъ татарскаго историка половины XVI в. Хусамъ-эдъ-Дина Болгарскаго, находятся могилы трехъ великихъ шейховъ; одинъ изъ нихъ—Ходжа Асгаръ, иначе Маалюмъ-Ходжа; другой—Абдулла-Ходжа-Чубаръ, извѣстный подъ именемъ Абдуллы; третій—Шейхъ-Мухаммедъ. Въ дошедшемъ до насъ отрывкѣ изъ одной татарской челобитной 1677 г. имя перваго изъ этихъ шейховъ читается *Балынъ-Гозя*, и о немъ въ ней сочинена басня, называющая его царемъ бусурманскаго Булымерскаго города за Камой-рѣкой. Имя этого шейха, повидимому, должно было пользоваться весьма громкою славою, въ этомъ мы убѣждаемся, напримѣръ, изъ того обстоятельства, что у чувашъ, обитающихъ въ различныхъ мѣстностяхъ, онъ сдѣлался предметомъ почитанія, обратившись въ какое-то божество. Такъ извѣстно, что чуваши деревни Масловки Чебокс. у. обожали его подъ именемъ Мелĕм-Хуçа (*ₘэлэ̆ₘ-hуза*), а въ Курмышскомъ уѣздѣ Симб. губерніи тотъ же святой носитъ имя Валĕм-Хуçа (*Валэ̆ₘ-(hуза)*, и тамъ въ честь его совершается особое моленіе, во время одного обряда, называемаго по-чувашски „тайăн сăра“ (*тајӑн зӑра*, т. е. малое пиво). Въ одной изъ имѣющихся у меня чувашскихъ рукописей, среди именъ различныхъ божествъ, упоминаемыхъ во время моленій и записанныхъ въ с. Сунчелеевѣ Старо-Мокшинской вол. Чистоп. уѣзда, значится наряду съ именемъ самого Валĕм-Хуçа также и имя его матери (Валĕм-Хуçа амăшĕ), при чемъ въ сноскѣ подъ страницею сдѣлано объясненіе: Валĕм-Хуçа—Пӳлерти таса çăл, т. е. *Валĕм-Хуçа—чистый* (или *святой*) *источникъ билярскій* [a]). Такое превратное объясненіе имени шейха, разумѣется, доказываетъ только одно, что нынѣшніе чуваши уже забыли его подлинное значеніе; что же касается самаго культа Маалюмъ-Ходжи, слѣды котораго мы находимъ у чувашъ, то подобный культъ вѣроятно имѣетъ за собою весьма глубокую давность, такъ какъ Маалюмъ-Ходжа извѣстенъ даже чувашамъ тѣхъ мѣст-

a) См. Шпилев., 62.3.

постей, гдѣ не знаютъ и о самомъ существованіи Билярска. То же самое божество „Мелĕм-Хуça“ и мать его, „Мелĕм-Хуça амăшĕ“ упоминается въ доставленномъ мнѣ спискѣ языческихъ боговъ, которые были призываемы во время тăхăр йал ђӳкĕ (*тйhйр јал ζӳ,ӡ*), т. е. *моленія девяти деревень*, совершеннаго около с. Бурундукъ Буин. у. Симб. губ. въ августѣ 1901 г. На этомъ моленіи какъ самому Мелĕм-Хуça, такъ и его матери было принесено въ жертву по гусю. Чуваши с. Н. Кармаловъ Белеб. у. Уфим. губ., переселенцы изъ Казан. губ., молятся тому же божеству подъ именемъ Ваљăм-Хуça (*Валйм-hуза*).

Казанскіе татары знаютъ этого болгарскаго шейха подъ именами خواجه بالم (хуџа Балăм) или بالم آتا (Балăм ата), т. е. отецъ Балямъ (Ахмаровъ, Отчетъ о поѣздкѣ 1894 г. на юго-востокъ Каз. губ. съ археол. цѣлью).

Недалеко отъ г. Болгара, какъ сообщаетъ арабскій писатель Эль-Балхи, лежалъ другой болгарскій городъ, Суваръ, гдѣ, такъ же, какъ и въ первомъ, находилась главная мечеть. Дома тамъ были деревянные и служили зимними жилищами; лѣтомъ же жители расходились изъ города по войлочнымъ юртамъ. Мусульманскій проповѣдникъ Болгаръ говорилъ этому автору, что число жителей обоихъ названныхъ городовъ простиралось до 10000 человѣкъ. Кромѣ Болгара и Сувара одна персидская рукопись называетъ третій большой городъ въ Болгаріи—Асбаль или Эсбель. У персидскаго писателя XII ст. Ахмеда Туси приводятся названія еще нѣсколькихъ другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ странѣ болгаръ, а именно: Бассовъ, Марха, Арнасъ и еще одно имя, которое трудно прочесть. По поводу этихъ именъ можно сдѣлать нѣкоторыя сближенія, сравнивая, напримѣръ, названіе *Марха* съ именемъ одной чувашской деревни Козм. у., Сятра-Касовъ, которая извѣстна у чувашъ подъ наименованіемъ Çатра-Марка (*Сатра-Марга*), а названіе Арнасъ съ именемъ Арняшъ, названіемъ деревни Мамад. уѣзда Казан. губ. Этимъ сравненіемъ я, разумѣется, не хочу сказать того, чтобы подъ названными

инородческими селеніями я прямо разумѣлъ древніе болгарскіе города,—я только считаю возможнымъ найти тождество названій у тѣхъ и другихъ, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что одно и то же наименованіе нерѣдко служитъ къ обозначенію цѣлаго ряда селеній.

Помимо „Великаго Города", въ которомъ, какъ было замѣчено выше, слѣдуетъ видѣть Буларъ, русскія лѣтописи упоминаютъ о городахъ Брахимовѣ, прозванномъ славнымъ, о Кермечукѣ и Тухчинѣ, мѣстоположеніе котораго остается неизвѣстнымъ, и объ Ошелѣ, слѣды котораго Георги указываетъ близъ с. Кирельскаго, при устьѣ р. Кирелки.

Мукаддеси упоминаетъ еще объ одномъ городѣ въ странѣ болгаръ, имени котораго въ рукописи Хвольсонъ разобрать не могъ. По словамъ Мукаддеси, этотъ городъ лежалъ на одномъ берегу рѣки и былъ больше обоихъ упомянутыхъ выше городовъ, Болгара и Сувара. Жители, продолжаетъ онъ, которые сперва были евреями и потомъ сдѣлались мусульманами, когда то уходили къ берегу моря, но теперь возвратились въ городъ.„ Какъ ни темно это послѣднее извѣстіе, говоритъ Хвольсонъ, тѣмъ не менѣе оно все-таки любопытно; во-первыхъ, потому, что мы видимъ изъ него, какъ далеко на сѣверъ распространилась еврейская религія, вѣроятно изъ Хазаріи, а во-вторыхъ, потому, что узнаемъ отсюда о томъ, какъ болгары когда-то удалялись къ берегу моря и во время Мукаддеси возвратились на прежнія свои жилища. Это переселеніе легко можно сопоставить съ набѣгомъ руссовъ въ 968 г. и принять за послѣдствія набѣга." Этимъ же страшнымъ набѣгомъ руссовъ при Святославѣ Хвольсонъ объясняетъ переселеніе мусульманскихъ приволжскихъ болгаръ въ Венгрію около 970 г. Тамъ имъ были отведены мѣста для поселенія на лѣвомъ берегу Дуная, гдѣ они и основали городъ Пештъ. Эти переселившіеся изъ Болгаріи мусульмане назывались въ Венгріи *билерами* (bileres), т. е. болгарами и исмаилитами (Hismahelitae de terra Bular), т. е. мусульманами; впослѣдствіи они играли въ Венгріи важную роль въ

качествѣ откупщиковъ и управляющихъ финансами; несмотря на всевозможныя гоненія и притѣсненія, слѣды существованія ихъ доходятъ до половины XIV в.

Пріѣздъ арабскихъ пословъ Халифа Муктедира въ 922 г. есть первое событіе въ исторіи волжскихъ болгаръ, о которомъ мы имѣемъ достовѣрныя извѣстія. Это посольство было отвѣтомъ на письмо болгарскаго царя Алмаса, въ которомъ онъ просилъ халифа прислать ему такого человѣка, который могъ бы обучить его вѣрѣ, наставить его въ законахъ ислама, построить ему мечеть и поставить ему каѳедру (миибаръ) для того, чтобы онъ имѣлъ возможность призывать свой народъ къ богопочитанію „по всей своей странѣ и во всѣхъ областяхъ своего государства“. Однако, какъ мы видимъ изъ описанія посольства, ученіе Пророка проникло къ болгарамъ еще раньше этого времени, и слѣдовательно письмо Алмаса было только выраженіемъ его естественнаго стремленія усвоить себѣ болѣе основательно правила новой религіи и упрочить ея распространеніе среди своихъ подданныхъ.

О принятіи болгарами ислама мусульманскіе писатели передаютъ много чудеснаго. Какъ намъ извѣстно изъ исторіи, подобные совершенно невѣроятные разсказы сопровождаютъ неизмѣнно всѣ древнія повѣствованія, относящіяся къ принятію младенчествующими народами новаго, болѣе опредѣленнаго религіознаго ученія. Сдѣлавшись адептами новой религіи, волжскіе болгары заявили себя весьма ревностными мусульманами. Такъ, согласно разсказу русской лѣтописи, передъ самымъ монгольскимъ нашествіемъ, они безчеловѣчно умертвили одного купца-христіанина, пріѣхавшаго по торговымъ дѣламъ въ ихъ городъ и не желавшаго отречься отъ своей вѣры. Изъ словъ нѣкоторыхъ восточныхъ писателей также можно видѣть, что болгарскіе паломники ходили и въ Мекку, для совершенія необходимаго у мусульманъ хаджа. Однако при значительномъ раздробленіи народа по областямъ и удѣламъ, религія болгаръ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ восточныя извѣстія, не могла быть общею, и въ то время, какъ большая

часть ихъ исповѣдывала исламъ и имѣла въ своихъ селеніяхъ мечети и школы, съ мюэззинами и имамами, другіе изъ нихъ пребывали въ прежнемъ язычествѣ, сохраняя обычаи своихъ предковъ. По своему характеру, болгары не были народомъ воинственнымъ, какъ это нѣкоторые предполагаютъ, имѣя въ виду ихъ войны съ буртасами и хазарами, земли которыхъ лежали смежно съ болгарскою, а также ихъ враждебныя отношенія къ русскимъ, съ которыми они вели почти безпрерывную борьбу. Скорѣе можно думать, что они были миролюбивымъ и кроткимъ народомъ, и только невозможность спокойной жизни съ ихъ воинственными сосѣдями заставляла ихъ нерѣдко покидать свои мирныя занятія и поднимать оружіе въ свою защиту. Если они и старались иногда занять тотъ или другой чужой городъ, то это дѣлалось ими не въ цѣляхъ грабежа или грубой наживы, а лишь изъ одного желанія пріобрѣсть выгодный торговый пунктъ, въ видахъ расширенія торговой дѣятельности. Но и въ этомъ случаѣ способы, къ которымъ они прибѣгали для пріобрѣтенія новыхъ владѣній, были не насиліе, огонь и мечъ, а пріемы болѣе мирнаго свойства, основанные на уговорахъ и взаимныхъ соглашеніяхъ [a]).

Историческія свѣдѣнія о волжскихъ болгарахъ, заключающіяся въ русскихъ лѣтописяхъ, касаются, главнымъ образомъ, слѣдующихъ событій:

1. *Походъ Кія*, основателя г. Кіева, который будто-бы „таже на волжскія и камскія болгары ходивъ и побѣди", значится только въ Никоновской лѣтописи, и потому, какъ замѣчаетъ г. Шпилевскій, весьма недостовѣренъ.

2. *Походъ руси* и разореніе ею г. Болгара въ 968 или 969 г., передаваемый Ибнъ-Хаукалемъ, не находитъ себѣ прямого подтвержденія въ русскихъ лѣтописяхъ и поэтому оставляетъ мѣсто для сомнѣнія.

3. *Походы Владимира*. Подъ 985 г. въ лѣтописяхъ упоминается о побѣдоносномъ походѣ на болгаръ Владимира Святого. Однако только одна Никон. лѣтопись указываетъ, противъ какихъ именно болгаръ былъ совершенъ этотъ по-

a) Лихачевъ, 3.

ходъ, и называетъ болгаръ низовскими. Новѣйшіе историки разумѣютъ здѣсь болгаръ камскихъ, тогда какъ по мнѣнію Татищева названный походъ относится къ болгарамъ дунайскимъ.

„Иде Володимиръ на болгары съ Добрынею уемъ своимъ въ лодьихъ, а торкы берегомъ приведе на конѣхъ, и тако побѣди болгары. И рече Добрыня Володимиру: „Съглядахъ колодникъ, и суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не платити, пойдевѣ искать лапотниковъ“ И сътвори миръ Володимиръ съ болгары, и ротѣ заходиша собою, и рѣша болгаре: „Тлли не буди мира межи нами, оли же камень начнеть плавати, а хмель грязнути“.

Въ Никон. лѣтописи также говорится о походѣ Владимира на болгаръ (неизвѣстно, какихъ) въ 994 г., а въ 997 г., по словамъ той же лѣтописи, „ходи Володимеръ на булгары волжскія и камскіе, и одолѣвъ плѣни ихъ“. Другія лѣтописи объ этомъ походѣ молчатъ.

4. *Посольство волжско-камскихъ болгаръ къ Владимиру съ предложеніемъ принять ихъ вѣру.*

„Придоша болгаре вѣры бохъмичи, глаголюще: „Яко ты князь еси мудръ и смысленъ, и не вѣси закона; да вѣруй въ законъ нашь и поклонися Бохъмиту“. Рече Володимиръ: „Кака есть вѣра ваша?“ Они же рѣша: „Вѣруемъ Богу, а Бохъмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, а свинины не ѣсти, а вина не пити, и по смерти съ женами похоть творити блудную; даеть Бохъмить комуждо по семьдесятъ женъ красныхъ, и избереть едину красну и всѣхъ красоту възложить на едину, и та будеть ему жена; здѣ же, рече, достоить блудъ творити всякый; на семъ же свѣтѣ аще будеть кто убогъ, то и тамо; аще ли богатъ есть здѣ, то и тамо“; и яна многа весть, ея же нелзѣ пис-и срама ради. Володимиръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любяше жены и блуженіе многое, и послушаше сладько; но се бѣ ему не любо, обрѣзаніе удовъ, и о ядении свиныхъ мясъ, а о питьи отинудь; рекъ: Руси веселье пити, не можемъ безъ того быти“. (Ипат. лѣт.)

5. *Торговыя сношенія.* У Татищева подъ 1006 г. сказано о торговомъ договорѣ, заключенномъ волжскими болгарами съ Владимиромъ, а подъ 1024 г. первоначальная лѣтопись свидѣтельствуетъ о торговыхъ сношеніяхъ между болгарами и суздальцами.

„И мятежь великъ и голодъ во всей странѣ той (Суздальской) бысть идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша“ (Ипат. лѣт.).

6. *Взятіе болгарами г. Мурома.* Какъ свидѣтельствуетъ Ипат. лѣтопись, подъ 1088 г.,—„взяша болгаре Муромъ“.

Взятіе этого города, по словамъ Татищева, было отмщеніемъ за ограбленіе и убійство многихъ болгарскихъ купцовъ разбойниками, свирѣпствовавшими въ тѣ времена на рр. Волгѣ и Окѣ.

7. *Осада болгарами Суздаля.* Въ 1107 г. болгары пришли ратью, обступили г. Суздаль и умертвили много народа по селамъ и погостамъ; однако люди, сидѣвшіе въ городѣ, сдѣлали вылазку, и болгары были перебиты.

8. *Половецкіе князья, отравленные болгарами.* Въ нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописяхъ, подъ 1117 г., сказано: „Придоша половци къ болгаромъ, и выслa самъ князь болъгарскый пити съ отравою, и пивъ Аепакъ и прочіи князи вси помроша".

9. *Поселеніе болгаръ въ Суздальской землѣ.* Когда Юрій строилъ въ Суздальской области новые города и созывалъ туда отовсюду людей, то въ числѣ новыхъ поселенцевъ были также и болгары (Татищевъ). Болгары же приходили въ Суздальскій край и въ качествѣ мастеровъ, даже для постройки христіанскихъ церквей. По извѣстіямъ Твер. лѣтописи, супруга кн. Андрея Боголюбскаго была родомъ болгарка.

10. *Подвозъ хлѣба отъ болгаръ въ 1229 г.* Въ этомъ году, какъ говорятъ лѣтописи, по всей русской землѣ была дороговизна хлѣба и голодъ. Татищевъ къ этому прибавляетъ:

„Болгары возили жита по Волгѣ и Окѣ во всѣ грады русскіе, и продавали, и тѣмъ великую помочь сдѣлали. Князь же болгарскій прислалъ въ даръ къ вел. кн. Юрію 30 насадовъ съ житами, которые кн. вел. принялъ съ благодареніемъ, а къ нему послалъ сукна, парчи съ золотомъ и серебромъ, кости рыбьи и другія изящныя вещи".

11. *Походъ 1120 г.* Въ лѣтописяхъ о немъ упоминается кратко: „Георги (Юрій Долгорукій) ходи на болгары, и взя полонъ многъ, и полкъ ихъ побѣди".

12. *Походъ Андрея Боголюбскаго въ 1164 г.* Въ этотъ походъ болгары были разбиты и князь ихъ бѣжалъ; русскіе взяли г. Брякимовъ и сожгли нѣсколько другихъ городовъ. Въ память этого событія было установлено празднество, совершаемое понынѣ 1 авг.

13. *Походъ 1172 г.* Въ этомъ году тотъ же князь посылалъ на болгаръ своего сына Мстислава, который однако едва успѣлъ спастись самъ.

14. *Походъ 1184 г.* Этотъ походъ былъ вызванъ вторженіемъ болгаръ въ земли муромскія и рязанскія, гдѣ они „учинили великое разореніе“. Великій князь Всеволодъ Юрьевичъ предпринялъ на нихъ походъ. Къ нему присоединились различные русскіе князья и половцы. Вмѣстѣ съ ними русскіе обложили осадою Великій Городъ въ землѣ серебряныхъ болгаръ, но племянникъ великаго князя, Изяславъ, былъ смертельно раненъ на приступѣ, и это заставило Всеволода отказаться отъ дальнѣйшей осады. Заключивъ съ болгарами выгодный миръ, великій князь возвратился въ г. Владимиръ.

15. *Походы 1186 и 1205 г.г.* Оба этихъ похода на болгаръ были снаряжаемы вел. кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ.

16. *Въ 1218 г. болгары взяли Устюгъ.* По этому поводу Юрій Всеволодовичъ послалъ на болгаръ съ войскомъ своего брата Святослава, который сжегъ городъ ихъ Ошель (1220 г.). Послѣ этого событія между русскими и болгарами былъ заключенъ миръ.

17. *Христіанскій мученикъ въ Болгаріи.* Въ 1229 г., какъ намъ говоритъ Лавр. лѣтопись, въ Великомъ Городѣ принялъ мученическую кончину одинъ богатый христіанинъ, посѣщавшій разные города по торговымъ дѣламъ. Въ слѣдующемъ 1230 г. мощи этого мученика, названнаго въ лѣтописяхъ Авраміемъ, были перенесены въ г. Владимиръ. Изъ лѣтописи также видно, что въ Великомъ Городѣ въ это время жили русь-христіане и что тамъ было христіанское кладбище.

18. *Завоеваніе Болгаріи татарами.* Это завоеваніе, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, относится къ 1236 г.

„Придоша отъ восточныѣ страны во Болгарьскую землю безбожныи татаре и взяша славный Великый городъ болгарьскый, и избиша оружьемъ отъ старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множство, а городъ ихъ пожгоша огнемъ, и всю землю ихъ плѣниша“.

19. *Болгары и Орда.* Въ житіи кн. Ѳеодора Ростиславича, Смоленскаго и Ярославскаго чудотворца, помѣщенномъ въ „Минеяхъ Четіихъ“ Макарія, сказано, что послѣ нашествія Батыева „начаша ходити русстіи князи и болгаре въ Орду, ко царю отчинъ своихъ просити у царя на столованіа своа“. Это извѣстіе, говоритъ г. Шпилевскій, свидѣтель-

ствуетъ о томъ, что, подобно русскимъ князьямъ, и владѣтели болгарскіе получали изъ Орды ярлыки на княженіе.

20. *Мученикъ Ѳеодоръ*. Подъ 1323 г. въ русскихъ лѣтописяхъ помѣщено извѣстіе о мученической смерти христіанина Ѳеодора, замученнаго болгарами за православную вѣру.

21. *Завоеваніе болгаръ Булактемиромъ*. Въ 1361 г., когда въ ордѣ свирѣпствовали внутреннія раздоры, по извѣстіямъ лѣтописей, „Булактемирь (Пуладъ-Тимуръ), князь орынскій, болгары взялъ, и всѣ городы по Волзѣ и улусы, и отня весь Волъжескій путь". Въ 1367 г. этотъ князь, какъ передаютъ лѣтописи, предпринялъ походы на Нижегородское княжество, но былъ принужденъ бѣжать и былъ убитъ въ Ордѣ.

22. *Набѣги ушкуйниковъ*. Набѣги эти повторялись неоднократно; въ одинъ изъ подобныхъ набѣговъ „разбойники" изъ Великаго Новгорода взяли болгарскій городъ Жукотинъ (1359 г.). Таковые же набѣги ушкуйниковъ лѣтописи упоминаютъ подъ 1366, 1369, 1370, 1374, 1391 и 1409 г.г. Въ одинъ изъ послѣднихъ походовъ (1374 г.) ими былъ взятъ и г. Болгаръ.

23. *Походы русскихъ на болгаръ въ 1370 и 1376 г.г.* Слѣдствіемъ перваго похода было сверженіе князя болгарскаго Асана и возведеніе на его мѣсто „Салтана Бакова сына" (Воскр. лѣт.); во время второго похода болгарскіе князья отдѣлались выкупомъ, въ размѣрѣ 5000 руб.; однако русскіе причинили имъ при этомъ немало зла: „суды ихъ и села и зимницы пожгоша, а людей изсѣкоша".

24. *„Бой на Лысковѣ" въ 1411 г.* Въ этомъ бою, представляющемъ продолженіе борьбы между Москвою и Суздалемъ, участвовали князья болгарскіе и жукотинскіе, которые, какъ и раньше, стояли на сторонѣ суздальскихъ князей, противъ Москвы.

25. *Походъ болгарскихъ татаръ къ Галичу и Костромѣ въ 1429 г.* Говоря объ этомъ неудачномъ для татаръ походѣ,

Воскр. Лѣтопись упоминаетъ рядомъ „татаръ и бесерменъ"; по этому поводу г. Шпилевскій высказываетъ соображеніе, что, можетъ быть, въ этомъ мѣстѣ лѣтописи идетъ рѣчь о двухъ различныхъ народностяхъ, а потому и подъ *бесерменами* здѣсь слѣдуетъ разумѣть не татаръ, а коренныхъ туземцевъ Болгаріи, которые исповѣдывали исламъ.

26. *Завоеваніе Болгаріи кн. Пестрымъ въ 1431 г.* Въ этомъ году вел. кн. Василій Темный посылалъ съ ратью на волжскихъ болгаръ князя Ѳеодора Пестраго, который взялъ ихъ и плѣнилъ всю ихъ землю (Воскр. лѣт.). Подробностей объ этомъ плѣненіи лѣтопись не представляетъ никакихъ; повидимому оно было не слишкомъ прочнымъ, потому что, спустя четырнадцать лѣтъ послѣ завоеванія Болгаріи, великій князь Василій Васильевичъ оказался и самъ плѣнникомъ въ этой странѣ. (См. Шпилевскій, 103—191).

II.

Происхожденіе волжскихъ болгаръ, о которомъ древніе источники не сообщаютъ намъ точныхъ свѣдѣній, долгое время служило предметомъ довольно гадательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разнорѣчивыхъ предположеній. То же самое можно замѣтить и о происхожденіи болгаръ дунайскихъ. Относительно національности болгаръ, жившихъ на Волгѣ и Камѣ, мы имѣемъ нѣкоторыя показанія арабскихъ писателей, изъ которыхъ, впрочемъ, по ихъ разногласію, нельзя вывести никакихъ вполнѣ опредѣленныхъ заключеній. Такъ, напр., мы видимъ, что Ибнъ-Фадланъ называетъ болгаръ славянами, Масуди принимаетъ ихъ за тюркское племя, а нѣкоторые изъ восточныхъ писателей, говоря о славянахъ, подданныхъ царя болгарскаго, утверждаютъ, что и сами славяне не что иное, какъ турки. Шемсъ-эдъ-Динъ Димешки, космографъ начала XIV в., упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ о паломничествѣ, совершенномъ многими болгарами въ Мекку черезъ Багдадъ, гдѣ пилигримы запаслись всѣмъ необходимымъ для путешествія, и при этомъ замѣчаетъ, что болгары, на вопросъ, что они за народъ, отвѣ-

чали: „Мы народъ, родившійся между тюрками и славянами“. Смыслъ этого отвѣта, говоритъ Хвольсонъ, по всей вѣроятности, тотъ, что они принимали себя за народъ, смѣшанный изъ тюрковъ и славянъ. Такъ понималъ этотъ отвѣтъ и Френъ. Что касается самаго термина: „*славяне*“, то относительно его слѣдуетъ имѣть въ виду, что имя صقلبى (мн. ч. صقالبه) могло обозначать у арабовъ не только одни славянскія племена, но также и племена финскія, и служило у нихъ вообще для наименованія бѣлокожихъ обитателей сѣверовосточной части Европы [a]. Названіе же волжскихъ болгаръ тюрками, какъ мы увидимъ дальше, имѣло достаточное основаніе, по крайней мѣрѣ въ отношеніи языка, на которомъ говорилъ этотъ смѣшанный народъ.

Говоря о происхожденіи болгаръ, Григорьевъ замѣчаетъ, что въ ихъ этнографіи есть весьма важные поводы усмотрѣть тюркское („татарское“) начало, такъ какъ, напримѣръ, между собственными именами дунайскихъ болгаръ встрѣчаются слова чисто тюркскія; названія городовъ Волжской Болгаріи звучатъ также по-тюркски; фонетическія измѣненія заимствованныхъ словъ (именно въ словѣ *Бохмитъ* محمد) также даютъ серьезный поводъ считать ихъ народомъ тюркскаго происхожденія. Кромѣ того, мнѣніе о неславянскомъ происхожденіи болгаръ находитъ себѣ подтвержденіе и въ лѣтописи Нестора, который не упоминаетъ ихъ при перечисленіи славянскихъ народовъ и даже противополагаетъ ихъ славянамъ, поставляя болгаръ отдѣльно, наряду съ хазарами, уграми и аварами. Въ византійскихъ источникахъ, говоритъ Пречекъ, между славянами и болгарами наблюдается строгое различіе. Въ житіи св. Димитрія Солунскаго (VIII в.) сказано, что въ совѣтѣ болгарскаго царя были люди, которые знали по-гречески, по-болгарски и по-славянски. У греческихъ лѣтописцевъ VIII в. строго различаются состоявшіе подъ предводительствомъ кня-

[a] Ср. въ словарѣ قاموس (Камус)—صقلاب—*бѣлолицый человѣкъ*; *румяный человѣкъ*. См. также И. Шишмановъ, 658.

зей Тервеля и Крума болгарскіе и славянскіе отряды. Что же касается тѣхъ доказательствъ, которыя приведены у Григорьева въ пользу славянизма волжскихъ болгаръ, то они едва ли могутъ считаться состоятельными. Почтительность къ царю, выражавшаяся у болгаръ въ сниманіи шапки и держаніи ея подъ-мышкой, вовсе не исключительно славянскій обычай [8]). Купанье обоихъ половъ вмѣстѣ въ рѣкахъ наблюдается и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Такъ древніе галлы, по свидѣтельству Цезаря, купались въ рѣкахъ вмѣстѣ, безъ различія пола. У финновъ-суоми мужчины и женщины и теперь моются въ общихъ баняхъ, что весьма поражаетъ заѣзжаго иностранца. Повѣріе о молніи, какъ замѣтилъ Френъ, существуетъ у вотяковъ и калмыковъ; употребленіе питейнаго меда распространено у всѣхъ поволжскихъ инородцевъ. Что же касается до названія этого болгарскаго напитка, приводимаго Ибнъ-Фадланомъ, بجع, въ которомъ Сенковскій, а за нимъ Френъ и Уваровъ увидали будто-бы русскую *сычевку*, то оно еще подлежитъ большому сомнѣнію. Во-первыхъ, необходимо замѣтить, что подобнаго слова въ русскомъ языкѣ не существуетъ [8]). Дѣло въ томъ, что имена на „овка“ произведенныя отъ глаголовъ, имѣющихъ передъ окончаніемъ неопр. наклоненія звукосочетаніе *ти*, никогда не измѣняютъ основного *т* этого сочетанія въ *ч*. Примѣры этому мы видимъ въ словахъ: *колотовка*, *мутовка*, *винтовка*, отъ глаголовъ: *колотить*, *мутить*, *винтить*. Отъ гл. *сытить* мы ожидали бы формы *сытовка*, а не *сычевка*. Послѣднее же слово, на самомъ дѣлѣ совершенно неупотребительное, кажется намъ вполнѣ естественнымъ только по той причинѣ, что оно составляетъ совершенно правильное производное отъ названія извѣстной птицы, *сычъ*. Слово *сычевка* могло бы быть названіемъ деревни, улицы, урочища, притона и т. п., какъ и нѣкоторыя другія слова, образовавшіяся путемъ прибавленія того же самаго суффикса, напр. *Воробьевка*, *Грачевка*, *Хмелевка*, *Комаровка* и др.

Точно также и въ словѣ *владиваць*, которое Сенковскій увидалъ въ арабскомъ начертаніи имени болгарскаго царя بلطوار, слѣдуетъ усматривать лишь весьма неудачную конъ-

ектуру, основанную на простомъ недоразумѣніи, такъ какъ южно-славянской формы *владаваць*, на которую опирается этотъ ученый, на самомъ дѣлѣ не существуетъ [a]. Какъ мы увидимъ ниже. малопонятное болгарское реченіе بلطوار, встрѣчающееся въ сочиненіи Ибнъ-Фадлана, можетъ имѣть и другое, гораздо болѣе вѣроятное объясненіе.

Несостоятельно также и утвержденіе Григорьева, будто названія нѣкоторыхъ болгарскихъ городовъ нельзя не признать славянскими; къ таковымъ названіямъ онъ относитъ: *Жукотинъ*, *Керменчукъ*, *Басовъ* и *Исбиль* или *Исболь*. Какъ теперь извѣстно, названіе второго города происходитъ отъ тюркскаго *кäрмäн*, укрѣпленіе, и селеніе съ тождественнымъ названіемъ существуетъ и въ Крыму [9]; а названіе третьяго города, *Басова*, могло происходить и отъ тюрк. слова, означающаго *поле* (каз.-тат. басыу باصو, чув. пусă (*пузй*), *пос*, *пус*, поле; курмыш. чув. посу—чит. *позу*—паровое поле). Утвержденіе же Григорьева, что имя города *Исбиля* или *Исбола*, упоминаемаго у Ибнъ-Хаукаля, явно начиналось двумя согласными а потому не могло быть ни тюркскимъ ни финскимъ, не подкрѣплено имъ никакими доказательствами. Наоборотъ, есть нѣкоторое основаніе думать, что это слово такъ и произносилось, какъ оно написано въ его второй редакціи, потому что мы знаемъ имя одного болгарскаго кавхана *Эсбула* (*ὁ Ησβουλος ὁ καυχανός*) [10], а намъ извѣстно, что названія населенныхъ мѣстъ весьма нерѣдко получаютъ свое начало отъ личныхъ именъ ихъ основателей или первыхъ поселенцевъ.

Разнорѣчія арабовъ въ вопросѣ о племенномъ происхожденіи болгаръ вполнѣ совпадаютъ и съ ихъ представленіями о языкѣ этого народа. Между тѣмъ какъ Эль-Балхи сообщаетъ намъ, что языкъ болгаръ похожъ на языкъ хазарскій (ولسان بلغار مثل لسان الخزر). Ибнъ-Фадланъ, напротивъ, заявляетъ, что никакой языкъ не равенъ послѣднему; а Хаджи Хальфа придерживается того мнѣнія, что языкъ и нравы болгаръ похожи на языкъ и обычаи руси. Такимъ образомъ извѣстія восточныхъ писателей не могутъ разрѣшить интере-

a) См. И. Шишмановъ, стр. 664.

сующаго насъ вопроса о происхожденіи и языкѣ болгаръ. Намъ остается только одинъ болѣе или менѣе надежный источникъ, откуда можно почерпнуть нѣкоторыя указанія въ этой весьма темной области: подобнымъ источникомъ являются тѣ обломки древне-болгарскаго языка, которые дошли до насъ въ весьма скудномъ количествѣ, почти исключительно въ именахъ собственныхъ, въ названіяхъ лицъ и числительныхъ именахъ.

Имѣя въ виду нѣкоторые тюркскіе элементы, замѣченные въ дошедшихъ до насъ остаткахъ древняго болгарскаго языка, нужно считать весьма естественнымъ, что ученый міръ, добиваясь разрѣшенія давно занимавшей его загадки о племенномъ происхожденіи болгаръ, съ теченіемъ времени направилъ свое вниманіе на изученіе той тюркской національности, которая, сохраняя черты исконной осѣдлости, занимаетъ въ настоящее время значительную часть территоріи, принадлежавшей древнему Болгарскому царству на Волгѣ. „Когда я сталъ себѣ выяснять—писалъ въ 1878 г. академикъ Куникъ—прошлое и настоящее положеніе приволжскихъ народовъ, особенное мое вниманіе обратили на себя остатки чувашей (въ губ. Казанской, Симбирской и др.), и я скоро пришелъ къ убѣжденію, что въ чувашахъ мы имѣемъ остатокъ одной группы старо-тюрковъ, которые, еще задолго до вторженія татаръ, поселились въ мѣстности, нынѣ обитаемой чувашами (среди волжскихъ финновъ). Чѣмъ болѣе я вдумывался въ отношеніе чувашей къ вымершимъ камскимъ болгарамъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что въ чувашахъ мы встрѣчаемъ, если не остатки такъ называемыхъ бѣлыхъ или серебряныхъ болгаръ (камскихъ болгаръ), то все же одну изъ тюркскихъ отраслей, къ которой принадлежали и жители болгарскаго ханства въ среднемъ Поволжьѣ, а также убѣждался въ томъ, что когда-нибудь при помощи чувашскаго языка, равно какъ при пособіи встрѣчающихся еще и до настоящаго времени въ землѣ чувашей собственныхъ и топографическихъ названій, ученые внесутъ свѣтъ въ область изученія древне-тюркскаго элемента, замѣчаемаго у хагано-болгаръ на Дунаѣ, у черныхъ болгаръ на

Кубани, у хазаръ и у другихъ незначительныхъ тюркскихъ племенъ, извѣстныхъ намъ почти только по однѣмъ русскимъ лѣтописямъ. Открытый въ 1866 г. неизвѣстный до сихъ поръ памятникъ измѣнилъ это предположеніе въ твердую увѣренность".

Оставляя на нѣкоторое время въ сторонѣ вопросъ объ этомъ памятникѣ, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ статьи другого ученаго, венгерца Б. Мункачи, извѣстнаго многими весьма цѣнными трудами въ области мадьяро-финскаго языкознанія.

„Что касается—говоритъ онъ*)—тюркскаго культурнаго вліянія, которое выказывается въ отдѣльной жизни мадьярскаго народа и которое уже, слѣдовательно, надлежитъ отнести къ болѣе поздней эпохѣ, то въ этомъ отношеніи показаніе языковыхъ данныхъ рѣшительно обнаруживаетъ два различныхъ народа. Языкъ одного изъ нихъ могъ быть если не совершенно прямымъ предшественникомъ чувашскаго, то несомнѣнно къ нему весьма близкимъ, самое большее отличавшимся отъ него лишь какъ областное нарѣчіе. Его звуковыя особенности характеризуются, какъ можно въ томъ убѣдиться по мадьярскимъ словамъ: 1) измѣненіемъ конечнаго или срединнаго *з* въ *р*, случаи котораго: *ökör* (обще-тюркское *öküz* и только въ чувашскомъ *vǫgǫr*, раньше* *ökör*)[1], *borjú* (обще-тюрк. *bozagu*, тат. *bȇzau*, только въ чувашкомъ *pǫrǫ*) [2], gyűrű (т. *jüzük*)[3], *iker* (тур. *ikiz*)[4], *ir-*(т. *jaz-*)[5], *karó* (т. *kazuk*)[6], *tenger* (т. *teñiz*)[7], *sár* болото (т. *saz*)[8];—2) исчезновеніемъ въ концѣ словъ обще-тюркскаго *k*, *g*, или раствореніемъ его въ двугласной или долгой гласной, чему примѣры: *borsó* (обще-тюрк. *burčak*, только въ чувашскомъ: *pǫrźa*)[9], *ünő* (обще-тюрк. *inäk*, только въ чув. *ėńā*)[10], *betű* (т. *biṭik*)[11], *bölcső* (т. *bešik*)[12], *gyapju* (т. *japak*)[13],

*) См. его статью „A magyar fémnevek őstörténeti vallomásai" (Первобытно-историческія показанія названій металловъ у мадьяръ), помѣщенную въ журналѣ Ethnographia, 1894, I f., 21 l.

gyŭrŭ (т. *jŭzŭk*), *gyŭszŭ* (т. *jŭksŭk*)[14], *sarú* (т. *čaruk*)[15], *söprŭ* (т. *šeprek* „дрожжи, осадокъ“)[16], *tanú* (т. *tanuk*)[17], *ocsú* (т. *walčik*)[18], *turó* (т. *torak*)[19], *káva* (т. *kabak*)[20], *bóda* (т. *baldak*)[21], *hanga*[22] *-jú* (т. *kamyak*, „чертополохъ“?); — 3) измѣненіемъ твердыхъ *a*, *o*, *u* въ начальномъ слогѣ въ *i* или *e* (первоначально, вѣроятно, въ *î* или *ê*), напр.: *tinó* (обще-тюрк. *tana*, только въ чув. *tĭna*)[23], *tilú* (татар. *talkê*, чув. *tĭlĕ*)[24], *bika* (т. buka)[25]; disznó (т. *toŋuz*)[26], *birka* (киргиз. *marka*)[27], *hilintá*[28], *kigyó*[29], *szirony*[30], *csikó*[31], *csihol*[32], *csipa*[33], *szigony*[34], *sirály*[35], *szittyó*[36], *hernyó*[37], *gyertya*[38], *béka*[39] (см. Ethnogr. IV, 179, далѣе 166, 295—299 сс.).

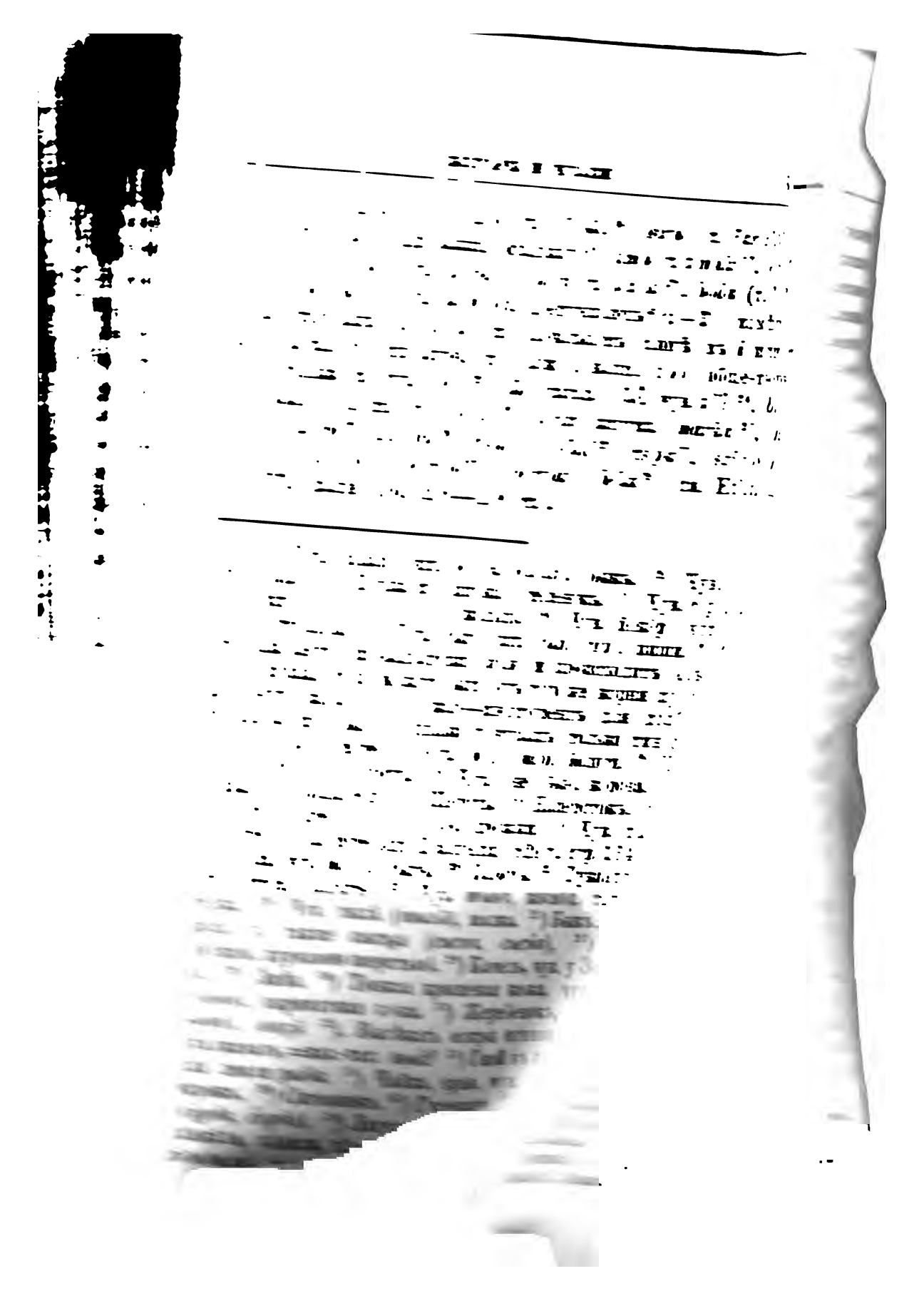
---

[1]) Чув. вăкăр (чпт. *вŏкŏр*, *вăкăр*), быкъ. [2]) Чув. пăру (чпт. *пŏру*, у Мункачи ошибка), теленокъ. [3]) Чув. çĕрĕ, ядр. çĕр (чпт. *ćŏрŏ*, *ćĕрĕ*. *ćŏр*), кольцо. [4]) Чув. йĕкĕр (чпт. *jĕkĕр*, *jĕkĕр*), двойной. [5]) Чув. çыр (чпт. *ćыр*, *ćир*), пиши. [6]) Слово это означаетъ по-мадьярски *kolь* и происходитъ отъ тюрк. *kaзы*, копай, рой; можетъ быть отъ того же корня происходитъ козм.-чув. карă (*карă*), кар—инструментъ для долбленія деревянной посуды. [7]) Однако у чувашъ только тинĕс (*тиńĕс*, *тиńĕс*. *тєńĕс*), море. [8]) Чув. *шур*, *шор*, болото. [9]) Чув. пăрça (*пŏрźа*, *пăрźа*), горохъ. [10]) Чув. ĕне (*ĕńэ*), корова. [11]) Betŭ—буква. [12]) Колыбель. [13]) Шерсть. [14]) Наперстокъ. [15]) Башмакъ. [16]) Чув. çĕпре (*ćĕпрэ*, *ćĕпрэ*), дрожжи. [17]) Чув. тынă (*тынă*), свидѣтель. См. переводъ Евангелія 1820 г., стр. 134. [18]) Крошка. [19]) Козм. чув. *торă*, сырь. [20]) Заборъ. [21]) Рубоятка. [22]) Ackersenf, crica vulgaris. [23]) Чув. *тына*, козмод. также *тынашка*, телка. [24]) Чув. тылă (*тылă*), мялка. [25]) Быкъ. [26]) Чув. сысна, козм. у. также сысӈа (*сысна*, *сысńа*), [27]) Овца (съ короткою, курчавою шерстью). [28]) Качель, чув. у Золотн. „йăланч“, id. [29]) Змѣя. [30]) Тонкая крашеная кожа, чув. сăран (*сăран*, *сŏрăн*), сыромятная кожа. [31]) Жеребенокъ, чув. тыха (*тыha*, *тыha*), *тиźă*. [32]). Высѣкать искры огнивомъ; чув. ӂых (*ӂых*), вталкивать,=каз.-тат. *тык?* [33]) Гной въ глазахъ. [34]) Трезубецъ для ловли рыбы. [35]) Чайка, срав. чув. шĭркалӂă (*шăргаlĭă*), чирокъ. [36]) Ситовникъ. [37]) Гусеница. [38]) Свѣча, чув. çурта, çорта (*ćурда*, *ćорда*). [39]) Лягушка. [40]) Муравей; чув. хăнăла, хăнтла, хăнкăла, хăнкла, хăмăтла (*хăндăлх*, *хăнтла*, *хăнгăла*, *хăнгкла*, *хŏмŏтла*), морд. эрз. *k'end'al*, морд. мокш. *k'elda*, клопъ.

Изъ тюркскихъ элементовъ мадьярскаго языка ясно видно, что этотъ языкъ, близкій къ „древне-чувашскому", изъ котораго они происходятъ, дѣлился на нѣсколько нарѣчій и что, слѣдовательно, народъ, на немъ говорившій, могъ жить на большомъ пространствѣ. Доказательства тому: 1) что обще-тюркскій начальный *k* въ мадьяр. языкѣ является то въ формѣ *h*, то въ формѣ *k*, напр. *hangyál*[40], *homok*[41], *haris*[42], *harkály*[43], *hernyó*, *hilinta*, а съ другой стороны: *kan* (вепрь), *kancsó*[44], *kantár*[45], *kapu*[46], *korom*[47], *kos*[48], *karvaly*[49], *kigyó*, *karó*, хотя обѣ группы являются съ чувашскими признаками, напр. по гласнымъ перваго слога въ словахъ *hernyó*, *hilinta* и *kigyó*.— 2) что обще-тюркскій начальный *j*, наряду съ обычною формою *gy* (чит. *д'*), въ нѣкоторыхъ случаяхъ является въ формѣ *sz* (чит. *с*), каковое явленіе въ исторіи языка не могло произойти отъ послѣдовательнаго измѣненія, какъ въ томъ до сихъ поръ были увѣрены наши языковѣды, но объясняется только діалектическимъ уклоненіемъ. Примѣры подобнаго уклоненія рядомъ съ словами: *gyümölcs*[50], *gyom*[51], *gyöngy*[52], *gyapju*, *gyékény*[53], *gyáva*[54], *gyúr*[55], *gyűrű*, *gyűszű*, *gyertya*, *gyalom*[56]—слѣдующіе: *szél* (*sz*=рус. *с*), обще-тюрк. *jel*, чув. *s'il*)[57], *szőlő* (татар. *jizläk*, чув. *s'ĭrla* „ягода")[58], *szűcs* (чув. *s'ėwės'*, *s'ülz'ė* „портной", отъ слова *s'ülä*, татарскаго *jüjlä* „шить)[59], *sajt* (осман. *jogurt* „кислое молоко", койбальск. *t'ört* „сыръ": чуваш. *ćeγet* „сыръ"[60]

---

[41]) Песокъ. [42]) Дергачъ, чув. карăш (*карӑш*). [43]) Дятелъ. [44]) Кружка для вина. [45]) Узда. [46]) Дверь, ворота. [47]) Сажа, чув. хăрăм (*хӑрӑм*, *хӑрӑм*). [48]) Баранъ. [49]) Кобчикъ, срав. чув. буин., цив. караппăл (*караппӑл*), курм. караплă (*караплӑ*), цив. (Ковалин. волость) также „*карáппул*" (съ удареніемъ на среднемъ слогѣ, вопреки общему правилу)—коршунъ? [50]) Плодъ, чув. çимĕç (*ćимэ̆ć*). [51]) Плевелы, чув. çом, çум (*ćом*, *ćум*), [52]) Жемчугъ, чув. ĕнҕĕ (*э̆нζэ̆*). [53]) Палочникъ, чув. ҕакан (*ц́аган*). [54]) Трусъ. [55]) Мѣсить, чув. çăр (*ćӑр*, *ćӑр*). [56]) Неводъ, чув. çилĕм (*ćилэ̆м*). [57]) Вѣтеръ, чув. çил (*ćил*). [58]) Ягода, чув. çырла (*ćырла*, *ćирла*). [59]) Слово „портной" я встрѣчалъ у чувашъ въ формахъ: çĕвĕçĕ (*ćэ̆вэ̆зэ̆*), çĕвĕç (*ćэ̆вэ̆ć*), çӳвĕçĕ (*ćӳвэ̆зэ̆*), çӳçĕ (*ćӳзэ̆*), отъ çĕвĕ, çӳ (*ćэ̆вэ̆*, *ćӳ*), шовъ, шитье. [60]) Чув. ҕăкăт (*ц́ӑгӑт*, *ц́ӑгӑт*), сыръ.



...льно исламъ и, какъ
языку стояли близко
...тельно Ибнъ-Росте
...лею печенѣговъ и зе-
...въ мадьярскихъ", что
...ми уже прямо дѣлаетъ
...ъ народомъ, который
...урное вліяніе какъ
... такъ и на мадьяръ въ
...сть подобнаго заклю-
...ами, оставшимися отъ
что языкъ волжскихъ
чувашскимъ. Таковыми
...денныя между развали-
...писи, въ одной изъ ко-
...талистовъ, число 700 вы-
...немъ чувашскомъ: *s'iććé-*
...iz); далѣе фрагментъ за-
...аръ и перечисляющей язы-
...оромъ годы жизни каждаго
...и числительными, очевидно
...писывателемъ и копистами,
...енной формѣ, подобно на-
...ти числительныя всего болѣе
...вашскими, напр.: древ.-болг.
...осемь" (тур. *sekiz*), древ.-болг.
(тюрк. *tokuz*), древн.-болг. *več*:
... *ūč*), древ.-болг. *tut*: ср. чув. *té-*
...), древ.-болг. *соморъ*: срав. чув. *s'i-*
...irmi) и т. д.—Въ качествѣ другого
...нъ-Росте упоминаются печенѣги, что
...тѣтельство Константина Багрянороднаго,
...го: „патцинакиты сначала жили у р.р.

... [2]) Чув. çиѣĕ çĕр (*ćиѱ̆ӡ̆ з̆ӧ̆р, ćиζ̆ӡ̆ з̆ӡ̆р*)—700.

и *süveg* (чуваш. *s'él'ék*, персид. и восточно-тюрк. *jelek*).[1] Что обѣ группы этихъ словъ носятъ признаки чувашизма, доказываетъ несомнѣнно звуковое образованіе словъ *gyűrü* и *szőlő*. Наряду съ языкомъ, отмѣченнымъ перечисленными здѣсь особенностями, представителями отпечатковъ другого тюркства служатъ слова: *árok*[2], *bicsak* (cs=рус. ч)[3], *homok*[4], *hurok*[5], *tulok*[6], *tűzok*[7], *pocsék*[8], далѣе *horog*[9], *szúnyog*[10], *bélyeg*[11], *sereg* (s=ш)[12] и *sereg*[13], которыя соотвѣтствуютъ обще-тюркскимъ: *arîk*[14], *bîčak*[15], *tugdık*[16], *čerig*[17] и т. д., и которыя удержали конечную гортанную согласную обще-тюркскихъ формъ, а не утеряли ее, какъ мы видѣли въ примѣрахъ, помѣщенныхъ выше.

Наконецъ вопросъ состоитъ въ томъ, какіе два изъ тюркскихъ народовъ, часто упоминавшихся въ связи съ древними мадьярами, могли быть тѣ, отъ которыхъ произошли эти слова. Категоріи понятій, къ которымъ они относятся, показываютъ, что они могли быть пастушескими или даже до извѣстной степени земледѣльческими народами; слово же *hír* (вѣсть, араб. خبر, хабар, чув. хыпар, чит. *хыбар*) показываетъ, что въ VIII в. у нихъ могли быть живыя сношенія съ арабами, а слѣдовательно можно предположить, что у нихъ началъ распространяться исламъ. Такимъ народомъ, какъ извѣстно, были въ тѣ времена на среднемъ теченіи Волги бол-

---

[1]) Чув. çĕлĕк, ĕçлĕк (*ҫӗлӗк*, *ҫӗлӗк*, *ӕҫӗлӗк*, *ӕҫӗлӗк*) шапка. [2]) Ровъ; по чув. *вар*, зарывать. [3]) Ножъ, осм. *бычак*, каз.-тат. *пычак*; срав. чув. пăҫăкă, пăҫкă, пăҫăк (*пӑҫӑкӑ*, *пӑчкӑ*, *пӑҫӑк*), пила. [4]) Песокъ, каз.-тат. *көм*. [5]) Петля. [6]) Бычокъ. [7]) Ловушка. [8]) Грязь, чув. пылҫăк (*пылӗҫӑк*, *пылӗҫӑк*) грязь, *пулӗҫӑк*, калужина. [9]) Крюкъ. [10]) Мошка, чув. шăна (*шӑна*), муха, [11]) Знакъ, древ.-слав. кѣлѣгъ, келѣгъ, килѣгъ, знакъ, символъ; кѣлѣгъ, листъ за царскимъ подписаніемъ; казан.-тат. білгі, *знакъ*, чув. ядр. палкă, козм. валкă (*палӑ*, *вилӑ*), столбъ на могилѣ, чув. тет. палă (*палӑ*), обще-чув. паллă (*паллӑ*), знакъ, паллă (*паллӑ*), извѣстный; срав. мадьяр. *bély*, знакъ. [12]) Толпа. [13]) Стерлядь. [14]) Канава, чув. цив. арăк (*арӑк*), вешнякъ. [15]) Ножъ. [16]) Драхва. [17]) Войско, чув. çарă, çар (*ҫарӑ*, *ҫар*).

гары, которые въ 922 г. приняли оффиціально исламъ и, какъ утверждаютъ арабскіе писатели, по своему языку стояли близко къ хазарамъ, т. е. были тюрками. Дѣйствительно Ибнъ-Росте (Ибнъ-Даста) также говоритъ: „между землею печенѣговъ и землею эскель-болгаръ лежитъ первый изъ краевъ мадьярскихъ“, что въ соединеніи съ прочими обстоятельствами уже прямо дѣлаетъ яснымъ, что волжскіе болгары могли быть народомъ, который былъ въ состояніи оказать большое культурное вліяніе какъ на прочія сосѣднія угорскія народности, такъ и на мадьяръ въ эпоху переселенія народовъ. Правильность подобнаго заключенія подтверждается рѣдкими памятниками, оставшимися отъ ихъ языка, которые ясно указываютъ, что языкъ волжскихъ болгаръ тождественъ съ современнымъ чувашскимъ. Таковыми памятниками языка представляются найденныя между развалинами города Болгара надгробныя надписи, въ одной изъ которыхъ, по чтенію казанскихъ оріенталистовъ, число 700 выражено такъ: *ǰiati ǰōr*[1], въ теперешнемъ чувашскомъ: *s'iśśé-z'ōr*[2] (тогда какъ обще-тюрк. *jedi jüz*); далѣе фрагментъ записи, найденной у дунайскихъ болгаръ и перечисляющей языческихъ князей (до 765 г.), въ которомъ годы жизни каждаго князя означены древне-болгарскими числительными, очевидно уже не понятыми греческимъ записывателемъ и копистами, и потому оставшимися въ искаженной формѣ, подобно нашему кумавскому *Отче наш*. Эти числительныя всего болѣе могутъ быть сравниваемы съ чувашскими, напр.: древ.-болг. *шегоръ*: срав. чув. *sayĕr* „восемь“ (тур. *sekiz*), древ.-болг. *tvir*: ср. чув. *toγγr* „девять“ (тюрк. *tokuz*), древн.-болг. *več*: ср. чув. *vis's'ĕ* „три“ (тюрк. *üč*), древ.-болг. *tut*: ср. чув. *tĕwattĕ* „четыре“ (тюрк. *tört*), древ.-болг. *соморъ*: срав. чув. *s'irĕm* „двадцать“ (тюрк. *jigirmi*) и т. д.—Въ качествѣ другого сосѣда мадьяръ у Ибнъ-Росте упоминаются печенѣги, что подтверждаетъ и свидѣтельство Константина Багрянороднаго, по словамъ котораго: „патцинакиты сначала жили у р.р.

[1]) جيات جور. [2]) Чув. çиҫĕ çĕр (*ćиӳ ǯŏр*, *ćиẓĕ ǯĕр*)—700.

Атиля (Волга) и *Ецка* (Яикъ или Уралъ), а ихъ пограничными сосѣдями были мазары (*μαζαροι*) и узы (мадьяры и половцы)". Мы знаемъ хорошо, что печенѣги, какъ чрезвычайно ловкій конный народъ, могли быть учителями мадьяръ въ военной тактикѣ, а слѣдовательно, хотя въ исторіи тѣ и другіе и выступаютъ въ качествѣ взаимныхъ враговъ, но мы можемъ предположить, что раньше они могли находиться другъ къ другу въ дружественныхъ или скорѣе союзныхъ, а можетъ быть и подчиненныхъ отношеніяхъ. Интересно, что съ этимъ предположеніемъ совершенно согласуется то явленіе, что наименованіе печенѣговъ, которое звучитъ по-славянски *печенѣгъ*, по-гречески *πατζινακ*, по-арабски *beženek*, является въ мадьярскомъ языкѣ въ формѣ *besenyő*, т. е. являетъ въ своемъ окончаніи то же самое измѣненіе, какое, въ противность общетюркскому, мы встрѣчаемъ въ современномъ чувашскомъ языкѣ и въ древне-тюркскихъ элементахъ мадьярскаго. Это указываетъ на то, что мадьяры узнали имя печенѣговъ черезъ посредство болгаръ, точно такъ же, какъ имя нѣмцевъ (*német*) въ Паннониі черезъ посредство славянъ; или что мадьяры вмѣстѣ съ болгарами, съ которыми они жили вѣроятно смѣшанно, находились въ сношеніяхъ съ печенѣгами, которые сами, какъ можно думать, называли себя формою *pečenek*, *beženek*, которую можно найти въ прочихъ источникахъ.

Эта форма аналогична съ формою словъ, приведенныхъ выше и не теряющихъ конечной согласной, поэтому мы въ правѣ думать, что таинственный тюркскій народъ, до сихъ поръ фигурировавшій подъ именемъ „древнихъ чувашъ" и другими именами, о которомъ мадьярское языкознаніе и этнологія говорятъ уже три десятка лѣтъ, какъ о культурномъ народѣ, оказавшемъ большое вліяніе на цивилизацію и языкъ мадьяръ,—былъ не кто иной, какъ, во-первыхъ, *болгары*, а кромѣ нихъ, вѣроятно, *печенѣги*".

Оставляя пока въ сторонѣ соображенія, высказываемыя здѣсь г. Мункачи по поводу именъ числительныхъ, сохранившихся въ фрагментѣ именника болгарскихъ князей, я позволю

себѣ замѣтить, въ цѣляхъ устраненія неточности, что отпаденіе конечнаго *к* (*х*) въ чувашскомъ языкѣ выдерживается далеко не во всѣхъ словахъ, и что, разбираясь въ чувашскихъ говорахъ, не трудно замѣтить то явленіе, что одно и то же слово у чувашъ различныхъ мѣстностей то теряетъ эту согласную въ своемъ окончаніи, то, наоборотъ, сохраняетъ ее. Примѣромъ этому могутъ служить слова: кунтӑ (*кундӑ*) и контӑк (*кондӑк*), лукошко; пĕрĕ (*пӗрӗ*, *пӳрӳ*) и пĕрĕк (*пӗрӗк*, *пӳрӳк*), зерно; сыпӑ (*сыбӑ*)[1], и сыпӑк (*сыбӑк*), суставъ; татӑ (*тадӑ*)[1] и татӑк (*тадӑк*), отрывокъ; катӑ (*кадӑ*[1]) и катӑк (*кадӑк*), отломокъ; томха (*томһа*) и тумхах (*тумһах*), кочка. (См. „Матеріалы“, 51 с.). Впрочемъ мое добавленіе ни въ чемъ не противорѣчитъ тому, что говоритъ г. Мункачи о древнечувашскомъ вліяніи на мадьяръ; оно только показываетъ, что явленіе отбрасыванія конечной гортанной началось у чувашъ еще въ древности и окончательно не завершилось и до сихъ поръ, и что нѣкоторыя слова, относимыя венгерскимъ ученымъ къ второй категоріи, т. е. къ словамъ, заимствованнымъ у другого тюркскаго народа, могутъ быть объяснены и изъ чувашскаго языка. Къ таковымъ заимствованіямъ я отношу, напримѣръ, мадьярское слово *pocsák*, грязь, которое гораздо ближе къ чув. пылӑк (*пылӑк*, *пылӳк*), грязь (козм.—тина), козм. чув. пулӑк (*пулӑк*), калужина, нежели къ тюрк. *балчык*, глина, въ особенности если принять къ свѣдѣнію, что общетюркск. *а* перваго слога переходитъ въ чув. языкѣ въ *у* (*о*), а затѣмъ, на слѣдующей стадіи, въ *ы*[2].

Въ другой своей статьѣ „Az „ugor“ népnevezet eredete (О происхожденіи племеннаго наименованія *угры*, Ethnographia VI, 359 l. и далѣе) г. Мункачи, между прочимъ, касается сношеній

[1]) Слова „сыпӑ“, „татӑ“ и „катӑ“ употребительны лишь съ суф. прит. 3-го л., въ формахъ: сыпи (*сыбы*), тати (*тады*), кати (*кады*).

[2]) Срав. каз.-тат. *бар*, чув. *пур*, *пыр*, иди; каз.-тат. *бал*, чув. *пул*, *пыл*, медъ; каз.-тат. *урыс*, чув. вурӑс, выриc (*вурӑс*, *выриc*), русскій; каз.-тат. ҫабыш, чув. ҫупӑҫ, ҫыпӑҫ (*ҫубӑҫ*, *ҫыбӑҫ*, *ҫибӑҫ*), присавай, и др.

болгаръ съ *югрою*, народомъ, имя котораго, по его мнѣнію, происходитъ отъ *ugur* [11]) и было дано вогуламъ и остякамъ болгарами, которые вели торговлю съ югрою и слѣдовательно должны были оставить слѣды и въ языкѣ послѣдней. „Многочисленные тюркскіе элементы, находимые въ вогульскомъ и остяцкомъ языкѣ, говоритъ онъ, до сихъ поръ еще надлежащимъ образомъ не изслѣдованы, однако, даже при поверхностномъ обзорѣ, можно замѣтить между ними такіе, которые обнаруживаютъ прежде всего самую тѣсную связь съ чувашскимъ языкомъ. Таково, напр., извѣстное остяцкое слово *jaχ*„ народъ, люди", откуда произошло племенное наименованіе *As-jaχ* „обскіе люди", т. е. остяки. Съ нимъ точно совпадаетъ пока необъяснимое изъ прочихъ тюркскихъ нарѣчій чувашское *jĕχ* „народъ, нація, родъ" (Nyelvtud. Közl. XXI, 39), если принять во вниманіе, что въ этомъ языкѣ *ĕ* коренного слога часто соотвѣтствуетъ болѣе первичному *a*. Еще болѣе поучительно вогуло-остяцкое *jir* „жертва, жертвенное животное", въ якутскомъ *îtîk* „цѣнный, уважаемый, святой", въ уйгурскомъ языкѣ древне-тюркскихъ надписей *îdîγ* „жертва" (Radloff, 296), у минусинскихъ татаръ *îzîk* означаетъ лошадь, посвященную доброму духу (Золотн., 150): правильную копію этихъ словъ составляетъ чув. *jĕrĕχ*, которое служитъ названіемъ всевозможныхъ жертвенныхъ вещей (также и у вогулъ—различныхъ употребляемыхъ въ видѣ привѣсокъ серебряныхъ и оловянныхъ колецъ, узловъ изъ вѣтвей и т. д.), а въ особенности духа-фетиша. Этой послѣдней чувашской формѣ соотвѣтствуетъ вогуло-остяцкая *jir*. Отсутствіе въ послѣдней окончанія тюркской формы не можетъ поражать насъ, такъ какъ мы знаемъ, что подобные случаи можно указать во многихъ мадьярскихъ словахъ тюркскаго происхожденія".

Здѣсь г. Мункачи даетъ нѣсколько примѣровъ отпаденія конечной тюркской гласной, замѣчаемаго у мадьяръ; однако, такъ какъ эти примѣры принадлежатъ только мадьярскому языку, то они не имѣютъ силы для другихъ родственныхъ ему нарѣчій. Что касается слова *jŭx*, *jŏx* (jĭăx), „родъ, племя",

котораго г. Мункачи не нашелъ ни въ одномъ изъ прочихъ тюркскихъ нарѣчій, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явнымъ недоразумѣніемъ. Слово это вовсе не исключительно чувашское, оно встрѣчается и въ алтайскомъ нарѣчіи, въ нѣсколько иной формѣ „*yk*“, имѣющей то же самое значеніе, что и чувашское „йăх“. Что касается лишняго звука *j* въ чувашской формѣ этого слова, то появленіемъ своимъ онъ обязанъ извѣстному свойству чувашскаго языка прибавлять согласный *j* къ нѣкоторымъ основамъ, начинающимся въ другихъ родственныхъ нарѣчіяхъ съ гласнаго звука. Эта особенность чувашской фонетики хорошо извѣстна и г. Мункачи (см. ibid., 362 l.). Однако бываютъ ли вообще случаи, чтобы иноязычные звуки *ŏ* или *ŏ̆* замѣнялись у вогулъ и остяковъ гласною *a*—мы не знаемъ; а что вогульско-остяцкое *a* въ словѣ *jax* не отражаетъ въ себѣ первоначальнаго тюркскаго *a*, это доказывается алт. словомъ *yk*. Отсюда можно вывести только то заключеніе; что слова *jax, jŏx, jăx* имѣютъ различное происхожденіе; по крайней мѣрѣ ихъ сродство не подтверждается тѣми доводами, какіе приводитъ въ его пользу г. Мункачи. Другое сѣверно-вогульское слово, *suri*, кольцо, которое онъ далѣе сближаетъ съ чув. çĕрĕ (*cĕ̆рŏ̆, cĕ̆рӑ̆*), также можетъ навести насъ на сомнѣніе относительно достовѣрности его не финскаго происхожденія, если мы возьмемъ для сравненія слова изъ другихъ, родственныхъ вогульскому, нарѣчій, напр.: фин. *sormi*, палецъ, *sormus*, кольцо, эрз.-морд. *сур*, палецъ, *суркс*, кольцо, и др. Передавая разрѣшеніе этого сомнѣнія на усмотрѣніе знатоковъ мадьяро-финскихъ нарѣчій, мы должны отмѣтить еще одно вогульско-остяцкое слово—*tōrĕm* или *tarĕm*, „богъ, небо“, котораго нѣтъ въ прочихъ родственныхъ нарѣчіяхъ и которое г. Мункачи отожествляетъ съ чувашскимъ реченіемъ: Туррăм (*Туррăм*), „Боже мой“. Въ виду сомнительности всѣхъ прочихъ чувашскихъ элементовъ, указываемыхъ г. Мункачи въ вогульскомъ и остяцкомъ нарѣчіяхъ, я не рѣшаюсь высказать что-либо опредѣленное также и относительно послѣдняго сопоставленія, хотя и долженъ признаться, что

у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, которыя служили бы къ нему неоспоримымъ препятствіемъ.

Такимъ образомъ можно замѣтить, что присутствіе чувашскихъ элементовъ въ вогульскомъ и остяцкомъ нарѣчіяхъ пока нельзя считать за вполнѣ доказанный фактъ, что же касается наличности подобныхъ элементовъ въ языкахъ мадьярскомъ, черемисскомъ, вотскомъ и мордовскомъ [12]), то она въ настоящее время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Кромѣ того, г. Мункачи находитъ слѣды чувашизма даже въ славянскихъ нарѣчіяхъ, а мнѣ кажется, что слова, весьма сходныя съ чувашскими, замѣтны и въ нѣмецкомъ языкѣ [13]). Въ особенности наводнены чувашизмами нарѣчія черемисскаго языка, какъ горное, такъ и луговое, при чемъ оба эти нарѣчія, въ соединеніи съ другими языками, черпавшими слова изъ чувашскаго языка, каковы мадьярскій, вотскій и мордовскій, представляютъ довольно богатый матеріалъ, на основаніи котораго мы можемъ получить нѣкоторое представленіе о состояніи чувашскаго языка въ болѣе ранній періодъ его существованія. Такъ, напр., при разсматриваніи чувашскихъ заимствованій, принятыхъ въ черемисскій и вотскій языки, не трудно замѣтить, что эти заимствованія принадлежатъ еще къ той, вѣроятно довольно отдаленной, эпохѣ, когда чувашскому нарѣчію еще былъ свойственъ утерянный имъ впослѣдствіи самостоятельный небно-носовой звукъ *ң*. Въ этомъ насъ убѣждаютъ, напр., слѣдующія слова: черем. *он*, грудь, чув *ом, ум*, грудь, передъ, турец. ﺍﻭﻥ, передъ; гор. чер. *кӓңӓшӓш*. совѣтоваться, л. черем. *каңаш*, чув. *канаш*, каз.-тат. *кіңӓш*, совѣтъ; луг. чер. *таң*, равный, гор. черем. *тӓң*, товарищъ, чув. *тан*, равный, тантӓш (чит. *тандӓш*), сверстникъ, каз.-тат. *тің*, равный, *тіңдӓш*, сверстникъ; луг. чер. *шӓңга*, г. чер. *шӓңгӓ*, чув. шӓна (чит. *шӓна*), турец. سكك, муха; луг. чер. *аңӓшӓр*, г. черем. *ӓңӓсӓр*, вот: *аңсӓр*, чув. ансӓр (чит. *анзӓр*), узкій, отъ „ан“=каз.-тат. „ің“, *ширина*, и „-сӓр“=каз.-тат. „-сіз“, *безъ*; луг. чер.

чаѓга, г. чер. *цӑѓгӑ*, вот. *чаѓа*, чув. ђана (чит. *ч́ана*), мѣстами—ђанка (*ц́аѓга*, *чаѓга*), галка, и пр.

Широкое вліяніе, оказанное чувашами на нарѣчіе не только горныхъ, но и луговыхъ черемисъ, можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ того, что тѣ и другіе находились долгое время подъ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ. О переселеніи части черемисъ за Волгу, которое произошло, повидимому, на глазахъ у чувашъ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, воспоминаніе, сохранившееся въ народной словесности послѣднихъ. Одна чувашская пословица, записанная около двадцати лѣтъ тому назадъ и доставленная мнѣ въ рукописи, гласитъ: *черемисинъ сообразилъ только тогда, когда переправился черезъ Волгу* (Çармӑс Атӑл урлӑ каçсан тин астунӑ, тет. *С́армйз Адйл урлй гас́с́ан дин́ астунй*, дэт); можетъ быть эта пословица заключаетъ въ себѣ злую насмѣшку надъ несчастными черемисами, которые, подъ давленіемъ своихъ сосѣдей, переселились съ удобныхъ земель нагорнаго берега въ заволжскія болотныя дебри. На пространствѣ чувашскаго края мы до сихъ поръ встрѣчаемъ нѣкоторыя селенія, которыя носятъ названіе Çармӑс (*С́армйс*), явное доказательство того, что въ нихъ когда-то жило другое племя,—черемисы. Одна изъ этихъ деревень (Çармӑс, Кубня) находится въ Буинскомъ уѣздѣ, двѣ другія—въ Ядринскомъ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдняго уѣзда слово „Çармӑс" употребляется только какъ названіе селеній, тогда какъ самихъ черемисъ, какъ народность, очевидно для устраненія неясности, тамошніе чуваши называютъ не просто „çармӑс" или „çармӑç", какъ во всѣхъ прочихъ мѣстностяхъ, а сложнымъ реченіемъ—çу-çармӑс (*с́у-з́армйс*). Этимологія этого страннаго наименованія современному чувашину уже непонятна. По моему мнѣнію, есть основанія предполагать, что первая часть реченія—„çу"—равнозначуща каз.-тат. ɥау, врагъ, непріятель, алт. *jу*, война, такъ какъ тюркскій начальный j (ɥ) въ чувашскомъ нарѣчіи обыкновенно замѣняется зубно-альвеолярнымъ *с́*. Что звукосочетанія ɥау, jу могли явиться у чувашъ въ формѣ „çу", дока-

[1]) Хурӑнсур-Çармӑс и Ту-çи-Çармӑс. [14]).

зываетъ каз.-тат. слово çаулык, мишар. јаулык, *платокъ*, которое въ чувашскомъ языкѣ встрѣчается въ видѣ çулăк (*ćулăк*). Отъ того же самаго корня * „çу", *врагъ, вражда*, я произвожу чув. çылăх (*ćылăх, ćилăх*), діалект. çывлăх (*ćывлăх*), çылăх (*ćылăх*), грѣхъ [a], которое заимствовано въ черем. языкъ въ формѣ *сулăк* и въ вотскій въ формѣ *сӧлык*. Относительно перехода звуковъ здѣсь можно сравнить джаг. ﺻﺎﻭ, каз.-тат. сау и чув. сывă (*сывă*), сыв, су, здоровый. Такимъ образомъ названіе „çу-çармăс" могло первоначально означать: *врагъ-черемисинъ*. Если такое предположеніе справедливо, тогда это реченіе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія чувашъ къ черемисамъ до переселенія послѣднихъ за Волгу. Можетъ быть это переселеніе было слѣдствіемъ уже забытой теперь борьбы между двумя народами, послѣ которой часть жившихъ „на горахъ" черемисъ оказалась вынужденною уступить чувашамъ плодородныя земли праваго берега и удалиться въ лѣсныя трущобы и трясины.

Слово *суас* (*сӳăс*), которымъ луговые черемисы обозначаютъ въ настоящее время татаръ, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращало на себя того вниманія, котораго оно справедливо заслуживаетъ по своему важному значенію для опредѣленія національности древнихъ болгаръ. Въ татарскомъ языкѣ этого слова нѣтъ, и слѣдовательно черемисы взяли его не оттуда; очевидно, что подлинникъ этого слова слѣдуетъ искать въ другихъ источникахъ. Съ самаго перваго раза насъ поражаетъ сходство этого имени съ тѣмъ наименованіемъ „ҫăваш" или „ҫуаш" (*ćăваш, ćăваш, ćуаш*), которое даютъ себѣ сами чуваши и подъ которымъ они извѣстны у многихъ, живущихъ по сосѣдству съ ними, народностей. Однако здѣсь сразу является и затрудненіе. Обращаясь къ звуковому составу черемисскихъ нарѣчій, мы не находимъ въ немъ объясненія, почему чувашское „ҫ" передано у луговыхъ черемисъ не звукомъ ч, какъ наиболѣе близ-

[a] Çыллăх—въ с. Тюрлемѣ. Ср. тамъ же *аллан*, бунн. *авлан*, козм., курм. *алан*, жениться.

кимъ къ чувашскому, а совершенно неподходящимъ къ послѣднему звукомъ *с*. Затрудненіе это устраняется, если мы припомнимъ, что по особому свойству чувашскаго языка звуки *ц́*, *ч́* и *ч* (ђ), какъ въ началѣ, такъ и въ серединѣ, а равнымъ образомъ и въ концѣ словъ, нерѣдко замѣняются звукомъ *с́*, который у черемисъ, въ словахъ заимствованныхъ съ чувашскаго, передается твердымъ *с*. Такъ, напр., мы видимъ у чувашъ: ђăмăр (*ц́ӣмӣр*, *ч́ӧмӧр*) и *с́ӣмӣр*, кулакъ; ђарлан (*ц́арлан*, *ч́арлан*) и *с́арлан*, чайка; çап-çара (*с́ап-с́ара*) и *чап-чара*, совершенно голый; çăмах (*с́ӣмах*, *с́ӧмах*) и *чӣмак*, родъ лепешки; кăçкăр (*кӣс́кӣр*), кăђкăр (*кӣч́кӣр*) и кăшкăр (*кӣшкӣр*), кричи; кулаç (*кулас́*), кулађ (*кулац́*), кулађă (*кулаζ́ӣ*), и колађă (*колаζӣ*), бѣлый хлѣбъ, и др. Точно также конечныя чувашскія согласныя *с́* (ç) и *с*, замѣняя иногда другъ друга, могутъ чередоваться въ различныхъ мѣстныхъ говорахъ съ близкимъ къ нимъ звукомъ *ш*, что подтверждается нѣкоторыми примѣрами, каковы: кĕрĕç (*ќӗрӗс́*) и кĕрĕш (кӗрӗш), нанимайся; каврăç (*каврӣс́*) и козм. карăш (*карӣш*), ясень; сырăс (*сырӣс*) и сырăш (*сырӣш*), ясли; хĕреç (*х́ӗрэс́*) и хĕрес (*х́ӗрэс*), крестъ. Все это заставляетъ насъ предположить, что слово „ђăваш" въ старину произносилось чувашами нѣсколько иначе, чѣмъ теперь, и именно въ одной изъ слѣдующихъ формъ: *с́уас́*, *с́уав*, *с́ӣвас́* или *с́ӣвас* (çуаç, çуас, çăваç, çăвас); въ этомъ то болѣе древнемъ видѣ оно и было взято черемисами въ ихъ богатый чувашизмами языкъ.

Что касается исторической послѣдовательности чувашскихъ начальныхъ звуковъ *с́* и *ч́* (*ц́*), то разсмотрѣніе различныхъ лингвистическихъ данныхъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что эта послѣдовательность носитъ въ чувашскомъ языкѣ двоякій характеръ. Въ то время, какъ первоначальное обще-тюркское *ч* въ началѣ словъ обыкновенно измѣняется у чувашъ въ согласную *с́*, что мы видимъ, напримѣръ, въ словахъ: çап (*с́ап*), бить (каз.-тат. *чаб*); çухрăм (*с́ухрӣм*), верста (каз.-тат. *чакырым*); çатан (*с́адан*), плетень (каз.-тат. *чітӓн*); çерем (*с́эрэм*), лугъ (каз.-тат. *чірӓм*); çул (*с́ул*), косить [каз.-тат. *чал* (діалектически, вм. *чаб*)]; çăпан (*с́ӣбан*), чирей [каз.-тат.

діалект. *чыуан* (вм. *сызлауык*)]; çавăр (*ćавӑр*), вращать (осман. *чāвір*), и пр.,—наоборотъ, въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ чувашское *ч́* (*ц́*) развилось изъ первоначальнаго тюркскаго согласнаго *j*, оно получило свою современную форму не непосредственно изъ послѣдняго звука, а только путемъ постепеннаго измѣненія, пройдя *черезъ промежуточную стадію ć*. Доказательствомъ этому могутъ служить тѣ чувашскія слова, которыя мы находимъ въ языкахъ другихъ народовъ. Разсматривая ихъ, мы легко можемъ замѣтить, что даже въ такихъ древнихъ заимствованіяхъ изъ „чувашскаго" языка, каковы, напр., заимствованія, сдѣланныя мадьярами, начальный тюркскій *j* уже передавался неодинаковыми звуками. Это доказывается, напримѣръ, словами: gyűrű, кольцо; gyékény, палочникъ; írписать; iker, четъ; szél, вѣтеръ, szűcs, скорнякъ, szőllő, изюмъ,—которыя соотвѣтствуютъ чувашскимъ: çĕрĕ (*ćŏрŏ*), кольцо; ҕакан (*ц́аган*), палочникъ; çыр (*ćыр*, *ćир*), пиши; йĕкĕр (*jӗгӗр*, *jӗiӗр*), двойной; çил (*ćил*), вѣтеръ; çĕвĕç (*ćӗвӗć*), портной; çырла (*ćырла*, *ćирла*), ягода [a], и тюркскимъ: осман. *jӱзӱк*, кольцо; алт. *jāкāн*, палочникъ; осман. *jаз*, пиши; *ікіз*, двойни; *jāl*, вѣтеръ; каз.-тат. *ψӧj*, шовъ; алт. jāстāк, ягода. То же самое явленіе мы наблюдаемъ и въ чувашскихъ словахъ, вошедшихъ въ словарь черемисъ. Изъ мадьярскаго языка мы также убѣждаемся, что нѣкоторыя чувашскія слова, раньше начинавшіяся съ одинаковаго согласнаго звука, соотвѣтствовавшаго тюркскому *j*, впослѣдствіи образовали въ своемъ началѣ различные звуки; къ подобнымъ словамъ относятся приведенныя выше слова „çĕрĕ" и „ҕакан", венгерскія формы которыхъ gyűrű и gyékény доказываютъ прямо, что эти чувашскія реченія сначала начинались однимъ и тѣмъ же звукомъ. Такимъ образомъ начальное *ć* въ чувашскомъ *ćŏрŏ*, кольцо, очевидно развилось позднѣе, изъ какого-то болѣе ранняго звука, передававшагося у мадьяръ согласнымъ „gy" (*д'*), такъ какъ древнее чувашское начальное *ć* выражалось мадьярами другимъ звукомъ, *sz* (=рус. *с*), какъ это видно изъ указанныхъ

a) Срав. также мадьяр. *gyermek*, дитя, и чув. çамрăк (*ćамрӑк*), козм. (дер. В. Олгаши) çармăк (*ćармӑк*), молодой.

выше словъ szűcs, szőllő и szél. Остается рѣшить, какому чувашскому звуку соотвѣтствуетъ мадьярское начальное „gy“. Слово gyász (*ǯас*), означающее у мадьяръ *печаль* или *горе* и проникшее къ нимъ, какъ надо предполагать, изъ того же самаго источника, какъ и большая часть прочихъ тюркскихъ элементовъ ихъ языка, мнѣ кажется, можетъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что мадьярское „gy“ вообще служило для выраженія тюркскаго („чувашскаго“) *j*. Слово это, въ формѣ *jӧсӥ*, *jасӥ*, встрѣчается и въ черем. нарѣчіяхъ, и тамъ отъ него существуютъ и производныя: *jӧсланаш*, *jасӥланаш*, печалиться, *jӧсландараш*, *jасӥландараш*, печалить, безпокоить. Слово это, очевидно, чувашское, что доказывается аффиксами его производныхъ, хотя въ чув. языкѣ я подобнаго слова пока не нашелъ. Слово gyász, соотвѣтствующее черем. *jӧсӥ*, *jасӥ*, можетъ для насъ служить доказательствомъ того, что мадьярское „gy“ ставилось въ началѣ тѣхъ именно чувашскихъ реченій, которыя начинались съ звука j[15]). Отсюда заключаемъ, что чувашское слово „ъакан“, палочникъ, въ болѣе древнюю эпоху должно было произноситься* „йекен“ (*jэгэй*), и въ этомъ своемъ видѣ и вошло къ мадьярамъ въ формѣ gyékény. Такимъ образомъ современное *ӳ* въ этомъ чувашскомъ словѣ должно быть сравнительно новаго происхожденія, болѣе новаго, чѣмъ чувашское *ć*, отразившееся въ мадьяр. словахъ szél, szűcs и szőllő[a]). Если бы обще-тюркскій начальный *j*, въ эпоху заимствованія мадьярами чувашскихъ словъ, переходилъ въ чув. языкѣ также и въ *ӳ*, *ӵ*, то слѣды этого должны бы были сохраниться въ мадьярскомъ языкѣ; однако мы ихъ въ немъ не знаемъ. Въ соотвѣтствіе тюркскому *j* мы встрѣчаемъ въ началѣ принятыхъ мадьярами чув. словъ только звуки *sz* и *gy* (или долгое í, гдѣ стояло тюркское ji или jį), но ни одинъ изъ этихъ звуковъ, какъ мы видѣли, чувашскаго *ӳ* или *ӵ* выражать не могъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ заклю-

[a]) Замѣчательно, что чувашская форма, промежуточная между „*йекен“ и „ъакан“, сохранилась въ вотскомъ языкѣ, въ видѣ *ćакан*, „bastmatte“. См. Munkácsi B., Idegen elemek a votják nyelvben, NYK, XVIII k., 1 f., 120 l.

чить что переходъ обще-тюркскаго *j* въ чув. *ц́* или *ч́* (ђ) нужно считать явленіемъ болѣе поздняго происхожденія.

Въ Шибулгинской волости Цивильскаго уѣзда мы знаемъ одну чувашскую деревню, извѣстную подъ именемъ Çăваç (*ćы-вас́*); можетъ быть мѣстность, гдѣ теперь расположена эта деревня, была нѣкогда заселена другою народностью, и, составляя такимъ образомъ отдѣльную чувашскую колонію, помѣстившуюся среди населенія иного происхожденія, и была отмѣчена подобнымъ наименованіемъ въ отличіе отъ другихъ сосѣднихъ селеній, принадлежавшихъ другому племени. Если мы знаемъ и другія чувашскія селенія, названія которыхъ обличаютъ и понынѣ ихъ древнее не чувашское происхожденіе [напр. Ирçе (*Ирэ́э*), названіе чув. деревни Козм. у., имя которой обязано своимъ происхожденіемъ повидимому нѣкогда жившей тамъ мордвѣ-эрзѣ (по-чув. ирçе—*эрзя*); *Пошкӑрт*, назв. чув. села того же уѣзда, гдѣ, по преданію, когда-то жили башкиры (чув. пушкӑрт — башкиръ); Мишер-Касси (*мижэр-габбиы*), имя чув. дер. Курм. у., отъ чув. мишер (*мижэр*), мещерякъ, и пр. и пр.],—то я не вижу основаній не допустить, что подобное же явленіе могло имѣть мѣсто также относительно названій деревень съ чисто чувашскимъ населеніемъ. Въ данномъ случаѣ это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ той же самой волости, къ которой принадлежитъ дер. „Çăваç", есть другое селеніе, Пӑртас (*Пӧрдâс*), указывающее своимъ названіемъ на другой народъ, нѣкогда враждовавшій съ волжскими болгарами, а именно нынѣ уже исчезнувшихъ буртасъ.

Допустивъ за всѣмъ здѣсь сказаннымъ нѣкоторую долю вѣроятности и принявъ за возможную тождественность словъ *суас* и „ђăваш", мы все-таки будемъ принуждены остановиться передъ трудною загадкою: почему луговые черемисы могли окрестить чувашами столь отъ нихъ въ наше время отличающихся татаръ? По моему мнѣнію, отвѣтъ на подобный вопросъ можетъ быть одинъ, и именно тотъ, что современные намъ чуваши представляютъ изъ себя не что другое, какъ прямыхъ потомковъ волжскихъ болгаръ, и что черемисы,

обозначая ихъ именемъ *суас*, впослѣдствіи перенесли это имя и на татарскихъ завоевателей края, которые, унаслѣдовавъ то политическое значеніе, какое сначала принадлежало болгарамъ, и отчасти и ихъ культуру и принявъ исламъ, стали потомъ сами приписывать себѣ болгарское происхожденіе. Такое перенесеніе племеннаго наименованія съ одной народности на другую было тѣмъ болѣе возможно, что слiяніе полудикихъ пришельцевъ съ культурными болгарами (мусульманами) совершилось съ медленною постепенностью, и прежнее болгарство совершенно незамѣтно подмѣнилось татарствомъ.

Въ видѣ дополненія къ здѣсь сказанному остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Въ настоящее время, какъ это извѣстно, черемисы, живущіе на правомъ берегу Волги, называютъ чувашъ сложнымъ наименованіемъ *суасла марій*, т. е. черемисами на „суасскій“ ладъ. Это названіе указываетъ ясно, что слово *суас* первоначально не означало *татарина*, такъ какъ чуваши, какъ исконные жители края, несомнѣнно были извѣстны черемисамъ ранѣе позднѣйшихъ пришельцевъ татаръ, а потому и не могли получить свое названіе отъ сравненія съ послѣдними. Переводить выраженіе *суасла марій* словами: „черемисы на татарскій ладъ“—было бы большою нелѣпостью, и поэтому, объясняя это выраженіе, можно придти только къ тому заключенію, что оно первоначально означало *очувашившихся черемисъ*, а впослѣдствіи было перенесено и вообще на чувашъ. Произошло это, вѣроятно, по той причинѣ, что горные черемисы имѣли сношенія только съ своими очувашившимися собратіями, жившими къ нимъ въ непосредственной близости, тогда какъ съ коренными чувашами имъ приходилось сталкиваться рѣже. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что самаго слова *суас*, помимо термина *суасла марій*, горные черемисы теперь уже не имѣютъ и внутренняго смысла выраженія „суасла марій“ не понимаютъ[16]). Что касается казанскихъ татаръ, то послѣдніе извѣстны горнымъ черемисамъ не подъ названіемъ *суас*, какъ у луговыхъ черемисъ, а подъ

именемъ *тадар*,[a]) самая форма котораго (по измѣненію глухого *т* между двумя гласными въ звонкое *д*) безспорно доказываетъ, что оно перешло къ черемисамъ не непосредственно, а только путемъ передачи отъ живущихъ по сосѣдству съ ними чувашъ[17]), у которыхъ татары называются „тотар“ (чит. *тодар*).

III.

Для сужденія о языкѣ древнихъ болгаръ мы имѣемъ весьма мало прямыхъ показаній; до насъ не дошло ни одного произведенія, на немъ написаннаго, хотя нѣкоторыя данныя, какъ мы уже видѣли, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что литературныя и научныя занятія не были чужды болгарамъ, обитавшимъ на Волгѣ. Памятники болгарскаго языка (если не считать тѣхъ словъ, которыя проникли отъ болгаръ въ языки другихъ народовъ), ограничиваются лишь весьма скудными остатками, къ которымъ нужно отнести: 1) рѣдкія слова, оставшіяся отъ языка гунновъ; 2) нѣкоторыя наименованія, сохранившіяся отъ древнихъ дунайскихъ болгаръ; 3) имена болгарскихъ хагановъ, переданныя намъ греческими авторами и сохранившіяся въ болгарскомъ именникѣ; 4) рѣдкія болгарскія слова, встрѣчаемыя въ русскихъ лѣтописяхъ и у арабскихъ писателей и 5) надписи на надгробіяхъ, существующихъ въ с. Болгарахъ и другихъ мѣстахъ. Попробуемъ разобраться въ тѣхъ показаніяхъ, какія даютъ намъ нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ.

1. Отъ языка гунновъ мы имѣемъ слѣдующія слова, звуковое строеніе которыхъ заставляетъ думать о ихъ близости къ чувашскому языку:

Var (*Вар*). Мункачи первый замѣтилъ, что это имя, которымъ, по свидѣтельству Іорданиса, гунны называли рѣку Днѣпръ (а по другимъ спискамъ—его притоки), являетъ въ своемъ строеніи признаки того самаго парѣчія, изъ котораго мадьяры позаимствовали тюркскіе элементы своего языка.

[a]) Звукъ *а* перваго слога—особенность горно-черем. фонетики; срав. чув. *хола*, городъ, и горно-черем. *хала*, луг.-чер. *ола*; горн.-чер. *шаъал*, луг.-чер. *шоъл*, встань, и пр.

Какъ мы знаемъ, на другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ р. Днѣпръ носитъ названіе *Ӧзӱ* или *Ӱзӱ* [срав. въ другихъ нарѣчіяхъ *ӧзӓк*, *ӧзӧк*, „внутренность, чрево; грудь или брюхо (вмѣстѣ); рѣчка"; *ӧзӓн*, *ӧзӧн*, „сердцевина (дерева"); *ӧзӱ*, „мѣсто подъ ложкой (на груди)" *ӱзӱ*, „внутренность, нутро"[a]); каз.-тат. *ӱзӓн*, низменный, долина, *ӱзӓк*, сердцевина въ деревѣ и въ растеніяхъ; башк. *ӱδӓк*, сердцевина, долина въ горахъ, *ӱδӓн*, русло рѣки; киргиз. *ӧзӓк*, сердцевина дерева и др. растеній; узкая рѣчка; пищепроводъ; *ӧзӓн*, рѣка, рѣчка], и совершенно правильнымъ измѣненіемъ этого названія, основаннымъ на звуковыхъ свойствахъ языка, представляется чувашское *вар*, долина, средина, чрево, совершенно созвучное съ указаннымъ выше гуннскимъ словомъ. Первоначальное значеніе этого слова, очевидно, было: *углубленіе*, *внутренность*, *нутро*, а потомъ оно пріобрѣло и другія значенія, всецѣло вытекающія изъ перваго. Относительно звуковыхъ измѣненій здѣсь можно сравнить: тур. *ӧд*, каз.-тат. *ӱт*, чув. *ват*, желчь; каз.-тат. ӧлӓш, чув. валеç (*валэс́*), дѣли; каз.-тат. бөз, чув. пӑр (*пӧр*, *пӑр*), ледъ; каз.-тат. сӧз, чув. сӗр (*сӧр*, *сӗр*), цѣди.

Замѣтимъ, что наряду съ словомъ *вар*, долина, мы имѣемъ въ чув. языкѣ и другое слово—васан (*вазан*), лощина, откуда прилагательное васанлӑ (*вазанлӑ*), лощинистый; послѣднее слово любопытно въ томъ отношеніи, что оно доказываетъ весьма наглядно тотъ смѣшанный характеръ фонетическихъ явленій, который уже давно замѣченъ изслѣдователями въ языкѣ чувашъ. Принявъ во вниманіе перечисленныя выше тюркскія слова, не трудно замѣтить, что слово „васан" того же самаго происхожденія, что и слово „вар": какъ то, такъ и другое отмѣчены явною печатью своеобразной чувашской фонетики, съ тою только разницею, что обще-тюркское зубное *з* въ словѣ „васан" (чит. *вазан*), не превращено, какъ это обыкновенно бываетъ у чувашъ, въ альвеолярное *р*, а осталось безъ всякаго измѣненія. Какъ тюрк. слово *кӱз*, глазъ, звучитъ въ чув. языкѣ куç (*кус́*), а не *кур*, какъ мы предполагали бы

[a]) См. „Словарь алт. и аладаг. нарѣчій тюрк. яз." В. Вербицкаго.

по многочисленнымъ аналогіямъ, такъ и отъ тюрк. *ӱзӓн, бэӓн*, долина, рѣчка, мы могли бы ожидать въ чув. языкѣ формы *варан*, а не „васан“. Обѣ эти формы, какъ дѣйствительно существующая въ языкѣ „васан“, такъ и вытекающая изъ аналогіи **варан*, для насъ весьма важны, такъ какъ позволяютъ намъ сдѣлать попытку къ объясненію нѣкоторыхъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ землѣ волжскихъ болгаръ. По описанію болгарскаго городища, составленному въ XVIII в. и приведенному въ сочиненіи С. М. Шпилевскаго „Древніе города и др. булгар.-татар. памятники въ Казан. губ.,“ мы находимъ въ окрестностяхъ с. Болгаръ два слѣдующихъ названія, объясненіе которыхъ можно найти въ современномъ чув. языкѣ: 1) названіе озера *Еганъ-Базана* и 2) названіе озера *Щербецкаго*. Послѣднюю часть перваго названія, *Базанъ*, я произвожу отъ только что указаннаго чув. „васан“, а что касается до его первой части, *Еганъ*, то ее можно объяснять различно. Если слово *еганъ* считать за древнюю чувашскую форму, соотвѣтствующую современной ҫакан (*ҫаган*), палочникъ, typha (срав. горно-черем. *цӑгӑн*, осока, мадьяр. gyékény, палочникъ; алт. јӓкӓн, тростникъ; каз.-тат. ҫікӓн, палочникъ), то можно думать, что названіе *Еганъ-Базанъ* означало на языкѣ древнихъ болгаръ *лощину или рѣчку, заросшую палочникомъ*, и соотвѣтствовало чувашскому выраженію „ҫакан васанӗ“ (*ҫаган вазаӈ*); если же допустить, что реченіе *еганъ* есть не что другое, какъ измѣненное русскою орѳографіею чувашское слово йохан, йухан (*johan, jyhan*), текущій (прич. отъ глаг. йух, йох, *течь*), тогда названіе озера должно означать *проточную ложбину*[a]).

Что опредѣленіе „йухан“, *текущій*, иногда присоединяется у чувашъ къ нарицательнымъ именамъ, означающимъ *рѣчку*, доказывается, напр., слѣдующимъ чувашскимъ четверостишіемъ:

Ҫӗлтӗр йухан ҫырмана
Ҫӗнтер карса ҫартӑмӑр;

[a]) Послѣднее предположеніе мнѣ кажется вѣроятнѣе. Можно думать, что озеро Еганъ-Базанъ, нынѣ уже не существующее, представляло собою остатокъ прежней рѣчки.

Хĕрпе хĕре çийскене
Вăййа тухми турăмăр.
[*Ц'ӯлдӯр јуħан ćирмана*
Ц'ӯйдэр гарза ц̆ардӣмӣр;
Х'ӯрбэ ħ'ӯрэ ćијэгэйэ
Вӣјја духми турӣмӣр].

„Текущую съ журчаніемъ рѣчку мы остановили, протянувши кружево: у тѣхъ, кто злословитъ о дѣвушкахъ съ другими дѣвушками, мы отняли возможность выходить въ хороводъ“.

Что касается названія озера Щербецкаго, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, могло получиться отъ чув. слова „шерпет“ (чит. шэрбэт, шэрбэт̆), заимствованнаго изъ араб. языка (араб. شربة напитокъ) и означающаго у чувашъ сыту. Сравненіе вкусной рѣчной воды съ медовой сытой мы встрѣчаемъ и въ чувашскихъ народныхъ пѣсняхъ, напр. въ слѣдующей застольной:

Улăхрăм çӳлĕ тăв çине,
Антăм Йаруслав шывĕ çине;
Йаруслав шывĕ шерпет шыв,
Ӳпне выртса шыв ĕçрĕм.
[*Улӣхрӣм ćӳлӯ дӣв ʒ́ийэ,*
Ан дӣм Јаруслав жывӯ ʒ́ийэ;
Јаруслав жывӯ шэрбэт шыв,
Ӳ́ийэ выртса шыв ӯćрӯм].

„Поднялся я на высокую гору, спустился на Ярославъ рѣку. Ярославская[18]) вода—какъ сыта, припалъ я къ водѣ и напился“.

Возвращаясь къ названной выше формѣ* *варан*, которую можно было ожидать вмѣсто употребляемой теперь „васан“, я не могу пройти молчаніемъ названіе рѣки *Барана*, праваго притока р. Майны, на берегахъ котораго замѣтны до сихъ поръ слѣды старинныхъ городковъ. Весьма вѣроятно, что нынѣшнее названіе рѣки—Баранъ—есть древне-болгарское слово, лишь нѣсколько видоизмѣнившееся въ устахъ русскаго человѣка подъ вліяніемъ такъ называемой народной этимологіи. Точно такое же явленіе мы замѣчаемъ и въ словѣ *Базанъ*,

которое уже было нами упомянуто выше. Перемѣна болгарскаго *в* на *б* въ томъ и другомъ случаѣ заставляетъ предполагать, что или эти слова перешли въ русскій языкъ не непосредственно, а черезъ татаръ, или же, что звукъ *в* въ началѣ болгарскихъ словъ произносился не совсѣмъ такъ, какъ онъ произносится у нынѣшнихъ чувашъ[a]).

Аттила. Имя этого гуннскаго вождя нѣкоторые производятъ отъ тюрк. „ӓді̥л, іді̥л", чув. атӑл (*адӹл*), большая рѣка, Атӑл, Волга. У греческихъ авторовъ его имя пишется *Ἀττήλας* и *Ατήλας*, у латинскихъ—Attila, тогда какъ Волга называется у первыхъ *Ἀττίλας* или *Ἄτελ*. Если допустить, что имя одного изъ сыновей Аттилы, *Δεγγιζίχ*, происходитъ отъ тюрк. дінгі̥з, дӓнiз, чув. тинӗс (*тинӹс*, *тинӹс*, *тенӹс*), море, то происхожденіе имени самого вождя отъ вышеупомянутаго тюркскаго наименованія рѣки нужно признать вполнѣ возможнымъ.

Здѣсь представляется умѣстнымъ обратить вниманіе на греческую передачу тюркскаго названія рѣки Волги—*Ἄτελ* или *Ἀττίλας*. [b]) Мнѣ кажется, что появленіе въ этомъ переданномъ намъ греческими писателями тюркскомъ словѣ глухого *τ* вмѣсто звонкаго *δ* объясняется звуковыми особенностями того тюркскаго нарѣчія, откуда было взято это слово. Какъ извѣстно, соотвѣтствующая особенность свойственна нарѣчію чувашскому, которое не имѣетъ въ числѣ своихъ звуковъ многихъ звонкихъ согласныхъ; напр., въ немъ отсутствуютъ звуки *б*, *з*, *г*, *д*, *ж*, а есть только нѣчто подобное этимъ звукамъ, что-то среднее между *п* и *б*, *с* и *з*, *к* и *г*, *т* и *д*, *ш* и *ж*. Отраженіе сказаннаго свойства языка я вижу и въ приведенныхъ здѣсь греческихъ словахъ, а также и въ томъ имени, которое носитъ Волга у арабовъ—اتل, и предполагаю, что то нарѣчіе, изъ котораго почерпнуты эти наименованія, по своему звуковому строю стояло очень близко къ чувашскому языку. На томъ же самомъ основаніи я думаю, что арабское اتل

[a]) Однако всего скорѣе здѣсь можно заподозрить вліяніе народ. этимологіи, а именно созвучія съ рус. словами *баранъ* и *базанъ* (=крикунъ, „зѣвло́").

[b]) У Рубруквиса—Etilia.

должно было прозноситься съ *фатхой* алифа (أَنَل), а не съ *касрой* (إِنَل), какъ у насъ обыкновенно принято читать это слово.

Kerka (*Керка*). Это имя, которое носила любимая жена Аттилы, возможно сравнивать съ чувашскимъ языческимъ именемъ Хĕркке (*хӳ*$_{ркк}$*э*)[a]. Послѣднее имя происходитъ отъ слова „хĕр", дѣвушка, соотвѣтствующаго обще-тюркскому *кыз*; что же касается окончанія „ке*, кке" (широкозвучная форма— „ка, кка"), то оно, въ качествѣ диминутивнаго аффикса, встрѣчается и въ другихъ чувашскихъ личныхъ именахъ, каковы женскія: Сертӳкка (*сӳрдӳкка*), Мипкке (*мийкк*$_э$), Ипперкке (*пийэрккэ*), Улӳкка (*Улӳкка*), Уҫӳкка (*Уйӳкка*), Уҫӳркка (*Уйӳркка*) и мужскія: Йуманĕка (*йуманкка*), Куракка, Петĕркке (*пэдӳркк*$_э$), Йаруска (*йаруска*) и др. Кромѣ имени Хĕркке мы знаемъ у чувашъ и другія личныя женскія имена, произведенныя отъ того же самаго слова хĕр (*хӳр*); сюда относятся: Хĕрпик (*хӳрби*$_к$), Хĕрпикке (*хӳрбикк*$_э$), Хĕрҫеней (*хӳрҫэйнӗ*), Хĕрслу (*хӳрислу*), Хĕртилет *хӳрдилэт*) и пр.

2. Въ числѣ наименованій, сохранившихся отъ языка дунайскихъ болгаръ, замѣчу слѣдующія:

Kavaz, xavvaz, xanes, соотвѣтствуетъ тюркскому *каҕан, каан, кан, хан*; въ чувашскомъ языкѣ это слово встрѣчено мною въ отдѣльности лишь въ верховомъ нарѣчіи, въ формѣ *хон*, ханъ [тотар хон (*тодар хон*, вм. *тодар хойӳ*) татарскій ханъ], откуда черем. *он*. Въ низовомъ нарѣчіи оно встрѣчается только въ сложныхъ названіяхъ какихъ-то двухъ мнѣ неизвѣстныхъ мѣстъ, Шур-Хун и Сар-Хун (*Шурхун, Сархун*), которыя буквально означаютъ: *Бѣлый-Ханъ* и *Русый-Ханъ*. Въ числѣ чувашскихъ божествъ, призываемыхъ въ с. Сунчелеевѣ Чист. у Каз. губ., упоминается, между прочимъ, Шур-Хунта выртакан ырă амăшĕ, Шур-Хунга выртакан ырă (*Шур-*

[a]) Записано въ дер. Рысайкинѣ Бугуруслан. у. Самар. г. Языческія имена чувашъ разныхъ мѣстностей я предполагаю издать отдѣльно.

ћунда вырдаган ыр'амӣжӯ, Шурћунда вырдаган ырӣ), „мать святого, почивающаго въ Шуръ-Хунѣ, святой, почивающій въ Шуръ-Хунѣ", и Сар-Хунта выртакан ырӑ амӑшӗ, Сар-Хунта выртакан ырӑ (*Сарћунда вырдаган ыр' амӣжӯ, Сарћунда вырдаган ырӣ*), „мать святого, почивающаго въ Саръ-Хунѣ, святой, почивающій въ Саръ-Хунѣ".

Υβιβη, υβηγη, υβιγι, υβυγη. Этотъ титулъ болгарскихъ князей, встрѣчающійся въ четырехъ довольно различныхъ редакціяхъ, Томашекъ считаетъ тождественнымъ съ половецкимъ öweghü, öwghü, *высокій, славный*; но такъ какъ по общему правилу тюркскаго словосочиненія опредѣленіе ставится всегда раньше опредѣляемаго, чего мы не видимъ, напр., въ сочетаніи *'Ωμορταγ κάννας υβιβη*, то такое объясненіе слѣдуетъ считать неправильнымъ. Имѣя въ виду возможность смѣшенія въ древнемъ письмѣ греческихъ буквъ *β, γ* и *μ*, я рѣшаюсь сдѣлать предположеніе, не прочитано ли это слово ошибочно, и не слѣдуетъ ли на надписяхъ читать *υμβυ* или *υμβι*. Въ верховомъ нарѣчіи чув. языка слово ёмпӯ (*ӧмбӯ*) означаетъ *царя*. Это слово, какъ я уже однажды имѣлъ случай разъяснить, происходитъ отъ тюрк. *ӧн*, великій и *пі*, князь, и такимъ образомъ первоначально означало главнаго изъ князей. Низовые чуваши слова „ёмпӯ" уже не знаютъ, и замѣняютъ его татарскимъ *патша*. Приведенное выше эллинизированное выраженіе, *'Ωμορταγ κάννας υβιβη* могло по-болгарски значить: *ханъ и верховный повелитель Омортагъ*. Предлагаемое здѣсь мною объясненіе, разумѣется, имѣетъ лишь условное значеніе, и можетъ быть или подтверждено или опровергнуто тѣми, кто имѣлъ возможность познакомиться съ подлинными надписями или ихъ точными снимками.

Βαιανός, ΒαΤβαιᾶν. Имя *βαιανός*,— *βαιᾶν* вѣроятно соотвѣтствуетъ тюркскому *бай*, богатый, которое нерѣдко входитъ и въ составъ личныхъ именъ. Въ современномъ чув. языкѣ этому слову соотвѣтствуетъ прилагательное пойан, пуйан (*појан, пујан*), такъ какъ тюрк. *а* перваго слога у чувашъ измѣнилось почти вездѣ въ *о* или *у*. У вотяковъ[a]) мы находимъ слово

[a]) Въ с. Малыхъ Лызяхъ Казан. уѣзда.

Баjан въ значеніи личнаго женскаго имени, можетъ быть заимствованнаго имя отъ волжскихъ болгаръ; тоже самое имя встрѣчается и въ извѣстномъ древне-русскомъ литературномъ памятникѣ: „Слово о полку Игоревѣ". Сочетаніе *ВаТβаiᾶν* J. Marquart предлагаетъ читать *ВаГβаiᾶν*=bāg Bajan.

Καμλαγάνος, Παγάνος, βαγανος. Первое имя, какъ замѣтилъ J. Marquart, —сложное изъ *Καν Παγάνος*; второе и третье слова какъ будто имѣютъ одно общее происхожденіе. Имя *Παγάνος* можно производить отъ тюрк. *пак*, современнаго чув. пăх (*пăх*), смотрѣть, наблюдать. По-чувашски пăхан (*пăһан*) есть причастная форма, въ значеніи: „смотрящій, наблюдающій", а въ нѣкоторыхъ верховыхъ говорахъ это причастіе употребительно въ смыслѣ *округа, подлежащаго чьему-либо завѣдыванію* или *церковнаго прихода*. То же самое причастіе входитъ въ названіе одного чувашскаго божества, записанное В. К. Магницкимъ въ неточной транскрипціи *Пыпт-пыпан* (слѣдуетъ: *пăһăт-пăһан*, пăхăт-пăхан?) и переводимое имъ въ одномъ мѣстѣ словами: „видящій отдаленное", а въ другомъ выраженіемъ: „частный смотритель за моленіемъ чувашъ (!)".

Самъчи, самъчиа, „домоправитель". Это болгарское слово я произвожу отъ древне-чув. **сам*, число, счетъ, сохранившагося въ мадьярскомъ szám, имѣющемъ то же самое значеніе. Въ нынѣшнемъ чув. языкѣ это слово произносится *сум* и употребляется также въ нѣкоторыхъ сложныхъ выраженіяхъ, каковы: сума-су (*сума-зу*), „въ счетъ класть", почитать, уважать; сум кăлар (*сум ғăлар*), высчитывать, сосчитывать [19]). Въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ слово *число* произносится *сан*: переходъ конечнаго *н* въ *м* въ словахъ *самъчи, самъчиа, szám, сум* представляетъ характерную особенность чувашскаго языка. Слова самъчи, самъчиа (въ греческой передачѣ *Σαμ-ψις, σαμψής*), гдѣ чи, чиа—тюрк. афф. имени дѣйствующаго чы, чi, чув. çă, çĕ (*çй, çэ*), могли первоначально означать *лицъ, завѣдывавшихъ отчетностью*.

Αλτζιx (Алцикъ). Имя этого болгарскаго вождя напоминаетъ названіе одной чувашской деревни Бунскаго у. Альшиховой, по чув. Алших (*Алжих*), которое, какъ и вообще

названія многихъ селеній чувашскаго края, могло вначалѣ употребляться въ значеніи личнаго имени [20]).

3. Имена болгарскихъ кагановъ, переданныя намъ греческими авторами и сохранившіяся въ болгарскомъ именикѣ.

Кувратъ (Κούβρατος). При имени этого болгарскаго князя вспоминается названіе одной деревни Каз. губ., Кубердѣевой, иначе Кривуши [a]). Какъ то, такъ и другое слово я произвожу отъ тюрк. kөт, у чувашъ Белеб. у. Уфим. губ. заимствованное кăт (*кӑт*), присутствіе духа, благополучіе, счастье, козм. чув. хăт (*хӑт*), приглядность, и тюрк. бірді̥, берді̥, пăрді̥, соврем. чуваш. паҕĕ (*паҕĕ, паӳĕ, парӳĕ*), онъ далъ. Сложныя имена, послѣднею частью которыхъ служитъ глагольная форма *онъ далъ*, въ восточныхъ нарѣчіяхъ встрѣчаются нерѣдко.

Исперихъ или *Аспарухъ (Ἀσπαρουχ).* Такъ какъ греки, не имѣя особой буквы для обозначенія звука *ш*, неизбѣжно должны были изображать его другими знаками, то, имѣя въ виду, что окончаніе *ук* встрѣчается въ тюркскихъ именахъ въ значеніи диминутивнаго аффикса, я позволяю себѣ сравнивать это имя съ тюркскимъ именемъ *Ішпăрді̥ или *Ӑшпăрді̥, перешедшимъ, въ числѣ многихъ тюркскихъ личныхъ именъ, и къ луговымъ черемисамъ. Такъ, въ статьѣ „Епископъ на языческомъ мольбищѣ у черемисъ", напечатанной въ № 19 Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей за 1901 г., между прочимъ встрѣчаются черемисскія языческія имена *Актай Актамовъ* и *Ишпирда Ишкуатовъ*. Имя „Ишпирда" сложено изъ двухъ словъ: „іш"=казан. тат., башкир. *іш*, равный, подобный, товарищъ; многочисленность; чув. йыш (*јыш*) семья, люди; йышши, йышшĕ (*јышши, јышшӳ*), подобный чему либо, ун йышши, подобный ему; йышлă (*јышлӑ*), многочисленный; въ словарѣ В. Вербицкаго ăш, товарищъ; *ăс, іс*, имѣніе, и „пірді̥" [каз.-тат., башк. „бірді̥", кирг. „берді̥", чув. паҕĕ (*паҕĕ, паӳĕ*), алт. „пăрді̥", абакан. „пірді̥"], *онъ* (т. е. Богъ) *далъ*.

---

[a]) Шпилевскій, 405 с.

Тервель (*Τέρβελις*). Начальный слогъ этого слова напоминаетъ намъ каз.-тат. „Тāнгрі̥“, *Богъ*; „тāрі̥“, *икона*; адерб. „Тарі“, *Богъ*; чув. турă (*турй*), богъ, торă (*торй*), богъ, икона. Это слово, первоначально означавшее у тюркскихъ племенъ *небо*, можетъ входить также въ составъ личныхъ именъ. Чувашское „турă“ представляетъ изъ себя позднѣйшее измѣненіе тюркскаго „тāнгр̥̇“, такъ какъ выпаденіе небно-носового звука *н* въ срединѣ тюркскихъ словъ и замѣна первоначальнаго узкаго *э* широкимъ *а*, а потомъ превращеніе послѣдняго звука въ *у* суть явленія, не чуждыя чувашской фонетикѣ. Такъ, напр., вм. джагат. „kызыгыз“, *ваша дочь*, чуваши произносятъ: „хĕрĕр“ (*х́ӗрӗр*), вм. „кілдінгіз“, *вы пришли*,—килтĕр (*ки.і̇дӗр*, *ки́.і̇д'ӗр*); вм. каз.-тат. „тāртā“, *оглобля*, —турта, торта (*турда*, *торда*), вм. кāкі̥рі̥, кривой,—кукăр, коккăр (*кугйр*, *кэккйр*) и пр.

Вторая часть имени князя, *вель*, *βελ-ις*, могла въ дѣйствительности произноситься *бэl*, такъ какъ греки временъ Византіи уже не имѣли въ своемъ языкѣ звука *б* и потому, если онъ встрѣчался въ словахъ иностраннаго происхожденія, то замѣняли его звукомъ *в* (*β*). Слово bély (*бэ̄.і*), въ смыслѣ *знакъ*, мы находимъ въ современномъ мадьярскомъ языкѣ; но слово это не чисто-мадьярское, а заимствованное изъ того же самаго источника, откуда мадьяры взяли значительную часть тюркскихъ элементовъ своего языка, т. е. изъ того нарѣчія, которое носило въ себѣ отпечатокъ звукового строя, свойственнаго чувашскому языку. Въ другихъ тюрк. нарѣчіяхъ слово „знакъ“ встрѣчается въ формѣ: белг̥̇ (кирг.), білг̥̇ (каз.-тат., башкир.), пāлг̥̇ (алт.), а въ современномъ чувашскомъ нарѣчіи оно произносится въ тетюш. гов. палă (*палй*), паллă (*паллй*) и въ прочихъ говорахъ паллă (*паллй*). Звукъ *а* въ этомъ чувашскомъ словѣ, конечно, не первоначальный, но, по извѣстному фонетическому обыкновенію, получился изъ болѣе ранняго узкаго *э* (=франц. *è*): древніе чуваши должны были произносить его не палă (*палй*), а *пелĕ (*пэ.і̇ӗ*), и въ этой то формѣ это слово и перешло въ языкъ мадьярскій, въ ту эпоху, когда еще существовало болгарское

вліяніе на мадьяръ, т. е. во всякомъ случаѣ не позднѣе IX вѣка. Такимъ образомъ, имя болгарскаго князя, какъ мы видимъ, соотвѣтствуетъ въ точности тюркскому Тäнгрj̣-білгj̣ (сj̣), титулу одного тюркскаго хана, упоминаемаго въ Орхонскихъ надписяхъ, и въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: *Божій знакъ*. Въ современномъ чув. языкѣ реченіе „Божій знакъ" произносится Турă палли (*Турй баλλи*ы) и имѣетъ значеніе *родинки, родимаго пятна*[a]). Послѣднее обстоятельство даетъ намъ твердую основу для объясненія страннаго имени болгарскаго князя. Какъ извѣстно, у нынѣшнихъ чувашъ, такъ же, какъ и у татаръ, существуетъ обыкновеніе давать тѣмъ изъ дѣтей, которыя родятся съ какимъ-либо знакомъ на тѣлѣ, особыя имена, произведенныя отъ слова, означающаго родинку; таковы, напр., каз.-тат. имена: Міңлj̣ (Міңнj̣) Ђалї (*Али съ родинкой*) и Міңг-Ц̣амал (жен. имя). Въ „Татарско-русскомъ словарѣ" Н. Остроумова указаны два слова: міңкä и міңнj̣кäj; первымъ татары называютъ женщину съ бородавками, а вторымъ—такого же мужчину. Въ объясненіе этихъ словъ тамъ же сказано: „Существуетъ повѣрье, что названія „міңкä" и „міңнj̣кäj" способствуютъ уничтоженію бородавокъ". Среди языческихъ именъ, употребляемыхъ и до сихъ поръ чувашами, встрѣчаются нѣкоторыя имена, очевидно произведенныя отъ тат. міңг, *родинка* (бородавка); таковы мужскія имена: Миҫук (*мин́ук*), Минлеккей (*мин́лэккэj*), Минлипай (*мин́либаj*) и женскія: Минкке (*мин́ккэ*), Миҫаслу (*мин́аслу*), Минеç (*мин́эс́*), Минеçпи (*мин́эс́пи*), Миннипикке (*мин́ни́биккэ*) и Минйамал (*мин́jамал*, отъ مينك جمال). По разсказу одного чувашина, уроженца с. Лѣсныхъ Кошекъ, Буин. у. Симб. губ., на его родинѣ была одна женщина-чувашка, по имени „Минкке", которой это имя было дано по той причинѣ, что у нея на тѣлѣ были отъ рожденія какіе-то рубцы. Обычай давать новорожденнымъ подобныя имена, основанный

---

[a]) Ср. морд.-каратайское „тäрj̣-тамга", id. Paasonen, Die sogenannten Karataj-Mordwinen od. Karatajen. Helsingfors, 1902, s. 38.

на извѣстныхъ суевѣрныхъ воззрѣніяхъ, вѣроятно существуетъ и у другихъ тюркскихъ народовъ.

Севаръ. Считая *ар* тѣмъ же самымъ глагольнымъ аффиксомъ, какой мы замѣчаемъ въ чув. языческомъ имени *Туктар*, отъ тюрк. глагола *тукта*, чув. тăхта (*тӧхта*), остановиться: быть живучимъ [срав. чув. муж. имена: Тăхтамăш (*Тӣхтамӣш*), Тăхтаман (*Тӣхтаман*), Тăхти (*Тӣхти*ᵘ)], можно предположить, что имя князя Севара произошло отъ гл. **сāв* (современ. чув. *сав*, осман. *сāв*), „любить" и означаетъ въ переводѣ: *любимецъ*. Здѣсь умѣстно привести для сравненія каз.-тат. „сӧјӓркā", любовникъ, любовница, гдѣ *кā* диминутивное окончаніе, прибавленное къ основѣ сӧјāр, соотвѣтствующей въ осман. языкѣ формѣ *сāвāр*. Къ корню *сав*, *сāв*, любить, можно отнести и болгарское *Σαβινος*, имя зятя князя Кормисоша (J. Marquart, op. cit., 73), которое совершенно равнозвучно съ чув. языческимъ именемъ мужчины Савин (*Савин*).

Бихтунь. Принимая во вниманіе условія греческаго написанія, я читаю это имя *Бихтуан*, гдѣ первая часть *Бих* означаетъ князя (тюрк. бāк, бік, бāј, пї, срав. хазар. *Πεχ*), а вторая *туан* значитъ *рожденный*. Я сильно подозрѣваю, что то же самое реченіе *туан* входитъ также и въ составъ непонятнаго слова بلطوار, встрѣчающагося у Ибнъ-Фадлана. Можетъ быть, вмѣсто чтенія المس بن شلكى بلطوار было-бы правильнѣе прочесть المس بن شلكى بكطوان, т. е. *Алмаса, сына Шильки Биктуана*, считая „Биктуанъ" за родовое имя? У современныхъ намъ язычествующихъ чувашъ мы встрѣчаемъ это слово только въ формѣ „Питукан" (*пидуган*), т. е. не чисто чувашской, а заимствованной изъ какого-то другого родственнаго нарѣчія, весьма вѣроятно - отъ татаръ, что у чувашъ случается нерѣдко. Что форма Питукан не чисто чувашская, а заимствованная, доказываютъ чувашскія имена „Сартуан" (*Сардуан*, [а]) изъ *сарӣ*, русый, и *туан*, рожденный) и „Хоратуан" (*Хорадуан*, изъ *хора*, черный, и того же *туан* [б]), подъ которыми извѣстны двѣ

[а]) Мѣстами—*Сардон*.

[б]) = обще-чув. тăван (*тӣван*).

знаменитыхъ киремети, почитаемыя чувашами западной части Козм. у. Чувашское имя „Хоратуан“ я вижу также въ названіи одной деревни, *Карадуванъ*, упоминаемой у г. Шпилевскаго и находящейся на р. Шошмѣ, на самой границѣ Казанскаго и Малмыжскаго уѣздовъ. Названіе *Карадуванъ* не татарское, это доказывается строеніемъ этого слова: звонкимъ *д* вмѣсто обще-тюркскаго *т* между двумя гласными и замѣною обще-тюркскаго *ҕ* звукомъ *в*. Если бы это названіе происходило изъ каз.-татарскаго или мишарскаго нарѣчія, то оно, какъ извѣстно, произносилось бы не *Карадуванъ*, а „Каратыуҕан“ или „Каратуҕан“. Такимъ образомъ и это слово можно считать также за одинъ изъ немногочисленныхъ остатковъ древняго болгарскаго языка.

Телець (Τελέσιος, Τελέτζης). Это болгарское имя звучитъ какъ будто совершенно по-славянски; однако, если мы припомнимъ, напр., странное, во всякомъ случаѣ не русское названіе рѣки *Тельцы* (чув. Тилçе, *тилз'э*), лѣваго притока р. Свіяги, то славянское происхожденіе имени этого князя можетъ намъ показаться сомнительнымъ.

Κορμέσιος (*Кормисошь*). Это имя можно производить отъ чув. кĕрĕм (*к'ŏрŏм*), въ выраженіяхъ: йаш кĕрĕм (*јаш к'ŏрŏм*), çамрăк кĕрĕм (*ćамрăк к'ŏрŏм*), молодецъ, молодой парень, и димин. афф еç (*эć*), который нерѣдко встрѣчается въ чув. языч. именахъ. Срав. мужскія имена чувашъ: Хĕрлеç (*х'ĕр.іэć*), отъ хĕрлĕ (*х'ĕр.іĕ*), красный, Тимĕр (*тимĕр*) и Тимĕреç (*тимĕрэć*). *Кĕрĕмеç могло означать *мальчика*, подобно тому, какъ женское имя „Хĕркке“ (см. выше, *Kerka*) буквально означаетъ *дѣвочку*.

Уморъ и *Омуртагъ (Οὔμαρος; Ὠμουρταγ)*. Въ современномъ чувашскомъ языкѣ имѣются слова: хăмăр (*хŏмŏр*), бурый (діалектически—темнокоричневый) [a]); Хăмартка (*Хŏмартка*), назв. чув. деревни Курм. у. (по-рус. *Кумарка*); ăмăрт-

---

а) Хăмăрлан (*хŏмŏрлан*, чебокс.), нахмуриться, насупиться. Въ д. Шумерлѣ Курм. у., какъ мнѣ передавали, есть чув. фамилія *Хуморовыхъ*.

кайăкĕ (*ăмăрт-кайăкĕ*), козм. амăрт-кайăк (*амăрт-кайăк*) орелъ; ăмăрт (*ăмăрт, ӑмӑрт*), ăмăртлан, опережать (отъ *ум*, передъ): ăмăртса çиĕт (*ăмăртса з'иэт*), „ѣстъ, стараясь опередить другихъ“ (османъ. *öнүрдүшмäк*, стараться опередить другъ друга, *öнүрдү*, передовой. (См. словарь اختری کبیر слова: سباق и قدم).

Такъ какъ начальное *х* въ чувашскихъ словахъ [а]) иногда исчезаетъ, чему могутъ служить примѣромъ слова: хăмсан и ăмсан (*хӑмзан, ӑмзан*), зариться на что, convoiter; хăвăш и ăвăш (*хӑвăш, ӑвăш*), жимолость; *хӑла* (козм.), *ола*, ăлав (*ӑлав*), *лав*, подвода,—то имена „Уморъ“ и „Омуртагъ“ можно производить отъ трехъ основъ: вышеприведенной „хăмăр“, ея неупотребительной разновидности *хăмăрт и *хăмарт, которую мы встрѣчаемъ въ наименованіи дер. Кумарки—Хăмартка. Въ соотвѣтствіе съ двумя первыми формами каз.-тат. нарѣчіе представляетъ намъ два прилагательныхъ: „кəнгəр“, темнорусый, и „кəнгəрт“, коричневый (у крещ. татаръ д. Серды Лапш. у.); угрюмый (въ словарѣ Остроумова). Что касается имени селенія „Хăмартка“, то здѣсь мы, вѣроятно, имѣемъ дѣло съ производнымъ словомъ, въ которомъ „ка“—димин. аффиксъ. Это наименованіе могло первоначально принадлежать человѣку, бывшему основателемъ этой деревни, хотя его смысловое значеніе пока остается загадочнымъ. Въ отношеніи употребленія диминутивнаго аффикса можно сравнить нѣкоторыя изъ мужскихъ именъ, употребляемыхъ язычествующими чувашами, каковы: *Шуркка* (отъ шурă, *шурӑ*, бѣлый), Хураç (*Хураć*) и Хураçка (*Хураćка*), отъ *хура*, черный [б]); Тимĕр (*тимӗр*) и Тимĕркке (*тимӗркӗ*), отъ „тимĕр“, желѣзо, а также имена прилагательныя: имшер (*имжэр*) и имшеркке (*имжэркӗ*), худой, тощій; наӳар (*наӳар*) и наӳаркка (*наӳаркка*), плохой; мăнăр (*мӑндӑр*) и

а) А также и въ заимствованныхъ греческихъ, ср. *Χουνοί, Οὖννοι*, и *Οὖννοι*, гунны.

б) „Хураçка“ также кличка черной собаки (какъ у русскихъ—*Жучка*), отъ *хура*, черный + димин. афф. „-ач“ + дим. афф. „-ка“.

мăнтăркка (*мŏндŏркка*), толстый, жирный. Болгарское „Омуртагъ“ мы можемъ разложить на элементы: *омурт* + димин. афф. *аг*, который иногда замѣчается и въ чув. словахъ, напр. въ курм. маçак (*маз'ак*), мой дѣдушка со стороны отца (козм. маçи, *маз'и*), курм. *мамак*, моя бабушка со стороны отца (козм. мами, *ма*$_{м}$*и*), а также въ языч. именахъ мужчинъ: Исенек (*Из*$_{э}$*ӥэ*$_{к}$) [а]), которое происходитъ отъ основы **из*$_{э}$*ӥ*—алт. *ӓзӓн*, каз.-тат. *ісӓн*, здоровый [срав. чув. мужскія имена Исентей (*Из*$_{э}$*ӥ*$_{д}$*эј*), Исанпай (*Изамбај*) и Исанхаҫ (*Изанħац'*)], и Ахмаťак (*Ахмад'ак*), отъ Ахмаť (*Ахма*$_{т}$),—и предполагать, что имя *'Ωμουρταγ* (такъ же, какъ и *Οὔμαρος*) могло первоначально имѣть значеніе *темнорусый*.

Что касается чув. слова ăмăрт-кайăкĕ, ăмăрт-кайăк, амăрт-кайăк, „орелъ“, то этимологія первой части этого слова не совсѣмъ ясна. Если предположить, что ăмăрт получилось изъ болѣе ранняго *хăмăрт, то чѣмъ объяснимъ появленіе суффикса прит. 3-го лица въ словѣ кайăкĕ? Если бы ăмăрт было прилагательнымъ, то суффиксальное притяженіе было бы неумѣстно; кромѣ того, звукъ *а* въ началѣ этого слова въ козм. говорахъ какъ будто указываетъ на то, что низовое начальное ă въ формѣ „ăмăрт“ не первоначальное, а позднѣйшаго образованія. Съ первымъ затрудненіемъ однако справиться легче, потому что притяж. суффиксъ могъ здѣсь явиться лишь съ теченіемъ времени, когда отдѣльный смыслъ реченія „ăмăрт“ былъ забытъ и его стали считать за какое-то substantivum, а кромѣ того многіе говоры употребляютъ это слово во всѣхъ падежахъ безъ прит. суффикса (напр. род. „ăмăрт-кайăкăн“ дат.-вин. „ăмăрт-кайăка“, и пр.) [б]).

Если предположить, наконецъ, что имя „Омуртагъ“ есть производное отъ вышеназваннаго глагола „ăмăрт“, то окон-

---

а) —„ак“ и „-ек“—широкозвучная и узкозвучная формы одного и того же аффикса.

б) Однако и здѣсь неупотребленіе аффикса могло быть вызвано его позднѣйшимъ отпаденіемъ, что вообще не чуждо чув. языку. См. „Матеріалы“, стр. 380.

чаніе „*аг*“ можетъ быть объяснено какъ глагольный аффиксъ, образующій имена дѣйствующаго (noms d'agent).

Крумъ (*Κρουμος*). У чувашъ Козмодемьянскаго уѣзда сохранились старинныя личныя имена мужчинъ: Хăрăм (*Хŏрŏм*), происходящее, можетъ быть, отъ нариц. имени хăрăм (*хŏрŏм*), „сажа“, и Кăрăмкай (*Кйрймгаj*), гдѣ—„кай“—димин. аффиксъ [a]).

Οσλα(ν)νας (*Осланъ*). Это собственное имя (см. И. Д. Шишмановъ, Критиченъ прѣгледъ на въпроса за произхода на прабългаритѣ, 661 с.) напоминаетъ тат. осман. *арыслан*, адерб. *аслан*, чув. арăслан (*арйслан*),* услан, левъ. См. Примѣчанія, 21.

4. Образцы болгарскаго языка, дошедшіе до насъ въ русскихъ лѣтописяхъ и арабскихъ сочиненіяхъ, ограничиваются двумя словами: словомъ *трунове*, о которомъ мы уже имѣли случай говорить выше, и таинственнымъ سجو (сиджу) у Ибнъ-Фадлана, въ которомъ нѣкоторые видѣли не существующую въ русскомъ языкѣ *сычевку*. Такъ какъ, повидимому, то же самое слово встрѣчается и у Ибнъ-Даста, въ начертаніи السح, гдѣ ال—членъ араб. языка (см. А. Гаркави, 261), то, по моему мнѣнію, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, здѣсь можно предполагать искаженіе первоначальнаго текста. Сдѣлавъ лишь незначительное измѣненіе, я читаю это слово سم (*сим*), السم, такъ какъ конечная буква م въ арабскомъ написаніи представляетъ значительную возможность для смѣшенія ея съ конечнымъ ح. Слово „сим“ въ чув. языкѣ составляетъ названіе какого-то напитка, въ наше время, какъ кажется, уже неизвѣстнаго, хотя воспоминаніе о немъ сохранилось и по сію пору въ народной поэзіи чувашъ. Это видно, напр., изъ слѣдующихъ отрывковъ:

Сĕтел лартса, сим лартса
Пĕр ватăсăр килĕшмест.
Пирĕншĕн пуçланă пиҕĕкĕр
Пиртен вара сим пултăр;

---

a) Имена эти записаны И. А. Аѳанасьевымъ.

Пирĕншĕн пĕçернĕ йашку-çăкăру
Пиртен кайран сим йултăр.
[сӳдэ.і *лартса*, сим лартса
йӳр *вадӑзӑр* кил.ӳшӗэст.
пирӳнӗхӳн *бусланӑ* пиçӳгӳр
пирдэн *вара* сим *булдӑр*;
пирӳнӗхӳн бӳз'эрнӳ *јашку-з'ӑлӑру*
пирдэн *гајран* сим *јулдӑр*.]

Когда приготовишь столъ и поставишь „сим“, то не хорошо пировать безъ старыхъ людей. Пусть та бочка, которую вы почали для насъ, послѣ насъ обратится въ „сим“; пусть вмѣсто вашихъ яствъ, приготовленныхъ для насъ, послѣ насъ останется „сим“.

Въ другомъ отрывкѣ можно видѣть еще яснѣе, что слово „сим“ означало именно какой-то вкусный напитокъ:

Сирĕн хăтăран хĕрĕх кăшăлăй пиçĕкки пур:
Пĕр пăккинçен сим йухать,
Тепĕр пăккинçен пыл йухать.
[сирӳн *ћӑдӑрӑн хӳрӳх кӑжӑлăй* пиçӳги *бур*:
йӳр *бӑккинçэн* сим *јућа*т,
тэбӳр *бӑккинçэн* пыл *јућа*т.]

„У вашего свата есть бочка: изъ одной ея жалейки течетъ медъ, изъ другой жалейки течетъ „сим“.

Иногда также можно встрѣтить въ пѣсняхъ и другихъ произведеніяхъ слово „сим“ въ соединеніи съ словомъ „медъ“, въ видѣ парнаго слова „сим-пыл“ (сим-*пыл*).

5. Самымъ важнымъ памятникомъ древне-болгарскаго языка, дающимъ наиболѣе надежные матеріалы для сужденія о нарѣчіи, на которомъ говорили волжскіе болгары, слѣдуетъ считать тѣ надгробныя надписи, которыя были открыты въ с. Успенскомъ-Болгарахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ древняго болгарскаго государства. Тѣ изъ болгарскихъ надписей, которыя были найдены среди развалинъ города Болгара, какъ извѣстно, были впервые списаны по приказанію императора Петра Великаго, отданному имъ въ 1722 г.

когда этотъ государь отправлялся въ персидскій походъ. Три изъ этихъ надписей были армянскія, остальныя 47—мусульманскія и написаны арабскимъ письмомъ. Послѣднія надписи были переведены на русскій языкъ ахуномъ Кадыръ-Мухамедомъ, сыномъ Сунчалеевымъ, и слободскимъ переводчикомъ Юсуфомъ Ижбулатовымъ. Русскій переводъ болгарскихъ надписей впервые напечаталъ Лепехинъ, подлинныя же надписи были въ первый разъ опубликованы извѣстнымъ оріенталистомъ Клапротомъ, въ Nouveau Journal Asiatique за 1831 г. Къ сожалѣнію, Клапротъ не имѣлъ у себя подъ руками самаго оригинала списка болгарскихъ надписей и былъ принужденъ руководствоваться лишь весьма плохою копіею, сдѣланною лицомъ, совершенно не знавшимъ языковъ и письма надписей. Это даетъ намъ возможность предполагать, что самая копировка могла быть весьма неточной. Подобную же неточность слѣдуетъ заподозрить и въ первоначальномъ списываніи эпитафій, такъ какъ не арабскія и не татарскія рѣченія, встрѣчающіяся на надгробіяхъ, не должны были быть понятными первымъ списывателямъ, и слѣдовательно могли подать поводъ къ ихъ произвольному искаженію или измѣненію. Иногда подобныя искаженія могли быть и невольными, но кромѣ того они также могли вызываться и другою причиною—весьма естественнымъ у невѣжественныхъ людей стремленіемъ „исправить“ непонятные для нихъ тексты и привести ихъ въ „надлежащій“ видъ. Кромѣ злополучнаго стремленія къ „исправленію“ надписей, татарскіе списыватели могли повредить ихъ и въ другомъ отношеніи: они могли выкидывать и исключать изъ текста нѣкоторыя странныя для нихъ выраженія, напримѣръ болгарскія числительныя имена, которыя, по ихъ начертаніямъ, иногда совершенно не похожи на татарскія; и, можетъ быть, этимъ и объясняется то странное обстоятельство, что во всѣхъ надписяхъ, снятыхъ въ XVIII столѣтіи, стоитъ одна и та же дата تاريخ حيات جور (700 г.), безъ прибавленія десятковъ и единицъ.

Въ 1852 г. Березинъ, въ статьѣ „Болгаръ на Волгѣ“, снова перевелъ на русскій языкъ всѣ эти надписи, слѣдуя

тексту Клапрота; кромѣ того, въ его статью вошло 25 новыхъ надписей, которыхъ нѣтъ въ числѣ снимковъ, сдѣланныхъ при Петрѣ Великомъ, и одна надпись съ береговъ р. Зая. „Въ настоящее время, говоритъ Березинъ, сохранилось въ Булгарѣ до 36 камней съ мусульманскими надписями: всѣ они представляютъ только эпитафіи. Изъ числа ихъ 10 эпитафій находятся въ снимкахъ, сдѣланныхъ по приказанію Петра Великаго; остальныя же или не были сняты въ то время или же недоступны, по своей испорченности, чтенію".

Спустя 11 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ статьи Березина были обнародованы три новыхъ болгарскихъ надписи, найденныхъ въ другихъ мѣстахъ. Двѣ изъ нихъ находятся въ Симбирскомъ уѣздѣ, третья—въ Тетюшскомъ. Эти надписи были открыты муллою Хусейномъ Фейзъ-Хановымъ и описаны имъ въ его статьѣ „Три надгробныхъ болгарскихъ надписи", напечатанной въ IV т. „Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества" за 1863 г. Статья Фейзъ-Ханова имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ она первая способствовала установленію болѣе правильнаго взгляда на языкъ болгарскихъ эпитафій, и въ ней мы встрѣчаемъ первую весьма удачную попытку къ объясненію болгарскихъ надписей при помощи чувашскаго языка. Разборъ болгарскихъ надписей, сдѣланный Фейзъ-Хановымъ, показалъ также, что переводы эпитафій, сдѣланные Березинымъ (а также и Клапротомъ) были выполнены недостаточно правильно; это было вполнѣ естественно, такъ какъ ни тотъ ни другой изъ нихъ даже и не подозрѣвалъ, чтобы въ языкѣ болгарскихъ надписей могли оказаться чувашскія слова.

Лѣтомъ 1894 г. членъ-сотрудникъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ Г. Ахмаровъ совершилъ по порученію Общества поѣздку на юго-востокъ Казанской губерніи, съ цѣлью производства археологическихъ изысканій. Результатомъ этой поѣздки было, между прочимъ, обнаруженіе нѣкоторыхъ новыхъ надписей, всего въ числѣ шестнадцати, которыя и были г.

Ахмаровымъ приложены въ спискахъ къ отчету о сдѣланной имъ поѣздкѣ, представленному имъ въ названное выше общество.

Что касается самой послѣдней изъ открытыхъ до сихъ поръ болгарскихъ надписей, то она появляется впервые въ настоящей статьѣ и была скопирована мною лично съ стариннаго камня, доставленнаго мнѣ священникомъ с. Байглычева Теткинскаго у. Алексѣемъ Васильевичемъ Рекеевымъ. Камень этотъ былъ найденъ въ мартѣ 1900 г., при разборкѣ ветхаго деревяннаго храма въ чувашскомъ с. Байглычевѣ (*Эйвэс*, Ейпец), и надпись на немъ въ общемъ сохранилась превосходно. Къ несчастію, камень оказался расколотымъ у основанія надвое, такъ что послѣднее слово арабской надписи представляетъ при чтеніи нѣкоторыя затрудненія [a]).

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь 93 болгарскихъ надписей, въ различныхъ мѣстахъ по р.р. Волгѣ и Камѣ, несомнѣнно, существуютъ и другіе памятники этого рода, которые еще ждутъ къ себѣ пытливыхъ изслѣдователей. Нѣкоторыя изъ надписей уже собраны, но, насколько мнѣ извѣстно, еще не прочитаны; къ таковымъ слѣдуетъ отнести надписи на древнихъ камняхъ, находящихся въ Казанскомъ Городскомъ Общественномъ Музеѣ.

Здѣсь я представляю тѣ замѣчанія, какія явились у меня въ результатѣ разсмотрѣнія текстовъ всѣхъ вышеуказанныхъ мусульманскихъ эпитафій.

---

[a]) По сообщенію о. Рекеева, преданіе говоритъ, что Байглычево основали два чувашина: Шай (*Шаj*) и Клаç (*Клас*). Въ старинныхъ бумагахъ это селеніе писалось *Байкылычъ*, а послѣ *к* перемѣнили на *г*. Разобранный въ 1900 г. байглычевскій храмъ (первый храмъ въ этомъ селѣ) былъ построенъ въ 1761 или 1763 г.г., на казенный счетъ, отъ имени извѣстной Свіяжской Новокрещенской Конторы, для новокрещеныхъ инородцевъ этой мѣстности. Значитъ, онъ простоялъ на своемъ мѣстѣ около 140 лѣтъ. При разборкѣ этого храма найдено три каменныхъ надгробія съ арабскими письменами. Изъ нихъ два памятника оказались сдѣланными изъ мягкаго камня, по-

I. Надписи, помѣщенныя у Березина.

а. Мусульманскія надписи, снятыя въ началѣ XVIII в.

I. Въ этой надписи возбуждаетъ большое сомнѣніе имя ولى и именно начальною буквою ب; въ числѣ мусульманскихъ (арабскихъ) именъ подобнаго имени нѣтъ. Въ переводѣ Лепехина здѣсь стоитъ имя *Мамякъ*, основываясь на которомъ Березинъ допускаетъ „чтеніе ممق Мамыкъ или Мамукъ, употребительное у киргизовъ собственное имя". Можетъ быть, чтеніе Лепехина правильнѣе, если принять во вниманіе чувашское языческое имя Мемекей (*мэмэккэj*), которое я считаю сложнымъ изъ „Мемек" и диминутив. аффикса „кей" (срав. мужскія имена язычествующихъ чувашъ: Мăрса, Мурса (*Мăрза*, *Мурза*) и Мурсаккай (*Мурзаккаj*). Заключающееся въ этой эпитафіи имя سوار Березинъ читаетъ *Суваръ*, а у Клапрота оно читается Souwar. Какъ то, такъ и другое чтеніе не подкрѣплены никакими доказательствами; можетъ быть здѣсь слѣдуетъ читать *Сăвăр* или *Сăjăр*, такъ какъ мы знаемъ имя одного болгарскаго князя—*Севаръ* (см. 62 стр.).

Березинъ напрасно считаетъ должнымъ читать اوغلى (*его сынъ*), вмѣсто значащейся на надгробіи формы اول; эта форма стоитъ на всѣхъ безъ исключенія надписяхъ, гдѣ встрѣчается слово *сынъ*, слѣдовательно подобное мнѣніе Березина совершенно неосновательно. Въ чувашскомъ языкѣ

чему письмена на нихъ почти пропали, остались лишь отдѣльныя слова, а третій памятникъ сохранился, кромѣ перелома, довольно хорошо. Всѣ эти надгробія, вмѣстѣ съ другими простыми камнями, лежали подъ стѣнами храма въ качествѣ фундамента или подставокъ. Откуда они были привезены или гдѣ стояли прежде, неизвѣстно, такъ какъ байглычевскіе чуваши даже и не знали, что подъ ихъ храмомъ есть камни-памятники.

слово *сынъ* является въ верховомъ нарѣчіи въ формѣ *ул*, въ низовомъ—ывăл (*ывăл*); съ притяжательнымъ же суффиксомъ 3-го лица въ первомъ нарѣчіи видимъ улĕ (*улӗ*), во второмъ ывăлĕ (*ывăлӗ*), „его сынъ". Можно думать, что въ отсутствіи конечнаго ى въ болгарской формѣ اول (ne اولى) отразилась звуковая неопредѣленность и краткость притяжательнаго суффикса 3-го л., который въ современномъ чувашскомъ нарѣчіи иногда совершенно исчезаетъ.

V. Мѣсто погребенія покойника здѣсь называется, какъ и во многихъ другихъ надписяхъ, словомъ زيارة, что значитъ *мѣсто благочестиваго посѣщенія* (въ каз.-тат. нарѣчіи *зыарат*—кладбище [a]); на другихъ надгробіяхъ вмѣсто этого слова стоитъ выраженіе بلوكى *знакъ* или *памятникъ*. Слово بلوكى (بلوك + суфф. прит. 3-го л. ى) мы находимъ въ горно-черемисскомъ нарѣчіи, гдѣ оно произносится *пăлăк* [*pălăk*, das Zeichen, das Merkzeichen, см. G. J. Ramstedt, Bergtscheremissische Sprachstudien. Helsingfors, 1902 (Mémoires de la Soc. Finno-Ougr. XVII)], въ мадьярскомъ (bélyeg, знакъ) и въ древне-славянскомъ (кѣлѣгъ, келѣгъ, килѣгъ, знакъ, символъ). Въ чувашскомъ языкѣ, въ говорѣ чувашъ д. Большого Карачкина Коз.. у., мною замѣчено слово валкă (*валӑй*), означающее, по объясненію старика-чувашина, отъ котораго я узналъ это слово, *крестъ, поставляемый на могилѣ*. Такъ какъ начальное чув. *в* иногда соотвѣтствуетъ въ другихъ говорахъ того же языка звуку *п* (напр., *вакша* и *пакша*, бѣлка, векша; МК *вус* и обще-чув. *пус*, копѣйка на ассигнаціи), то я предполагаю, что реченіе *валӑй* должно быть тождественнымъ съ ядрин. палкă (*палй*), въ сочетаніи сăва палки (*сӑва балги*), *намогильный столбъ*(?), употребляющемся въ значеніи браннаго выраженія. Послѣднее слово, къ сожалѣнію, было мною записано безъ объясненія отъ одного ядринскаго чувашина, про-

a) У арабовъ четвергъ называется يوم الزيارة, *день посѣщенія*, потому что въ этотъ день навѣщаются могилы умершихъ.

живающаго въ с. Ишакахъ Козм. у. Я почти увѣренъ въ томъ, что слово „палкă“ имѣетъ тотъ же самый смыслъ, что и *валҕй*, потому что названія кладбища и намогильныхъ столбовъ вообще встрѣчаются въ бранныхъ выраженіяхъ, какъ у чувашъ, такъ и у другихъ инородцевъ. Таковы, напр., чувашскія слова: çăва (*ćйва*), масар (*мазар*), кладбище, çăва йопи (*ćйва јоби*) намогильный столбъ; луг.-черем. *шӱҕар мэтий*, намогильный столбъ, вотск. *шај*, кладбище, и пр. [22]). Въ деревнѣ Щелканахъ Ковалинской волости Цив. уѣзд. первое названіе кладбища (çăва) употребительно только какъ бранный терминъ, тогда какъ самое кладбище называется „масар“. Возвращаясь къ болгарскому реченію بلوك ى, считаю нужнымъ замѣтить, что старинныя болгарскія надгробія извѣстны у нынѣшнихъ татаръ также подъ аналогичнымъ названіемъ „таш білгį“, *каменный знакъ* (طاش بيلگى). То же самое наименованіе Таш-Білгį носитъ одна тат. деревня Спас. у. Каз. губ. (по-русски Ташъ-Буляки), родина болгарскаго историка Хусамъ-эдъ-Дина. Всѣ приводимыя здѣсь соображенія, касающіяся слова بلوك ى, какъ мнѣ кажется, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно его основного значенія.

VII. Если чтеніе اللى правильно, тогда это слово соотвѣтствуетъ современному чувашскому алăлă, алăллă (*алйлй*, *алйллй*), имѣющій руки, отъ алă (*алй*), рука (осман. ăл). Форма براكاتلومز—„благодѣтельный нашъ“—не болгарская: мы ожидали бы вмѣсто нея براكاتلومر, т. е. съ конечною буквою ر а не ز. Весьма возможно, что это слово было при первоначальномъ списываніи эпитафіи искажено. Въ современномъ чув. языкѣ прит. суфф. 1 л. мн. ч. имѣетъ форму мăр, мĕр (*мйр*, *мӗр*), а болгарское براكاتلو соотвѣтствуетъ чувашскому перекетлĕ (пэрэгэт.*іӗ*, пэрэ*іэт.іӗ*), „спорый“, отъ араб. بركة—„благословеніе Божіе, счастье“. Выраженіе سكرحال,

переводимое у Березина словами: „кончилъ жизнь“, а у Клапрота—termina sa carrière,—по арабски не имѣетъ смысла; я читаю здѣсь سكر حال (сäгi̥р з́ал), 8 лѣтъ, и предполагаю, что эти слова относились на памятникѣ къ слѣдующей затѣмъ датѣ جيات جور (с́іäдi̥ з́ӧр), 700, и были приписаны сбоку, почему переписчики и прочитали ихъ не на надлежащемъ мѣстѣ. По моему мнѣнію, здѣсь слѣдуетъ читать: تاريخ جيات جور سكر جال (с́іäдi̥ з́ӧр сäгi̥р з́ал = соврем. чув. çиҕĕ çĕр сакăр çул, т. е. *с́иҕ̆ӧ з́ӧр загӣр з́ул* или *с́иӱ̆ӧ з́ӧр загӣр з́ол*), 708 годъ.

VIII. Слово يوارى у Березина оставлено безъ перевода („Ювари“), точно такъ же, какъ и у Клапрота, который пишетъ его „Youwari“. Фейзъ-Хановъ читаетъ это выраженіе يوارى „военный мужъ“ (ياو—*война* + ارى—*мужъ*). По моему мнѣнію, есть основанія думать, что слово يوارى могло явиться вслѣдствіе неправильнаго чтенія надписи первыми ея списывателями, и составлять лишь искаженіе дѣйствительной болгарской формы بولرى (изъ بولر—*Билярскъ*, и арабскаго окончанія именъ прилагательныхъ ى), что означаетъ *билярскій*, т. е. уроженецъ или коренной житель г. Билярска. Одной изъ причинъ, обусловившихъ подобное искаженіе, могло послужить то обстоятельство, что въ куфическомъ почеркѣ начальное ي и начальное ب пишутся совершенно одинаково; въ другихъ же, болѣе новыхъ почеркахъ все различіе между этими буквами состоитъ только въ одной лишней точкѣ при первой изъ буквъ, которую списыватели легко могли и не замѣтить. Обыкновеніе обозначать свое происхожденіе прилагательными, образованными изъ названій мѣстныхъ селеній помощью араб. окончанія ىّ, существуетъ и понынѣ у казанскихъ татаръ-магометанъ, какъ то можно видѣть, напримѣръ, изъ за-

главій многочисленныхъ татарскихъ сочиненій, гдѣ послѣ имени автора нерѣдко указано и названіе его родины [1]).

Несмотря на всю вѣроятность предлагаемаго мною чтенія, противъ него однако можно сдѣлать одно серьезное возраженіе, и именно то, что при прилагательномъ بولرى, по правиламъ араб. грамматики, долженъ бы былъ стоять членъ опред. ال (البولرى). Подобное возраженіе, конечно, можетъ имѣть рѣшающее значеніе только въ томъ случаѣ, если мы допустимъ, что древніе авторы болгарскихъ надписей не могли дѣлать отступленій отъ правилъ арабскаго языка [23]).

Имя ممل, которое Березинъ транскрибируетъ: „Мамель", а Клапротъ—*Mamal*, вѣроятно слѣдуетъ читать ممل, Мāмлі̥; по крайней мѣрѣ такъ читается это имя на одномъ болгарскомъ надгробіи, которое я разсматривалъ въ Казан. Город. Музеѣ; а кромѣ того, въ указанномъ выше сочиненіи г. Шпилевскаго встрѣчается названіе одной деревни Лаишев. уѣзда *Мамли Козяковы Челны* (421 с.).

Слово آيى—*мѣсяцъ* (съ суф. прит. 3-го л.)—не болгарское, и слѣдовательно должно быть замѣнено чисто болгарскимъ آيخ (чув. ойăх, уйăх, *ojйх*, *yjйх*, мѣсяцъ), которое встрѣчается на другихъ надгробіяхъ; слѣдуетъ думать, что это слово было при списываніи „исправлено". Болгарское происхожденіе этой надписи доказывается ея датой جيات جور.

XI. Слово بلوكو на этомъ и слѣдующемъ (XII) надгробіи Клапротъ и Березинъ считаютъ за собственное имя, поэтому и читаютъ—первый: *Mohammed, fils de Hassan Beloukou*, а

---

[1]) Напр. معلم ملا كشاف الدين بن شاه مردان بن عبادالله الافاوى المنزلوى السلوكى ثم القارقارالى تلميذ العلامة المرجانى

„Учитель и мулла Кашшафъ-эдъ-Динъ сынъ Шахмардана, сына Гибадуллы, Уфимскій, Мензелинскій, Сулюкинскій, потомъ Каркаралинскій, ученикъ великаго ученаго Мерджани".

второй: „Хасанъ Бюлюкю, сынъ Мухаммеда". На самомъ же дѣлѣ это слово означаетъ *надгробіе* (см. выше), почему я здѣсь и читаю: *надгробіе Хасана, сына Мухаммедова.*

XII. Слѣдуя только что сказанному, слова اول حواجه على я перевожу: „*Надгробіе сына Ибрагима, сына Ахмеда, сына Али-Хожи*". Имя самого покойника считаю пропущеннымъ; но можетъ быть также, что послѣднее слово اول, стоящее передъ بلوكو, здѣсь лишнее, и потому слѣдуетъ читать такъ: „Надгробіе Ибрагима, сына Ахмеда, сына Али-Ходжи". У Березина здѣсь поставлено: Бюлюкю, сынъ Ибрагима, сына Ахмеда, сына Али-Ходжи.... У Клапрота еще ошибочнѣе: *Aly Khodja*, fils d' *Ahmed*, fils d' *Ibrahim*, fils de *Beloukou.*

XIII. Слова надписи سوار اول حسن هير بلوك Клапротъ переводитъ: *Souvar*, fils de *Hassan Heir Belouk*, что совершенно противорѣчитъ правиламъ тюркской конструкціи, а Березинъ передаетъ ихъ иначе, хотя столь же неудачно, какъ и первый: „Хасанъ Хапръ Бюлюкъ, сынъ Сувара". Невѣрность того и другого перевода произошла отъ незнанія переводчиками болгарскихъ выраженій, съ которыми они обошлись весьма просто, выдавая ихъ за личныя имена. Странное слово هير, которое оба ученыхъ принимаютъ за собственное имя мужчины, я отождествляю съ чувашскимъ реченіемъ хĕр (чит. *хӳр*), отвѣчающимъ обще-тюркскому *кыз* и означающимъ въ чув. яз. *дѣвушку* или *дочь*. Здѣсь я предлагаю слѣдующій переводъ: *Надгробіе дочери Хасана, сына Саварова* и пр., а арабское عليه (*надъ нимъ*) считаю результатомъ „исправленія" надписи, и вмѣсто него читаю عليها (*надъ нею*). Что слово هير не арабское и не мужское имя, доказывается 1) его написаніемъ: у арабовъ подобнаго имени нѣтъ, такъ какъ они пишутъ не هير, а خير (*Хайръ*); 2) надписью на надгробіи

XVII, гдѣ читается اماة خواجه اول حسن خواجه هير: слово خواجه (*хоза*, *хуза*) обыкновенно оканчиваетъ собою сложныя арабскія имена, а не вставляется между ними; 3) эпитафія на камнѣ, найденномъ въ с. Байглычевѣ, ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что слово هير быть мужскимъ именемъ никакимъ образомъ не могло. На байглычевскомъ камнѣ, по моему чтенію, значится слѣдующее (см. снимокъ въ началѣ статьи):

لله
الحُكم
يَلَبَه هير
اَسَيه زنَارة ى
رَحمَة الله عَلَيها
رَحمة وَاسعَه
مَع جيرانها

т. е.

Судъ принадлежитъ Богу. Мѣсто погребенія Асіи, дочери Ельбэ (Jälbä). *Да будетъ милость Божія надъ нею милостью широкою, а также и надъ сосѣдями ея.*

Послѣднія два слова надписи испорчены, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ камень раскололся надвое; однако первое расколотое слово настолько сохранилось, что въ немъ можно угадать съ перваго взгляда араб. предлогъ مع *вмѣстѣ съ...*, лат. *cum*. Въ началѣ второго попорченнаго слова вмѣсто цѣлой буквы осталась только одна черта, проходящая по самому краю нижняго обломка (камень стоялъ перпендикулярно, что доказывается его нижнею частью, которая совершенно не обдѣлана, тогда какъ верхняя часть вся цѣликомъ обтесана съ лицевой стороны и самая надпись обведена бордю-

ромъ), однако, сообразуясь съ длиною черты, можно предположить, что она осталась отъ араб. буквы ج [a]. Поэтому второе слово я предположительно читаю: جيرانها, *ея сосѣдями*. Подобное же выраженіе значится также въ одной надгробной надписи, снятой въ с. Болгарахъ Березинымъ (№ 27), и прочитано имъ такъ: تعه جيرانه; перевода этого выраженія Березинъ не сообщаетъ.

Если бы на байглычевскомъ надгробіи слово هير мы отнесли къ слову يلبه и считали يلبه هير за сложное мужское имя, то у насъ получилась бы совершенно безсмысленная конструкція; если же يلبه هير اسيه сложное женское имя, то какъ объяснить появленіе слова هير въ сложныхъ мужскихъ именахъ? Приходится прійти къ тому заключенію, что реченіе هير не собственное имя, а имя нарицательное. Что касается написанія этого имени съ звонкою согласною въ началѣ слова, а не глухою, какъ того требовали бы законы современнаго чувашскаго языка, то оно, какъ мы увидимъ дальше, объясняется чрезвычайно просто.

XIV. Имя تمراج (у Березина „Тимраджъ", у Клапрота—*Temradj*) соотвѣтствуетъ чувашскому муж. имени Тимĕреç (*тимӗрэс́*). Въ этомъ болгарскомъ имени мы встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, когда глухія согласныя (въ данномъ случаѣ—*с́*) передаются на надгробіяхъ арабскими звонкими, за неимѣніемъ другихъ болѣе подходящихъ буквъ.

XVII. Эта надпись, по моему мнѣнію, весьма испорчена. Слово بلوكو, بلوك, بلوكى, которое на надгробіяхъ всегда ставится непосредствено послѣ обозначенія личности покойнаго, здѣсь поставлено послѣ благочестивой формулы رحمه تعالى

---

a) Хотя этому предположенію мѣшаетъ отсутствіе діакритической точки подъ буквой, такъ какъ въ куфическомъ письмѣ болгарскихъ надгробій буква ج вообще пишется съ различительнымъ نقطة.

رحمة واسعة (ч. عليها) عليه („да будетъ милость Всевышняго надъ нею милостью широкою"). Кромѣ того, слово بلكو въ текстѣ снабжено суффиксомъ 3-го лица سى (بلكوسى), чего на другихъ надгробіяхъ, кромѣ XIX, мы не находимъ. Что касается послѣдняго надгробія, то форма بلكوسى, поставленная на немъ послѣ слова وفات (*кончина*), не болѣе, какъ только неудачная конъектура списывателей; къ тому же слово بلكوسى на этомъ надгробіи совершенно лишнее, такъ какъ мѣсто погребенія покойника уже обозначено выше словомъ زيارتى. Разбирая три найденныя имъ древнія надписи, мулла Фейзъ-Хановъ (op. cit., 403 с.) говоритъ слѣдующее: „Какъ на второмъ и третьемъ (см. 5-ю строку въ обоихъ), такъ и на многихъ другихъ болгарскихъ надгробныхъ камняхъ есть слово, мнѣ не вполнѣ понятное; можно его читать: باطوي, باطوي باطوي, или بلطوي. И. Н. Березинъ (см. Ученыя записки казанскаго универс. за 1852 г., кн. III, статья: *Булгаръ на Волгѣ*) принимаетъ это слово вездѣ за بلكوسى (знакъ его). Подобное объясненіе мнѣ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ. Во-первыхъ потому, что на моихъ камняхъ надъ 1-ой буквой этого слова поставленъ знакъ *фатха*. Во-вторыхъ потому, что 3-я буква не ك, а совершенно правильное ط куфическаго почерка. Она вовсе несходна съ *кяфомъ* словъ الحكم, الكبير, سكر, كوان въ моихъ снимкахъ и съ *кяфомъ* словъ الحكم, كل и اكنش въ снимкѣ первой эпитафіи у г. Березина [1]); а почеркъ всѣхъ этихъ эпитафій одинъ и тотъ же". Указываемое Фейзъ-Хановымъ непонятное слово также можно видѣть на одномъ болгарскомъ камнѣ, находящемся въ настоящее время въ Тетюш-

[1]) Къ статьѣ *Булгаръ на Волгѣ* приложены снимки только съ двухъ камней, остальные списаны; во второмъ этого слова нѣтъ. *Сноска подлинника.*

скомъ Полицейскомъ Управленіи. Въ этой надписи, съ которой я имѣю фотографическій снимокъ, доставленный мнѣ профессоромъ Казанскаго Университета Н. Ѳ. Катановымъ, это странное слово читается تلطوى, при чемъ подъ буквою ط замѣтна очень ясно діакритическая точка. Если судить по правописанію тетюшской надписи и разобранной выше байглычевской, то нужно прійти къ тому выводу, что начальное ت въ болгарскомъ письмѣ употреблялось одинаково, какъ въ значеніи начальной арабской буквы ت, такъ и въ значеніи начальнаго ط. Въ этомъ убѣждаетъ насъ разсмотрѣніе слова (بلوكى — *его знакъ*) на тетюшскомъ камнѣ и (زيارة *мѣсто погребенія*) на байглычевскомъ, при чемъ оказывается, что черты буквы ت вовсе не *фатха*, а совершенно особый отличительный знакъ. Послѣднее дѣлается еще болѣе очевиднымъ, если мы примемъ во вниманіе, что на байглычевскомъ камнѣ, надпись котораго замѣчательно отчетлива и весьма тщательной работы, діакритическая черта, которую Фейзъ-Хановъ принялъ въ надписяхъ за *фатху*, стоитъ гораздо ниже фатхи, поставленной надъ буквой *алифомъ* (ا), тогда какъ по правиламъ арабскаго письма всѣ отличительные гласные знаки должны писаться на одномъ уровнѣ. Кромѣ того, въ словѣ زيارة постановка *фатхи* надъ буквою ت совершенно неумѣстна, потому что въ арабскомъ письмѣ здѣсь должна стоять *касра*; предполагать же, что эта черта относится къ *алифу* мы также не имѣемъ основанія, такъ какъ *алифъ* уже имѣетъ надъ собою черту *фатхи*, почему вторая черта была бы совершенно излишней.

Слово, читающееся въ тетюшской эпитафіи تلطوى, на снимкахъ съ камней, найденныхъ Фейзъ-Хановымъ, является въ формахъ تلطوي и تلطوي. Такъ какъ присутствіе буквы ط въ этомъ словѣ можетъ служить надежнымъ доказательствомъ

въ пользу того, что это слово твердозвучное, т. е. заключаетъ въ себѣ широкія гласныя (vocales gutturales),то намъ остается рѣшить, какое звуковое значеніе принадлежитъ первой буквѣ этого слова и какой діакритическій гласный знакъ мы должны надъ нею подразумѣвать. Такъ какъ слову تلطوی въ надписяхъ всегда предшествуетъ слово وفات, то мы имѣемъ полное основаніе думать, что второе изъ этихъ словъ не что иное, какъ глагольная форма, составляющая съ существительнымъ وفات или родъ сложнаго глагола, подобно каз.-тат. وفات بولمق, или цѣлое предложеніе. На тетюшской надписи мы видимъ форму وَفَاتْ (=каз.-тат. وفاتی), т. е. *его кончина* (съ прит. суф. 3-го лица), а потому, если предположить, что первая буква слѣдующаго слова تلطوی должна читаться какъ ؤ и носить гласный знакъ *дамма*, то выраженіе этой надписи وفاتْ تلطوی буквально можетъ означать: *наступленіе его кончины*. Тогда форму تلطوی слѣдуетъ объяснять какъ глагольное существительное отъ основы تل, соотвѣтствующей общетюрк. بۈل *быть*. Обращаясь къ современному чувашскому языку, мы находимъ тамъ глаголъ *пул*, *пол*, *быть*, *стать*, *случиться*, *наступить*, отъ котораго образуется употребительное только съ суф. 3-го лица имя существительное полтти (полттиӗ), *наступленіе*, имѣющее лишь одинъ творит. падежъ. Форма „полтти“ [1]), какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ моихъ „Матеріалахъ для изслѣд. чув. яз.“ (328 с.), имѣетъ несомнѣнную связь съ *прошедшимъ дѣйствія* (praeteritum actionis) и, вѣроятно, тожественно съ тюрк. причастною формою بولدق. Не составляетъ ли болгарская форма تلطوی

[1]) Форма безъ суффикса должна была быть * полтӑ (*полдй*); срав. пуртти (*пурттиӗ*). его топоръ (Бунн., с. Бюрганы), отъ пуртӑ (*пурдй*) и йантти (*янттиӗ*), готовый (Козм., В. Олгаши), 3 ф. отъ йантӑ (*яндй*).

чего-то средняго между тюрк. برلدغی (*его наступленіе*) и чув. „полтти“? Можно даже предположить, что самое начертаніе تلطوی не фонетическое, а основанное на соображеніяхъ этимологическаго свойства, и что буква ʒ употреблена здѣсь не для выраженія звука *y*, а для означенія конечнаго *й*, тогда какъ суффиксъ третьяго лица, вмѣсто того, чтобы слиться съ именемъ, отдѣленъ отъ послѣдняго въ цѣляхъ большей ясности. Однимъ словомъ, мы можемъ думать, что, изображая въ письмѣ разбираемую нами глагольную форму, болгары поступали такъ же, какъ поступили бы мы, если бы вмѣсто чувашскаго „полтти“ написали бы „полтӑ и“, разлагая эту глагольную форму на ея этимологическіе элементы.

Что же касается діакритическаго نقطه подъ буквою ط на тет. камнѣ, то оно могло быть поставлено съ тою цѣлью, чтобы указать на *звонкое* чтеніе этой буквы (*d*), въ отличіе отъ глухого ط (т).

Возвращаясь назадъ, къ разбору XVII эпитафіи, мы должны думать, что текстъ ея былъ переписчиками испорченъ, и что вмѣсто татаризованнаго بلكوسی на памятникѣ читалось تلوك ی. Такъ какъ этотъ памятникъ поставленъ надъ женщиною (чему доказательство слово هير), то вмѣсто عليه я ставлю عليها и перевожу эпитафію такъ: „Памятникъ дочери Хасанъ-Хози, сына Аматъ-Хози, да умилосердится надъ нею Всевышній“ и пр. Точно также и эпитафію XIX слѣдуетъ читать такъ:

بكنبر اول خواجه بيرام زيارتی ترور رحمه الله تعالی
رحمة واسعة وفاتِ تلطوی تاريخ جيات جور

„Мѣсто погребенія Хози-Байрама, сына Биктемирова; да умилосердится надъ нимъ Всевышній милосердіемъ обширнымъ. Наступленіе его кончины (произошло) въ 700..... г.“.

Вмѣсто имени بكنمر у соврем. чувашъ употребляется муж. имя Питтимѣр (питтимӑр), сложенное изъ словъ: питѣ (пидӑ), крѣпкій; очень, весьма[1]), и тимѣр (тимӑр), желѣзо.

XVIII. На этомъ надгробіи читаемъ: احمد هير خواجه رحمه الله تعالى عليه الخ. Березинъ переводитъ: „Ахмедъ Хаиръ Ходжа, да умилосердится надъ нимъ Всевышній“ и т. д. У Клапрота передано: „*Ahmed Hair khodjah*; que la miséricorde de Dieu soit avec lui“ etc. Такъ какъ слово هير означаетъ *дочь*, то есть основаніе подозрѣвать, что на мѣстѣ слѣдующаго за нимъ неумѣстнаго реченія خواجه на надгробіи стояло женское имя. Однако могло случиться и такъ, что первоначальные списыватели сдѣлали здѣсь произвольную перестановку, чтобы избѣжать страннаго для ихъ слуха стеченія собственныхъ именъ съ именемъ خواجه посрединѣ (чего никогда не бываетъ), потому что нарицательное هير они ошибочно принимали за личное мужское имя. Реченіе عليه—„поправка“ вм. عليها.

XX. Имя احكى (Ахки, *Ahki*) мнѣ представляется весьма страннымъ по стеченію въ немъ согласныхъ ح и ك; я думаю, что оно было невѣрно скопировано и что буква ح попала сюда по ошибкѣ. Если допустить, что она была поставлена вмѣсто подлиннаго ل (что мало вѣроятно), то его можно сравнивать съ чув. языч. именемъ мужчины Елкей (*Э.iгэj*). Такъ какъ дата جيات جور болгарская, то вмѣсто آبي (*его мьсяцъ*) слѣдуетъ читать آيخ.

XXI. Суффиксъ 3-го л. سى въ словѣ بلكوسى—добавленъ списывателями; то же самое замѣчается и въ эпитафіи XXII.

[1]) Каз.-тат. *бік*, запорка; узы; очень, крѣпко.

Предположеніе Березина, что въ обѣихъ этихъ надписяхъ опущено слово وفات—неосновательно.

XXIII. Имя الباك встрѣчается и у язычествующихъ чувашъ, которые произносятъ его Илпек (чит. *Илбэк*). Сравненіе слова جلبى съ осман. چلبى, *господинъ*, только неудачная конъектура. Подъ именемъ خواجه احمد мнѣ извѣстна одна чув. деревня Хоҕахмат (*Хоўахмат*), по-русски Хочахматова, находящаяся въ Чебокс. уѣздѣ.

XXV. Эта эпитафія написана на джагат. нарѣчіи; годъ надписи 723.

XXXVI. Дата этого надгробія написана по-арабски, поэтому поставленное передъ нею болгарское числительное جيات *семь* (въ текстѣ: جيات خمس وسبعماية) слѣдуетъ считать вошедшимъ по недосмотру списывателя. Березинъ по этому поводу замѣчаетъ: „Въ датѣ есть какая-то ошибка: у Лепехина поставленъ 750 годъ, а у Клапрота прибавлено лишнее слово جيات».

XLVI. Въ концѣ этой эпитафіи, написанной по-арабски и по-джагатайски, есть непонятныя слова: يلى ات جرتان.

б) Мусульманскія надписи, видѣнныя Березинымъ.

№ 1. Эта надпись прочитана Березинымъ неправильно; Фейзъ-Хановъ внесъ въ ея чтеніе значительныя поправки. Здѣсь я помѣщаю транскрипцію того и другого и переводъ[1]).

У Березина:	У Фейзъ-Ханова:
الحكم لله	هو الحى الذى لا يموت
هُوَ الحَى الذى لا يمُوت	وكل حى سيموت
وَكل حَى سيموت	سويارل (سوريار اول?) اجنب (?) اول

[1]) У Березина приложенъ снимокъ съ этой надписи.

صطلمش زيار	سور اول اجنَبَ اول
ت در رحمة الله	جكَل مُشرن بَار
عَليه رحمه وا	تَكْ رحمَه الله
سعة وفات ياطو . . .	عَلَيه رَحمَه وَا
تاريخ جيات جور	سعَه وَفَات باهو
جرم اكنش (انكنچ т. е.) جال ربيع	تاريخ جيات جور حرمه
الاول آيخى (آيى) و . . .	اكَشر جَال رَبيع ا
كوان اَت	لاول ا ح و
	ك . . .

„Судъ принадлежитъ Богу. Онъ есть Живый, который не умираетъ. А всякій живущій умретъ. Мѣсто погребенія Сатылмыша, сына Эджнеба (?), сына Сауара (?)—да будетъ надъ нимъ милосердіе Божіе милосердіемъ обширнымъ. Кончина его случилась въ 722 г., въ .....надцат..... день мѣсяца рабі'-уль-авваля".

Слово در (*есть*, est), прибавленное у Фейзъ-Ханова,—лишнее: въ снимкѣ съ эпитафіи, приложенномъ у Березина, его нѣтъ; тамъ читается только: زيارتىُ(زيارتىُ)، т. е. زيَارت+ суфф. 3-го л. ى. Не понявъ смысла пятой и шестой строки надписи, Березинъ изъ имени *Сатылмышъ* и слова زيارت ى сдѣлалъ нелѣпое сложное имя *Джакаль Машрунъ Бартака*, которое, навѣрно, и самому ему казалось чѣмъ-то не совсѣмъ вѣроятнымъ, потому что въ сноскѣ подъ страницею онъ сдѣлалъ по поводу его замѣчаніе: „Имя чрезвычайно странное".

Въ этой эпитафіи мы встрѣчаемъ слѣдующія чувашскія слова: جيات جور=чув. çиҫĕ çĕр, 700; جرم=чув. çирĕм (*ćи*р*ӗ*м), двадцать; اكنش=чув. иккĕмĕш (*и*кк*ӗ*м*ӗ*ш), второй;

حال=чув. çол, çул (*сол, сул*), годъ; آيخ (*ajйх*)=чув. ойăх, уйăх (*ojйх, ујйх*), мѣсяцъ (въ прочихъ тюрк. нарѣчіяхъ—*aj*, якут. *ыj*); كوان (*кӯан*)=чув. *кон, кун*, день; ات (اَتِ)=чув.—ҕҕе (—*ӥӥӯ*,—*ӥӥӯ*), было. Разборъ этого словеснаго матеріала послѣдуетъ ниже.

№ 10. ك, окончаніе скрытаго въ землѣ имени дочери Джа'фаръ Аги, можетъ составлять конецъ тюркскаго слова بيك (*бик*). Здѣсь можно припомнить чувашскія женскія имена Хĕрпик (*хӯрбик*) и Силпик (*силбик*); кромѣ того, мы знаемъ также множество другихъ женскихъ именъ, употребительныхъ у чувашъ и имѣющихъ въ своемъ окончаніи звукъ *к*.

№ 15. На этой плохо сохранившейся эпитафіи встрѣчаются тѣ же самыя чувашскія слова: جيات, جال, كوان, ات, которыя мы уже видѣли на надгробіи № 1.

№ 19. Отъ этой надписи видѣнъ только конецъ, который слѣдуетъ читать: كوان ات (.....*дня было*).

№ 24. Буквы ...حو ووطد جار составляютъ остатокъ исчезнувшей даты; первыя двѣ буквы вѣроятно сохранились отъ числительнаго جور 100, а три послѣднихъ—отъ слова جال *годъ*. Срединныя буквы ووطد сомнительны; м. б. здѣсь слѣдуетъ читать ووطر (въ чув. вăтăр—*вӧдӧр, вйдйр*—30), но мы этого числительнаго на другихъ памятникахъ не встрѣчаемъ.

№ 27. Эта эпитафія была разобрана Березинымъ очень недостаточно; смыслъ первыхъ трехъ строкъ ея совершенно непонятенъ; далѣе читаются слова:

رحمه الله عليه رحمه واسعه دنيارَان (у Березина: حنيارَاز)
فعر كبندوه (?) تاريخ جيات جورون (у Березина: وز)
جكر (سكر?) جال سولد (? شوال слѣдуетъ) [آيخ] حعر(?)كوان

слѣдуетъ ات تعه حيرانه (?مع جير انه (у Березина: كواز)

т. е.

„...да умилосердится надъ нимъ Богъ милосердіемъ обширнымъ! Отшествіе (?) его отъ міра случилось ...дня мѣсяца шавваля (?) семь сотъ восем(?)надцатаго года. Съ сосѣдями его (?)“.

Относительно смысла словъ فعركبندوه я буду говорить ниже.

№ 35. У Березина здѣсь значится: Я читаю:

رحمه الله	رحمه الله
سعه وفات بلكوسى	سعه وفات تلطوى
جيات جور ور كهرك	جيات جور ون طحرم (?) (جال)
حعر ايح وز سال	صفر آيخ ون بيالم
كواز ات و مات	كوان ات و مات
غريبا	غريبا (?)

Слова حيات جور (700) Березинъ, какъ и вездѣ, переводитъ здѣсь словами: пришествіе угнетенія. Остальныя болгарскія слова ему непонятны. Я перевожу: „Милость Божія .....обширною. Наступленіе его кончины произошло въ 15-ый день мѣсяца сафара семьсотъ девят(?)надцатаго года. Онъ умеръ на чужбинѣ“. О встрѣчающихся въ этой надписи числительныхъ طحرم(?), *девятый* (?) и بيالم, *пятый*, будетъ сказано дальше.

Кромѣ надписей, снятыхъ въ XVIII в., и тѣхъ, которыя онъ встрѣтилъ въ с. Болгарахъ, Березинъ также приводитъ слѣдующіе отрывки изъ „татарскихъ“ надписей Казанской губерніи, снимки съ которыхъ были сдѣланы врачемъ Казанской Градской Больницы Н. А. Толмачевымъ:

1. جيات جور *семьсотъ*

جيرم توا تم جال شوا *двадцать четвертаго года, шавва-*

لا *ля м (ѣсяца).....*

У Березина числительныя имена этой надписи не переведены. Послѣдній ا алифъ въ словѣ شوالا вѣроятно принадлежитъ слѣдовавшему за нимъ слову آيخ (*мѣсяца*).

2. جو روز ـ دلال

جال ثو اخ وز

Реставрируя, насколько возможно, надпись, я читаю:

جور ون بيالم (?) ...*сотъ пят(?)надцатаго*

جال ثو(?) آيخ ون *года, мѣсяца шавваля(?)* .....*надцатаго (дня).*

Числительное دلال ـ настолько испорчено, что его трудно прочесть; слово ثو въ названіи мѣсяца напоминаетъ названіе мѣсяца شوّال

3. جور

احا حسر حا ا ا ه

Здѣсь я разбираю только слова جور (100) и حال, вѣроятно جال *годъ.*

4. جيرو توانو كوازات.....ح

جيات جورم از جياسر جال

Этотъ отрывокъ слѣдуетъ реставрировать такъ:

جيرم توانم كوان ات تاريخ ...*двадцать четвертаго дня было,*

جيات‌جوروان‌جيانم‌جال *семьсотъ семнадцатаго года.*

5. يخ جيات جور ا ا الدجا ا

مر سراع وازسكر دكوازات

Я могъ реставрировать эту надпись только отчасти:

جال تاريخ جيات جور بيالم(?) *семьсотъ пятаго (?) года,*

آيخ وان سكرم (quid?) مر سر ? *мѣсяца восемнадцатаго*

كوان ات *дня было.*

6. جيات *семь.....*

حر حال از ...? *года...*

У Березина также приводится эпитафія, вырѣзанная на камнѣ у рѣки Зая, близъ татарской деревни Кызылъ Кыпчакъ, въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Изъ этой эпитафіи я помѣщаю здѣсь только болгарскій текстъ, опуская благочестивое арабское изреченіе, стоящее въ ея началѣ.

حليم
اول حسن بيلوك رحمه
الله عليه رحمة واسعه
ربيع الاول ايندا وفات بيلكوسى
تاريخ جيات جور حىرو
تولتد حال ٠ا٠ ٠ ر

Форма ايندا (*въ мѣсяцѣ*) не болгарская; надо предполагать, что въ оригиналѣ стояло нѣчто подобное ايخندا; вмѣсто وفات بيلكوسى вѣроятно значилось وفات تلطوى; вмѣсто حىرو слѣдуетъ читать جيرم и вмѣсто تولتد—تواتم. Исправляя такимъ образомъ текстъ надписи, я перевожу: „Памятникъ Хасана, сына Халимова—да будетъ надъ нимъ милосердіе Божіе милосердіемъ обширнымъ! Наступленіе кончины его (случилось) въ мѣсяцѣ рабі'-уль-аввалѣ 724-го года". Вмѣсто словъ: „памятникъ Хасана"—въ переводѣ Березина читаемъ: *Хасанъ Билюкъ*, а дата эпитафіи у него оставлена безъ перевода.

II. Фейзъ-Хановскія надписи.

Изъ трехъ надписей, снимки и переводъ которыхъ напечатаны Фейзъ-Хановымъ, одна эпитафія составлена по-джагатайски, а текстъ двухъ другихъ заключаетъ въ себѣ, помимо арабскихъ реченій, также и формы чувашскія. Я говорю здѣсь только о двухъ послѣднихъ.

II. Фейзъ-Хановъ читаетъ и переводитъ эту надпись такъ:

الحكم لله العلى الكبير	Власть (принадлежитъ) Богу высокому, великому
مير ابراهيم انال اول شهيد	Миръ Ибрагимъ, сынъ Инала, мученикъ
حاج بلوب (...) رحمة	(по возвращеніи?) изъ Мекки, да помилуетъ его
(الله عليه رحمة واسعة	Господь своею великою милостью.
وفات ياطوى تاريخ	Смерть его лѣта (т. е. по лѣтосчисленію)
جيات جو جيارمنش	720-го
جال محرم ايخى	году, мѣсяца мухаррема
ايكنج كوان	во 2-й день
ات	приключилась.

Вмѣсто بلوب я читаю здѣсь تلوكى и перевожу: *памятникъ Миръ-Ибрагима, сына Инала, мученика и хаджи* и пр. Такъ какъ конецъ слова بلوكى, слѣдующаго за именемъ покойника, въ надписи сохранился весьма плохо, то Фейзъ-Хановъ ошибочно счелъ его за тюрк. дѣепричастіе بلوب (بولوب) *будучи, ставши*, отъ гл. بولمق *быть, стать*, и полученное имъ такимъ образомъ выраженіе جاج بلوب перевелъ словами: „(по возвращеніи?) изъ Мекки“.—Объясненіе выраженія „وفات ياطوى“ уже было приведено выше.

Въ этой надписи интересны болгарскія порядковыя числительныя جيارمنش, *двадцатый*, и ايكنج, *второй*; такъ какъ на другихъ болгарскихъ надписяхъ эти числительныя охарактеризованы другимъ афиксомъ م (*м*), а не نش, نج, то можно предположить, что въ болгарскомъ языкѣ того времени существовали мѣстные говоры, отличавшіеся одинъ отъ другого нѣкоторыми особенностями.

а) На снимкѣ—ايخ.

Въ чувашскомъ языкѣ окончанія порядковыхъ числительныхъ являются въ формахъ: ӑм, ӗм (*ӥм*, *ӡ̆м*), *ӥн*, *ӡ̆н*, ӑмӑш, ӗмӗш (*ӥмӥш*, *ӡ̆мӡ̆ш*), при этомъ двѣ послѣднія формы представляютъ собою вторичныя образованія изъ двухъ первыхъ, получившіяся помощью прибавленія суфф. 3-го лица „ӑш, ӗш“ (см. „Матер. для изслѣд. чув. яз.“, стр. 181, 368). Такимъ образомъ болгарское числительное توأتم, *четвертый*, точно соотвѣтствуетъ чувашскому тӑватӑм (*тӥвадӥм*), болгарское بيالم, *пятый*,—чувашскому пиллӗкӗм (*пиллӡ̆гӡ̆м*). Такъ какъ вмѣсто аффикса *м* въ порядк. числительныхъ у чувашъ встрѣчается также и *н* (напр. тӑватӑм кун—*тӥвадӥм гун*— и *туадӥн ҕон*, „четвертаго дня“), то вмѣсто обычныхъ формъ съ суфф. 4-го лица: иккӗмӗш, виççӗмӗш, тӑваттӑмӗш (тӑваттӑмӑш, тӑватӑмӑш чит. *икк̆ӡ̆мӡ̆ш*, *вис̆с̆ӡ̆мӡ̆ш*, *тӥваттӥмӡ̆ш*, *тӥваттӥмӥш*, *тӥвадӥмӥш*)—мы могли бы ожидать у чувашъ также и формъ: * иккӗнӗш (*икк̆ӡ̆н̆ӡ̆ш*), * виççӗнӗш (*вис̆с̆ӡ̆н̆ӡ̆ш*), * тӑваттӑнӗш (*тӥваттӥн̆ӡ̆ш*), которыя вполнѣ соотвѣтствовали бы по ихъ аффиксу вышеприведеннымъ болгарскимъ ايكنج (ايكنش, см. эпитафію № 1 у Березина) и جيارمنش [a]; однако этихъ формъ, насколько я знаю, въ современномъ чув. языкѣ нѣтъ, или онѣ не сохранились.

III. Въ этой надписи есть непонятное выраженіе: احمد اَغَان اِلغِحِس اُتَى زِيَارَة (*Ахмеда..... мѣсто погребенія*). Фейзъ-Хановъ переписалъ непереводимыя слова русскими буквами: „Ахмедъ Аганъ Эльгыхисъ Югей“. Въ той же эпитафіи заслуживаетъ вниманія болгарская дата: تَارِيخ جِيَاتِ جُور, جِيَرم بِيَالم جَال مُحَرم جِيَرم سَكركوان اَتِ которая означаетъ: „лѣта

[a]) Числит. *двадцатый* у чувашъ произносится çирӗммӗш или çирӗмӗш (*с̆ирӡ̆ммӡ̆ш*, *с̆ирӡ̆мӡ̆ш*); оно получилось изъ первоначальнаго * çирӗмӗмӗш.

725-го года, мухаррема въ 28-ой день случилось". Н. И. Ильминскій, въ своей статьѣ „О фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскимъ языками", напечатанной въ V т. Извѣстій Имп. Арх. Общ. (1865 г.), считаетъ болгарское порядковое числительное بيالم („пятый") за числительное количественное, предполагая въ аффиксѣ م (*м*) только фонетическую разновидность окончанія чувашскаго числительнаго пиллĕк (п*и.і.і*ӯк, п*и.і.і*ӯк), „пять",—„*к*". Однако подобное объясненіе невѣрно, такъ какъ мы знаемъ и другія порядковыя имена, которыя въ болгарскихъ эпитафіяхъ являются съ аффиксомъ م; таковы, напр., توانم, 4-й, وانم, 10-й, и пр. Все это заставляетъ насъ думать, что количественное числит. имя *пять* болгары должны были писать не بيالم, что означало бы *пятый*, а بيال, гдѣ конечное ل (*л*) соотвѣтствуетъ обще-тюркскому *ш* (каз.-тат. *біш*, осман. *бӓш*, пять), какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ современнаго чувашскаго языка.

III. Ахмаровскія надписи.

Эти надписи, до сихъ поръ не изданныя (кромѣ одной тетюшской) [24], я помѣщаю въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ онѣ переданы въ составленномъ г. Ахмаровымъ отчетѣ; исключеніе сдѣлано мною лишь для тетюшской надписи, съ которой я имѣю фотографическій снимокъ.

I. Тетюшская надпись [a]. Камень, на которомъ высѣчена эта надпись, раскололся на двѣ части, при чемъ повредилась нижняя строка эпитафіи. Кромѣ того, фотографія надписи вышла не очень удачной, такъ что письмо ея не вездѣ вышло отчетливо. Эпитафія обведена бордюромъ, а надъ нею вырѣзана фигура, въ формѣ звѣзды. Почеркъ надписи—куфическій.

---

a) Находится въ г. Тетюшахъ, во дворѣ Полицейскаго Управленія.

На камнѣ читается слѣдующее:

الحكم لله العلى الكبير Судъ (принадлежитъ) Богу Высокому, Великому.

علاى الله اول عيسى تلوك ى Памятникъ 'Исы, сына 'Алайуллы—да

رحمه الله عليه رحمة واسعه будетъ надъ нимъ милость Божія милостью широкою.

وفات تلطوى تاريخ جيات Наступленіе кончины его по лѣтосчисленію въ 7-

جو.ر وان طجر جال أيشز 19 году.....

Вмѣсто означенной на памятникѣ даты 719 Ахмаровъ читаетъ только 710, а слѣдующія слова طجر جال أيشز онъ транскрибируетъ هجرة عظيم الشأن и переводитъ: „переселенія великой личности (т. е. отъ бѣгства Магомета)“. Однако слово طجر (9) читается на камнѣ очень явственно, точно такъ же, какъ и слово جال (*годъ*); затрудненіе представляетъ только самое послѣдное слово أيشز, смыслъ котораго совсѣмъ теменъ. Здѣсь пока возможны только одни гадательныя предположенія, которыя рѣдко ведутъ къ истинѣ.

2. Надписи Спасскаго уѣзда.

а) Надписи села Матвѣевки.

Изъ этихъ надписей, которыхъ всего было 7, доступною для прочтенія оказалась только одна; изъ остальныхъ надписей четыре стесаны какимъ то острымъ орудіемъ, одна находится въ землѣ, а отъ одной остался только обломокъ. Почеркъ надписей третной (خط ثلثى), а не куфическій.

Сохранившаяся надпись и ея переводъ, сдѣланный г. Ахмаровымъ, гласятъ:

هو الحى الذى لا يموت * (.....) (.....) * حاجى
الحرمين محمود * بن حسين البلغارى * قدس الله روحه ونور ضريحه *

اللهم ارحمه رحمة واسعة * توفيت (?)الى رحمه الله * تعالى فى غرة شهر رمضان سنه سبع وثلثين * وسبعماية *

„Онъ живой, безсмертный..... Посѣтитель двухъ святыхъ городовъ (Мекки и Медины) Махмудъ, сынъ Хусейна, Булгари. Да сдѣлаетъ Богъ душу его святой и просвѣтитъ его могилу. Боже! окажи ему милость свою, милость широкую. Отдалъ онъ свою душу милостивой волѣ Бога Всевышняго въ началѣ мѣсяца рамазана 737 г. (что въ 1337 г. по Р. Х.)".

Надпись заключаетъ въ себѣ десять строкъ, означенныхъ здѣсь звѣздочками; строки 2-я и 3-я у г. Ахмарова обозначены пунктиромъ.

б). Три надписи древняго магометанскаго кладбища въ д. Старомъ Баранѣ (по-тат. Рāцāб). извѣстнаго у татаръ подъ наименованіемъ „Таш-Білгі̥" (Каменный-Знакъ).

1. На этомъ камнѣ читаются слѣдующія 5 строкъ куфическаго письма:

الحكم لله العلى الكبير * اَجْنَبْ اول * احمد بلوكُ = * رحمة الله عليه * رحمة واسعة *

Г. Ахмаровъ переводитъ: „Судъ Богу Всевышнему, Великому. Азнябовъ сынъ Ахмадъ, его могила. Да будетъ ему милость Бога, милость широкая".

2. Надпись этого камня заключаетъ въ себѣ слѣдующія 5 строкъ, написанныхъ почеркомъ ثلثى:

هو الحى الذى لا يموت * آنبال اوعلى حسن * زيارتى ترور رحمه الله * عليه رحمة واسعة * رجب آى ننك اوچنچى كونى ايردى

Переводъ г. Ахмарова слѣдующій: „Онъ живой, безсмертный. Сынъ Апбаля Хесенъ, его могила. Милость Бога ему, милость широкая. Былъ 3-й день мѣсяца разяба". Тюркскія формы надписи принадлежатъ джагатайскому нарѣчію.

3. На этомъ камнѣ читается эпитафія, состоящая изъ 5 строкъ куфическаго письма.

Надпись на немъ гласитъ:

الحكم لله العلى * الكبير احمال اول * جعفر اول حاجى يونس * بلكوى = وفاتى * تاريخ

Г. Ахмаровъ переводитъ: „Судъ Богу Всевышнему, Великому. Сынъ Ахмала, сына Зягафара—Хази-Юнусъ [1]), его могила. Смерть въ году ....“ По поводу этой эпитафіи переводчикъ замѣчаетъ: „Съ нижняго конца, гдѣ слѣдуетъ по обыкновенію годъ и число мѣсяца, камень сломанъ. По характеру письма тоже относится къ началу XIV вѣка“.

в) Эпитафіи на древнемъ кладбищѣ въ тат. деревнѣ Таш-Бішҗ.

1. Этотъ камень имѣетъ на себѣ три слѣдующихъ строки куф. письма: الحكم لله العلى الكبير * ايرك اول محمد شريح * الچى

Г. Ахмаровъ переводитъ: „Судъ Богу Великому. Сынъ Ирека Мухаммедъ Шарихъ Ильчи (посланникъ)“.

2. Куфическое письмо этой 6-тистрочной эпитафіи гласитъ:

هو الحى الذى لايموت * وكل حى سيموت * عمر اول اسماعيل اول * حسن اول رحبز باب * تاريخ جيات جور * جورمو جال

Переводъ г. Ахмарова: „Онъ живой, безсмертный, все живое умираетъ. Сынъ Гумера Исмагилова, сына Хасена, Рахбезбабъ [2]). Годъ 720“.

Имя *Рахбезбабъ* мнѣ кажется сомнительнымъ; вм. جورمو (20) можетъ быть слѣдуетъ читать или جيرم, какъ и на другихъ надписяхъ, или جيرمم—*двадцатый*.

3. Этотъ камень содержитъ на себѣ слѣдующія 9 строкъ куф. письма:

الحكم لله العلى الكبير * الياس اول اسماعيل * اول محمد بكويك *

[1]) Слѣдуетъ перевести: «Хаджи-Юнусъ, сынъ Джа'фара, сына Ахмала».

[2]) Слѣд. перевести: «Рахбезбабъ(?), сынъ Хасана, сына Исмаила, сына 'Умара».

رحمة الله عليه * رحمة واسعة * تاريخ حيات جور * الطسس جال (.....) ايج * اشزاج چرمس * شوز بر سروت

Г. Ахмаровъ переводитъ это такъ: „Судъ Богу Всевышнему, Великому. Сынъ Ильясова Исмагилова сына Мухаммедъ. Милость Бога ему, милость широкая. Годъ 760 ..... мѣсяца“,..... Я перевожу иначе: „Судъ (принадлежитъ) Богу Всевышнему, Великому. Памятникъ Мухаммеда, сына Исмаила, сына Ильяса. (Да будетъ) надъ нимъ милость Божія милостью широкою. По лѣтосчисленію 796 года .... мѣсяца (*преставился*?)..... Слово بكويك въ 3-строкѣ эпитафіи я чит. بَلوكى („его знакъ“); числительное الطسس, мнѣ кажется, слѣдуетъ читать آلطنش, *шестой* (срав. ايكنش, چيارمنش), а не آلطمش, *шестьдесятъ*, потому что въ болгарской формѣ послѣдняго числительнаго мы въ правѣ ожидать въ концѣ ل (*л*) а не ش (*ш*), какъ и въ современномъ чувашскомъ языкѣ, гдѣ вмѣсто обще-тюрк. *алтмыш* мы видимъ утмӑл, отмӑл (*утмӑл, отмӑл*, вм. * *ултмӑл*, * *олтмӑл*); а намъ извѣстно, что замѣна тюркскаго *ш* звукомъ *л* была свойственна и болгарскому языку, какъ это доказывается числительнымъ بيالم. Начало 8-й строки اشزاج напоминаетъ конецъ тетюшской надписи, въ которой какъ мы видѣли выше (93 с.), послѣднее слово читается اشز, но смыслъ этой строки, такъ же, какъ и послѣдней, остается совершенно загадочнымъ.

3. Надписи Тетюшскаго уѣзда.

а) Надписи на кладбищѣ при деревнѣ Атрась (по тат. Атра́ч).

На этомъ кладбищѣ, называемомъ мѣстными татарами „Шунгаты-О́стӧ“ (мѣсто бывшаго здѣсь, по преданію, города Шунгаты), г. Ахмаровъ нашелъ болѣе 20 камней съ арабскими надписями куфическаго и третного письма. Изъ этихъ надписей ему удалось прочитать съ начала до конца лишь двѣ слѣдующихъ, написанныхъ почеркомъ ثلثى:

1. هو الحی الذی لایموت * وکل حی سیموت * مصطفی اول محمد * اول ابراهیم بلوك * رحمة الله علیه * رحمة واسعة * تاریخ جیات جور * جیات جال.

Переводъ г. Ахмарова: „Онъ живой, безсмертный, все живое умираетъ. Сынъ Мустафы, сына Мухаммеда, Ибрагимъ, его могила. Милость Бога ему, милость широкая. Годъ 707 (т. е. 1308 по Р. Х.)".

Я перевожу второе предложеніе иначе: „Памятникъ Ибрагима, сына Мухаммеда, сына Мустафы".

2. هو الحی الذی لا یموت * یوسف اول محمد * اول اسماعیل * زیارتی تورور * رحمة الله علیه رحمة واسعة * فانی دنیادین باقی اخرتکا رحلت طندی * تاریخ جیات جور * وان تواتو

Переводъ г. Ахмарова: „Онъ живой, безсмертный. Юсуфа, сына Мухаммеда Исмаилъ, его могила. Милость Бога ему, милость широкая. Отъ непостояннаго (не вѣчнаго) міра въ вѣчный будущій міръ переселился онъ въ году 714 (что 1315 г. по Р. Х.)".

Я перевожу второе предложеніе такъ: „Мѣсто погребенія Исмаила, сына Мухаммеда, сына Юсуфа". Въ этой эпитафіи (если она списана вѣрно) чувашскія формы перемѣшаны съ джагатайскими; къ послѣднимъ относятся слова: تورور (*есть*), دنیادین (*отъ міра*), اخرتکا (*въ будущую жизнь*).

На этомъ камнѣ весьма любопытна форма طندی (или طندی), которая, очевидно, взята отъ какого-то вспомогательнаго глагола и составляетъ вмѣстѣ съ существительнымъ رحلت сложный глаголъ. Мнѣ кажется, что аффиксъ этой формы аналогиченъ аффиксу реченія تلطی, которое, по своему мѣсту въ надписяхъ и вспомогательному значенію, находится въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и слово طندی. Послѣднее реченіе, кромѣ разбираемой здѣсь надписи, я вижу

также въ одной эпитафіи, напечатанной у Березина (№ 27), гдѣ оно является въ очевидно искаженномъ выраженіи فعر كيندو, и еще въ двухъ надписяхъ (см. табл.) у г. Ахмарова, гдѣ ему предшествуетъ какое-то арабское слово, которое можно читать سعد (счастье). Что касается первыхъ двухъ буквъ этого арабскаго слова, то онѣ въ снимкахъ, сдѣланныхъ г. Ахмаровымъ, читаются совершенно ясно, въ особенности вторая изъ нихъ, которая на одномъ изъ камней изображена знакомъ ⍋; остается сомнительной только послѣдняя буква ر, которая можетъ представлять собою или د или ر. Такъ какъ въ одной изъ Ахмаровскихъ эпитафій подъ буквою ر въ словѣ طنروى поставлена діакритическая точка, употребляющаяся въ болгарскихъ письменахъ для отличенія буквы ر (*p*), то мнѣ кажется, что относительно значенія этой буквы сомнѣнія быть не можетъ; точно также я почти не сомнѣваюсь, что діакритическая точка стоящая надъ зубцомъ между этою буквою и начальнымъ ط [a] (у Березина и на одной надписи у г. Ахмарова), занимаетъ это мѣсто не по какой либо случайности или ошибкѣ. Такъ какъ одна діакритическая точка ставилась въ болгарскихъ надписяхъ не только надъ буквою ن, но также и надъ буквою ت (см. тет. надпись), и такъ какъ куфическія буквы ط и ك при чтеніи могутъ быть весьма легко смѣшиваемы, то мнѣ кажется, что слово طنروى (?) допускаетъ нѣсколько различныхъ толкованій. Принимая окончаніе этого слова روى за аффиксъ того же самаго происхожденія, что и афф. لوى въ словѣ تلطوى (перемѣна ط-д-на ر-р- въ прошед. вр. дѣйствія—чувашизмъ), я тѣмъ не менѣе воздерживаюсь отъ всякихъ предположеній относительно смыслового значенія

[a] كد?

этой глагольной формы, которое пока остается для меня загадкой.

Кромѣ того, на трехъ камняхъ г. Ахмаровъ разобралъ слѣдующія слова: 1) تاريخ يتى يوزايكى ده, *въ году 702 (1303)*; 2) تاريخ يتى يوزقرق يدى, *годъ 747 (1346)* и 3) تاريخ يتى اوچ ده, يوز, *въ году 703 (1304)*.

б) Надписи въ с. Ямбухтинѣ.

Здѣсь г. Ахмаровымъ найдены два камня съ эпитафіями; одну изъ этихъ эпитафій ему удалось разобрать лишь отчасти.

1. رحمه الله عليه * رحمة واسعه تار * بخ جيات جور * توانه جيات

Онъ переводитъ: „Милость Бога ему, милость широкая. Годъ 707 (1305 г.)“. Слово توانه (توانم, *четвертый?*), страннымъ образомъ поставленное между числительными جور и جيات, оставлено г. Ахмаровымъ безъ перевода. Письмо эпитафіи—куфическое.

2. الدنده ۱ عم ۸ ياشنده * عدد تاريخ آلتى يوز قرق * ايكى ده ۲ عم ۶

Г. Ахмаровъ переводитъ: „въ семьдесятъ четвертомъ году. Число года—въ 642-мъ (т. е. 1244 г.)“. Начальное слово الدنده (*передъ?*) оставлено имъ безъ перевода. Число 84 (не 74) вѣроятно означало возрастъ покойника. Почеркъ надписи—نلثى, нарѣчіе—джагатайское.

в) Надпись въ с. Монастырскомъ (по-тат. *Каратун*) [a].

Эта надпись вырѣзана куфическимъ почеркомъ и сохранилась лишь съ боковой стороны камня. Оставшіяся на камнѣ слова г. Ахмаровъ изображаетъ такъ, какъ показано на таблицѣ (№ 1).

Перевода этой надписи г. Ахмаровъ не сообщаетъ. Можно предполагать, что 4-я и 6-я группы буквъ въ надписи

[a] *Кара-тун*—черноризецъ, монахъ (по-чув. хора-том, *хора-дом*).

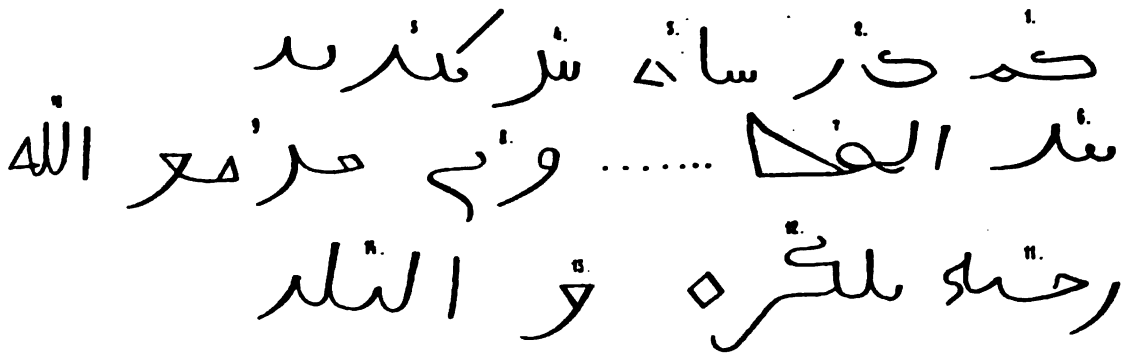
изображаютъ слово اول (*сынъ*), а восьмая группа составляетъ остатокъ реченія تلوكى (*памятникъ*).

г) Надписи на кладбищѣ при д. Салтыгановой (по-тат. *Сатлыҗан*).

„При д. Салтыгановой (Богородской вол.) есть древнее кладбище, называемое мѣстными татарами „Ташбильги". На этомъ кладбищѣ находятся три надгробныхъ памятника съ арабскою надписью. Всѣ три камня съ верхней половины поломаны, поэтому при настоящемъ спискѣ сверху не хватаетъ обычной арабской формулы الحكم لله العلى الكبير. Почеркъ надписи куфическій и весьма плохой работы".

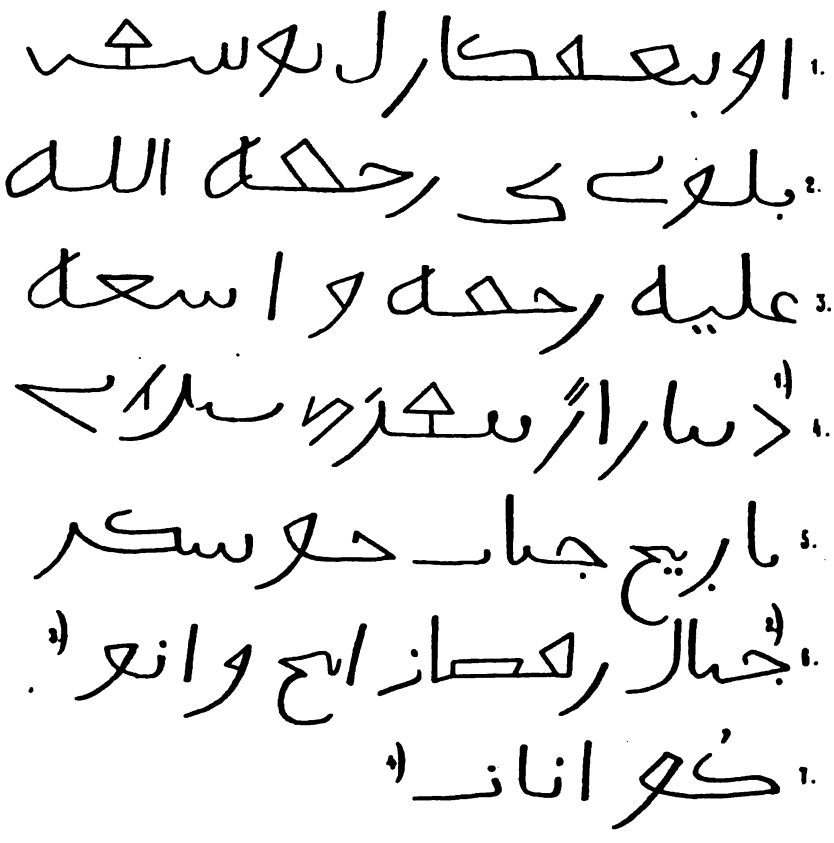
Здѣсь я представляю какъ самыя эпитафіи, такъ и сдѣланный мною переводъ этихъ эпитафій, котораго у г. Ахмарова нѣтъ.

№ 1.



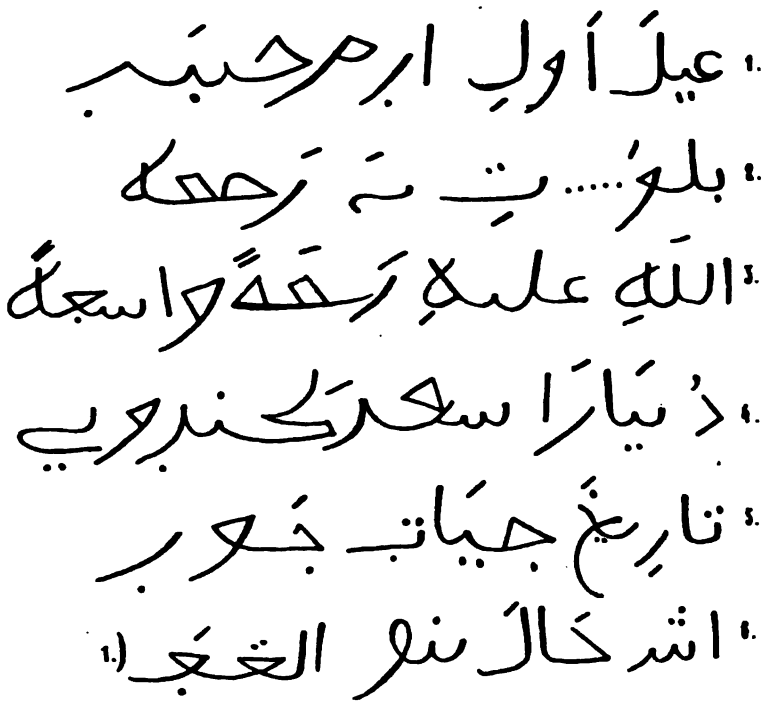
[1]) Цифры надъ отдѣльными группами буквъ поставлены мною.

№ 2.



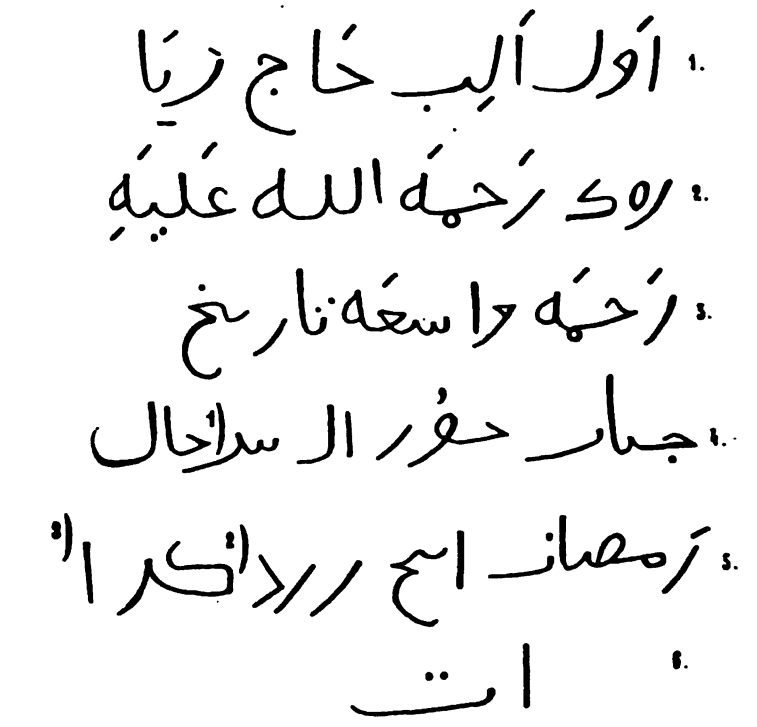
[1]) Слѣдуетъ: دنباران سعد طنروی? [2]) Слѣд. جال?
[3]) Слѣд. وانم? [4]) Слѣд. كوان آتِ.

№ 3.



[1]) Въ послѣдней строкѣ 1-е, 3-е и 4-е слова по смыслу неясны.

№ 4.



[1]) Слѣд. * النم, *шестой?* или الم, *пятидесятый?*

Къ № 2.

1. .... сына Мемека, сына....
2. памятникъ. Да будетъ милосердіе Божіе
3. надъ нимъ милосердіемъ обширнымъ.
4. ..... счастья (?) отъ міра
5. по лѣтосчисленію въ 708
6. году, рамазана мѣсяца въ 10-й
7. день совершилось.

Къ № 3.

1. ....., сына (Исма) или (?)
2. памят(никъ). Да будетъ милость
3. Бога надъ нимъ милостью обширною.
4. ..... счастья(?) отъ міра (совершилось)
5. По лѣтосчисленію въ семьсотъ
6. ? году ? ?

Къ № 4.

1. ..... сына, Алыпъ-Хаджи мо-
2. гила. Да будетъ милость Божія надъ нимъ
3. милостью обширною. По лѣтосчисленію
4. семьсотъ шестого(?) года,
5. рамазана мѣсяца 10-й(?) день
6. былъ.

Здѣсь оканчиваются надписи, приводимыя въ отчетѣ г. Ахмарова. Насколько отсюда можно видѣть, всѣ снимки и списки съ болгарскихъ надгробій, какіе были сдѣланы до сихъ поръ (за исключеніемъ трехъ точныхъ(?) снимковъ у Фейзъ-Ханова и двухъ у Березина) никакъ не могутъ считаться вполнѣ достаточными. Намъ остается только пожелать, чтобы на будущее время тѣ, кто имѣетъ къ тому возможность, озаботились изготовленіемъ болѣе точныхъ копій, съ возможно

большаго числа древнихъ памятниковъ, оставшихся отъ болгарской эпохи, такъ какъ заключающійся въ нихъ лингвистическій матеріалъ, въ виду отсутствія иныхъ письменныхъ документовъ, имѣетъ для изслѣдователя болгарскихъ древностей особенную цѣнность.

Правописаніе болгарскихъ надписей.

Надписи, въ которыхъ замѣтны слѣды чувашизма, изображены всѣ безъ исключенія чисто арабскимъ алфавитомъ, безъ добавленія какихъ бы то ни было дополнительныхъ буквенныхъ знаковъ, какіе приняли въ свою письменность татары, турки, персы, афганцы и другіе народы, исповѣдующіе исламъ. Отсутствіе подобныхъ знаковъ могло, по моему мнѣнію, быть слѣдствіемъ того религіознаго уваженія, какое питаютъ всѣ вѣрующіе магометане къ священному для нихъ арабскому алфавиту, который, по существующимъ у мусульманъ преданіямъ, имѣетъ высшее, неземное происхожденіе [a]).

Такъ какъ алфавитъ, употребляемый арабами, не заключаетъ въ себѣ нѣкоторыхъ знаковъ, необходимыхъ для выраженія особыхъ звуковъ, свойственныхъ тюркскимъ нарѣчіямъ, то волжскіе болгары были принуждены изображать слова своего языка только приблизительно, примѣняя тѣ арабскія буквы, которыя, по ихъ звуковому значенію, представлялись до извѣстной степени пригодными для передачи болгарской рѣчи. Этимъ самымъ обстоятельствомъ я и объясняю то странное явленіе, что извѣстный законъ употребленія парныхъ согласныхъ, который свойственъ чувашскому языку и котораго, слѣдовательно, мы могли бы ожидать и отъ языка болгарскаго, не находитъ себѣ полнаго подтвержденія въ тѣхъ болгарскихъ словахъ, которыя мы видимъ на древнихъ памятникахъ. Дѣло заключается въ томъ, что, не находя въ арабскомъ алфавитѣ

[a]) См. по этому поводу любопытныя разсужденія въ соч. النصول الحديده فى خلاف الاصول الجديده („Острые наконечники противъ новыхъ методовъ"), Казань, Типогр. Универс., 1899. Стр. ١٠١—٩٥.

буквъ для выраженія нѣкоторыхъ глухихъ согласныхъ, каковы чув. *n*, *ć* и *x́*, волжскіе болгары стали изображать эти звуки другими арабскими буквами, пользуясь для изображенія перваго изъ нихъ арабскимъ ب, для изображенія второго—буквою ج и для передачи третьяго—буквою ه. Что касается тѣхъ случаевъ, когда наличность соотвѣтствующаго арабскаг знака давала возможность изображать болгарскіе звуки съ достаточною точностью, то въ этихъ случаяхъ, какъ мы видимъ изъ надписей, болгарскія глухія согласныя передавались тѣми арабскими буквами, которыя соотвѣтствуютъ глухимъ согласнымъ и въ арабскомъ языкѣ.

Все это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Правописаніе надписей.	*Предполагаемое произношеніе.*	*Чувашскія слова.*
جال *годъ*	ćал	çол, çул (*ćол*, *ćул*).
جور *сто*	ćӧр	çӗр (*ćӧ̆р*, *ćӝр*).
جيرم 20	ćірӌм (ćіӑрӌм?)	çирӗм (*ćиръм*).
جيات 7	ćіӑдӌ	çиҫҫӗ (*ćиӌӌӝ*, *ćиӌӌ*).
جيارمنش 20-й	ćіӑрмӌнӌш	çирӗммӗш (*ćиръмнӝш*).
تمراج (личн. имя)	Тімрӑć	Тимӗреç (*тимӝръэć*).
بيالم 5-й	піӑлӌм	пиллӗкӗм(ӗш), чит. *пи.і.іӝгӝмӝш*.
بلوك *знакъ*	пӑлӌк	палкӑ (*палий*), *валӑк*. См. раньше.
هير *дочь*	хӌр	хӗр (*хӝр*).
آيخ *мѣсяцъ*	ajӧх	ойӑх, уйӑх (*ойӑх*, *уйӑх*)
طحر 9	тӧhор [a]	тӑххӑр (*тӧххӧр*, *тӑххӑр*), тӑхӑр (*тӧhӧр*, *тӑhӑр*).
توات 4-й	тӯӑдӌм	тӑватӑм (*тӑвадӑм*).
ات *онъ былъ*	ӑдӌ	ҫӗ (*иӝ*), ҫӗҫӗ (*иӌӝ*, *ӌӝ*)

[a] Ө, ө = чув. *ӧ*, ӧ = *ӧ̆*.

Относительно этихъ болгарскихъ написаній можно сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія.

Буква ج. Казанскіе татары пишутъ эту букву также и въ заимствованныхъ ими русскихъ словахъ, гдѣ по-русски слышится звукъ *ʒ́*, напр. كاجوننى (кāцӯннī), *казённый*. اوجم (уцым), *оземь*; тогда какъ вмѣсто русскаго *ć* они иногда пишутъ по-татарски چ.

Такъ какъ болгары послѣдней буквы не употребляли, то они и замѣняли ее соотвѣтствующею звонкою ج.

Буквы ت и ط. Первая изъ этихъ буквъ, повидимому, употреблялась въ словахъ съ узкими гласными (мягкозвучныхъ), вторая же—въ словахъ съ гласными широкими (твердозвучныхъ). Поводъ къ такому предположенію подаютъ болгарскія начертанія تمراج, تواتم съ одной стороны и слово طحر—съ другой. Послѣдняя изъ этихъ буквъ употреблена на тетюшской надписи съ діакритическою точкою (ط̣), можетъ быть для означенія звонкости изображаемой ею въ этомъ словѣ согласной или же для отличія отъ похожаго на нее по начертанію куфическаго ك.

Буквы ء и خ. Первая буква соотвѣтствуетъ чувашскому смягченному *х́*, вторая—твердому *х*; это замѣчается въ начертаніяхъ آيخ и هير, встрѣчающихся въ этомъ видѣ на нѣсколькихъ болгарскихъ камняхъ.

Такъ какъ чувашскій языкъ не имѣетъ ни одного парнаго согласнаго звука, который былъ бы совершенно звонкимъ, но всѣ парныя звонкія согласныя этого языка представляютъ собою лишь нѣчто среднее между вполнѣ глухими и вполнѣ звонкими звуками, то въ современномъ чувашскомъ письмѣ, принятомъ въ чувашскихъ изданіяхъ и повсемѣстно распространившемся среди чувашъ, парныя звонкія вездѣ передаются буквами, употребляющимися также и для означенія парныхъ глухихъ согласныхъ. Этотъ принципъ правописанія, какъ ка-

жется, существовалъ и у ихъ древнихъ предковъ, волжскихъ болгаръ, съ тою только разницею, что послѣдніе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ недоставало соотвѣтствующаго глухого знака у арабовъ, въ силу необходимости ставили тѣ буквы, которыя въ арабской письменности выражаютъ не глухіе, а звонкіе звуки. Доказательствомъ этому могутъ служить съ одной стороны написанія: توانم, جيات, ات, съ другой—слова: هير, نساج, جيرم и др. [25]).

Примѣчанія.

1. У Оеофана: *Ὀργανᾶς, ὁ τῶν Οὔννων κύριος* (619), *Κοῦβρατος, ὁ ἀνεψιὸς Ὀργανᾶ, ὁ τῶν Οὐννογουνδούρων κύριος* (635) и *Κοίβρατος* или *Κουβάτος, κύριος τῆς Βουλγαρίας καὶ τῶν Κοτραγων*. У Nagy Géza, въ Ethnographia, 1894, II f., 93 l.

2. „Въ половинѣ V в. готскій историкъ Іорданисъ (552) помѣщаетъ булгаръ на сѣверо-западномъ берегу Чернаго моря, восточными сосѣдями живущихъ въ Дакіи славянъ". Пречекъ, Исторія булгаръ, перев. съ нѣм. подъ ред. Яковлева. Варшава, 1877, 119 с.

3. Имя *Берсула*, которому нѣкоторые давали превратное толкованіе, сближая его съ именемъ *барзилеевъ*, народа, жившаго около Волги въ сосѣдствѣ съ хазарами, я отожествляю съ названіемъ рѣки *Берсулы*, праваго притока р. Камы, впадающаго въ послѣднюю нѣсколько выше г. Чистополя. Относительно названія Эсегель существуетъ предположеніе, сближающее его съ именемъ венгерскихъ секлеровъ (székely; см. Б. Мункачи, A magyar fémnevek östört. vallomásai, 25 l.).

4. Найденныя до сихъ поръ болгарскія монеты весьма немногочисленны. Есть основанія думать, что чеканка монетъ у болгаръ была дѣломъ совершенно случайнымъ. См. Шпилевскій, op. cit. 44—45.

5. Срав. алт. „*пулайры* юфть (кожа) (нѣстари называется юфть отъ города Болгара, на Камѣ)" [1]); калм. *булгара*, мадьяр. bagaria, юфть.

---

[1]) См. „Грамм. алт. языка, сост. членами Алт. Миссіи". Казань, 1869. 242 стр. (словаря).

6. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія, гл. I, стр. 76.

7. Шпилевскій, op. cit., 488 стр.

8. См. E. Bretschneider, Mediaeval researches from eastern asiat. sources. London, 1888, vol. II, p. 83, но также и Шишмановъ, op. cit. 724, XXX.

Замѣчательно, что способъ выраженія почтительности, заключающійся въ держаніи шапки подъ-мышкой, составляетъ непремѣнную особенность чувашскихъ моленій, гдѣ бы послѣднія ни происходили, въ полѣ или дома, въ холодное или въ теплое время года. Такъ, напр., въ д. Н. Шинкусахъ Тет. у., во время языческаго моленія о дождѣ (çумăр ӳҕӳкĕ, *ćумӑр ӳ̆ζӳгэ̆*), совершаемаго весною, около семика, когда сварится жертвенная каша, то старикъ, варившій жертвенное кушанье, „черпаетъ изъ котла ложку каши и, снявъ шапку и заткнувъ ее подъ-мышку, начинаетъ молиться, обратившись на востокъ" („хурантан кашăкпа пăтă ăсса илет те, çĕлĕкне хывса хул-хушшине хĕстерсе, мал йеннелле пăхса кĕл-тума пуçлат"). Точно также въ описаніи моленія „ҕӳклеме", совершаемаго въ д. Чувашской Менчѣ Чист. у., мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: „Çапла вара пурне те майлаштарса çитерсен, ҕӳклеме кĕлли пĕлекен çын питне-куçне çăват, çине тумтир тăхăнат, çĕлĕкне сулахай хул-хушшине хĕстерет, ҕӳклеме хурĕ ҕашкине аллине илет те, тĕне кĕни пулсан Турă кĕтессине пăхса, тĕне кĕменни пулсан алăк патнелле пăхса, тата хăшĕ-хăшĕ тула тухса мал йенне пăхса кĕл-тăваççĕ", —т. е.: „Когда такимъ образомъ все будетъ устроено, какъ слѣдуетъ, то человѣкъ, знающій молитву, читаемую при обрядѣ *ӵӳк.іэмэ*, умывается, надѣваетъ на себя (верхнюю) одежду, затыкаетъ шапку подъ-мышку, подъ лѣвую руку, беретъ въ руки блюдо съ жертвеннымъ гусемъ и, обратившись, если онъ крещеный, то къ божницѣ, а если некрещеный, то къ двери (иные также выходятъ и на дворъ и обращаются къ востоку), начинаетъ молиться". (Чувашскій текстъ описанія моленій сообщенъ П. В. о. Васильевымъ).

Хотя слово *сычевка* и вошло въ извѣстный „Словарь живого великорусскаго языка", составленный Далемъ, однако въ силу неопредѣленности его указаній на районъ, гдѣ употребляется это слово (въ „Словарѣ" сказано только: „*волж.*"), можно легко заподозрить, что это сомнительное реченіе было взято составителемъ „Словаря" не изъ живой народной рѣчи, а лишь изъ нѣкоторыхъ сочиненій о болгарахъ, для авторовъ которыхъ указанная Сенковскимъ „сычевка" была чуть ли не цѣлымъ откровеніемъ.

9. См. Корн. чуваш.-рус. словарь Н. И. Золотницкаго, 261—263 сс. Керменчукъ образовано изъ * кӑрмӑн [соврем. чув. въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ—*карман*; половец. *kārmān*. крѣпость, городъ; срав. чув. языческія имена мужчинъ: *Карман*, Кармантей, чит. *Кармандэй* („крѣпости подобный", отъ *карман* + тюрк.-*тай*, -*дай*, подобно?), *Кармаш* (уменьшительное отъ *Карман*?)] и диминутивнаго аффикса—„чӗк".

10. У Куника, въ сочин. „Извѣстія Ал-Бекри и др. авторовъ о руси и славянахъ", стр. 153.

11. Г. Мункачи говоритъ: „Имя *угоръ*, *огуръ*, по своему происхожденію, представляетъ древнее собирательное обозначеніе западныхъ тюркскихъ племенъ, въ противоположность съ жившими восточнѣе отъ нихъ и отличавшимися отъ нихъ также и по нарѣчію *огузами*, которые также называли себя вообще именемъ *тюркъ*, какъ продолжаютъ себя называть и до сихъ поръ" (Az „ugor" népnevez. eredete, 387 l.).

12. О чувашскихъ элементахъ въ мадьярскомъ языкѣ много писалъ г. Мункачи; онъ же разсматривалъ чувашскія слова, вошедшія въ готскій и нѣкоторые славянскіе языки. Статьи этого ученаго, касающіяся чувашскаго языка, помѣщались имъ главнымъ образомъ на страницахъ венгерскихъ журналовъ Ethnographia, Nyelvtudományi Közlemények и Keleti Szemle; изъ нихъ можно отмѣтить: A magyar fémnevek őstörténeti vallomásai („Первобытно-историческія показанія названій металловъ у мадьяръ"), Ethnographia; 1894, 1 sz.; Az „ugor" népnevezet eredete („Происхожденіе племеннаго

наименованія „угры“), Ethn., 1895, 5—6 sz., 349 l.; A magyar-szláv ethnikai érintkezés kezdetei („Начала мадьяро-славянскихъ этническихъ сношеній“), Ethn., 1897, 1—2 sz.; Csuvas nyelvészeti jegyzetek („Замѣтки, касающіяся изученія чувашскаго языка“), Nyelvtud. Közlemények, 1887, 1 f.; „A magyar népies halászat műnyelve („Народная терминологія по рыболовству у мадьяръ“), Ethnogr. 1893, 7—12 sz., и др. Заимствованія, сдѣланныя изъ чувашскаго языка вотяками, подробно разбираются тѣмъ же ученымъ въ статьѣ „Idegen elemek a votjak nyelvben („Чуждые элементы въ вотскомъ языкѣ“), Nyelvtud. Közl., 1883, XVIII k., 1 f., а нѣкоторыя чувашскія слова, перешедшія въ языкъ мордвы, представлены у г. Паасонена, въ его очеркѣ „Die türkischen Lehnwörter im mordwinischen“, напечатанномъ въ Journal de la Société Finno-Ougrienne за 1897 г.

Относительно тюркскихъ элементовъ въ мордовскомъ языкѣ, указанныхъ у г. Паасонена, я считаю нужнымъ сдѣлать слѣдующія дополнительныя замѣчанія:

1. Чувашское айга (*ajda*), идемъ, айда, которое поставлено г. Паасоненомъ въ соотвѣтствіе мордовскому *ad'a*, *ad'ä*, употребляется лишь въ нѣкоторыхъ чув. мѣстностяхъ; обыкновенное же произношеніе этого слова у чувашъ—аťа (*ad'a*, *aдa*). Русскіе въ Курм. у. Симб. губ. произносятъ нерѣдко: *адя*, вмѣсто обще-рус. *айда*.

2. Слово *ajel*, *aʻeľ*, *ajəl*, sattelgurt; bauchgurt, о которомъ въ статьѣ сказано: „Im tat. und tschuw. nicht belegt“, я нашелъ въ говорѣ чувашъ д. д. В. Олгашей и *Пошкырт* Козм. у., которые произносятъ это слово ойăл (*ojəl*)—подпруга.

3. Мишар. *akaźźa*, eigentümlich, wunderlich, которое г. Паасоненъ склоненъ считать за арабское, на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ рус. *оказія* (въ акающихъ говорахъ—*аказія*), отъ лат. occasio, случай, приключеніе. Срав. выраженіе: что за оказія!

4. Мордовское *ańćak*, только, слѣдуетъ считать не древне-мишарскимъ, какъ это дѣлаетъ г. Паасоненъ, а чувашскимъ,

такъ какъ мордов. *ć* (*ń*) въ этомъ словѣ составляетъ передачу полузвонкаго чувашскаго *ʒ́* (у чувашъ анҕах, низ. *ан́ʒ́ах*, верх. *ан́ӱах*, только); срав. мордов. *каńага* и чув. каҕака, низ. *каʒ́ага*, верх. *каӱага*, коза. Послѣдняго слова у г. Паасонена нѣтъ.

5. Слово *asu* (изъ болѣе древняго *asuv*), nutzen; fähigkeit, стоитъ всего ближе къ чувашскому осӑ, усӑ (чит. *озӑ*, *узӑ*), польза.

6. Въ соотвѣтствіе морд. *azar*, wütend, böse, я нахожу въ чувашскомъ реченія асар-писер (*азар-ϭиʒэр*), хасар-писер (*хасар-ϭиʒэр*), злой, ожесточенный.

7. Мордовскому *jabun'ća*, filz, filzdecke, отвѣчаетъ чувашское йупӑнҕӑ, йопӑнҕӑ (*јубӑн́ʒ́ӑ*, *јобӑн́ӱӑ*), особый родъ покрывала.

8. Морд. *kot'ān'*, *kot'ana* и пр., hinterteil, after, созвучно съ чув. котана (*кодана*, курм.), прямая кишка (котана тохат̆, *кодана доhат̆*, „выпадаетъ прямая кишка").

9. Мишар. *noγît*, „ein gesträuch mit nussähnlichen früchten", соотвѣтствуетъ у чувашъ Белеб. у. Уфимской губ. реченію нухӑт-ӑывӑççи (*нуhӑт-јывӑćći*), бобовникъ, amygdalus nana.

10. Мордовское *borsuk*, барсукъ, заимствованное мордвою или изъ тюрк. нарѣчій или же изъ русскаго языка, соотвѣтствуетъ чувашскому *поржӑ*. порӑш (*порӑш*), пурӑш (*пурӑш*), idem; послѣднее слово перешло къ мадьярамъ, въ формѣ *borz*, der Dachs.

11. Морд. форму *samana*, zeit, судя по глухому *с* въ ея началѣ, слѣдуетъ считать принятою отъ чувашъ (чув. *самана*, время, въ смыслѣ совокупности обстоятельствъ, отъ араб. زمانه)

12. Морд. *sapôn'*, *sapun'*, *sapon'*, мыло, слѣдуетъ считать заимствованнымъ отъ чувашъ, которые произносятъ эти слова: *собӑн́*, *субӑн́*, *субӑн* (сопӑҕ, супӑҕ, супӑн); въ пользу такого сближенія говоритъ конечное мягкое *н́* въ томъ и дру-

гомъ языкѣ; что касается глухого *р* въ морд. словахъ, то оно могло возникнуть изъ полузвонкаго чувашскаго *б*.

13. Морд. *s'ukun'ams*, sich bücken etc., произошло отъ чув. çăкăн (*сӑкӑн*) присѣдать, faire la révérence [а]).

14. Морд. *s'uśā*, *śuśe*, eine gefährliche hautkrankheit, krebs, соотвѣтствуетъ чув. ҫĕҫĕ, *ч'ӑҷӑ*, цынга? См. Матеріалы, 353 [б]).

15. Съ словомъ *čavka*, dohle, также слѣдуетъ сопоставить низ. чув. ҫавка (*ҷавка*), др.-слав. чакъка, галка (См. Словарь др.-слав. языка А. В. Старчевскаго, изданный А. С. Суворинымъ. СПБ., 1899.).

16. *takǯr*, rein, ausgetreten (vom wege) = чув. такăр, таккăр (*таӑр*, *таккӑр*), ровный.

17. *Toba*; *pežəl' t.*, bei gott! wahrhaftig, соот. чув. тупа, топа (*туба*, *тоба*), клятва (въ реченіи тупа ту, *туба ду*, клясться), тупа-та-Турăшăн, тупă-та-Турăшăн (чит. *туба-да -Турӑжӑн*, *тубӑ-да-Турӑжӑн*), „ей Богу!"

18. Въ соотвѣтствіе съ морд. *t'oba*, hügel, мы находимъ въ чув. языкѣ тӳпе (*тӳӄэ*, *тӳӡэ*), верхъ, вершина; пуç тӳпи (*пуҫ тӳӄи*), темя.

13. Къ подобнымъ словамъ относятся слѣдующія, замѣченныя мною лишь случайно: нѣм. alp, *домовой*, чув. улăп (*улӑп*, см. „Матеріалы", стр. 70); нѣм. Barte, *секира*, чув. пуртă, портă (чит. *пурдӑ*, *пордӑ*), ср. мадьяр. *bárd*, топоръ; нѣм. Bilse, Bilsenkraut, *белена*, чув. пиçен (*пиҙэн*), каз.-тат. *білчӘн*, мордвинникъ; нѣм. Kunkel, фр. quenouille, *прялка*, чув. кĕнҷеле (*ӡйʲҫʲэлʲэ*), кăнҷала (*кӑйӈала*), кудель, мочка, кĕнҷеле йывăççи (*кэйʲҫʲэлʲэ йывӑссʲи*) кăнҷаççи (*кӑйӈаласси*), *кӑйӈалуҫ*, прялка (срав. слав. кѫдѣль, рус. кудель); нѣм. Wermuth, чув. ерĕм (*эрʒʏ*), арăм-ути (*арӑм-уди*), полынь; нѣм. Egge, Ege, *борона*, чув. ака (*ага*), плугъ; нѣм. Eichel, чув. йĕкел (*йʒгэлʲ*, *йʒйэлʲ*), каз.-тат. ăкăлj, желудь.

а) Çăкăнат, *присѣдаетъ*, — говорится о новобрачной, когда она, на другой день послѣ свадьбы, идетъ въ первый разъ за водою, при чемъ на обратномъ пути народъ забѣгаетъ впередъ и требуетъ отъ нея поклона. См. также В. К. Магницкаго, Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры, 205.

б) Каз.-тат. „тĕчĕ зăхмăтj", цынга?

Было бы весьма интересно прослѣдить, не встрѣчаются ли въ германскихъ нарѣчіяхъ также и другія слова, имѣющія сходство съ чувашскими, и опредѣлить ближе причины подобнаго сходства. Мнѣ кажется, можно думать, что нѣкоторыя изъ тюркскихъ словъ, вошедшихъ въ нѣмецкій языкъ, были туда заимствованы весьма рано, вѣроятно въ эпоху переселенія народовъ. Также любопытно выяснить, изъ какого общаго источника могло бы происходить названіе *глины*, которое встрѣчается въ почти одинаковой формѣ у нѣмцевъ, славянъ, мадьяръ, чувашъ и арабовъ: нѣм. *Thon*, мадьяр. *tim*, чув. тăн, тăм (*тӣн*, *тӧн*, *тӧм*), араб. طين (грязь, глина), срав. слав. тина (грязь, глина, тина) и рус. *тина*.

Кромѣ тѣхъ славянскихъ словъ, которыя показаны у г. Мункачи заимствованными изъ какого-то тюркскаго нарѣчія [1]), близкаго къ чувашскому, я, просматривая цитованный выше Слов. др. слав. яз. А. В. Старчевскаго, нашелъ въ немъ слѣдующія слова, сравненіе которыхъ съ чувашскими, можетъ быть, окажется не излишнимъ:

Батогъ, бичъ, рус. *падогъ*, палка (носимая въ рукахъ), чув. патак (чит. *падак*), палка; *баканъ*, камень, чув. пукан (*пуган*), отрубокъ, стулъ, гиря; *боляръ*, бояринъ, чув. пӱлĕ ар (*пӱлӭар*), высокій мужъ, откуда, можетъ быть, „Пӱлер", Билярскъ; *верба*, верба, срав. чув. вєрзā (въ Большомъ Карачкинѣ Козм. у.), вирĕм (*вирӭм*), названіе языческаго обряда, во время котораго бьютъ каждаго находящагося въ домѣ *вербою* (см. В. К. Магницкій, Мат. къ объясн. стар. чув. вѣры, 126, 127 стр.), каз.-тат. бāрмāчi̥к, бāрмāчлi̥к, бāрмāчлi̥кi̥j, бāрмāчлi̥кi̥j аҕачы, верба; слав. *видро*, мадьяр. *Vidra*, нѣм. *Otter*, чув. ăтăр (*ӧдӧр*, *ӣдӣр*), цив. чув. вăтăр (*вӧдӧр*), чебокс. хăтăр (*хӧдӧр*), выдра? (козм.= кротъ?); *восъкъ*, нѣм. *Wachs*, чув. ăвăс (*ӣвӣс*), *вус*, *выс*, воскъ; *гомоля*, комъ, катышекъ, чув. козм. кумаҕа (*кумала*), неразмѣшанные комочки муки въ киселѣ; *грении*, бѣлый (о масти коня), чув. кĕрен (*кӧ̆рэн*, *кӭрэн*), игреній; *жемчоугъ*, чув. ĕнҕĕ

[1]) Въ ст. A magyar szláv ethnikai érintkezés kezdetei, 2—29 ll.

(*ӡ́н̆ʒ̆*), жемчугъ; *жесть*, чув. шăвăç, шуç (*шйвйс́, шус́*), жесть; *зѣкръ*, голубоватый, голубоглазый, чув. ҕакăр (*ч́агйр, ц́агйр*), голубоглазый, имѣющій разноцвѣтную радужную оболочку глазъ; *огаръ*, охотничья собака, польск. *ogar*, мадьяр. *agár*, борзая собака, чув. акар (*агар*), въ загадкѣ: „Акар йыттăм ашса пырат̆, айакки витĕр хĕвел пăхат̆.—Çара çуна". *Моя борзая (?) собачка бѣжитъ рысью, а сквозь ея бока свѣтитъ солнышко.—Дровни.—Капь*, изображеніе, *капище*, идолъ, кумиръ, храмъ, мадьяр. *kép*, картина, изображеніе, чув. козм. *кап*, обще-чув. пек, пак (пэќ, пэк, *пак*), подобный, подобно [1]), алт. *кāп*, образецъ, форма; *кърста, корста, керста*, чув. кистен (*ки́стэн́*, кистэн), гробъ (=обще-чув. тупăк, топăк, топăт, чит. *тубйк, тобйк, тобйт*, отъ араб. تابوت, гробъ); *кичири*, чув. кишĕр (*ки́жӡр*), морковь; *лоугъ*, низменное мѣсто, заливной лугъ, чув. олăх, улăх (*олйх, улйх*), заливной лугъ; *лѣха*, гряда, рядъ, порядокъ, чув. лекке, лика, ҕакка (*л́эккэ, л́акка, л́ига*), *л́иҕā*, лѣха, рядъ посѣянныхъ въ полѣ сѣмянъ; *лѫгъ*, лужа, дебрь, роща, чув. курм. лонкă(?) çĕр (*лонгй з́ӡр*), долъ, долина; *пыро*, пырей, горохъ, мука, *пырѣнъ*, полба, чув. пăри (*пйри*ы), каз.-тат. бөрāј, полба; *сагчии*, какой-то сановникъ, *сагъчий*, родъ должности, чина, чув. сыхҕи (*сыхч́и*, вѣроятно съ суф. 3-го л.), хранитель (въ названіяхъ божествъ; см., напр., В. К. Магницкаго, op. cit., 88 c.), луг. черем. *суксй, сукчй, сакчй*, ангелъ, каз.-тат. *саkчы*, стражникъ; *сани*, чув. çуна, çона (*с́уна, с́она*), каз.-тат. *чана*, алт. *чанаk*, авар. чанаҕ, сани; *срѣний*, сѣрый, *срѣнъ*, бѣлый, чув. çӳрен (*с́ӳрэн́*), рыжій (о лошади), каз.-тат. ɥірāн; *соурьна*, труба, дудка, зурна, чув. сăрпай (*сйрнај*), волынка; *тинь*, чув. ҕĕн (*ц́ӡн́, ч́ӡн́*), ремень; *тенето*, петля, *тоното*, тенета, сѣть, чув. таната (*танада*), сѣть; *оулий*, чув. вĕлле (вӡ́л́л́э), улей; *чара*, родъ сосуда, чув. ҕара (*ц́ара, ч́ара*), большая деревянная чашка; *шаръ*, чув. сăр (*сйр*), краска; *ıачьмыкъ*, ячмень, чув. йасмăк (*јасмйк*), чечевица; *опица, опыни*, чув. упăте, опăте, опăт̆а, ӳпĕте (чит.

[1]) Чув. „пек, пак"—метатезисъ вм. * „кеп, кап".

ӡбӣдэ, обӣд'э, обӣд'а, ӱбӣдэ), обезьяна; *орь*, чув. ӑйӑр (*ӣјӣр*), ырӑ (*ырӣ*), жеребецъ. Также замѣтимъ у Даля: **ча́канъ** м. *астрах. дон.* сочное болотное растеніе typha=чув. ҕакан (см. выше стр. 47); **осла́мъ** м. *каз.* комъ растопленнаго русскаго масла, пахтусъ. || Барышъ, ростъ, взятка, могарычи. *Осламщики* (перекупщики, барышники). Срав. чув. уҫлам (*уҫ́лам*), комъ пахтанаго масла (отъ „уҫла"—пахтать); *услам, ослам*, барышъ, процентъ, усламҫӑ (*усламз́ӣ*), коробейникъ, мелкій разъѣзжій торговецъ (каз.-тат *асламчы*).

Здѣсь я ограничиваюсь только однимъ указаніемъ на сходныя слова, найденныя мною въ славянскомъ и чувашскомъ языкахъ, не пускаясь въ опредѣленіе того, какой языкъ служилъ источникомъ для заимствованія того или другого слова, такъ какъ рѣшеніе подобнаго вопроса потребовало бы особыхъ изысканій и выходило бы изъ рамокъ настоящей статьи.

Однако я позволю себѣ отмѣтить одно слово, именно польск. chmura, русск. *хмура, хмара*, туча, русск. *хмурый*, зырян. *кымӧр*, туча, темный, которое г. Мункачи считаетъ славянскаго происхожденія, но которое, какъ мнѣ кажется, носитъ на себѣ нѣкоторые весьма характерные признаки „чувашизма" (См. выше, стр. 63; срав. нѣм. *Kummer*, печаль).

14. К. С. Сергѣевъ пишетъ мнѣ о жителяхъ этихъ деревень слѣдующее: „Пирӗн патра икӗ йал пур; пӗрне *Хурӑнсур-Ҫармӑс*, теппӗрне *Ту-ҫи-Ҫармӑс* тиҫҫӗ. Вӑл йалсене ҕӑваша тухнӑ ҫу-ҫармӑссам тиҫҫӗ. Калаҫасса вӑсам ҕӑвашла калаҫаҫҫӗ (только съ нѣсколько инымъ акцентомъ [a]), ҫу-ҫармӑсла пӗлмеҫҫӗ [b]", т. е. „У насъ (около с. Ораушъ) есть двѣ деревни, одну изъ нихъ называютъ *Хурӣнзур-З'армӣс*, а другую *Туз́и-З'армӣс*. Утверждаютъ, что жители этихъ деревень—очувашившіеся черемисы. Говорятъ они по-чувашски, только съ нѣсколько инымъ акцентомъ, а по-черемисски не знаютъ". Эти свѣдѣнія говорятъ въ пользу того, что среди

---

a) Слова въ скобкахъ въ письмѣ написаны по-русски.
b) Нарѣчіе этого отрывка—ядринское.

горныхъ черемисъ бывали случаи полнаго очувашенія цѣлыми деревнями; насколько они были часты и сколь великъ былъ районъ, захваченный этимъ процессомъ, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній о чувашахъ и черемисахъ опредѣлить едва ли возможно. Большую помощь въ этомъ случаѣ могло бы оказать изученіе топографическихъ наименованій, но одного такового было бы недостаточно, такъ какъ жители того или другого чувашскаго селенія, носящаго черемисское названіе, не всегда могутъ оказаться очувашившимися черемисами: здѣсь могутъ встрѣтиться и такія селенія, гдѣ чуваши поселились позднѣе, послѣ эмиграціи первоначальныхъ обитателей, черемисъ.

15. Что начальное мадьярское *gy* (*ď*) въ словѣ gyász развилось изъ болѣе ранняго *j*, доказывается также тѣмъ обстоятельствомъ, что у одного древняго мадьярскаго писателя это слово встрѣчается также въ формѣ *jasz* (см. Munkácsi B., A török műveltséghatás kora, Ethnographia, 1895, 2 sz., 136 l.); кромѣ того, мы имѣемъ и другія доказательства въ пользу того, что мадьярское „gy“ нерѣдко служитъ къ выраженію первоначальнаго j; таковы, напр., слова: *Gyula*, Юлій; фин. *jalka*, нога, мадьяр. *gyalog*, пѣшкомъ; мадьяр. *jön*, и *gyön*, онъ приходитъ; мадьяр. *jer* и *gyer*, иди, и пр. (См. A. Riedl, Magyarische Grammatik, S. 68). Поэтому нѣтъ основанія думать, что начальное „gy“ въ реченіяхъ *gyékény*, *gyermek*, *gyertya*, *gyom* и др. развилось изъ какого-то другого звука, помимо *j*, какъ это думаетъ г. Мункачи, и предполагать, что происхожденіемъ своимъ этотъ звукъ обязанъ особенностямъ какого-то особаго, не чувашскаго нарѣчія, оказавшаго воздѣйствіе на мадьярскій языкъ (см. Keleti Szemle, 1901, 4 sz., 310 l.). Надо имѣть въ виду, что угро-тюркское *j* въ мадьярскомъ языкѣ не обращается въ *gy* только въ томъ случаѣ, когда за нимъ слѣдуютъ звуки, относящіеся къ группѣ *i* (*ir-*, *iker*), а потому тѣ слова, гдѣ наблюдается подобное явленіе, не могутъ представлять достаточнаго основанія къ отнесенію ихъ въ разрядъ особыхъ заимствованій, сдѣланныхъ

изъ другого нарѣчія. По моему мнѣнію, причину различія въ выраженіи обще- тюркскаго *j* въ началѣ мадьярскихъ словъ слѣдуетъ искать не въ томъ обстоятельствѣ, что эти слова были заимствованы изъ трехъ различныхъ тюркскихъ нарѣчій, какъ это дѣлаетъ г. Мункачи, а въ томъ, что подобное различіе уже было свойственно тому „древне-чувашскому“ нарѣчію, откуда мадьяры заимствовали значительную часть тюркскихъ элементовъ своего языка. Историческую послѣдовательность начальныхъ звуковъ *j*—*ć*—*ǵ* (*ǵ*) въ чув. языкѣ, мнѣ кажется, можно считать за вполнѣ достовѣрный фактъ, но эта послѣдовательность не была правильной: въ то время, какъ одни слова перемѣнили древній начальный *j* на *ć* и въ дальнѣйшемъ развитіи на *ǵ*, *ǵ*, другія реченія сохранили его безъ перемѣны даже до настоящаго времени. При этомъ мы можемъ замѣтить, что нѣкоторыя „чувашскія“ реченія, вошедшія въ древности въ мадьярскій языкъ, очевидно начинались тогда звукомъ *j*, но впослѣдствіи развили его въ *ć* и *ǵ*; къ такимъ реченіямъ относятся слова *gyot*, *gyékény*, *gyertya*, *gyermek*, *gyűrű* и нѣкоторыя другія.

16. Луговые черемисы, какъ извѣстно, называютъ въ настоящее время чувашъ *чуваш*; усвоеніе этого наименованія черемисами я считаю позднѣйшаго происхожденія, при чемъ въ данномъ реченіи оно доказывается присутствіемъ между гласными *у* и *а* соединительнаго согласнаго *в*. Въ другихъ чувашскихъ словахъ, вошедшихъ въ черемисскій языкъ, мы этого явленія не замѣчаемъ. Срав. *туан*, чув. тăван (*тăван*, *туан*), родственникъ; *туарэм*, чув. тăвар (*тăвар*, *туар*), отпрягать; *уа*, чув. хăва (*хăва*, *хуа*), тальникъ; *суап*, чув. сăвап (*сăвап*, отъ араб. ثواب), награда за доброе дѣло; *суарлăк*, *сорлăк*, чув. çăварлăх (*сăварлăх*, *суарлăх*), удила, и др. Сравненіе черемисскихъ формъ *суас*, *чуваш* и другихъ, приводимыхъ здѣсь, заставляетъ насъ думать, что въ эпоху чувашскаго вліянія на черемисъ чувашскому языку были свойственны дифтонги *уа*, *ӱэ*, которые впослѣдствіи всюду измѣнились въ *йва*, *ӱэ*, сохранившись только въ нѣко-

торыхъ западныхъ говорахъ. См. „Materiały", 366—367 сс. Нѣкоторые примѣры „угорскихъ" заимствованій въ языкѣ мадьяръ также доказываютъ намъ, что современное общечувашское *ӑ* раньше представляло собою гласный (или полугласный) звукъ; таковы реченія, сходство которыхъ съ чувашскими замѣчено г. Мункачи: мадьяр. kék, чув. кӑвак (*кӳвак, куак*), синій; мад. kőris, чув. каврӑҫ, карӑш (*каврӑҫ, карӑш*), въ с. Пошкыртѣ Козм. у.—*карӑҫ ӳӳҫ*, ясень; мадьяр. őrleni, чув. авӑр, ар (*авӑр, ар*), молоть. Долгія гласныя *é* и *ő* мадьярскихъ словъ могли произойти здѣсь только отъ „древне-угорскихъ" дифтонговъ.

17. Оспаривая теорію болгарскаго происхожденія чувашъ, г. Шишмановъ говоритъ:

«Всички тия противурѣчиви показания ни принудиха да провѣримъ на самото мѣсто, кой е правъ: да ли тия, които твърдятъ, че чувашитѣ сж *потурчени фини* или че тѣ сж искони *турско племе*? За тая цѣль прѣзъ ваканциитѣ на 1897 година, ние посѣтихме Казань, отгдѣто прѣдприехме една екскурсия до чувашитѣ въ съдружие съ професора Смирнова.

Непосрѣдното ни наблюдение върху физичния типъ и материалната култура на чувашитѣ закрѣпи и у насъ напълно мнѣнието, че имаме въ мнимитѣ потомци на прабългаритѣ—фини, което се потвърждава отъ цѣлата тѣхна езическа митология, обичаи и нрави. Тъй като сегашното нарѣчие на чувашитѣ е обаче несъмнѣнно турско, то е очевидно, че тукъ имаме работа съ доста късно потурчени фини (вѣроятно черемиси [a]), както прѣдполага Ильминскій възъ основа на поменатитѣ надгробни надписи, както мисли и Хоуортъ.

Личнитѣ ни наблюдения и всички показания на разгледнитѣ погорѣ езикови категории *потвърдиха прѣди всичко напълно изказаното отъ Вамбери мнѣние за расовата принадлежность и езика на днешнитѣ чуваши*. Дѣйствително всичко което може да се признае Куику, то е, че чувашкото нарѣчие прѣдставя *едно по-ново развитие на единъ турски диалектъ върху чужда, финска почва*, нѣщо което, както ще видимъ по-долу, прѣдполага и Радловъ въ по-ново врѣме. Само въ туй, *чисто езиково отношение*, може да се допустне, че чувашитѣ сж наслѣдници на древнитѣ, изчезнали турско-татарски българи, които сж се поселили въ областьта на финитѣ по срѣдното течение на Волга едва ли по-рано отъ VI вѣкъ».

По поводу словъ г. Шишманова я нахожу нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Мнѣ представляется непонятнымъ, почему допуская возможность того, что чуваши унаслѣдовали языкъ древнихъ болгаръ, онъ такъ категорически

[a] Почему именно черемисы?

отрицаетъ всякую племенную, кровную связь первыхъ съ послѣдними. Были ли произведены кѣмъ-либо антропологическія изслѣдованія, на основаніи которыхъ можно бы было утверждать такъ рѣшительно, что чуваши—чистые финны, безъ всякой примѣси болгарской крови? Мы такихъ изслѣдованій не знаемъ. Однако, если г. Шишмановъ имѣлъ случай наблюдать чувашъ непосредственно, то отъ его наблюденія не должно было ускользнуть, напримѣръ, то обстоятельство, что въ чувашской массѣ обращаютъ на себя вниманіе два рѣзко выраженныхъ типа: между тѣмъ какъ съ одной стороны мы встрѣчаемъ среди чувашъ индивидуумовъ съ совершенно свѣтлыми (русыми) волосами, съ другой стороны у нихъ нерѣдко можно наблюдать и настоящихъ брюнетовъ, съ смуглымъ цвѣтомъ кожи и черными, какъ смоль, волосами. Такимъ образомъ, даже поверхностное наблюденіе надъ чувашскою массою можетъ навести насъ на сомнѣніе относительно однородности племеннаго состава чувашскаго народа. Что касается особенностей матеріальной культуры, обычаевъ, нравовъ и языческой миѳологіи чувашъ, то въ этомъ отношеніи до сихъ поръ произведено столь мало изслѣдованій, что всякія рѣшительныя заключенія по этому предмету пока были бы слишкомъ поспѣшными и неосновательными.—„Всякій бы ожидалъ, говоритъ г. Шишмановъ, что потомки такого фанатичнаго мусульманскаго народа, какимъ были волжскіе болгары,—ревностные мусульмане. Ничего подобнаго. Чуваши и въ религіозномъ отношеніи финны“. Очевидно онъ забываетъ, что по показаніямъ арабскихъ источниковъ (Ибнъ-Даста) мы знаемъ совершенно опредѣленно, что часть болгаръ была язычниками уже въ то время, когда другіе болгары, мусульмане, имѣли у себя и мечети и религіозныя школы. Если послѣдніе и были весьма привержены къ своей религіи, такъ что даже высылали своихъ миссіонеровъ съ проповѣдью къ другимъ народамъ, то это еще не означаетъ, чтобы они, при ихъ сравнительно мирномъ характерѣ, прибѣгали для распространенія ислама къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ. Съ

другой стороны, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Куникъ (Ал-Бекри, 159), богатство лѣсовъ, которое обратило на себя вниманіе даже арабовъ, представляло препятствіе для примѣненія строго-восточнаго деспотизма. Однако при всемъ томъ мы не имѣемъ основаній утверждать, чтобы мусульманскія вѣрованія не оказали никакого вліянія на религіозныя воззрѣнія чувашъ,—наоборотъ, эти вѣрованія, повидимому, уже начинали проникать въ массу чувашскаго населенія, что видно изъ того обстоятельства, что мусульманская религіозная терминологія, въ главнѣйшихъ и притомъ наиболѣе элементарныхъ ея чертахъ, оставила явные слѣды въ религіозныхъ наименованіяхъ чувашъ. Къ числу подобныхъ наименованій и изреченій мы можемъ отнести: Турă Тала (*Турă Дала*) = тюрк. تنكرى تعالى, Всевышній Богъ; Атам Турă (*Адам Турă*), богъ Адамъ [a]? Пихампар (пиһамбар), богъ, повелитель волковъ (см. Золотницкаго, стр. 202), отъ персид. پيغمبر, *пророкъ*; Кепе (кэвэ), „духъ, управляющій судьбами человѣческаго рода“ (ibid.) [b], вѣроятно отъ араб. كعبة, *Кааба*; Хăрпан (*Хăрбан*,

---

[a] Вѣроятно отъ араб. آدم, *Адамъ*, едва ли отъ евр. אֲדֹנָי *господинъ*, *Господь*, יְהוָה, *Господь*.

[b] Едва ли подобное слишкомъ отвлеченное объясненіе названія „Кепе“ справедливо. Въ записи чувашскихъ божествъ, сдѣланной въ с. Сунчелеевѣ, Старо-Мокшин. вол. Чистоп. уѣз., помѣщены: Кепĕ амăшĕ (слѣдуетъ читать: Кепе амăшĕ), Кепи“, *Мать Кебе*, *и самъ Кебе*; „Кепалă куçан (слѣдуетъ: Кепе алăкĕ уçан) ырă амăшĕ,—ырри“, *мать святого, отворяющаго дверь Кебе и самъ этотъ святой*. Встрѣчается также „Кепе киремеҫĕ“, киреметь Кебе (kirèmète de Kèbè), и „Кепе-ту“, гора Кебе (la montagne de Kèbè). Послѣднее наименованіе записано мною отъ чувашина с. Б. Карачкина Козм. у., который сообщилъ мнѣ по этому поводу слѣдующее: „Кепе-ту—это большая гора; гдѣ она—я не знаю, на Аѳонской горѣ, что-ли. На горѣ Кепе ту медъ, говорятъ, течетъ между камнями, и пчелъ тамъ многое множество. Нигдѣ нѣтъ

Хӑрбан), особый духъ, которому чуваши Белеб. у. Уфим. губ. молятся: Хӑрпан, ан хӑрт, ан типӗт (*Хӑрбан! ан hӑрт, ан дисӑг*), т. е. „Хурбанъ! не суши, не насылай засухи“, отъ араб. قربان, *жертва*; киремет (*ки*рэмэт, кирэмэт), названіе особо почитаемыхъ духовъ предковъ, отъ араб. كرامة *кāрāмāт*, „чудо, сверхъестественная сила, приписываемая святому человѣку, лучъ милости, чудесное дѣйствіе, въ которомъ Богъ обнаруживаетъ святость своихъ служителей“ (см. также В. К. Магницкаго, „Клады изъ мелкой серебр. монеты въ Вятской губ.“, Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн., т. XVII, вып. 2—3, 138 с.); асамçӑ, асамӑç, асаймӑç (*азамзӑ, азамӑс, азаjмӑс*), колдунъ, волшебникъ, отъ араб. اذان, „призывъ къ молитвѣ (въ мечети)“, откуда каз.-тат. *азанчы*, мюэззинъ, азанча [1]); масар (*мазар*), кладбище, отъ араб. مزار (соб. „мѣсто посѣщенія“); пӗсмӗлле (пӑсмӑлӏэ), семӗле (сӑмӑлӏэ), изреченіе, произносимое въ началѣ языческихъ молитвъ, отъ араб. بسم الله, *во имя Бога*; *халал*, законно пріобрѣтенный, отъ араб. حلال; *харам*, тщетный, отъ араб. حرام, запрещенный; Есрелӗ, Есрейлӗ (*Эсрэлӏэ, Эсрэjлӏэ*), духъ, умерщвляющій человѣка, отъ араб. عزرائيل, *ангелъ смерти*; пирӗшти, белеб., тет. пирӗште, тюрлем. пиште (пирӑшти, пирӑштэ, пиштэ) (отъ перс. فرشته), ангелъ; саламалик (*саламалик*), отъ араб. سلام عليك (que le salut vous soit accordé!) и др. Такъ какъ всѣ эти слова находятся въ употребленіи даже у чувашъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они живутъ совершен-

---

столько пчелъ и меду, какъ на этой горѣ. Гору эту поминаютъ тѣ люди, которые держатъ пчелъ; они говорятъ: „Боже, дай и мнѣ столько же пчелъ, сколько ихъ на горѣ „Кепету“.

[1]) Произнесеніе *азана* имѣетъ, по воззрѣніямъ мусульманъ, чудесныя свойства; между прочимъ его произносятъ у постели опасно больного, когда уже остается мало надежды на выздоровленіе.

но изолированно отъ татаръ, то предполагать, чтобы всѣ эти реченія были обязаны своимъ происхожденіемъ татарскому вліянію, нѣтъ основанія. Кромѣ того, мы также должны имѣть въ виду и то, что въ нѣкоторыхъ словахъ арабскаго и персидскаго происхожденія, заимствованныхъ въ чувашскій языкъ, иногда замѣчаются такія звуковыя особенности, которыя никакъ не могутъ быть объяснены ихъ передачею отъ татаръ. Къ числу реченій подобнаго рода слѣдуетъ отнести: чув. хакăл (въ сочетаніи ăс-хакăл, *ӧс-хагйл*, умъ-разумъ), но тат. *акыл*, умъ, отъ араб. عقل; чувашское начальное *х* отражаетъ араб. ع. || Чув. техĕмлĕ (*тэh'ӡм.іӡ*), тат. „тāмпі̥“, вкусный, отъ араб. طعم (тат. *тāм*), вкусъ, чув. „х“ (*h'*) здѣсь соотвѣтствуетъ арабскому ع, тогда какъ въ татарскомъ заимствованіи послѣдній звукъ не выраженъ ничѣмъ. || Чув. харсăр (*харзйр*), смѣлый, озорной [a], тат. „ăрсі̥з“, безстыжій, дерзкій, отъ араб. عار, *стыдъ*; чув. хисеп (*х́изэп*), тат. *ісāб*, отъ араб. حساب, *счетъ*; чув. халĕ (*ха.іӡ*), тат. „ăлі̥“, отъ ар. حالا (теперь); чув. *хавас*, тат. *āӱāс*, склонный, отъ ар. هوس (желаніе). || Персид. بها, чув. паха (*паhа*), но тат. *бāјā*, цѣнный. || Ар. حاضر, тат. „ăзі̥р“, чув. хатĕр (*хадӡр*, *хад'ӡр*), готовый. || Чув. *Тала* (см. выше—Турă Тала), но тат. *Тāҕāлā*, отъ араб. تعالى. Нѣкоторыхъ араб. и персид. словъ, имѣющихся у чувашъ, мы въ каз.-тат. нарѣчіи не находимъ совсѣмъ; образцами такихъ словъ могутъ служить: араб. تابوت, *гробъ*, откуда чув. тупăк, топăк, въ с. Тюрлемѣ Чеб. уѣз.—топăт (чит. *тубйк*, *тобйк*, *тобйт*), гробъ; перс. ترازو алт. *тāрāзā*, чув. тараса (*тараза*), вѣсы (курм.), откуда çăл тараси, оцѣпъ, журавъ (у колодца), почему и самый колодецъ

[a] Въ нарѣчіи анатри—ĕçлеме харсăр, *работящій*.

мѣстами зовется „тараса“; араб. كبير, *большой*, *важный*, откуда верх. чув. капăр (*кабӑр*), щеголеватый, qui aspire à être élégant; араб. عناية, soin, effort. Application. Sollicitude. Providence, grâce, faveur, откуда курмыш. чув. *ынатла*, ласкать, *ынатлан*, ласкаться (къ кому). Вліянію распространявшихся между чувашими мусульманскихъ вѣрованій слѣдуетъ также приписать празднованіе пятницы (ерне-кун, *эрнэ-гун*), почитаніе названнаго нами выше (стр. 20) билярскаго святого Маалюмъ-Ходжи, а также и вообще распространенный у язычествующихъ чувашъ культъ *святыхъ*, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ ырăсем (*ырӑзэм*) [1]).

Что касается утвержденія г. Шишманова, что „чуваши и въ религіозномъ отношеніи финны“, то оно высказано имъ совершенно голословно, а потому, въ виду между прочимъ и того обстоятельства, что наименованія чувашскихъ божествъ, за ничтожными исключеніями, или тюркскія или арабскія, оно для насъ не имѣетъ никакого значенія. Кромѣ того, мы знаемъ у чувашъ такіе ингредіенты языческаго культа, каковы: Пӳлĕх, Пӳлéхçé (*пӳлӗх*, *пӳлӗхсӗ*), Распредѣлитель судьбы, йĕрéх (*jӗрӗх*), названіе особаго духа (см. Слов. Золотн., 150), тӳрé или тӳр-кĕлли [2]), особый духъ (срав. алт. *тӧс*, названіе бѣса [3]), ҕӳк (*ӵӳк*, *ӵӳк*), жертва (срав. алт. *чок*:—жертвенное восклицаніе [3]), йумçă, йумăç, йомăç (*jумзӑ*, *jумӑс*, *jомӑс*), йомзя, = тюрк. *кам*, шаманъ, и другіе, которые скорѣе могутъ служить для насъ доказательствомъ въ пользу того, что языческія вѣрованія чувашъ имѣютъ непосредственную связь съ религіозными представленіями другихъ тюркскихъ племенъ и, вѣроятно, exceptis excipiendis, нѣкогда были общимъ достояніемъ всего болгарскаго народа.

---

[1]) Что чувашское слово „ырă“ иногда означаетъ именно *святого*, я пытаюсь доказать въ одномъ своемъ сочиненіи, уже приготовленномъ для печати.

[2]) Тӳр-кĕлли = Тӳрĕ + кĕлли, соб. „моленіе духу тӳрĕ“.

[3]) См. Словарь В. Вербицкаго, стр. 370 и 430.

Относительно племеннаго состава болгаръ, живших на Волгѣ, я позволю себѣ замѣтить слѣдующее. Такъ какъ арабскіе писатели называютъ болгаръ въ очень древнюю эпоху صقالبة, т. е. наименованіемъ, которое они давали вообще бѣлокожимъ жителямъ сѣверовосточной Европы, то это заставляетъ насъ думать, что смѣшеніе тюркскихъ болгаръ съ жившими по сосѣдству съ ними финнами и обращеніе ихъ въ особую смѣшанную расу, которая однако сохранила болгарскій языкъ и болгарское національное названіе (*чувашъ*), началось весьма рано, во всякомъ случаѣ ранѣе X вѣка. Но даже если мы оставимъ показанія арабовъ въ сторонѣ, то и тогда у насъ не будетъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы считать тѣхъ болгаръ, которые жили на Волгѣ на исторической памяти русскаго народа, весьма близкими по ихъ этническому составу къ современнымъ чувашамъ. Если сравнивать языкъ болгарскихъ надгробій съ нынѣшнимъ чувашскимъ нарѣчіемъ, то разница между обоими оказывается весьма несущественной. Кромѣ того надо имѣть въ виду, что въ продолженіе пяти столѣтій, отдѣляющихъ современное чувашское нарѣчіе отъ языка болгарскихъ эпитафій XIV вѣка, въ языкѣ естественно могли произойти большія измѣненія, въ особенности если принять въ разсчетъ, что языкъ этотъ издревле былъ смѣшаннымъ, разбитымъ въ своемъ строеніи, и слѣдовательно носилъ въ самомъ себѣ задатки усиленнаго броженія, которое впослѣдствіи не имѣло предъ собою никакого препятствія, благодаря исчезновенію письменности и полной утратѣ національной самостоятельности. Кромѣ того, можно также предположить, зная общую наклонность мусульманскихъ народовъ къ застою, рутинѣ и сохраненію старыхъ традицій, что самое нарѣчіе, на которомъ писались надписи на древнихъ памятникахъ, уже не было живымъ народнымъ говоромъ, но представляло собою особый литературный языкъ, отражавшій въ себѣ еще болѣе древнюю эпоху въ жизни болгарскаго языка.

Насколько можно видѣть изъ сочиненія г. Шишманова, орѳографія болгарскихъ надгробій, въ силу которой нѣкоторые глухіе звуки чувашскаго языка передавались арабскими звонкими буквами, ввела его въ заблужденіе и заставила думать, что по своему фонетическому строенію болгарскій языкъ существенно отличался отъ чувашскаго и скорѣе приближался къ нарѣчію джагатайскому. Какъ мы уже видѣли выше, подобная мысль ошибочна, такъ какъ, употребляя иногда арабскія звонкія въ замѣнъ дѣйствительно свойственныхъ языку глухихъ согласныхъ, болгары подчинялись не особенностямъ своего нарѣчія, а только скудости арабскаго алфавита. Такимъ же образомъ ошибался г. Шишмановъ, а вмѣстѣ съ нимъ и г. Мункачи, въ своихъ заключеніяхъ, касающихся древнеболгарскихъ словъ, сохранившихся въ болгарскомъ именикѣ, а также у греческихъ авторовъ и, въ качествѣ заимствованій, въ языкѣ мадьяръ. Находя въ названныхъ здѣсь письменныхъ памятникахъ болгарскія слова, начинающіяся въ греческой и славянской передачѣ звонкими согласными *д*, *г* и *б* (*Дуло*, *диломъ*, *дохсъ*, *Гостунъ*, *горалемъ* (?), *Безмѣръ*, *Βατ-Βαϊάν*, *Βαϊανος*, *Βόγορις*, *Δριστρος*, *Βαγαϊνοι*, *Βολιάς* (*Βοϊλας*), *βαγατουρ*), что совершенно противорѣчитъ законамъ чувашской фонетики, которые требовали бы здѣсь начальныхъ глухихъ (*т*, *к* и *п*), г. Шишмановъ дѣлаетъ заключеніе, что „по своимъ фонетическимъ особенностямъ праболгарскій языкъ, кажется, вообще приближается болѣе къ джагатайскому, нежели къ алтайскому нарѣчію, которое въ нѣкоторомъ отношеніи сходится съ чувашскимъ“. Какъ мы увидимъ ниже, подобный выводъ ошибоченъ, такъ же, какъ и тотъ, который дѣлаетъ г. Мункачи. Обращая вниманіе на слова „угорскаго“ звукостроенія, встрѣчающіяся въ мадьярскомъ языкѣ, каковы *béka*, *békó*, *besenyő*. *bika*, *bilincs*, *birka*, *borju*, *borsó*, *bölcső* и др., имѣющія въ своемъ началѣ звонкій звукъ *б*, послѣдній приходитъ къ тому заключенію, что въ „угорскомъ“, а также вѣроятно и въ „древне-чувашскомъ нарѣчіи“, начальное тюркское *б* произносилось какъ *б*, а не какъ *п* (Keleti Szemle,

1901, 4 sz., 311 l.). Всѣ эти примѣры, на которыхъ оба ученыхъ пытаются основать свое сужденіе о фонетическихъ свойствахъ „древне-чувашскаго“ языка, на самомъ дѣлѣ могутъ получить совершенно иное освѣщеніе, если мы возьмемъ для сравненія съ ними выговоръ словъ современнаго чувашскаго языка въ устахъ живущихъ по сосѣдству съ чувашами иноязычныхъ народностей. Если кто-нибудь вслушивался, напримѣръ, въ чувашскій выговоръ русскаго человѣка, не родившагося въ чувашахъ и усвоившаго чувашскій языкъ лишь въ болѣе или менѣе зрѣломъ возрастѣ, то онъ, вѣроятно, имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что въ произношеніи подобнаго субъекта чувашскія глухія согласныя (и именно *п* и *т*) иногда замѣняются въ началѣ словъ соотвѣтствующими звонкими при тѣхъ фонетическихъ условіяхъ, когда выговоръ этихъ звонкихъ для чистаго чувашина невозможенъ. Такъ, отъ русскихъ мы слышимъ нерѣдко: *билеть*, вм. чув. пĕлет (пӑ*ӂ*і*ӭт*, пӑ*ӂ*і*ӭ*т), онъ знаетъ; *бильместыпъ*, вм. чув. пĕлместĕп (пӑ*ӂ*і*м*э*с*т*ӑ*п*, пӑ*ӂ*і*м*э*с*т*э*п*), не знаю; *боръ*, вм. чув. пур, пор, есть; *бачесь*, вм. чув. паӳĕç (*паӳ*ӂ*с*, *паӳ*ӂ*с*), они дали; *болать*, вм. пулаҫ, полаҫ (*пулаҫ*, *пулат*, *полаҫ*); *дватта*, вм. чув. тӑваттӑ (*тӑваттӑ*), четыре; *досъ*, вм. чув. *тус*, *тос*, другъ; Дуваново, по чув. Тӑван-йĕл (вм. * йалĕ), дер. Бунн. у., и пр. Примѣры подобныхъ искаженій можно встрѣтить въ изобиліи также и въ старыхъ чувашскихъ переводахъ священнаго писанія и другихъ вѣроучительныхъ книгъ, составленныхъ лицами, мало знавшими языкъ и искажавшими его на русскій ладъ. Нѣчто подобное я усматриваю также и въ вотскомъ языкѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя чувашскія слова съ начальнымъ звукомъ *б* вм. *п*. Образцами подобныхъ словъ могутъ служить: вот. *бусоно*, чув. пуҫана (*пузана*, *позана*), свекровь; вот. *бултыр*, шуринъ, свояченица; чув. пултӑр, полтӑр (*пулдӑр*, *полдӑр*), младшая свояченица, млад. братъ мужа; вот. *булюо*, чув. пӑлӑав (*пӑлӑав*), уговоръ о днѣ свадьбы; вот. *бусы*, чув. *пос*, поле (ыраш посси, *ыраш побби*н, озимое поле) и др. Аналогичные случаи обнаружены мною также и въ нарѣчіи такъ называемыхъ

„крещеныхъ изъ татаръ чувашъ“ [1]), гдѣ я нашелъ слова чувашскаго происхожденія, въ которыхъ чувашскія глухія замѣнены звонкими звуками. Къ такимъ словамъ я отношу: чув. (*пилэш*), ТЧ білāш (по каз.-тат. *мілāш*), рябина; чув. ерешмен (*эрэшмэй*), ТЧ ірāжмāн, паукъ (каз.-тат. *ӱрмāкӱч*) и чув. пӱхреп (*нӱхрэп*), ТЧ нӱгрāб, погребъ (каз.-тат. *баз*). Такая странная передача глухихъ звуковъ звонкими, мнѣ кажется, вытекаетъ отчасти изъ того обстоятельства, что чувашскіе начальные глухіе въ извѣстныхъ положеніяхъ могутъ обращаться также и въ звонкіе, такъ что одно и то же слово, смотря по нѣкоторымъ фонетическимъ условіямъ, можетъ являться то съ глухою, то съ звонкою согласною въ своемъ началѣ (см. „Матеріалы“, 16—17), а также частью и изъ того, что чувашскій языкъ *повидимому* не имѣетъ вполнѣ глухихъ начальныхъ звуковъ (какъ онъ не имѣетъ и звуковъ вполнѣ звонкихъ). Послѣднее я высказываю только въ видѣ предположенія, такъ какъ до сихъ поръ еще не пришелъ къ достаточному въ этомъ убѣжденію путемъ соотвѣтствующихъ наблюденій.

Что касается теоріи г. Радлова, который раздѣляетъ потурченіе чувашъ на три періода, которые, слѣдуя одинъ за другимъ, отличаются между собою неодинаковымъ выговоромъ тюркскихъ звуковъ, то благодаря позднѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области чувашскаго языка, а также обнаруженію источниковъ древняго чувашскаго языка на надписяхъ и въ заимствованныхъ реченіяхъ, найденныхъ въ другихъ языкахъ, въ особенности въ мадьярскомъ (чѣмъ мы весьма обязаны г. Мункачи), эта теорія, какъ мнѣ кажется, потребуетъ коренныхъ измѣненій, къ которымъ я и имѣю намѣреніе обратиться впослѣдствіи.

18. Эта пѣсня помѣщена въ „Ознакомленіи съ фонет. и форм. чув. яз.“ А. Добролюбова. Подъ названіемъ Йарāслав (*Јарӣслав*) мнѣ извѣстна одна чув. деревня Буин. у. Симб. губ. (по-русски—Верхнее Буяново, Ярославка тожъ); это на-

[1]) См. Словарь Золотницкаго, 223 с.

званіе вѣроятно происходитъ отъ языческаго имени мужчины, такъ какъ въ спискѣ чув. именъ, приведенныхъ у А. Фуксъ, въ „Запискахъ о чувашахъ и черем. Каз. губ. (Казань, 1840)", значится на 31 стр. мужское имя *Ярославъ* (здѣсь конечное ъ попало по ошибкѣ).

19. Такъ какъ слово *сум*, счетъ, встрѣчается, повидимому, не у всѣхъ чувашъ, то я нахожу нужнымъ привести слѣдующіе отрывки изъ пѣсенъ, гдѣ встрѣчается это слово:

Ах аннеçĕм, аннеçĕм!
Вуникĕ пус пĕр укçа,
Сума тăрсан, *сум* çитмĕ;
Кунтан епĕ кайсассăн,
Хушма тăрăн, еп пулмăп.

„Ахъ, матушка, матушка! Двѣнадцать копеекъ съ денежкою, а станешь считать—счета не достанетъ. Когда я уйду отсюда, ты станешь мнѣ приказывать (работать), а меня здѣсь уже не будетъ". (Изъ хĕр-йĕрри, *плача невѣсты*, записаннаго въ д. Альшиховой, Рунгинской вол. Бугн. у.).

Мĕн пăхатăн çӳлелле,
Маҫҫа хăми сăватни?
Мĕн пăхатăн çĕрелле,
Урай хăми сăватни?
Суса сумне кăлараймăн.

„Что ты смотришь вверхъ, или считаешь доски на потолкѣ? Что ты смотришь внизъ, или считаешь половыя доски? Хоть и будешь считать, все равно не пересчитаешь". (Изъ свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ д. Новой Лебежайкѣ, Хвалын. у. Саратов. губ.).

20. Это названіе напоминаетъ своимъ окончаніемъ имена чув. селеній: Пикшик (*пикшик*), дер. Сидѣлев. вол. Цив. у., и Токшик (*Токшик*), дер. Татаръ-кас. вол. Козм. у. Казан. губ.

21. Слово *услан*, мнѣ кажется, древне-чувашское, и въ настоящее время, насколько я знаю, встрѣчается только въ

одной чувашской загадкѣ; потому и смыслъ его чувашамъ уже непонятенъ. Загадка эта слѣдующая: услан-кайăк шыв ĕçет, икĕ тевĕрлĕк вăй-выльăт. *Услань-звѣрь воду пьетъ, а двѣ пигалицы игру играютъ.* Эта загадка, намекающая на лошадь, которая пьетъ воду, пряда ушами, ходитъ между чувашами въ различныхъ варіантахъ. Впрочемъ, различіе между варіантами касается исключительно только перваго слова—„услан". Такъ, въ одной редакціи загадки вмѣсто *услан* употреблено *аслан*, въ другой—*арăслан*, въ третьей—*услам*, въ четвертой—*ăсан* и, наконецъ, въ пятой—*ăмăрт*. Слова „аслан" и „арăслан", поставленныя въ первой и второй редакціяхъ, даютъ намъ ключъ къ объясненію загадочнаго слова *услан*: слова эти тюркскаго происхожденія и означаютъ на различныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ *льва*. Второе слово, арăслан (*арăслан*), въ томъ же самомъ значеніи встрѣчается въ чув. языкѣ и попыпѣ, но не повсемѣстно, а только у чувашъ низовыхъ, имѣющихъ частыя сношенія съ татарами; а такъ какъ, кромѣ того, обще-тюркское *а* перваго слога въ чув. нарѣчіи почти никогда не остается не измѣненнымъ, но переходитъ или въ *у* (*о*) или ы и ă (ă), то слово „арăслан" я считаю позднѣйшимъ заимствованіемъ, сдѣланнымъ чувашами у татаръ (тат. *арыслан*, левъ). Въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ левъ также называется *аслан*, и изъ этого то слова, если обратить вниманіе на указанное выше измѣненіе начальнаго гласнаго, и получается совершенно правильно, по свойству чувашской фонетики, реченіе *услан*. Что же касается чувашской редакціи *аслан*, гдѣ начальное *а*, какъ будто вопреки всеобщему обыкновенію языка, сохранилось въ его первичномъ видѣ, то это сохраненіе (если только не возвращеніе къ первоначальной формѣ) я приписываю не чему другому, какъ только вліянію ассоціаціи названнаго слова съ его заимствованнымъ изъ другого тюркскаго нарѣчія эквивалентомъ „арăслан". Впрочемъ, замѣченный здѣсь процессъ превращенія гласнаго *а* перваго слога въ лабіальные *у* или *о*, насколько я знаю, еще не достигъ въ чувашскомъ языкѣ своего полнаго завершенія,

и въ различныхъ чувашскихъ говорахъ до сихъ поръ можно встрѣтить нѣкоторыя, правда немногочисленныя, слова, которыя избѣжали вліянія этого процесса. Въ видѣ примѣра, я могу указать на слѣдующія изъ подобныхъ словъ: обще-чув. *хуп-хура*, пречерный, но тетюш. *хап-хура*; верхов. шопшорӑ (*шоп-шорӑ*), низов. шап-шурӑ (*шап-шурӑ*) и *шап-шар*, пребѣлый; лупашка, лопашка (*лубашка*, *лобашка*), яма, углубленіе, ямка, но *лап*, долина; обще-чув. *вула*, *вола*, читай, по курм. и тетюш. *вала*; курм. вӑлак (*вӑлак*), козм. *волак*, но буин. *валак*, жолобъ (мадьяр. *vályu*). Объ остальныхъ варіаціяхъ слова *услан* въ помѣщенной выше загадкѣ надо сказать слѣдующее: *услам* есть фонетически правильное измѣненіе слова „услан“ (срав. ылттӑн—*ылттӑй*—и ылтӑм—*ылдӑм*—золото; сулхӑн—*сулӑй*—и солхӑм, сохӑм—*солӑм*, *соӑм*—прохлада); слово „ӑсан“—*ӑзан*, *ӑзан*, *ӑзӑн* (въ загалкѣ: ӑсан-кайӑк) означаетъ тетерева, а реченіе „ӑмӑрт-кайӑк“ (*ӑмӑрт-кайӑк*, *ӑмӑрт-кайӑк*)—орла. Здѣсь я не могу не прибавить, что есть основанія предполагать, что отъ указаннаго нами здѣсь чувашскаго реченія *услан* могло произойти наименованіе двухъ приволжскихъ русскихъ селеній, *Верхняго* и *Нижняго Услона* (близъ Казани), изъ которыхъ первое извѣстно у чувашъ и татаръ подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ *Услан*. Хотя слово *услонъ*, насколько это извѣстно изъ словаря Даля [1]), существуетъ и въ русскомъ языкѣ, однако, принимая въ разсчетъ мѣстныя этническія условія, я нахожу вполнѣ допустимымъ, что наименованіе названныхъ селеній могло относиться и къ стародавней болгарской эпохѣ. Это мнѣ представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что противъ одного изъ этихъ селеній лежалъ на Волгѣ островъ, извѣстный подъ названіемъ *Ирехова острова*; самое наименованіе этого острова носитъ совершенно чувашскій характеръ и можетъ быть произведено отъ

[1]) „Услонъ, *тмб.* спускъ или подъемъ, изволокъ, покатость подъ гору или въ гору. || Услонъ, *нск.* затулье, затишь, защита“.

слова йерéх, тет. йăрăх (*jӗрӗх, jӣрӣх*), наименованія одного изъ представителей чувашскаго Олимпа. (См. также Словарь Золотницкаго, 150).

Возвращаясь къ названію с. Услона, можно предположить, что оно произошло отъ собственнаго имени человѣка, который былъ его первоначальнымъ основателемъ, такъ какъ существительное *левъ* издревле употребляется у различныхъ тюркскихъ народовъ въ значеніи личнаго имени [1]) или фамильнаго прозвища.

22. Напр. чув.: еккей, çăва патне кайманскер! Ме итлеместен? Экій, чтобы тебѣ на кладбище отправиться (букв. „къ кладбищу не пошедшій")! Почему ты не слушаешься? (Козм.).—Вот.: *Эj, шаjэ пйрон!* Ахъ, чтобы тебѣ околѣть!—*Шаjэ мйнiскод-а-ма?* Куда ты къ чорту лѣзешь?—См. также „Матеріалы", стр. 231.

23. Мнѣ также кажется, что выраженіе на первомъ камнѣ у Фейзъ-Ханова معاهى هم السوارى, которое онъ читаетъ (ت)مغاجى هم الشوارى „Тамгачи и воинъ", слѣдуетъ понимать въ смыслѣ обозначенія мѣста, откуда происходилъ покойный: ...*мгачинскій и суварскій*, тѣмъ болѣе, что надъ буквою س въ словѣ السوارى никакихъ діакритическихъ точекъ нѣтъ, а кромѣ того, и самое существованіе словосочетанія آلشوارى („мужъ схватки", т. е. воинъ) никакими другими источниками не подтверждается.

---

[1]) Напр., подъ этимъ именемъ (A-sa-lan) упоминаются у китайскихъ писателей уйгурскіе князья, имѣвшіе въ X и XI сс. сношенія съ китайскою династіею Ліао, а въ 1219 г. къ войскамъ Чингиза, занятаго экипированіемъ и пополненіемъ своей конницы на р. Иртышѣ, присоединился, вмѣстѣ съ другими вождями, князь карлуковъ *Арсланъ* (См. E. Bretschneider, op. cit., vol I, pp. 242, 277.). То же самое имя (Арăслан) значится въ спискѣ чувашскихъ языческихъ именъ, любезно сообщенномъ мнѣ священникомъ с. Байглычева А. В. Рекеевымъ. Ср. также фамиліи: *Арасланов*ъ, *Аслановъ*, *Асланиди*.

24. Эта надпись также помѣщена въ „Указателѣ г. Казани и достопримѣчательностей съ краткимъ очеркомъ древностей Каз. губ. Изд. 2-е А. С. Дубровина. Казань. Тип. Имп. Каз. Унив. 1890“, на стр. 46, но она тамъ воспроизведена съ большими неточностями и совершенно фантастическими измѣненіями. Напр., вм. двухъ послѣднихъ строкъ эпитафіи въ „Указателѣ“ читаемъ:

وفات كادى بتاريخ جيات جوريك همرة العظيم الشان

„Померъ по году исчисленія, жіятъ журъ, что значитъ 623 г. отъ переселенія великой личности (т. е. Магомета)“ [a]!

25. Что касается извѣстныхъ болгарскихъ числительныхъ именъ, заключающихся въ „Именникѣ болгарскихъ хановъ“ (см. статью А. Куника въ соч. „Извѣстія Ал-Бекри и друг. авторовъ о руси и славянахъ“, стр. 118; Шишмановъ, op. cit., стр. 682), то я позволю себѣ воздержаться отъ подробнаго разсмотрѣнія этого лингвистическаго матеріала и ограничусь лишь слѣдующими о немъ замѣчаніями:

а. Болгарскія числительныя названнаго „Именника“ могли подвергнуться при ихъ неоднократномъ переписываніи значительнымъ искаженіямъ или *сокращеніямъ*, благодаря выпуску цѣлыхъ буквъ и даже слоговъ.

б. Такъ какъ существуетъ весьма основательное предположеніе, что этотъ „Именникъ“ переведенъ съ греческаго подлинника, но такъ какъ въ болгарскихъ словахъ его встрѣчаются звуки, которыхъ нѣтъ въ греческомъ языкѣ и которые не могли быть изображены греческимъ алфавитомъ (напр. ч въ *вечемь*, *ш* въ *шегорь*), то отсюда явствуетъ, что звуки эти могли попасть сюда ошибочно, вслѣдствіе неудачной переписки манускриптовъ.

в. Весьма возможно, что знаніе греческой и славянской палеографіи могло бы принести большую пользу изслѣдователю болгарскихъ древностей, показавъ ему, какія буквы греческаго

---

[a] Кромѣ этого перевода, въ книгѣ помѣщенъ и другой, также невѣрный.

и славянскаго письма той или другой эпохи представляли возможность для ихъ смѣшенія съ другими буквами при переписываніи малопонятныхъ или совсѣмъ непонятныхъ текстовъ.

г. Окончанія *ом* и *ем* въ числительныхъ Именика могутъ представлять собою аффиксы числительныхъ порядковыхъ, подобно чувашскимъ „ăм“ и „ĕм“ (чит. *ӑм*, *ӗм*).

Н. Ашмаринъ.

Опечатки и дополненія.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
36	7 сн.	*ӡ́н́ʒӡ*	*ӡ́н́ʒ́ӡ.*
46	15 сн.	*ć́уав*	*ć́уас.*
49	3 св.	Шибулгинской	Шибылгинской.
56	13 св.	Йуманĕка	Йуманкка, уменьш. отъ муж. имени „Йуман“ (нариц. „йуман“ означаетъ *дубъ*; срав. муж. имя Йумантей, *Јуман-дэј*).
81	3 сн.	с. Бюрганы	дер. Бюрганы.
96	5 сн.	„Шунгаты-Öстö“	„Шунгаты [a]-Ӧстӧ“.
116	къ 15 св.	. . . . .	Въ общемъ можно думать, что слово „ҫăваш“ послѣдовательно прошло черезъ стадіи: *јуаć*, *ć́уаć*, *ц́уаć*, *ц́уаш*, (*ч́уаш*) *ц́ӑваш* (*ч́ӑваш*).

a) شونغاطى.

ДРЕВНІЯ ГРАМОТЫ

и

РАЗНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

(МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ).

Собранные Протоіереемъ Евѳиміемъ Маловымъ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Катановъ.*

Предисловіе.

Казанскій край богатъ исторіей; но сказать надобно, что до сихъ поръ чувствуется недостатокъ въ подробномъ описаніи различныхъ событій этого края. Правда, мы имѣемъ довольно статей и цѣлыхъ исторій о Казани вообще и о казанскомъ царствѣ, но и о нихъ нельзя сказать, чтобы онѣ были вполнѣ удовлетворительны. Въ нихъ много еще разныхъ пробѣловъ. Всѣ подобнаго рода несовершенства могутъ быть со временемъ исправлены, когда собраны и обнародованы будутъ первоначальные матеріалы, необходимые вообще для дополненій и исправленій. Поэтому весьма желательно, чтобы Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ продолжало издавать матеріалы, уцѣлѣвшіе отъ древности, чтобы въ послѣдствіи, на основаніи большаго количества ихъ, можно было восполнить тѣ или другіе пробѣлы въ исторіи Казанскаго края вообще.

Въ „Казанской Губерніи“ Лаптева (Спб. 1861 г. стр. III) сдѣлано „указаніе главнѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ говорится о Казанской губерніи“. Послѣ того явилось снова нѣсколько статей, относящихся до Казанскаго края, въ Памятныхъ Книжкахъ Казанской Губерніи на 1861—62, 1863 и слѣд. годы; въ 1866 г. издана „Казанская Губернія со спискомъ населенныхъ мѣстъ“ центральнымъ статистическимъ комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; въ 1867 г. составлена В. В. Владиміровымъ и издана „Историческая Записка

о 1-й Казанской Гимназіи въ двухъ частяхъ (Казань 1867 и 1868 г.); въ 1866 г. явилось: „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ (Казань 1866 г.), П. А. Опрсова и его же „Инородческое населеніе прежняго казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и проч. (Казань 1869 г.). Нѣсколько статей, относящихся къ мѣстной казанской исторіи, явилось еще въ Казанскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (напр. Исторія Казанской Духовной Семинаріи А. Ѳ. Можаровскаго. 1868 г. №№ 54, 56, 57, 59, 60, 61 и 67), въ Трудахъ Каз. Губернскаго Статистическаго Комитета и въ журналѣ „Православный Собесѣдникъ", издаваемомъ при Казанской Духовной Академіи. Но справедливость требуетъ сказать, что древніе матеріалы можно находить въ немногихъ изъ упомянутыхъ сочиненій. Покойный С. Мельниковъ задумалъ было прекрасную работу—собирать „акты историческіе и юридическіе и другія царскія грамоты казанской и другихъ сосѣдственныхъ губерній; къ сожалѣнію онъ успѣлъ издать только 1-й томъ [1]) собранныхъ имъ актовъ (Казань 1859 г.). Въ предисловіи къ этому тому Г. Мельниковъ высказывалъ, что „благосклонное принятіе и одобреніе будетъ для него не только лестною наградою, но и побудитъ въ немедленному составленію *втораго тома* матеріаловъ казанской губерніи". Извѣстно, что этотъ второй обѣщанный томъ не явился и до сихъ поръ. Мы не знаемъ, былъ ли собранъ и приготовленъ къ печати Г. Мельниковымъ второй томъ актовъ. Очень жаль, если собранный и приготовленный къ печати, онъ погибнетъ какъ либо у родственниковъ, или у знакомыхъ покойнаго.

Въ послѣднее время мы очень были обрадованы изданіемъ многихъ древнихъ грамотъ, собранныхъ доцентомъ Казанской Академіи Иваномъ Михайловичемъ Покровскимъ [2]).

---

[1]) Отзывъ объ этихъ актахъ помѣщенъ въ *сентябрской* книжкѣ журнала «Странникъ» 1860 г. и въ Русскомъ Словѣ 1860 г. за *марть*.

[2]) См. Казанскій Архіерейскій домъ. *Пр. М. Покровскаго.* Казань. 1902 г. Приложеніе.

Съ своей стороны я представляю собранные мною „матеріалы для исторіи Казанской Епархіи", вполнѣ сознавая не то, чтобы эти матеріалы были рѣдкіе и въ высшей степени замѣчательные по своей древности, но то, что отпечатанные, они не могутъ уже потеряться для исторіи. А между тѣмъ, при этомъ обнародованіи своихъ матеріаловъ, я имѣю случай просить и другихъ обнародовать также тѣ старыя бумаги, какія находятся въ ихъ рукахъ. При дружной работѣ и участіи многихъ въ подобныхъ трудахъ, изслѣдованіе о казанскомъ краѣ далеко подвинулось бы впередъ.

Собранные мною матеріалы для исторіи Казанской Епархіи относятся частію къ XVII вѣку, а главнымъ образомъ къ XVIII вѣку и къ самому началу XIX в. Изъ XVII в. собрано мною не много грамотъ; но онѣ почти не относятся къ исторіи Казанской Епархіи, а касаются исторіи татаръ-магометанъ. Впрочемъ я и ихъ помѣстилъ, въ томъ предположеніи, что и онѣ, быть можетъ, со временемъ, пригодятся кому либо при описаніи исторіи казанской губерніи.

Въ издаваемыхъ матеріалахъ я не слѣдовалъ какому либо систематически предметному порядку. Я заносилъ попадавшіяся мнѣ подъ руку, время отъ времени, бумаги въ тетрадь, изъ каковой и печатаются теперь эти матеріалы только лишь въ хронологическомъ порядкѣ. Впрочемъ и при хронологическомъ порядкѣ издаваемыхъ мною матеріаловъ я прошу извиненія у читателей въ томъ, что одна бумага къ другой, за нею слѣдующей по времени, рѣдко имѣетъ какое либо отношеніе. Поэтому я счелъ за лучшее обозначить подробнѣе содержаніе каждой бумаги въ особомъ указателѣ или оглавленіи, гдѣ отмѣчалъ и годъ появленія каждаго документа.

Въ грамотахъ лѣтосчисленіе отъ созданія міра вездѣ приводится съ указаніемъ года отъ Рождества Христова. Изъ грамотъ большая часть касаются начала устройства тѣхъ или другихъ церквей и разныхъ исправленій ихъ и такимъ образомъ послужатъ матеріаломъ для церковныхъ лѣтописей, другія относятся къ инородцамъ и представляютъ данныя для

исторіи ихъ просвѣщенія свѣтомъ Христовой вѣры, въ третьихъ можно находить указанія на матеріальное обезпеченіе духовенства Казанской Епархіи и т. п. Нѣкоторыя граматы относятся до уничтоженныхъ монастырей и до раскола.

Протоіерей *Евѳимій Маловъ.*

Казань.
4 сентября
1902.

XVII вѣкъ.

1.

По государеву цареву и вел. князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи указу и по приказу боярина и воеводъ князя Володимѣра Тимоѳеевича Долгорукаго, князя Семена Никитича Гагарина, да дьяковъ Андрея Подлѣсова, да Аѳанасья Истомина, всѣмъ крестьяномъ, которые живутъ служилаго татарина Арака Курмандербышева въ помѣстьѣ въ деревнѣ Большомъ Куюкѣ. Въ нынѣшнемъ 1617 году апрѣля въ 9 день билъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея русіи Араковъ сынъ Курмандербышсва Чорай, а сказалъ: отецъ де его Аракъ убитъ на государевѣ службѣ во 1616 году, какъ ходили на вора на Еналѣйка, и государь бы царь пожаловалъ отца его помѣстьемъ въ деревнѣ Большомъ Куюкѣ, а въ писцовыхъ книгахъ Ивана Болтина съ товарищи прошлаго 1603 году написано: по Нагайской дорогѣ въ деревнѣ Большомъ Куюкѣ за служилымъ татариномъ за Аракомъ Курмандербышевымъ дворъ помѣщиковъ пашни паханыя одинадцать четей въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣна отхожего на Куюковской полянѣ, да за рѣкою за Камою 330 копенъ. И по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи указу, бояринъ и воеводы князь Володимеръ Тимоѳеевичъ Долгорукой, князь Семенъ Никитичъ Гагаринъ да дьяки Андрей Подлѣсовъ да Аѳанасій Истоминъ приговорили тѣмъ отца его Араковскимъ помѣстьемъ владѣти сыну его Чорайку въ его окладъ въ 250 четей. Помѣта на выпискѣ дьяка Андрея Подлѣсова. И вы бъ всѣ крестьяне, которые въ томъ Араковскомъ помѣстьѣ нынѣ живутъ и впредь учнутъ жить, помѣщика Чорайка Аракова слушали, пашню на него пахали и доходъ его помѣщиковъ платили, чѣмъ онъ васъ пооброчитъ. Къ сей выписи государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи печать царства казанскаго приложилъ бояринъ и воевода князь Володимеръ Тимоѳеевичъ Долгорукой. Лѣта 1617 г. апрѣля въ 10-й день. На оборотѣ: дьякъ Аѳанасій Истоминъ. Справилъ Маркелъ Амиревъ.

«Списокъ съ вводной граматы слово въ слово.

По государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея русіи указу боярин и воеводы Иванъ Васильевичъ Морозовъ, князь Никита Никитичъ Гагаринъ, дьяки Никифоръ Талызинъ, Левонтій Полуехтовъ дали

грамоту служилому татарину Чорайку Арыкову для того, въ нынѣшнемъ де 1637 году билъ онъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея русіи, а сказалъ: государева де жалованья было за отцемъ его помѣстье въ деревнѣ Большихъ да въ Малыхъ Куюкахъ и отца де его помѣстье въ деревнѣ Большихъ Куюкахъ за нимъ справлено и вводная де грамота ему на то помѣстье дана, а въ деревнѣ де Малыхъ Куюкахъ помѣстье за нимъ не справлено и вводныя грамоты ему на то помѣстье не дано, и государю бъ его пожаловать велѣти то отца его помѣстье въ деревнѣ Малыхъ Куюкахъ за нимъ справить и дать вводную грамоту, а въ помѣстныхъ дачахъ прошлаго 1612 году написано: февраля въ 26 день по приговору дьяковъ Никонора Шульгина да Степана Дичнева дано помѣстье служилому татарину Араку Курмандербышеву по нагайской дорогѣ порожнюю чувашскую землю въ деревнѣ Малыхъ Куюкахъ, буде она въ пустѣ, пятьдесятъ три чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ. И въ нынѣшнемъ въ 1637 году по приговору боярина и воеводъ Ивана Васильевича Морозова, князь Никиты Никитича Гагарина, дьяковъ Никифора Талызина, Левонтія Полуехтова, то Арыково помѣстье Курмандербышева въ деревнѣ Малыхъ Куюкахъ 53 чети съ третникомъ дано въ помѣстье сыну его Чорайку въ его окладъ въ 250 четей къ прежнему его помѣстью въ додачу къ одинадцати четямъ, и которые крестьяне въ томъ Арыковѣ помѣстьѣ Курмандербышева въ деревнѣ Малыхъ Куюкахъ нынѣ живутъ и впредь учнутъ жити, помѣщика служилаго татарина Чорайка Арыкова слушали, пашню на него пахали и доходъ ему помѣщиковъ платили, чѣмъ онъ оброчитъ. Къ сей грамотѣ печать царства Казанскаго приложилъ боярин и воевода Иванъ Васильевичъ Морозовъ, лѣта 1637 г. генваря въ 11 день. У подлинной грамоты приписъ дьяка Никифора Талызина. Справка подъячего Григорья Амирева.

2.

По государеву цареву и вел. князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи указу бояринъ и воеводы Матвѣй Михайловичъ Годуновъ, Петръ Ивановичъ Мансуровъ, дьяки Степанъ Уготцкой, Ѳедоръ Рыбенской дали грамоту служилому татарину Москову Хозяшеву для того, въ нынѣшнемъ во 1633 году билъ онъ челомъ Государю царю и вел. князю Михаилу Ѳеодоровичу всея русіи, а сказалъ, въ прошлыхъ де годѣхъ пожаловалъ его государь по Зюрейской дорогѣ въ деревнѣ въ Тавелевѣ на рѣкѣ на Нурмѣ въ помѣстной его окладъ поставити мельницу большое колесо. А у князь Якова де Асанова на тое мельницу есть вводная грамота, а молоти де было тому князь Якову на той мельницѣ про себя, а не на сторону, а онъ де съ князь Яковомъ поставилъ мельницу сопча большое колесо, беретъ его Москова, а другой князь Яковлевъ. И нынѣде тотъ князь Яковъ мимо вводныя грамоты хочетъ имати на сторонних людей съ хлѣба помольныя деньги, а довдется де тотъ помолъ имати ему Москову съ помѣстнаго окладу, и Государю бы его пожаловати,

велѣти сыскати старую прежнюю князь Яковлеву вводную грамоту, почему ему велѣно мельницу поставить, а въ помѣстныхъ дачахъ прошлаго 1624 году написано: маія въ 18 день дана грамота служилому татарину Москову Хозяшеву на Ишеевское помѣстье Хозяшева въ деревнѣ Бимери, да въ деревнѣ меньшой Сіѣ на 212 четей съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, да Москову жъ Хозяшеву велѣно на пустомъ мѣстѣ на рѣкѣ на Нурмѣ поставити мельницу большое колесо, за четвертную пашню за 30 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, и обоего за Московомъ помѣстья 242 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, да въ помѣстныхъ же дачахъ прошлаго 1632 году написано: билъ челомъ государю князь Яковъ Васильевъ сынъ Асановъ, а сказалъ, дана де ему была на Москвѣ вводная грамата на мельницу послѣ розбору боярина и воеводы князя Бориса Михайловича Лыкова съ товарищи, а тое де онъ мельницу по Зюрейской дорогѣ на рѣкѣ на Нурмѣ, повыше своей деревни поставилъ, и какъ де горѣлъ въ Казани монастырь Пречистыя Богородицы, и въ ту де пору безъ него ту государеву московскую грамату, что была дана на ту мельницу, унесли, и ему де мельницею владѣть стало не почему, и Государю бы ево пожаловати, велѣти ему на ту его мельницу дати новую вводную грамату почему ему тою мельницею владѣти, и тое мельницы за нимъ выше его деревни Бимерь на рѣкѣ на Нурмѣ, въ Казани въ дачахъ не сыскано, а князь Яковъ Асановъ сказалъ, въ прошломъ де 1623 году билъ онъ челомъ государю на Москвѣ, чтобъ государь ево пожаловалъ, велѣлъ ему въ казанскомъ уѣздѣ повыше его деревни Бимерь, на своей помѣстной землѣ поставити мельницу колесную въ его окладъ за четвертную пашню за пятьдесятъ четей, и тое де мельницу на рѣкѣ на Нурмѣ повыше его деревни Бимерь на его князь Яковлевѣ помѣстной землѣ за четвертную пашню за пятьдесятъ четей поставить ему велѣно. И по приговору Окольничего и воеводъ Ѳедора Левонтьевича Бутурлина съ товарищи князю Якову тою колесною мельницею на рѣкѣ на Нурмѣ повыше своей деревни Бимерь велѣно владѣти въ помѣстье по прежнему за четвертную пашню за пятьдесятъ четей, будетъ та мельница по государевѣ московской грамотѣ поставить ему велѣно. И въ нынѣшнемъ 1633 году по приговору боярина и воеводъ Матвѣя Михайловича Годунова, Петра Ивановича Мансурова, дьяковъ Степана Уготцкаго, Ѳедора Рыбенскаго велѣно мельницею большимъ колесомъ, что на рѣкѣ на Нурмѣ владѣти служилому татарину Москову Хозяшеву по вводной грамотѣ, какова ему дана въ Казани въ прошломъ 1624 г. за государевою печатью царства Казанскаго и съ дьячею приписью, а молоти ему на той мельницѣ про себя и на сторону изъ помолу, а князю Якову Асанову на той мельницѣ велѣно про себя молоти безъ помолу по полутораста четей на годъ, а владѣти ему князю Асанову тою мельницею не велѣли, потому что онъ князь Яковъ о той мельницѣ билъ челомъ государю ложно. Къ сей грамотѣ государеву цареву и вел. князя Михаила Ѳедоровича всея русіи печать царства Казанскаго приложилъ боярин и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ, лѣта 1633 г. октября въ 5 день.

На оборотѣ: дьякъ Степанъ Уготцкой. Справилъ подьячій Гаврилко Васильевъ.

3.

Списокъ съ грамоты слово въ слово. Государя и великаго князя Михаила Осодоровича всея русіи въ нашу отчину въ Казань боярину нашему и воеводамъ Ивану Васильевичу Морозову да князю Микитѣ Микитичу Гагарину да Левонтью Полуектову, въ прошломъ въ 1637 году іюля въ 19 день послана наша грамота къ вамъ въ Казань по челобитью казанскихъ татаръ Ишбулатка да Антуганка Еналеевыхъ дѣтей Еммаметева. А велѣно въ Казанскомъ уѣздѣ въ деревнѣ, что была пустошь Урматъ, сто пятьдесятъ пятью чельми да въ казанскомъ же уѣздѣ бортными ухожеи и бобровыми ловлями и лисьи гоны владѣть Еналейковымъ дѣтемъ Ишбулатку да Антуганку по прежнему нашему указу и по дачѣ прошлаго 1634 году, какъ владѣлъ напередъ сего отецъ ихъ Еналейко Еммаметевъ по дачамъ, и мы нынѣ пожаловали есьмя казанскихъ татаръ Емеевыхъ дѣтей Хозяшева Уразгильдейка да Чюрючейка отца ихъ вислугою казанскаго жъ татарина измѣнничьимъ Еналейковыхъ помѣстьемъ и вотчиною Еммаметева, что дано было отцу ихъ Емею за службу послѣ Еналеевы измѣны, а послѣ отца ихъ Емея то Еналейково помѣстье и вотчина отдано было измѣнничьимъ же дѣтемъ Ишбулатку да Антуганку по ложному ихъ челобитью, потому какъ въ прошломъ во 1627 году отецъ Ишбулатковъ да Антугановъ Еналейко намъ измѣнилъ и Уразгильдейковъ да Чюрючейковъ отецъ Емей Хозяшевъ того отца ихъ Ишбулаткова да Антуганкова Еналейка Еммаметева изымалъ и привелъ въ Казань и за ту ево Емееву службу по нашему указу и по приговору въ Казани боярина и воеводъ князя Володимера Тимоеесвича Долгорукова съ товарищи дано ему Емею Хозяшеву измѣнничье Еналейково помѣстье и вотчина Еммаметева; дѣти ево Еналейковы Урекейко да Ишбулатко да Антуганко за многое жъ свое воровство изъ Казани взяты къ намъ къ Москвѣ и сосланы въ великой Новгородъ, и во 1634 году Еналейковы дѣти Еммаметева били намъ челомъ объ отцовскомъ помѣстьѣ и о вотчинѣ ложно, а въ челобитной написали, отца де ихъ помѣстье и вотчина отдана Казанскому татарину Емею Хозяшеву и того де Емея Хозяшева не стало въ 1634 году, а то они Ишбулатко да Антуганко утаили, и въ челобитьѣ своемъ не написали и того отца ихъ измѣнничье помѣстье и вотчина взята за отца ихъ измѣну, а Емею Хозяшеву дано за ево Емееву службу, что онъ Емей отца ихъ измѣнника Еналейка изымалъ, привелъ въ Казань и что онъ же Емей умеръ на нашей службѣ подъ Смоленскомъ, а послѣ ево Емея остались дѣти два сына, и потому ихъ ложному Ишбулаткову да Антуганкову челобитью то отцовское помѣстье и вотчина имъ поворочена, а только бы они Ишбулатко да Антуганко того не утаили и въ челобитьѣ своемъ написали, что то отца ихъ, а Емею дано за службу, что отца ихъ Еналейка изымалъ въ измѣнѣ и привелъ въ Казань, и что онъ же Емей будучи на нашей службѣ умеръ подъ Смоленскимъ, а послѣ ево Емея остались два сына и имъ бы Ишбулатку да Антуганку тогда же бы въ томъ помѣстьѣ и вотчинѣ было отказано, а что за Емеевыми дѣтьми Хозяшева отца ихъ стараго помѣстья двѣсти четей и

тѣмъ помѣстьемъ пожаловалъ есьми ихъ же Емеевыхъ дѣтей за службу отца ихъ, а имъ съ того отцовскаго стараго, и что дано отцу ихъ измѣнничье Еналейково помѣстье и вотчина какъ въ службу поспѣетъ, наша служба служити и сестеръ своихъ кормити и вскормя съ приданымъ за мужъ выдати и какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бы въ казанской уѣздѣ казанскаго татарина въ измѣнничье въ Еналейково помѣстье и вотчину Еммаметева, что дано было казанскому татарину Емею Хозяшеву за службу, что онъ Емей измѣнника Еналейка изымалъ привель въ Казань, послали кого пригоже, а велѣли ему взяти съ собою тутошнихъ и сторонніхъ людей сколько елико пригоже, да при тѣхъ сторонніхъ людяхъ въ томъ помѣстьѣ велѣли переписати дворы и во дворехъ людей по именомъ и пашню пахатную и перелоги и дикое поле и лѣсъ и всякія угодья, а описавъ то помѣстье, а въ немъ сто пятьдесятъ пять четей, и вотчину велѣли бы есте отказать Емеевымъ дѣтемъ Хозяшева Уразгильдейку да Чюречейку, а что за Емеевыми дѣтьми Хозяшева отца ихъ стараго помѣстья двѣсти четей и тѣмъ отца ихъ помѣстьемъ велѣли владѣть имъ же Уразгильдейку да Чюречейку, а имъ того отцовскаго стараго и что дано измѣнничье Еналейково помѣстье и вотчина какъ въ нашу службу поспѣетъ велѣли бъ нашу службу служити и сестеръ своихъ кормити, а вскормя сестеръ выдать за мужъ съ приданымъ да о томъ отписали и отказныя книги тому помѣстью и вотчинѣ не прислали къ намъ къ Москвѣ, а отписку и отказныя книги велѣли подати въ приказѣ Казанскаго Дворца боярину нашему князю Борису Михайлову Лыкову да дьякомъ нашимъ Ѳедору Панову да Сергѣю Матвѣеву. Писана на Москвѣ лѣта 1638 декабря въ 14 день, а подлинная грамота за приписью дьяка Сергѣя Матвѣева, а справка подъячаго Ивана Ѳалорина.

(Списокъ этотъ доставилъ татаринъ деревни Урматъ Галей Валитовъ).

4.

Лѣта 1648 г. маія въ день по государеву цареву и вел. князя Алексѣя Михайловича всея русіи указу бояринъ и воеводы Илья Ивановичъ Морозовъ, окольничей князь Иванъ Андресвичъ Хилковъ, дьяки Василій Нефодьевъ и Ѳедоръ Ивановъ дали выпись Канышу Мурзѣ Ишкееву сыну Яушеву на сѣнные покосы по Алацкой дорогѣ деревни большой Атни по Ашитѣ рѣкѣ по обѣ стороны противъ Кубекъ деревни для того, въ прошломъ де 1647 году билъ челомъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея русіи сво Канышевъ отецъ Ишкей Мурза князь Багишевъ сынъ Яушевъ, старинная де росчистная земля и сѣнные покосы по Алацкой дорогѣ въ деревнѣ Атнѣ Большой на десять четей, да по Ашитѣ рѣкѣ по обѣ стороны противъ деревни Кубекъ на 350 копенъ, и тою де землею и сѣнными покосы владѣлъ дѣдъ сво и отецъ отъ казанскаго взятья, а послѣ дѣда и отца его владѣетъ и по ся мѣста онъ съ ясашною чувашею безъ роздѣлу, а въ дачахъ та расчистная земля за нимъ несправлена и вводныя грамоты у него на ту землю и на сѣнные покосы нѣтъ, и государь бы его

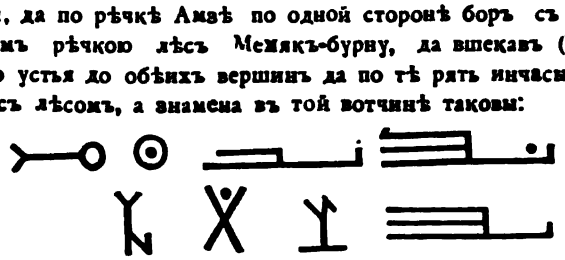
пожаловалъ велѣлъ ту расчистную землю и сѣнные покосы по Ашиту рѣкѣ по обѣ стороны противъ Кубскъ рѣчки устья по обѣ стороны на 350 копенъ дати сыну его Канышу за помѣстную дачу за 10 четей въ его помѣстный окладъ, а по алацкой дорогѣ въ деревнѣ Большой Атнѣ за Ишкеевымъ отцомъ за княземъ Багишемъ Яушевымъ и за нимъ Ишкеемъ помѣстныя земли и сѣнныхъ покосовъ въ дачахъ не сыскано, и по выпискѣ за помѣтою дьяка Ивана Ларіонова та расчистная земля и сѣнные покосы дана Ишкееву сыну Яушева Канышу въ его окладъ въ 300 четей, будетъ впредь спору ни съ кѣмъ не будетъ. И нынѣ билъ челомъ государю Канышъ Мурза Ишкеевъ сынъ Яушевъ: по государеву де указу дано ему помѣстье по алацкой дорогѣ 10 четеи въ полѣ, а въ дву потомужъ, тому пятой годъ, и государь бы его пожаловалъ велѣлъ съ тоя помѣстной дать ему выпись. И по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа русіи указу Канышу Мурзѣ Ишкееву сыну Яушеву старинною расчистною землею, сѣнными покосы въ деревнѣ Большой Атнѣ по Ашитѣ рѣкѣ по обѣ стороны противъ деревни Кубскъ противъ его челобитья пашни на 10 четей, сѣнныхъ покосовъ на 350 копенъ, по сей выписи владѣти въ его помѣстной окладъ въ 300 четей къ прежнему его помѣстью къ 40 четямъ въ додачу; будетъ та пашня и сѣнные покосы ихъ помѣстья старинная расчистная и спору буде о той землѣ и о сѣнныхъ покосахъ ни съ кѣмъ не будетъ, и не ясачная и необрочная. Дьякъ Василій Нефедьевъ.

Справилъ подъячій Илюшко Константиновъ

5.

По государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа русіи указу боярин и воеводы князь Никита Ивановичь Одоевскій, стольникъ князь Борисъ Ивановичъ Троекуровъ, дьяки Дмитрій Протопоповъ, Иванъ Патрикѣевъ дали грамоту служилымъ татарамъ Абремку да Абдалафорку, да Ахметку Москововымъ дѣтямъ Хозяшева на помѣстья отца ихъ и на бортные ухожеи и на рыбные ловли и на сѣнные покосы для того, въ прошломъ 1652 году били они челомъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея русіи, дано де отцу ихъ Москову помѣстье въ Казанскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Пимеръ-Тавелсвѣ, да въ деревнѣ Меньшой Сіи на двѣсти на двѣнадцать четей съ третникомъ, и изъ тое де дачи отца ихъ половина отдано отца ихъ брату Кильмамету, да племянникомъ ево Урмаметы съ братьями Ахмановымъ дѣтямъ сто шесть четей съ полутретникомъ, да отцу жъ де ихъ дано вмѣсто сѣнныхъ покосовъ брата ево Емѣевское помѣстье въ деревнѣ Нижній Бимеръ на девяносто на три чети безъ третника въ полѣ, а въ дву погому жъ, да отцу жъ де ихъ дана мельница на рѣкѣ на Нурмѣ въ помѣстье за четвертную пашню за тридцать течей, да вотчина бортной ухожей, что около помѣстныхъ деревень—деревни Пимеръ, да деревни Сіи и за рѣкою за Камою по Черемшанъ, по обѣ стороны и съ иными урочищи и съ угодьи, опричь бобровыхъ гоновъ, да отцу жъ де ихъ дано по Алацкой дорогѣ въ деревнѣ Алдербышъ на рѣкѣ на Сулѣ

четвертой жеребей мельницы за четвертную пашню за двѣнадцать четей съ осьминою, да въ деревнѣ Сайрѣ половина мельницы въ помѣстье за четвертную пашню за десять четей, да кабаки на Тавгильдинской Пустоши подлѣ Иги рѣчки, а велѣно на томъ кабакѣ медъ и пиво держать зимою, да кабакъ въ лѣто по Арской дорогѣ на рѣчкѣ на Курқачикъ, да полгородные сѣнные покосы на Жорновомъ Острову на 20 копенъ, да рыбныя ловли, и на тѣ де помѣстья и на мельницы, и на кабаки отцу ихъ ввозныя грамоты даны, и отца де ихъ не стало, а тѣ помѣстья за ними не справлены, и Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ тѣ помѣстья и мельнишные жеребьи и вотчины и кабаки и сѣнныя покосы и рыбныя ловли, что было дано отцу ихъ, за ними справить, а по дачамъ 1624 году помѣстья было за служилымъ татариномъ за Московомъ Хозяшевымъ сыномъ Сюндюковымъ въ деревнѣ Бимеръ-Тавелевѣ, да въ деревнѣ Малой Сіѣ двѣсти двѣнадцать четей съ третникомъ, да ему же Москову велѣно на мельнишномъ пустомъ мѣстѣ на рѣчкѣ на Нурмѣ поставить мельницу большое колесо за четвертную пашню за 30 четей, и въ 1649 году изъ тое земли взято у Москова пятьдесятъ три чети безъ полполтретника въ полѣ, а въ дву потому жъ съ сѣнными покосы и со всякими угодьи и дано племянникамъ ево Ахмановымъ дѣтямъ Хозяшева Урмаметку да Агишку, да Иштерячку да Ишкейку по записи, какову запись далъ на себя отцу ихъ Ахману онъ Москова, да въ 1651 году изъ тое жъ помѣстныя земли въ деревнѣ Бимеръ Тавелевѣ, да въ деревнѣ Меньшой Сіѣ пятьдесятъ три чети безъ полполтретника въ полѣ, а въ дву потомужъ съ сѣнными покосы и со всякими угодьи дано брату ево Москову Кильмамету по записи жъ, какову запись далъ на себя онъ Москова своею рукою, а за нимъ Москомъ осталось помѣстныя земли въ тѣхъ деревняхъ, въ деревнѣ Бимеръ и въ деревнѣ Меньшой Сіѣ 106 четей съ осьминою, да въ 1638 году дано Москову Хозяшеву брата ево Змѣевскаго помѣстья Хозяшева въ деревнѣ Нижній Бимеръ 93 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ, а у него Москова вмѣсто того отписаны на Государя сѣнные покосы на рѣкѣ на Камѣ, а дяны ему были тѣ сѣнные покосы за четвертную пашню за 75 четей, да въ помѣстныхъ дачахъ 1628 году написано: февраля въ 20 день по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи грамотѣ и по приговору Боярина и воеводъ Василья Петровича Морозова съ товарищи дана грамота Москову Хозяшеву на старинную вотчину отца ево, на бортной ухожей, что около помѣстныхъ деревень, деревни Пимеръ, деревни Сіи и за Камою рѣкою по Черемшанъ по обѣ стороны, да по рѣчкѣ по Курнели далѣ булакъ баши, да по рѣчкѣ да по Шанталѣ вверхъ по обѣ стороны, да островокъ Кеш-белякъ, да островокъ Лопаслы, да по рѣчкѣ Амвѣ по одной сторонѣ боръ съ лѣсками, да за Черемшаномъ рѣчкою лѣсъ Мемякъ-бурну, да вшекавъ (?) кувакъ съ островками до устья до обѣихъ вершинъ да по тѣ рять инчасы да Яиберда съ боромъ и съ лѣсомъ, а знамена въ той вотчинѣ таковы:



а велѣно ему Москову въ той вотчинѣ владѣть бортнымъ ухожеемъ и съ угодьи, опричь бобровыхъ гоновъ, да въ грамотѣ, какова дана въ 1634 году ноября въ 26 день написано: велѣно Москову поставить кабакъ въ зиму на Тавгильдинской пустыни подлѣ Иги рѣчки, а въ лѣто въ другомъ мѣстѣ на своемъ жиломъ помѣстьѣ, у деревни въ Тавелинскомъ полѣ, отъ Казани 40 верстъ, а перенести ему тѣ кабаки велѣно, кабакъ, что стоялъ по Лаишевской дорогѣ отъ Казани 30 верстъ, другой, что стоялъ на Абашской дорогѣ противъ Енаѣева и Исѣнеева кабака, а держати ему велѣно на тѣхъ кабакахъ медъ да пиво на одномъ въ зиму, а на другомъ въ лѣто, а вина держати не велѣно никакими мѣрами, да въ грамотѣ жъ какова дана въ 1641 году апрѣля въ 20 день написано: велѣно ему Москову поставить кабакъ по Арской дорогѣ на рѣчкѣ на Куркачикѣ вмѣсто кабака, что велѣно поставить въ 1627 году по Арской же дорогѣ на рѣчкѣ на Аахтѣ вмѣсто кабака, что дано было отцу ево Московову Хозяшу Сюндюкову въ году за Сибирскую службу подъ кабакъ порожжее мѣсто на Камѣ рѣкѣ на Анаташѣ, отъ Казани 120 верстъ, а велѣно ему на томъ кабакѣ держать медъ да пиво, а вина держать ему никоими мѣрами не велѣно, да въ помѣстныхъ дачахъ 1641 году написано: въ маѣ мѣсяцѣ дана грамота служилому татарину Москову Хозяшеву на жеребей мельницы служилаго татарина Янгурчея Муралѣева по Алацкой дорогѣ въ деревнѣ Алдербышъ на рѣкѣ Сулѣ, что владѣлъ послѣ Янгурчея сынъ ево Емѣй безъ дачъ въ помѣстной окладъ въ 400 четей да 12 четей съ осьминою къ старому ево помѣстью въ додачу, да въ грамотѣ жъ 1645 году записано: велѣно служилому татарину Москову Хозяшеву сыну Сюндюкову рыбу ловить на усть Камы рѣки двумя связками, буде государевымъ рыбнымъ ловлямъ поруки никакія не будетъ, да въ помѣстныхъ дачахъ 1643 году написано: августа въ 22 день дана грамота служилому татарину Москову Хозяшеву на сѣнные покосы служилаго татарина Тогонайка Змѣева на Жорновномъ острозу на 20 копенъ, да въ помѣстныхъ дачахъ 1644 году написано: марта въ 30 день дана грамота служилому новокрещену Ивашку Хозякову, да служилому татарину Москову Хозяшеву служилаго новокрещена Олешки Етмасова на мельницу колесную на рѣчкѣ Сайрѣ въ ихъ помѣстные оклады за 20 четей по 10 четей человѣку, и всего было за Московомъ Хозяшевымъ помѣстья въ дачахъ 251 четь съ осьминою и полтретника въ полѣ, а въ дву потомужъ, да вотчина бортной ухожей, да 3 кабака, да рыбныя ловли, да подгородные сѣнные покосы, и въ нынѣшнемъ въ 1653 году по приговору боярина и воеводъ князя Никиты Ивановича Одоевскаго, Стольника князя Бориса Ивановича Троекурова, дьяковъ Дмитрія Протопопова, Ивана Патрикѣева, тѣми Москововыми помѣстьи Хозяшева и вотчиною бортнымъ ухожеемъ и кабаками и рыбными ловлями и полгородными сѣнными покосы велѣно владѣть дѣтямъ ево Абремку да Абдалафорку да Ахмамятку, и били челомъ Государю Москововы дѣти Хозяшева Абремко да Абдалафорка, да Ухмамятко, чтобы Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ на помѣстья отца ихъ и на вотчину и на кабаки и на рыбныя ловли и на мельницы и на подгородные сѣнные покосы дать ввозную грамоту, и служилымъ татарамъ Абремку, да Абдалафорку, да Ухмамятку помѣстьями отца

своего и вотчиною и бортными ухожеемъ и кабаками и рыбными ловлями и мельницами и подгородными сѣнными покосы владѣть до тѣхъ мѣстъ, пока мѣста за ними тѣ помѣстья и вотчины и сѣнные покосы опишутъ и измѣряютъ государевы большіе писцы и мѣрщики и учинятъ за ними пашни и сѣнныхъ покосовъ по государеву указу. Къ сей грамотѣ государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея русіи печать царства казанскаго приложилъ бояринъ и воевода князь Никита Ивановичъ Одоевскій. Лѣта 1653 г. іюля въ 16 день.

На оборотѣ: Дьякъ Дмитрій Протопоповъ, справилъ Макарко Обросимовъ.

6.

Отписка Государю Царевичу Алексѣю Алексѣевичу Казанскаго воеводы Ивана Никитича Хованскаго о моровомъ повѣтріи въ городѣ Казани и уѣздѣ его 1656 года съ 15 іюня по 31-е іюля и принятыхъ противъ него мѣрахъ, съ испрашиваніемъ разрѣшенія, оставить жителямъ городъ и выдти на поля и лѣса.

Государю Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи холопи Ваши Ивашко Хованской, Ивашко Колтовскій, Васка Ушаковъ, Пятунка Спиридоновъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 1656 году Іюля въ 11 день, писали мы, холопи Ваши, къ Тебѣ, ко Государю Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи, съ Казанцомъ съ Суворомъ Мещеринновымъ, что въ нынѣшемъ, Государь, въ 1656 году Іюня съ двадесять пятаго числа въ Казани изволеніемъ Божіимъ учали помирать люди скорою смертію, а померло въ Казани въ каменномъ и въ деревянномъ городѣ, на посадѣ и въ монастырѣ пречистыя Богородицы Казанскія и за городомъ въ слободахъ старицъ и всякихъ чиновъ людей, мужескаго и женскаго полу и младенцевъ, Іюня съ 25 числа и Іюля по 10 число пятьдесятъ девять человѣкъ, и въ томъ числѣ умерли четыре человѣка язвеною болѣзнію; да въ Казанскомъ уѣздѣ въ монастырѣ въ Семизерской пустыни умерло язвеною болѣзнію пять человѣкъ старцевъ, да шесть человѣкъ безъ язвъ. И Божіею милостію въ Казани учало было быть леготнѣе Іюля съ 3 числа; Іюля жъ по 11-ое число въ Казани умеръ язвою одинъ человѣкъ, да тридцать два человѣка безъ язвъ, а какихъ чиновъ въ Казани люди мерли, и по сколику кто лежалъ, и тому, Государь, послали мы, холопи Ваши, подъ отпискою перечневую роспись. И въ нынѣшнемъ же, Государь, въ 1656 году Іюля въ 25 день въ Твоей, Государевѣ, Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи, грамотѣ писано къ намъ, холопемъ Вашимъ, что Іюля въ 15 день послана Ваша, Государева, грамата къ намъ, холопемъ Вашимъ, съ Казанцомъ съ Осипомъ Пильниковымъ по письму изъ Нижнева Новагорода гостиные сотни Кипреянова человѣка Климшина Гришки Андреева, да изъ Казани гостиные же сотни Александ-

ра Климшина, что они писали къ Москвѣ къ Гришкѣ Кипреянову Климшину Александръ къ брату своему къ Ѳедору Климшину, что де въ Казани учинилось моровое повѣтріе, а мы, холопи Ваши, о томъ къ Тебѣ, Государю, не писывали невѣдомо для чего; и велѣно, Государь намъ, холопемъ Вашимъ, отписать къ Тебѣ, ко Государю, тотъ часъ, котораго числа то моровое повѣтріе учинилось, и сколько какихъ чиновъ людей въ то моровое повѣтріе померло, а отъ заморныхъ мѣстъ велѣно учинить заставы крѣпкіе, и изъ Казани въ здоровыя мѣста и изъ здоровыхъ мѣстъ въ Казань пропускать никого не велѣно: и для чево мы холопи ваши про то моровое повѣтріе къ Тебѣ, ко Государю, не писывали, а нынѣ то моровое повѣтріе перестало ль, и будетъ перестало, и съ котораго числа то моровое повѣтріе перестало, да съ отпиской велѣно намъ о томъ, холопемъ вашимъ, послать на Свіязскую заставу и въ Свіяжскѣ къ воеводѣ ко князю Ивану Шаховскому, да къ дьяку къ Степану Чубарову отписать, чтобъ они съ тое отписки, которую мы, холопи ваши, къ Тебѣ, ко Государю, пошлемъ, велѣли списать списокъ послали бъ они изъ Свіязска съ нарошнымъ гонцомъ въ Нижней, или на Курмышъ, и въ тѣ городы къ воеводамъ отъ себя отписали, чтобъ въ тѣхъ городѣхъ воеводы съ того ихъ съ Свіязскаго списку велѣли списать списокъ же, и тотъ списокъ послали наскоро, и отъ себя отписали въ Муромъ къ воеводѣ, чтобъ Муромскій воевода съ того Нижегородскаго или съ Курмыскаго списка списавъ таковъ же списокъ и послали наскоро съ Муромскимъ нарошнымъ гонцомъ и отъ себя отписалъ во Володимеръ къ воеводѣ, чтобъ Володимерской воевода въ Володимерѣ съ того Муромскаго списка велѣлъ списать списокъ же, и тотъ Володимерской списокъ къ Тебѣ, ко Государю, послалъ съ нарошнымъ Володимерскимъ гонцомъ наскоро, а Вашъ, Государевъ, указъ въ Свіязскъ къ воеводѣ ко князю Ивану Шаховскому, да къ дьяку Степану Чубарову посланъ же, а о заставахъ и о всякомъ береженьѣ отъ Муромскаго повѣтрея велѣно намъ холопемъ Вашимъ, учинить противъ прежнего Вашего Государева указу, какъ отъ Тебя, Государя, писано къ намъ, холопемъ Вашимъ, наперед сего съ Осипомъ Пильниковымъ. И тое, Государь, Твою Государеву грамоту Осипъ Пильниковъ привезъ къ намъ холопемъ Вашимъ, послѣ нынѣшней Твоей Государевы грамоты въ третій день, а мы холопи сами писали о томъ моровомъ порѣтріи о людскомъ упадкѣ къ Тебѣ ко Государю Царевичу и великому Князю Алексѣю Алексѣевичу, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи, и гонца послали нарошно казанца Сувора Мещеряпова до сего Твоего Государева указу Іюля въ 11 день. Вскорѣ послѣ того, какъ мы, холопи ваши, къ Тебѣ, ко Государю, писали Іюля 11 числа, грѣхъ ради нашихъ, учало моровое повѣтріе множитца, а померло іюля съ 11 числа Іюля жъ по 31 число по спискамъ объѣздныхъ головъ Казанцовъ дворянъ и дѣтей Боярскихъ и поповъ въ каменномъ и деревянномъ городѣ и въ загородныхъ слободахъ всякихъ чиновъ людей мужеска и женска полу и младенцовъ пять сотъ девяносто пять человѣкъ, а лежали по полугоду пять человѣкъ; да по двадцать недѣль три человѣка, одинъ человѣкъ десять недѣль, одинъ человѣкъ семь недѣль, двадцать шесть человѣкъ по двѣ недѣли, двадцать человѣкъ по десяти день, пять человѣкъ по девяти день, шесть человѣкъ

по осьми день, пять сотъ двадцать восемь человѣкъ лежали по дню и по два, и по три, и по четыре, и по пяти, и по шести и по недѣли, и въ томъ числѣ сорокъ семь человѣкъ умерли съ язвами; а въ Казанскомъ, Государь, уѣздѣ въ монастырѣ въ Семиозерской пустыни по отпискамъ заставныхъ головъ померло старцевъ двадцать семь человѣкъ, а лежали дни по три, и по четыре и по недѣли безъ язвъ; да въ Казанскомъ же уѣздѣ по отпискамъ приказныхъ людей объявилось моровое повѣтріе вновь въ Казанскомъ пригородѣ въ Арскомъ, въ ясашномъ селѣ Чюрилинѣ, да въ помѣстныхъ деревняхъ Казанцовъ дѣтей Боярскихъ Осипа Красенскова, да Наума Нудонова, и въ Арскомъ, Государь, городѣ умерли посадскаго человѣка жена, да четыре дочери дѣвки язвеною болѣзнію, а въ Ясашномъ селѣ Чюрилинѣ померло Вашихъ, Государевыхъ, ясашныхъ крестьянъ тридцать человѣкъ, да женъ и дѣтей двадцать одинъ человѣкъ безъ язвъ, лежали де они по недѣли и дней десять, а въ помѣстныхъ деревняхъ сколько человѣкъ померло, и о томъ къ намъ, холопемъ вашимъ, приказные люди не писывали. И около тѣхъ деревень велѣли мы, холопи ваши, розыскать подлинно, сколько человѣкъ и какою болѣзнью въ тѣхъ деревняхъ людей померло; и около тѣхъ заморныхъ деревень и у села Чюрилина и въ Арскомъ городѣ у заморныхъ мѣстъ и около города Казани по всѣмъ дорогамъ поставили мы, холопи ваши, заставы, и изъ Казани и изъ Казанскаго уѣзду изъ заморныхъ мѣстъ въ здоровыя мѣста и изъ здоровыхъ мѣстъ въ Казань, и изъ Казанскаго уѣзду въ заморные мѣста пускать никого не велѣли, а съ хлѣбомъ, Государь и ѣстнымъ велѣли мы, холопи ваши, пріѣзжать изъ Казанскаго уѣзду къ заставамъ, и у заставы всякихъ чиновъ людямъ велѣли хлѣбъ и ѣстное покупать на деньги, и тѣ деньги велѣли уѣзднымъ людямъ за хлѣбъ и за ѣстное имать у стрѣлцовъ, которые поставлены на заставахъ, а стрѣльцомъ тѣ деньги имать у Казанцовъ, перемывая въ рѣкѣ текущей, а выносить на рѣку, не дотыкаючись руками здоровыхъ людей, которыхъ Богъ пощадилъ отъ моровова повѣтрея и больны не были. И нынѣ, Государь, въ Казани Божіимъ посѣщеніемъ, грѣхъ ради нашихъ, моровое повѣтрее и на люди упадку множитца, помираютъ люди скорою смертью и язвенною болѣзнію человѣкъ по десяти, и по двадцати, и тритцати и по сороку, и попятидесяти на день и больши въ разныхъ дворахъ. А сколько, Государь, и какихъ чиновъ людей въ Казани Іюля съ 11 числа Іюля по 26 число померло, и тому, Государь, послали мы, холопи ваши, роспись подъ сею отпискою за моею, холопа Вашего, Петункиною рукою.—А въ Твоей, Государевѣ, грамотѣ къ намъ, холопемъ вашимъ написано: велѣно намъ отъ морового повѣтрея беречись, а какъ беречись, и изъ города намъ выѣхать или нѣтъ, тово въ Твоей, Государевѣ, грамотѣ не написано. А какъ, Государь, Божіимъ посѣщеніемъ было моровое повѣтріе въ Астрахани, и въ то де моровое повѣтріе ваше, Государевъ, боярин Князь Иванъ Петровичь Пронской изъ Астрахани выѣзжалъ за городъ, и стоялъ въ земляномъ городѣ, покамѣсто моровое повѣтріе перестало, да и Астраханцы, Государь, всякихъ чиновъ люди въ то Астраханское моровое повѣтріе изъ Астрахани выѣзжали въ степь, да и въ Московское, Государь, моровое повѣтріе съ Москвы всякихъ чиновъ люди выходили на лѣса: а мы, холопи ваши, изъ Казани всякихъ чиновъ людей

безъ нашего, Государева, указа выпускать на лѣса не смѣемъ. А въ каменномъ, Государь, городѣ, только Митрополичь дворъ, да вашъ, Государевъ, дворъ, гдѣ я стою, холопъ Вашъ, Ивашко Хованскій, да въ томъ же, Государь, городѣ два монастыря, монастырь живоначальныя Троицы, да монастырь Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, а возлѣ того монастыря и подлѣ дворъ, гдѣ я, холопъ вашъ, Ивашко Хованскій стою, поставлена тюрьма, а возлѣ того же двора Митрополичь Конюшенный дворъ и на томъ, Государь, Митрополичи конюшеномъ дворѣ Митрополичь Конюшеной старецъ и конюхи померли и иные всякихъ чиновъ люди въ каменномъ городѣ скорою смертью и язвами мрутъ. И я, холопъ вашъ, Ивашко Хованскій съ вашею, Государевою, печатью царства Казанскаго безъ Вашего, Государева, указу зыѣхать за городъ, отъ города версты за три, или за четыре въ здоровыя мѣста въ монастырь, или въ село, или въ деревню не смѣю, и будетъ, Государь, въ Каменномъ городѣ учнетъ моровое повѣтріе множитца, и мнѣ, холопу вашему, отъ морового повѣтрія съ духу умереть будетъ напрасно; а въ вашей, Государевѣ, казнѣ въ Приказной палатѣ Вашіе, Государевы, денежные казны, и въ зелейномъ погребѣ зелья и свинцу не много, мочно, Государь, тое Вашу, Государеву, казну беречь инымъ, кому Ты, Государь, укажешь, или головамъ стрѣлецкимъ. А будетъ Государь изъ деревяннаго города всякихъ чиновъ людей въ полѣ и на лѣсъ не выпускать, и отъ морового повѣтрея помрутъ съ духу многія люди, а только, Государь, изъ деревянова города всякихъ чиновъ людей, которые похотятъ въ поля и на лѣсъ около Казани выпустить, и мы, холопи ваши, часмъ Божіей милости, что тѣ люди въ поляхъ и на лѣсахъ живы будутъ. Вели, Государь, намъ, холопемъ Своимъ, о томъ Свой, Государевъ, указъ учинить. А съ сею, Государь, отпискою гонца послали мы, холопи ваши, Казанца сотника Стрѣлецкова Ивана Протопопова до Свіяжскія заставы, и къ воеводѣ ко Князю Ивану Шаховскому, да къ дьяку къ Степану Чюбарову, о томъ писали противъ Вашего, Государева, указу, какъ о томъ написано въ Твоей, Государевѣ, грамотѣ къ намъ, холопемъ Вашимъ; а по заставамъ, Государь, отъ Казани по дорогамъ мы, холопи Ваши, поставили Казанцовъ дворянъ и дѣтей Боярскихъ и съ ними стрѣльцовъ многихъ людей въ прежнихъ мѣстехъ; а въ городѣ, Государь, и въ слободахъ заставами укрѣпить ни которыми обычаи не мочно, что, Государь, моровое повѣтрее, и на люди упадокъ учинился во многихъ дворахъ.

Роспись, сколько какихъ чиновъ въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ померло въ нынѣшнемъ въ 1656 году Іюля съ 11 числа Іюля по 31 число.

Церковнаго причету поповъ и дьячковъ и пономарей и женъ ихъ и дѣтей двадцать два человѣка.

Дѣтей боярскихъ 2 человѣка, людей ихъ 4 человѣка.
Подъячихъ и ихъ женъ и дѣтей 7 человѣкъ.
Конныхъ стрѣльцовъ и жонъ ихъ и дѣтей 8 человѣкъ.
Пѣшихъ стрѣльцовъ и жонъ ихъ и дѣтей 156 человѣкъ.
Ямскихъ охотниковъ и жонъ ихъ и дѣтей 11 человѣкъ.
Иноземцевъ 14 человѣкъ, толмачь 1 человѣкъ.

Преображенскаго монастыря слобожанъ и женъ ихъ и дѣтей 109 человѣкъ.

Митрополичьихъ дѣтей Боярскихъ и всякихъ дворовыхъ людей и ихъ женъ и дѣтей 48 человѣкъ.

Казанцовъ Посацкихъ людей и ихъ женъ и дѣтей 153 человѣка, гулящихъ людей и женъ ихъ и дѣтей 22 человѣка.

Кузнецовъ 2 человѣка.

Дѣвичьихъ монастырей Пречистыя Богородицы явленные чудотворные иконы Казанскіе да Успѣнія Пречистыя Богородицы дѣловныхъ старицъ 36 человѣкъ.

А въ Казанскомъ уѣздѣ, въ которыхъ мѣстехъ, сколько какихъ чиновъ людей померло, и то написано въ отпискѣ.—А назади у подлинной росписи припись дьяка Пятова Спиридонова, справка Подъячево Михаила Твердакова.

(Современный списокъ на столбцѣ.—Изъ архива Курмышскаго Уѣзднаго Суда, свитки 1656 года)

Отписка Казанскаго воеводы Ивана Хованскаго съ товарищи о дѣйствіи моровой язвы въ Казани 1—22 Авг. 1656 г., съ испрашиваніемъ позволенія, выѣхать жителямъ за городъ.

. . . . . [1]) дьякъ Иванъ Рож . . . . да Подъдьяковъ разныхъ . . . да въ соборной церкви Протопопъ, да Ключарь, да попъ, да Протодьяконъ, да Подъдьяконъ Ризничей (т. е. умерли отъ язвы), а безъ вашего, Государева указу, и безъ благословенія Великаго Государя Святѣйшаго Никона Патріарха Московскаго и всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи, Архіепископъ Іосифъ надъ Корниліемъ Митрополитомъ [2]) надгробное отпѣть и погребсти, и въ Соборной Церквѣ служить, и поповъ, и дьяконовъ ставить, и иныхъ всякихъ чиновъ людей погребать не смѣетъ; а поповъ, Государь, въ Казани у церквей Божіихъ нынѣ мало, а многіе, Государь, попы померли, а которые, Государь остались, и тѣ больны, а которые и здоровы, и тѣ попы поновляютъ, и причащаютъ и погребать не успѣваютъ, и нынѣ, Государь, въ Казани для вашего Государева дѣла послать и приказывать некому, которые Дворяне и дѣти Боярскіе въ Казанѣ были и тѣ до морового повѣтрія . . . . . да и тѣ померли, а иные разбѣжались за заставы, и въ деревняхъ иные померли, а и Подъячіе, Государь, приказные палаты померли жъ, а иные лежатъ больны, да и Митрополичьи, Государь, дворы, и дворовыхъ его людей . . въ каменномъ городѣ пусто, только Государь, въ каменномъ городѣ Преображен-

---

[1]) Во всѣхъ мѣстахъ сей отписки, означенныхъ точками, бумага или вовсе утратилась или совершенно обветшала.

[2]) Митрополитъ Корнилій скончался 1656 г. Авг. 17.

ской монастырь, и въ томъ монастырѣ старцы мрутъ. нетокмо ш то, государь въ городѣ ночью, но и въ день пусто, только, государь бываетъ на карауле стрѣльцы и то по не многу, для того что вымерли, а въ тюрмахъ, государь, въ каменномъ городѣ въ трехъ мѣстѣхъ съ четыреста человѣкъ, и для береженья, государь, въ прибавку въ каменномъ городѣ людей взять негдѣ, не токмо что, государь, отъ мору въ то повѣтріе и отъ духу въ городѣ мнѣ холопу вашему Ивашку Хованскому, и которые остались малые люди со мною, холопомъ вашимъ, жить нельзя, но и отъ . . . . . Хованской за город. . . . . за городъ выѣхать безъ вашего государева указу не смѣю жъ, а отъ мору и отъ пустоты жить нельзя. Вели, Государь, намъ, холопемъ твоимъ, Государевъ указъ учинить. На оборотѣ написано: Онашка Жуков. . . . . .

(Современный списокъ на столбцѣ. Изъ архива Курмышскаго Уѣзднаго Суда, свитки 1656 г.).

Отписка города Казани воеводскихъ товарищей о дѣйствіи въ городѣ моровой язвы. 22—27 Авг. 1656 г.

Государю Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи холопи Ваши Ивашка Колтовской, Васка Ушаковъ, Петунка Спиридоновъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 1656 году августа въ 26-й день въ восьмомъ часу дни волею Божіею Бояринъ и Воевода князь Ивана Никитича Хованскаго не стало, а лежалъ язвами три дни, а льготы, Государь, отъ морового повѣтрія ни мало нѣтъ, помираютъ люди скорою смертію и язвами безперестанно и становится въ Казани маолюдно, и мы, холопи ваши, ожидаемъ того жъ, а я холопъ вашъ Петунка лежу болѣнъ язвою, а померло, Государь, въ Казани августа съ 22-го числа августа жъ по 27-е число пять дней всякихъ чиновъ людей съ язвами и безъ язвъ девять сотъ двадцать пять человѣкъ, что, Государь, впредь августа съ 28 числа учнетъ въ Казани дѣлаться, и мы, Государь, холопи ваши, о томъ къ тебѣ, Государю, писать учнемъ.—А назади у подлинной отписки написано: Государю Царевичу и Великому Князю Алексѣю Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи.

(Современный списокъ на столбцѣ. Изъ архива Курмышскаго Уѣзднаго Суда, свитки 1656 г.).

7.

По государеву цареву и вел. князя Бориса Федоровича указу Бояринъ и Воевода князь Иванъ Ивановичъ Голицынъ, да Василій Яковлевичъ Кузьминъ, да дьяки Петръ Пивовъ, да Петръ Микулинъ дали въ помѣстье въ Казанскомъ уѣздѣ по Алацкой дорогѣ въ Большой въ Бимерь де-

ревнѣ служилому татарину Байгильдею Тянтикову служилаго татарина выхорочной Янбахтыевской жеребей Мансурова для того, билъ онъ челомъ Государю царю и вел. князю Борису Федоровичу всеа русіи. А сказалъ, служилъ деи всякія государевы службы зимнія и лѣтнія больше 20 лѣтъ и живетъ деи онъ нынѣ въ Большой въ Бимерѣ деревнѣ ясачного чувашенина въ Бекбулатовскомъ дворѣ, а пашню деи онъ пашетъ выморочного служилаго татарина янбахтыевскую и о томъ деи дворѣ и о пашнѣ янбахтыевской Байгильда нынѣ билъ челомъ государю царю и вел. князю Борису Федоровичу всеа русіи о томъ отца своего дворѣ и о той пашнѣ, а онъ деи Байгильда въ той въ большой въ Бимерѣ деревнѣ и въ томъ дворѣ и пашню пашетъ больше 20 лѣтъ, да и въ писцовыхъ книгахъ Ивана Болтина съ товарищи 1662 года написана за Байгильдеемъ Тянтиковымъ въ большой въ Бимерѣ деревнѣ жеребей, что бывалъ по сыску прежде того за ясачнымъ чувашиномъ за Енбулатомъ Енаметевымъ, а на его жеребіи помѣщиковъ пашни паханные десять четей да перелогу двѣ чети обоего 12 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на рѣчѣ на Казанкѣ 150 копенъ, лѣсу дубровы пашенныя десятина. И по государеву цареву и вел. князя Бориса Федоровича всеа русіи и по приговору боярина и воеводы князя Ив. Ивановича Голицына, да Василія Яковлича Кувьмина, да дьяковъ Петра Пивова, да Петра Микулина и по писцовымъ книгамъ Ивана Болтина съ товарищи велѣли жить служилому татарину Байгильдею Тянтикову въ большой въ Бимерѣ деревнѣ по старому, какъ онъ жилъ прежде того, для того, что онъ Байгильда въ той въ большой, въ Бимерѣ деревнѣ живетъ больше 20 лѣтъ, и ему Байгильдею пашня пахати и сѣна косити и всякими угодьи владѣти опричь бортныхъ ухожей и бобровыхъ гоновъ, а государева ему Байгильдею съ того помѣстья служба служить съ товарищи своими вмѣстѣ. Къ сей грамотѣ государеву цареву и вел. князя Бориса Федоровича всеа русіи печать царства казанскаго приложилъ Бояринъ и воевода князь Ив. Ивановичъ Голицынъ, да Василій Яковличъ Кувьминъ, да дьяки Петръ Пивовъ, да Петръ Микулинъ, лѣта 1662 г. марта 26 дня.

(Эта грамота доставлена мнѣ купцомъ казанскимъ Рязановымъ).

8.

Отрывокъ грамоты безъ начала и конца:

. . . . . .

съ товарищи по ложному ихъ вемскихъ старостъ челобитью отданы они въ посадъ и разоряютъ ихъ напрасно и чтобъ великій государь пожаловалъ ихъ велѣлъ имъ изъ своего великаго государя указу и съ приговоровъ выписать и свой великаго государя указъ учинить и чтобъ имъ быть въ служилыхъ татарахъ по прежнему, а отъ посаду ихъ освободить и въ Казани въ приказной палатѣ о службѣ отцовъ и дѣдовъ ихъ Иштерячка съ товарищи и какъ имъ велѣно быть въ служилыхъ и въ посадъ взять сыскано въ 1651 году по приговору боярина воеводъ Глѣба Ивановича Морозова съ товарищи.

да въ 1667 году по приговору боярина и воеводъ князя Григорья Семеновича Куракина съ товарищи, да въ 1669 году по прежнему приговору Стольника и воеводъ князя Юрья Петровича Трубецкаго съ товарищи велѣно имъ Ишкейку съ товарищи быть въ службѣ . . . . . (конца нѣтъ).

9.

По государеву цареву и вел. князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца указу боярина и воеводы князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, Стольникъ Михайла Петровичъ Головинъ, дьяки Артемій Козловъ Романъ Табунцевъ дали грамоту служилымъ новокрещеным арской дороги деревни Озякъ Микиткѣ Борисову да Ивашку Иванову для того, въ нынѣшнемъ во 1667 г. были челомъ великому государю царю и вел. князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцу они Микитка да Ивашка, били де челомъ они великому государю о помѣстныхъ земляхъ дѣдовъ и отцовъ своихъ и по приговору де боярина и воеводъ князя Григорья Семеновича Куракина, Стольника Михаила Петровича Головина, дьяковъ Артемья Козлова Романа Табунцева та земля имъ дана, а вводной де грамоты имъ на то помѣстіе не дано, и великій Государь пожаловалъ-бы ихъ, велѣлъ на тое ихъ помѣстную землю дать вводную грамоту, и въ дѣлѣ нынѣшняго 1667 году написано: били челомъ великому государю онижъ Ивашко да Микитка, били де челомъ на нихъ поклепавъ напрасно ясашные новокрещены той же дороги деревни другой Озякъ Микитка Ивановъ съ товарищы въ земляномъ владѣніи, будто де они пашенною землею владѣютъ насильствомъ, а они де тою землею владѣютъ изстари по писцовымъ книгамъ, а не насильствомъ, и изъ деревни де ихъ выбиваютъ и пашни пахать и сѣно косить имъ не даютъ, и великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ на нихъ въ томъ дать судъ и на судѣ въ отвѣтѣ ясашный новокрещенъ деревни Озякъ Микитка Ивановъ за себя и за товарищей своихъ отвѣчалъ, а въ отвѣтѣ сказалъ: въ прошломъ де во 1666 году по ихъ челобитью была очная ставка и по очной де ставкѣ и по сыску указано имъ землю отдать, а братъ де ево тою землею, а товарища ево дѣдъ владѣлъ лѣтъ семьлесятъ насильствомъ, а не по писцовымъ книгамъ, а напрасно де ихъ изъ деревни не высылаютъ, а пашенной де земли имъ пахать и сѣнныхъ покосовъ косить не даютъ другой годъ, потому что де та земля изстари ясашная и истецъ Ивашко Ивановъ слался на писцовыя книги Семена Волынскаго съ товарищи, что де та земля написана за братомъ ево, а товарища ево за дѣдомъ и челобитья де и спору ясашныхъ новокрещеновъ о той землѣ на нихъ великому государю у писцовъ у Семена Волынскаго съ товарищи не было, потому что де та земля помѣстная и дали де они сказку, что де та земля ихъ помѣстная и отвѣтчикъ на писцовыя книги слался жъ, будетъ-де та земля за ними написана, а сказку де они о той землѣ дали ль, того они не вѣдаютъ, потому что де были малы; а въ

писцовыхъ книгахъ писцовъ и мѣрщиковъ Семена Волынскаго съ товарищи написано: въ Казанскомъ уѣздѣ по арской дорогѣ въ деревнѣ Азякъ на рѣчкѣ Азячкѣ по обѣ стороны врага и ключа, а въ ней служилые новокрещены съ ясашною чувашею вопчѣ, и въ той деревнѣ жеребей за служилымъ новокрещеномъ за Борискомъ Семеновымъ въ деревнѣ Озякъ, что былъ тотъ жеребей прежъ сего за отцомъ ево, а на ево жеребей пашни и перелогу и заросли и лѣсомъ поросло двадцать четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по ево сказкѣ, по дубровѣ между двухъ буераковъ на ключѣ Ускунарѣ шестьдесятъ копенъ, да по рѣчкѣ 1ѣ на лугу пятьдесятъ копенъ, да по Верезинкѣ рѣчкѣ въ вершинѣ по одну сторону 30 копенъ, лѣсъ черный кругомъ нижняя межа желтое болото, а по дачѣ какова дана отцу ево Семейкѣ Иванову въ 1622 году за приписью дьяка Ивана Васильева написано: дано къ старому ево помѣстью къ деревнѣ къ 20 четямъ пустошь кармышанская, а въ ней 120 четей новокрещеномъ Васкѣ Иванову да Семейкѣ Иванову да Васкѣ Андрееву; а по новому письму и мѣрѣ въ томъ ево помѣстьѣ пашни пахатныя и перелогу и лѣсомъ поросло 53 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, и сверхъ ево дачи примѣрено пашни пахатныя и перелогу и лѣсомъ поросло доброй земли 33 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ; въ той же деревнѣ Озякъ жеребей въ помѣстьѣ за служилымъ новокрещеномъ за Яковкомъ Ивановымъ дѣда и отца ево помѣстье, а на его жеребей пашни пахатныя и перелогу и лѣсомъ поросло 10 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ по ево сказкѣ по рѣчкѣ 1ѣ по обѣ стороны 20 копенъ, а по новому письму и мѣрѣ пашни паханыя и перелогу и лѣсомъ поросло доброй земли 27 четей безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ, всего въ деревнѣ Озякъ за служилыми новокрещены за двумя человѣки въ помѣстьѣ два жеребья по новому письму и мѣрѣ пашни паханыя и перелогу и лѣсомъ поросло доброй земли 80 четей въ полѣ, а въ дву потому жъ. И въ нынѣшнемъ въ 1667 году іюня въ 29 день по приговору боярина и воевод князя Григорья Семеновича Куракина, стольника Михаила Петровича Головина дьяковъ Артемья Козлова Романа Табунцова въ деревнѣ Озякъ помѣстье послѣ Бориска Семенова пашни и перелогу и лѣсомъ поросло на 53 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потому жъ съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи справлено за сыномъ ево за Микиткою Борисовымъ, а Якушка Иванова помѣстье въ той же деревнѣ пашни и перелогу и лѣсомъ поросло на 27 четей безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи справлено за братомъ ево за Ивашкомъ Ивановымъ въ помѣстье, и служилыхъ новокрещеновъ въ деревнѣ Озякъ помѣстными своими жеребьи Микиткѣ на 53 чети съ третникомъ, а Ивашку на 27 четей безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи владѣть, и которые крестьяне въ тѣхъ помѣстьяхъ нынѣ живутъ и впредь учнутъ жить помѣщиковъ Микитки Борисова и Ивашка Иванова слушалибъ и пашню на нихъ пахали и всякіе ихъ помѣщиковъ доходы платили, чѣмъ кого они пооброчатъ, до тѣхъ мѣстъ, какъ за ними тое помѣстную землю опишутъ и измѣрятъ большіе писцы и мѣрщики и учинятъ за ними пашней и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей по указу. Къ сей грамотѣ великаго государя царя и вели-

каго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца печать царства Казанскаго приложилъ боярин и воевода князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, лѣта 1667 г. іюля въ 17 день.

На оборотѣ: дьякъ Артемій Козловъ справилъ.

Списано съ подлиннаго свитка, хранящагося у крещенаго татарина деревни Нижняго Азяка Терентія Васильева

21-го іюля 1870 г.

10.

По государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца указу, стольникъ и воевода князь Юрій Петровичь Трубецкой, окольничей Никита Михайловичъ Боборыкинъ, дьяки Аѳанасій Ташлыковъ, Юрій Блудовъ дали грамоту служилымъ новокрещеномъ арскія дороги деревни Озякъ Микиткѣ Борисову да Ивашку Иванову на помѣстную ихъ землю въ той деревнѣ Озякъ, которая земля была у нихъ въ спорѣ съ ясачными новокрещены тоежъ деревни съ Микиткою Ивановымъ съ товарищи для того, въ нынѣшнемъ въ 1668 годѣ маія въ 5 день били челомъ великому государю они Микитка и Ивашко: въ прошломъ де во 1666 г. и въ нынѣшнемъ (1667 и 1668) годахъ по приговорамъ боярина и воеводы князя Григорія Семеновича Куракина съ товарищи да стольника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкаго, окольничего Никиты Михайловича Боборыкина, дьяковъ Аѳанасья Ташлыкова, Юрья Блудова велѣно имъ владѣть помѣстьемъ Микиткѣ Борисову послѣ отца его Бориска, а Ивашку послѣ брата Якушка въ деревнѣ Озякъ на 80 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ. А о томъ де ихъ помѣстьѣ били челомъ великому государю ясачные новокрещены той же деревни Микитка Ивановъ съ товарищи и отдѣльщикъ де имъ на то помѣстье Артемій Пелепелицинъ былъ, а вводныя грамоты имъ съ тѣхъ отдѣльныхъ книгъ по межамъ, которыя межи писаны въ тѣхъ книгахъ, не дано, и великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ имъ на ту ихъ помѣстную землю и на меленку мутовку съ отдѣльныхъ книгъ Артемія Пелепелицына дать вводную грамоту. И въ прошломъ въ 1667 и въ нынѣшнемъ 1668 годахъ по приговорамъ боярина и воеводы князя Григорія Семеновича Куракина съ товарищи да стольника и воеводы князя Юрія Петровича Трубецкаго, окольничего Никиты Михайловича Боборыкина, дьяковъ Аѳанасія Ташлыкова, Юрья Блудова, велѣно въ деревнѣ Озякъ помѣстною землею владѣть служилымъ новокрещеномъ Микиткѣ Борисову да Ивашку Иванову по писцовымъ книгамъ по прежнему, а по писцовымъ книгамъ писцовъ Семена Волынскаго съ товарищи написано: въ деревнѣ Озякъ за служилыми новокрещены за Бориском Семеновымъ да за Якушкомъ Ивановымъ пашни пахатныя и перелогу и лѣсомъ поросло добрыя земли 80 четей въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣнныхъ покосовъ 160 копенъ, а въ отдѣльныхъ книгахъ Артемія Пелепелицина прошлаго 1667 года написано: отдѣлилъ онъ Артемій при сторонникъ людяхъ служилымъ новокрещеномъ

дерезни Озякъ пашни пахатныя и перелогу и зарослей Микиткѣ Борисову, на 50 на 3 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, а Ивашку Иванову на 30 на 3 чети съ третникомъ, обосво опредѣлено Микиткѣ и Ивашку 80 на 7 четей безъ третника въ полѣ, а въ дву по томужъ, и сверхъ писцовыхъ книгъ написалъ онъ Артемій за Микиткою и за Ивашкомъ въ деревнѣ Озякъ лишку 7 четей безъ третника въ полѣ, а въ дву по томужъ, а почему онъ Артемій за ними Микиткою и за Ивашкомъ тѣ лишніе чети написалъ, и того въ тѣхъ ево одѣльныхъ книгахъ имянно не написано; да въ тѣхъ же ево Артемьевыхъ отдѣльныхъ книгахъ написано: межи помѣстью служилыхъ новокрещеновъ Микитки Борисова да Ивашки Иванова—деревня Озякъ съ ясачными новокрещены и съ чувашею деревни Утни старой и деревни Крылай за рѣчкою Озякомъ, повыше служилыя деревни Озякъ, а пониже ясачныя деревни новокрещеновъ деревни Озякъ на логу подлѣ самой рѣчки Озяка поставленъ столбъ, а съ того столба указываетъ къ горѣ на столбъ же, а тотъ столбъ стоитъ у полевой дорожки, а на столбѣ грань, а съ того столба, указываетъ на стоячій камень, а тотъ камень изстари стоитъ у полевой дорожки, а отъ камени поставленъ середь поля столбъ, а на немъ грань, а отъ столба указываетъ по лѣсъ на дубъ, а на дубу по обѣ стороны грани, а дубъ суховерхъ, а съ дуба указываетъ въ лѣсъ на вязъ а на вязу грань, а отъ рѣчки Озяка на правѣ грани земля служилыхъ новокрещеновъ Микитки Борисова да Ивашка Иванова, а на лѣвѣ земля ясачныхъ новокрещеновъ Микитки Иванова съ товарищи, межа тѣхже служилыхъ новокрещеновъ съ ясачною чувашею деревни Старой Утни за врашкомъ въ лѣску дубъ, а на немъ грань, а отъ того дуба и отъ грани на дубъ же, а тотъ дубъ стоитъ въ кустахъ, а отъ того дуба на дубъ же, что близко прясель деревни Озяка, а на дубу грань, а съ того дуба прямо по прясла что стоятъ межъ деревни служилыхъ новокрещеновъ и деревни Утни Чувашъ, а съ прясла на дубъ а на дубу по обѣ стороны грани, а съ того дуба на сосну, а на соснѣ по обѣ стороны грани, а отъ сосны указываетъ черезъ прясла середь Озякъ рѣчку на сухой врагъ, что въ межахъ служилыхъ новокрещеновъ Микитки Борисова да Ивашка Иванова съ чувашею деревни Крылай, а врагомъ вверхъ до лѣсу и въ лѣсъ, а отъ рѣчки Озяка на правѣ земля служилыхъ новокрещеновъ, а на лѣвѣ земля ясачныя чуваши деревни Крылай, межа ихъ же служилыхъ новокрещеновъ Микитки Борисова да Ивашка Иванова межъ земли служилова новокрещена Васки Иванова отъ рѣчки Озяка по ниже дворовъ Микитки Борисова да Ивашка Иванова вверхъ по ключу Ускунари по лѣвой сторонѣ и усадъ и земля Микитки Борисова да Ивашка Иванова, а на лѣвѣ земля служилова новокрещена Васки Иванова, а въ вершинѣ ключа Ускунари за полемъ сѣнные покосы разчистные по сказкѣ старожильцовъ, что тѣ сѣнные покосы Микитки Борисова да Ивашка Иванова, а по смѣтѣ тѣхъ сѣнныхъ покосовъ на сорокъ копенъ, а черный лѣсъ у служилыхъ и ясачныхъ новокрещеновъ и съ чувашею вопчъ (общій), и сѣнные покосы по рѣчкѣ Озякъ и около поля. И которые крестьяне въ томъ ихъ Микиткине и Ивашкове помѣстьѣ въ деревнѣ нынѣ живутъ и впредь учнутъ жити, помѣщиковъ служилыхъ новокрещеновъ Микитки Борисова да Ивашка Иванова слушали (бы) пашню на нихъ пахали и

доходъ имъ помѣщикомъ платили, чѣмъ они кого поопрочатъ, до тѣхъ мѣстъ, какъ за ними то помѣстье опишутъ и измѣряютъ большіе писцы и мѣрщики и учинятъ за ними пашни по указу великаго государя. Къ сей грамотѣ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца печать царства казанскаго приложилъ стольникъ и воевода князь Юрій Петровичъ Трубецкой, лѣта 1668 г. августа въ день.

(Печать приложена изъ чернаго воску не большая на томъ мѣстѣ, гдѣ означенъ день мѣсяца. На печати видѣнъ крылатый змѣй—гербъ казанскій).

Списано съ подлиннаго свитка (около 12 четвертей въ длину и около одной четверти въ ширину), хранящагося у магометанина изъ деревни Сердабражки Сагита Хусеинова. На оборотѣ свитка слѣдующая надпись: дьякъ Аѳонасій Ташлыковъ. Справилъ сей указъ Тютчевъ.

11.

Начала нѣтъ.

. . . . . .

что дѣды и отцы ихъ Ишкейко Досаева, Апанка Ишкеева, Иштерячка, да Аитка Шигаевыхъ были служилые татаровя Еналейко, да Кулмаметко Ахмаметевъ, а челобитчикомъ Ишкейко Иштерячку, и Аитку дѣдъ, да въ розборной же десятинѣ боярина и воеводы князя Бориса Михайловича Лыкова съ товарищи 1622 году написанъ въ службѣ Урекейко Еналеевъ, Чепайко Исекеевичъ, а имъ и Ишкейку. Иштерячку и Аитку братья Ачепайко Исекеевъ, Апанку Ишкееву дѣдъ, а что по другому приговору стольника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкаго съ товарищи велѣно имъ татарамъ быть въ Посадѣ и тягло всякое платить съ посадскими людьми и тотъ приговоръ отставили, потому въ прошломъ 1669 году августа въ 5 день въ грамотѣ Государя и Царя и великаго Князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержца писано въ Казань къ стольнику и воеводамъ ко князю Юрью Петровичу Трубецкому съ товарищи по челобитью казанскихъ служилыхъ Слободскихъ татаръ Ишкейка Досаева, Апанка Ишкеева, Иштерячка, да Аитка Шигаевыхъ написано: по указу вел. Государя велѣно имъ татарамъ Ишкейку съ товарищи четыремъ человѣкамъ по розыску боярина и воеводы князя Григорья Семеновича Куракина съ товарищи быть въ службѣ по прежнему, потому что отцы и дѣды ихъ написаны въ службахъ въ 1614 г. и въ 1622 г. и въ 1651 годехъ, да и потому тѣмъ служилымъ Слободскимъ татарамъ Ишкейку Досаеву, Апанку Ишкееву, Иштерячку, да Аитку Шигаевымъ велѣно быть въ служилыхъ по грамотѣ великаго Государя и по приговорамъ боярина и воеводы Глѣба Ивановича Морозова съ товарищи и боярина Князя Григорья Семеновича

Куракина съ товарищи, и по прежнему приговору стольника и воеводы князя Юрья Петровича Трубецкаго съ товарищи, а другой приговоръ стольника князя Юрья Петровича Трубецкаго съ товарищи отставленъ, для того что по тому приговору велѣно имъ быть въ Посадѣ; по грамотѣ великаго государя въ прошломъ въ 1654 году ноября 24 дня, а въ грамотѣ вел. государя написано: указалъ великій государь и бояре приговорили татарскую слободу съ людьми и землею взять въ посадъ въ тягло, и слободскимъ татарамъ сказаться посадскими людьми; всякія вел. государя службы служить и тягло тянуть напередъ сего и въ служилыхъ татарехъ имъ не быть, что настари они были въ посадѣ, а въ службу тѣ татаровя поверстаны въ новѣ въ 1621 году и по переписнымъ земскимъ книгамъ. А вел. государя въ грамотѣ того не написано, что съ 1614 году по 1621 годъ были въ службѣ и въ разборныхъ десятинахъ написаны и службу служили и нынѣ служатъ, а въ земскихъ переписныхъ книгахъ они написаны въ посадъ послѣ разборныхъ десятинъ 1614 и 1622 годовъ и дву боярскихъ приговоровъ князя Бориса Михайловича и Глѣба Ивановича невѣдомо почему. И въ нынѣшнемъ въ 1670 г. генваря въ 26 день бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ, стольникъ князь Алексѣй Нефедьевичъ Щербатовъ, дьяки Герасимъ Головинъ, Микифоръ Бакунинъ по розборнымъ десятинамъ 1614 и 1622 годовъ и по приговорамъ боярина князь Бориса Михайловича и Глѣба Ивановича Морозова съ товарищи и боярина князя Григорья Семеновича Куракина съ товарищи и по прежнему приговору стольника князя Юрья Петровича Трубецкаго съ товарищи тѣмъ служилымъ татарамъ Ишкейку Досаеву, Апанку Ишкееву, Иштерячку и Аитку Шигаевымъ велѣно быть въ служилыхъ татарехъ, а отъ посаду ихъ освободить, чтобъ впередь имъ отъ земскихъ людей никакого утѣсненія не было, и видя бъ великаго государя милости, они къ себѣ и впередь надѣялись и службу служили служилыхъ татаръ и быть имъ въ служилыхъ Ишкейку Досаеву Апанку Ишкееву, Аитку Шигаеву вмѣсто великаго государя денежнаго и хлѣбнаго жалованья торговать всякими товары и съ торговъ пошлины платить, а Иштерячку Шигаеву служить великаго государя службу съ помѣстья своего. Къ сей памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца печать царства Казанскаго приложилъ бояринъ и воевода Петръ Васильевичъ Шереметевъ.

(Эта не цѣлая «память» доставлена казанскимъ купцомъ Рязановымъ).

12.

Храмовданная грамота 1678 г. Августа 12 о построеніи въ Казани церкви во имя Знаменія Богоматери

Божіею милостію смиренный преосвященный Іоасафъ, Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій. Били челомъ намъ церкви Вознесенія Господня попъ Андрей Аникіевъ съ прихожаны, а въ челобитьѣ ихъ написано: прихожанинъ де ихъ Казанецъ Андрей Ѳедоровъ сынъ Лоткинъ, по обѣ-

шанію своему, построилъ въ приходѣ у нихъ церковь каменную, холодную, во имя Вознесенія Господня; а по благословенной де нашей грамотѣ велѣно ему построить тое каменную церковь съ предѣлы Гурія и Варсонофія Казанскихъ чудотворцовъ да святаго блаженнаго Василія Московскаго чудотворца, и тѣ де предѣлы противъ благословенной нашей грамоты не построены за утѣсненіемъ церковнаго мѣста, а нынѣ де обѣщался онъ же Андрей Лоткинъ построить церковь Божію древяную, во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы да въ предѣлѣхъ Гурія и Варсонофія и Гермона казанскихъ чудотворцовъ; и намъ бы ихъ пожаловать, велѣть имъ на то церковное строеніе дать нашу благословенную грамогу. И азъ Божіею милостію смиренный преосвященный Іоасафъ Митрополитъ Казанскій и свіяжскій, благословилъ и велѣлъ тое церковь Божію строить древяную, во имя Знаменія Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлѣ Гурія и Варсонофія и Гермона Казанскихъ Чудотворцовъ, и къ тому церковному строенію тесъ и бревна возить и готовить, и церковь Божію строить по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ, чтобъ была о пяти верхахъ, а не шатромъ, три алтари выводные круглые, прирубные, въ большомъ олтарѣ три окна, въ меншихъ дву олтарѣхъ по единому окну, а престолъ дѣлать единъ въ большомъ олтарѣ о пяти столпахъ, въ среднемъ пятомъ столпѣ учинить гробъ, въ немъ же полагаются мощи святыхъ, а въ олтарь бы были трои двери, царскіе, сѣверные, южные, а въ церквибъ троижь двери, сѣверные, южные, западные, передъ западными дверми папертъ; а въ церкви у царскихъ дверей въ началѣ поставить образъ Всемилостиваго Спаса, а подлѣ Спасова образа настоящая храмовая икона образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, а по лѣвую страну царскихъ дверей образъ пречистыя Богородицы и прочихъ Святыхъ ставить, по чину; а предѣлъ строить на отводныхъ папертяхъ, за церковною стѣною. И какъ церковь въ совершеніи будетъ со всѣмъ церковнымъ украшеніемъ, и намъ о томъ учинить имъ вѣдомо, и мы велимъ дать антиминсы, и мощи Святыхъ, и муро, и масло, и по правиломъ святыхъ Апостолъ и Богоносныхъ отецъ освятить, якоже достоитъ. Къ сей благословенной грамотѣ преосвященный Іоасафъ, Митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, велѣлъ печать свою приложить. Лѣта 1678 Августа въ 12 день [1]).

Передамъ нѣсколько свѣдѣній о родѣ Лоткиныхъ. Въ 1595 г. царь Ѳеодоръ Іоанновичъ пожаловалъ Ѳедора да Филиппа Лоткиныхъ помѣстьемъ отца ихъ Захара Лоткина въ деревняхъ Тогашевѣ да Кулаевѣ. А самому Захарью Лоткину дано было еще въ 1585 г. помѣстье въ деревнѣ Кулаевѣ изъ земель, отписанныхъ на Государя. Филиппъ Захарьевъ Лоткинъ въ 1605 г. былъ посланъ на Государеву службу, на Терекъ

[1]) Подлинникъ грамоты писанъ столбцемъ, на двухъ вмѣстѣ склеенныхъ листкахъ. Въ концѣ приложена краснаго воску печать, съ изображеніемъ благословящей руки и надписью вокругъ: Божіею милостію смиренный Іоасафъ, митрополитъ казанскій. Срав. Акт. юридич. издан. Археогр. коммиссіей Спб 1838 г. № 380 стр. 400—401.

и въ 1610 г. его занесло въ море, не извѣстно куда. Ѳедора Лоткина убили въ Казани съ бояриномъ Богданомъ Яковлевичемъ Бѣльскимъ «съ роскату». У Ѳедора Захарьева Лоткина былъ жена Татьяна и дѣти Андрей и Ѳедоръ и двѣ дочери; а у Филиппа Лоткина былъ сынъ Яковъ. Послѣ отцовъ своихъ Лоткины остались малы. На наслѣдственное помѣстье въ Кулаевѣ (казанскаго уѣзда), на 114 четьи съ осьминою дана была имъ ввозная грамота. Впрочемъ помѣстье полюбовно раздѣлено было наслѣдникамъ Лоткинымъ въ 1604 г. У Андрея Ѳедорова Лоткина были казанскіе подгородные (послѣ отца) сѣнные покосы 90 копенъ, на коп дана межевая выпись въ 1654 г., и у брата его Ѳедора Ѳедорова Лоткина были также сѣнные покосы [1]). Въ 1645 г. сентября 14 дня, по указу Алексѣя Михайловича, былъ наказъ стольника и Казанскаго Воеводы князя Пронскаго Сотенному Головѣ Андрею Ѳедоровичу Лоткину, чтобы онъ шелъ съ своею сотнею съ новокрещенами и съ татарами за Каму рѣку въ Ахтачинскій острожекъ противъ Калмыковъ и Нагайцевъ, которые шли по Ику рѣкѣ въ вершину рѣки Зан на Русскія, Чувашскія и Мордовскія деревни Казанскаго уѣзда [2]).

Въ 1860—1870 гг. сильнымъ громовымъ ударомъ въ оградѣ казанскаго Спасопреображенскаго монастыря сдѣланъ былъ, почти прямо церковнаго алтаря и келліи св. Гурія, небольшой провалъ, въ родѣ обрушившейся могилы и въ этомъ провалѣ усмотрѣнъ былъ нагробный, въ родѣ небольшой плиты, камень, на космъ оказалась слѣдующая надпись:

«Въ 1712 г. † мѣсяца сентябрія въ 4 числѣ на память святаго священномученика Вавила Епископа великія Антіохіи и святаго Пророка и Боговидца Моусея въ четвертокъ въ 5 часу преставися рабъ Божій со..... Василій Ѳедоровичъ Лоткинъ, а погребенъ Тихономъ Митрополитомъ мѣсяца Октоврія 7 день. На семъ мѣстѣ тѣло его погребено.

Плита въ длину 1 аршинъ, ширины 2½ четверти. Подчеркнутыя слова на плитѣ выкрошились; и нами возстановлены, а подъ начавшимся слогомъ со..... быть можетъ слѣдуетъ разумѣть сотенный Голова.

Въ Казанской губерніи есть деревня Лоткино (лаишевскаго уѣзда) и Лоткинскій выселокъ [3]).

18.

Лѣта 1684 г. іюля въ 22 день по указу вел. государей царей и вел. князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцевъ бояринъ и воеводы князь Володиміръ Дмитріевичъ Долгоруковъ съ товарищи дали данную на огородное мѣсто слободскому

[1]) См. Акты юридич. Спб. 1838 г. № 166 и 167 стр. 186—189.
[2]) См. Акты Арх. Экспед. т. IV, № 2, стр. 1.
[3]) См. Списокъ населен. мѣстъ: казанская губернія. Спб. 1866 г. №№ 911 и 951.

служилому татарину Ишмаметку Шанчурину для того, въ нынѣшнемъ въ 1684 году іюля въ 5 день билъ челомъ великимъ государемъ онъ Ишмаметко, въ прошлыхъ де годехъ отведено имъ старожильцамъ дѣдомъ и отцамъ ихъ слободскимъ служилымъ татарамъ подъ дворы бѣлые мѣста, и послѣ де того около татарской слободы поставленъ острогъ и ихъ братья за острогомъ по сю сторону села Плетеней огородили огороды, а у него де огорода, на томъ мѣстѣ неогорожено, а есть де порожнее мѣсто за татарскимъ острогомъ за полеными вороты по луговой дорогѣ въ межахъ подлѣ огорода Ямки Ишмекеева, а по другую сторону огородъ Кайбулки Ишмаметева, и великіе государи пожаловалибъ его велѣли за острогомъ на тѣхъ старинныхъ данныхъ мѣстахъ противъ ихъ братьи огородить огородъ, а по осмотру городничего Осипа Бѣлавина въ мѣжахъ то мѣсто подлѣ огорода служилаго слободскаго татарина Кайбулки Ишмаметева, по другую сторону Ямки Ишмекеева мѣрою въ длину 30 саженъ, поперегъ 16 саженъ въ трехъ аршинную сажень. И по сказкѣ слободскихъ татаръ Ишбулатка Абыза съ товарищи, чтоде то мѣсто издавна лежитъ впустѣ, никто не владѣетъ, и по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцевъ ему Ишмаметку тѣмъ огороднымъ мѣстомъ владѣть, буде спору и челобитья впередь о томъ мѣстѣ ни отъ кого не будетъ. Дьякъ Ѳедоръ Мартыновъ; на оборотѣ: смотрѣлъ Тимоха Звѣревъ.

14.

1686 года іюля въ 9-й день по указу великихъ Государей Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и Бѣлыя Росіи самодержцевъ дана выпись Спаса Новаго монастыря приписнаго Троицкаго Ураевскаго монастыря Строителю старцу Герасиму да казначею старцу Ѳеранонту съ братьею, съ межевыхъ книгъ Григорья Соковнина да приказные Полаты подъячего Степана Иванова, прошлаго 1684 г. на пашенную ихъ землю и на сѣнные покосы и на всякіе угодья и на рыбныя ловли, что на Камѣ рѣкѣ на заводъ Сулень съ западными—и съ источными озерки да на заводъ Лозинскую да промежъ суленскимъ устьемъ и лозинскимъ на заводъ на дреставѣ, да за Камою рѣкою противъ суленскихъ горъ и монастыря на песокъ до истоку, что изъ садоваго озера да на озеро бѣлое и на сѣнные покосы, что за Камою же рѣкою межъ Шанталки рѣчки и вверхъ Шанталкою рѣчкою садоваго истоку до каракулина озера, которые въ ихъ монастырскихъ урочищахъ, да того же Троицкаго Ураевскаго монастыря деревни Дикаго Поля на пашенную землю и на сѣнные покосы для того, въ нынѣшнемъ въ 1686 году іюля въ 7 день били челомъ Великимъ

Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцемъ Строитель старецъ Герасимъ да казначей старецъ Ѳерапонтъ съ братьею: въ прошломъ де въ 1684 году по указу Великихъ Государей и по челобитью Спаса Новаго Монастыря Архимандрита Игнатія да келаря старца Германа Лутохина со братьею, прислана въ Казань Великихъ Государей грамота къ боярину и воеводѣ ко князю Володимеру Дмитріевичу Долгоруково, велѣно противъ ихъ челобитья и жалованныя грамоты межовщикомъ отмежеванье ихъ монастырскаго приписнаго Троицкаго Ураевскаго монастыря и деревни Дикаго Поля пашенной земли и рыбныхъ ловель и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій учинить по наказу, а съ жалованной грамоты присланъ подъ грамотою Великихъ Государей списокъ за дьячею приписью и для межеванія того Троицкаго Монастыря и деревни Дикаго Поля пашенной земли и рыбныхъ ловель и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій посланъ изъ Казани Григорій Степановъ сынъ Соковнинъ да приказныя Палаты подъячій Степанъ Ивановъ. И Григорій Соковнинъ да подъячій Степанъ Ивановъ того ихъ Троицкаго Ураевскаго монастыря и деревни Дикаго Поля пашенную землю и сѣнныя покосы и рыбныя ловли и всякія угодья по жалованной грамотѣ и по инымъ крѣпостямъ ото всякихъ чиновъ людей отмежевалъ и межевыя книги въ Казани въ Приказной Палатѣ поданы, и въ прошломъ въ 1685 году по челобитью Спаса Новаго монастыря Архимандрита Игнатія да Келаря Гермона Лутохина съ братьею съ тѣхъ Григорьевыхъ межевыхъ книгъ дана была выпись и они тое выпись взяли къ Москвѣ, а списка съ той выписи не оставили, а нынѣ де пріѣхали въ Казань писцы, а у нихъ де съ Григорьевыхъ книгъ Соковнина выписи нѣтъ, и Великіе Государи пожаловали бы ихъ велѣли съ тѣхъ Григорьевыхъ межевыхъ книгъ дать имъ впредь для владѣнія выпись, и въ прошломъ въ 1684 году Ноября 21 день въ грамотѣ Великихъ Государей Царей и Великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ писано въ Казань къ Боярину и Воеводѣ Князю Володимеру Дмитріевичу Долгоруково, били челомъ Великимъ Государемъ Спаса Новаго монастыря Архимандритъ Игнатій да келарь Варлаамъ Бакинъ съ братьею, въ прошломъ де въ 1625 году по указу блаженныя памяти Великаго Государя царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи самодержца приписанъ къ Спаскому Новому монастырю въ Казанскомъ уѣздѣ Троицкой Ураевскій монастырь со крестьяны и съ рыбными ловлями и съ пашнею и со всякими угодьи, и въ прошломъ же 1674 году по указу блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца дана имъ вновь жалованная грамота, а въ той жалованной грамотѣ написано велѣно имъ про монастырской обиходъ въ рѣкѣ Камѣ и въ Волгѣ рыбу ловить противъ иныхъ монастырей пятью связками да на Урайкѣ рѣчкѣ мельница поставить, пріискавъ мѣсто, да по выписи 1615 году за приписью дьяка Ѳедора Лихачева и за печатью царства Казанскаго рыбныя ловли на заводь сулень и съ западными и съ источными озерки да на заводь лозинскую да промежъ суленскимъ устьемъ и лозинскимъ заводь на дрествѣ, да за Камою

рѣкою противъ суленскихъ горъ и монастыря на пески, а за нимъ подваль-
ье до истоку, что изъ садоваго озерка да за Камою же рѣкою противъ Анатыш-
скія рыбныя Слободы на озеро бѣлое и на пустое мѣсто и на сѣнные поко-
сы и на черной лѣсъ, а того лѣсу на полторы версты, и въ прошломъ же
въ 1680 году по указу 1680 г. блаженныя памяти великаго Государя Царя и
великаго князя Оедора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи
самодержца та жалованная грамота на сво великаго Государя имя подпись-
на, а въ прошломъ де въ 1683 году та жалованная грамота на ихъ великихъ
Государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алек-
сѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ имя под-
писана же, и по той жалованной грамотѣ рыбными ловлями и паш-
ней и сѣнными покосы монастырскіе крестьяня владѣли изстари, а
нынѣ де въ томъ монастырѣ чинятся споры ото всякихъ чиновъ лю-
дей, а по указу де великихъ государей посланы въ Казань межов-
щики для межеванія спорныхъ земель, да они же владѣютъ изстари
сѣнными покосы за Камою рѣкою и межъ Шанталки рѣчки вверхъ шан-
талкою рѣчкою садоваго истоку до каракулина озера въ своихъ же монастыр-
скихъ урочищахъ, а великихъ государей указѣ и въ боярскомъ приговорѣ
прошлаго 1683 г. іюля въ 20 день написано: за патріархомъ и за митрополиты
и за архіепископы и Епископы и за монастыри прописныя земли, кои въ
межахъ и за межами, велѣно справливать, которыми землями изстари владѣ-
ютъ не отымать, а въ прошлыхъ годѣхъ съ жалованныя грамоты списки за-
ихъ архимандричьи руками въ приписной ихъ Троицкой Ураевской мона-
стырь для спору посланы и тому не вѣрятъ, а просятъ великихъ государей
подлинной жалованной грамоты, а въ прошломъ де 1673 г. подлинную ве-
ликихъ государей жалованную грамоту везли изъ приписнаго Ураевскаго
монастыря крестьяня Гришка Савинъ съ товарищи въ Казань положить
для береженья боясь воровскихъ людей, и на камскомъ устьѣ наѣхавъ на
нихъ воровскіе люди и ихъ поймавъ били и грабили, и тое великихъ госу-
дарей жалованную грамоту взяли, и нынѣ они подлинной великихъ государ-
ей жалованной грамоты посылать также опасаются воровскихъ людей, и ве-
ликимъ государемъ пожаловать бы ихъ велѣли приписной Троицкой Ураев-
ской монастырь со крестьяны и съ Дикимъ Полемъ и съ рыбными ловлями
въ Камѣ рѣкѣ и въ Волгѣ и съ западными озерки и съ истоки и съ сѣн-
ными покосы и съ черными лѣсомъ, коими покосы того монастыря крестья-
ня изстари владѣли доста девяноста втораго году, отмежевать и велѣти бы
у нихъ взять съ жалованной грамоты списокъ и послать въ Казань для меже-
ванія за дьячьею приписью, а подлинную великихъ государей жалованную
грамоту оставить у нихъ въ Спасскомъ монастырѣ для береженья, и о томъ
въ Казань дать имъ великихъ государей грамоту и тотъ ихъ приписной
Троицкой Ураевской монастырь со крестьяны и съ рыбными ловлями и съ
озеры и съ истоки и сѣнными покосы и со всѣми угодьи по жалованной
грамотѣ и по указу великихъ государей и по боярскому приговору прошлаго
1683 г. іюля съ 20 числа ото всякихъ чиновъ людей отмежевать, а въ Казан-
скомъ приказѣ Спаса Новаго монастыря власти клали къ дѣлу жалованную
грамоту 1674 году, и съ той жалованной грамоты взять у нихъ къ дѣлу Спи-

сокъ, а подлинная справя съ спискомъ по указу великихъ государей отдана въ Спасской монастырь по прежнему, и по той великихъ государей грамотѣ велѣно противъ челобитья и жалованной грамоты Спаса Новаго монастыря властей межевщикомъ о межаваньѣ учинить по наказу, а съ жалованныя грамоты посланъ подъ грамотою великихъ государей списокъ за дьячьею приписью, а въ спискѣ съ жалованной грамоты прошлаго 1674 году, какова присланъ съ Москвы подъ грамотою великихъ государей за приписью дьяка Ивана Кучецкаго написано: въ прошломъ 1664 году били челомъ великому государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу Спаса Новаго монастыря Архимандритъ Прохоръ да Келарь старецъ Іоакимъ Савеловъ съ братьею, приписанъ де къ Спасскому Новому монастырю въ казанскомъ уѣздѣ Троицкой Ураевской монастырь со крестьяны и со всякими угодьи, а блаженныя памяти великаго Государя Царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца жалованная грамота, какова прежнимъ Ураевскаго монастыря властемъ на вотчины и на рыбныя ловли и на всякія угодья дана за красною печатью, нынѣ гораздо ветха и изотлѣла и тое жалованную грамоту положили передъ великимъ государемъ, а въ грамотѣ написано блаженныя памяти великій государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ пожаловалъ казанскаго уѣзду живоначальныя Троицы Ураевскія пустыни съ Камы Строителя Конона съ братьею, или кто по немъ въ той пустыни иные строители и братья будутъ, въ прошломъ въ 1624 году положили они блаженныя памяти передъ великимъ государемъ и великимъ княземъ перед Михаиломъ Ѳедоровичемъ всеа Русіи самодержцемъ грамоту 1614 году за приписью дьяка Аѳанасья Истомина, а въ той грамотѣ написано: велѣно имъ про монастырской обиходъ въ Камѣ и въ Волгѣ рыбу ловить противъ иныхъ мотастырей пятью связками да имъ же велѣно поставить мельница на Урайкѣ рѣчкѣ, гдѣ они мѣсто пріищутъ, да грамоту же 1614 году на тѣ же на пять связокъ да въ той же грамотѣ написано: кто ихъ монастырскихъ ловцовъ тѣми пятью связками учнутъ рыбу ловить и съ тѣхъ ихъ ловцовъ на обиходъ великаго государя вешныя и осеннія ни какой рыбы имать не велѣно, да выпись 1615 году, за приписью дьяка Ѳедора Лихачева за печатью царства казанскаго на рыбныя ловли на заводь судень съ западными и съ источными съ озерки да на заводь лозинскую да промежъ суленскимъ устьемъ и лозинскимъ заводь на дрествѣ, да за Камою же рѣкою противъ суленскихъ горъ и монастыря на пески, а занимъ подвалье до истоку, что изъ садоваго озерка да за Камою же рѣкою противъ Анатышскія Рыбныя Слободы на озеро бѣлое, а велѣно имъ въ тѣхъ водахъ на церковное строеніе и на монастырскій обиходъ рыбу ловить безоброчно, а дана имъ та выпись съ грамоты 1615 году, да они же положили другую выпись 1615 же года за приписью дьяка Ѳедора Желничева за печатью царства казанскаго на пустое мѣсто и на сѣнные покоси и на черный лѣсъ, а того лѣсу на полторы версты, а дана имъ та выпись съ грамоты 1615 же году да они же положили грамоту 1616 году за приписью дьяка Богдана Губина на рыбную ловлю [на песокъ, что за Камою рѣкою

противъ ихъ монастыря. и блаженныя памяти великій Государь Царь и великій князь Михаило Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и великій Государь святѣйшій Филаретъ Никитичъ Патріархъ Московскій всеа Русіи, Казанскаго уѣзду Живоначальныя Троицы Ураевскія пустыни строителя Конона съ братьею пожаловали велѣли имъ тѣ грамоты и выписи переписать вновь на свое государское имя и дати имъ тое свою государскую жалованную грамоту и будетъ они по тѣмъ грамотамъ и по выписямъ за печатью царства казанскаго тѣми рыбными ловлями въ рѣкѣ Камѣ и въ Волгѣ и пескомъ и пустымъ мѣстомъ и лѣсомъ и мельницею и всякими угодьи владѣли прежъ сего и нынѣ владѣютъ, и тѣми имъ рыбными ловлями и всякими угодьи владѣть по прежнему и по той ихъ государской жалованной грамотѣ кто у нихъ въ той ихъ вотчинѣ учнутъ жити монастырскихъ людей и крестьянъ и съ тое ихъ монастырскія вотчины ни какихъ податей и денежныхъ поборовъ и кавчьихъ хлѣбныхъ запасовъ и кормовъ съ сошными людьми не давать, опричь ямскихъ денегъ и стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и городоваго и острожнаго дѣла, а ямскія имъ деньги и стрѣлецкіе хлѣбные запасы давать и городовое и острожное дѣло дѣлать по писцовымъ и подворнымъ книгамъ съ живущаго съ сошными людьми вмѣстѣ, да въ спискѣ съ выписи, какову положилъ въ Казани къ дѣлу Троицкаго Ураевскаго монастыря стряпчей Гаврило Никифоровъ прошлаго 1615 году за приписью дьяка Ѳедора Лихачева написано, въ прошломъ въ 1615 году марта въ 18 день въ государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа русіи грамотѣ писано въ Казань къ Боярину и воеводѣ ко князю Ивану Михайловичу Воротынскому да дьяку къ Ѳедору Лихачеву: билъ челомъ государю Ураевскія пустыни старецъ Іосифъ съ братьею, а сказалъ государева де богомолья Ураева пустыня строитца вновь, а чистыя де земли къ той пустыни не дано имъ ни на одну четь, а братіи де и служебниковъ во тое пустыню прибываетъ, а прокормитца де имъ нечѣмъ. Государь бы ево старца Іосифа пожаловалъ въ казанскомъ уѣздѣ пустымъ дикимъ мѣстомъ отъ Государева Дворцоваго села Бетьковъ за лѣсомъ по рѣчкѣ Итеменкѣ вверхъ боярака и до ключа, что противъ Дальныхъ Отмасъ, а изстари де на томъ дикомъ мѣстѣ жильцы не бывали и не приписаны ни къ которымъ деревнямъ, лежитъ въ пустѣ, и по государевѣ грамотѣ буде та пустошь лежитъ въ пустѣ и къ государевымъ дворцовымъ селамъ не приписана и тое пустошь велѣно дать въ Троицкой монастырь въ Ураеву пустыню, и прото мѣсто посылалъ сыскивать изъ Казани Архипъ Якшинъ, а въ сыску ему старожильцы сказали, что де то мѣсто проломило бурею отъ рѣчки итеменки, что за полемъ, отъ села отъ Бетьковъ да и по Шумковское поле, а Отмасскіе Чуваша двухъ деревень пашни пашутъ и сѣно косятъ на томъ дикомъ мѣстѣ не по дачѣ, самовольствомъ, а по дозору и по смѣтѣ на томъ мѣстѣ отъ рѣчки Итеменки и вверхъ боярака пашенной земли сорокъ четей да перелогу и заросли десять десятинъ и обоего шестьдесятъ четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на сто копенъ, да вверхъ того дикаго мѣста къ рѣкѣ Итеменкѣ черного лѣсу на полторы версты. И по государевѣ грамотѣ боярин и воевода Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій да дьякъ Ѳедоръ

Лихачевъ приговорили тое пустошь дать въ Троицкой монастырь Ураевы пустыни. да Ураевскаго же монастыря стряпчей Гаврило Никифоровъ подалъ въ Казани къ дѣлу память, какова послана въ Анатышскую волость къ приказному къ Ѳедору Бурцову, въ прошломъ въ 1673 году за приписью дьяка Никифора Бакунина, а въ той памяти написано въ прошломъ въ 1673 году били челомъ блаженныя памяти великому Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу Спаса Новаго монастыря Архимандритъ Іосифъ да келарь старецъ Варлаамъ Бакинъ съ братіею, по указу де великаго Государя дана имъ въ приписную Ураевскую пустыню великаго государя жалованная грамота на рыбныя ловли, а тѣмъ рыбнымъ ловлямъ межа на Камѣ рѣкѣ заводь Сулень съ западными и съ источными озерами, да заводь лозинская да на луговой сторонѣ Камы рѣки заводь на дреставѣ, которую розмыло въ полую воду и сталъ осередокъ и тѣмъ ихъ водамъ верхняя межа коневаго песку по нижнюю изголовь, а на низъ Камы рѣки на луговой сторонѣ противъ монастыря и суленскихъ горъ песокъ съ подвальемъ и до истоку, что изъ садоваго озерка, и въ прошломъ де въ 1672 году били челомъ великому государю въ Казани Рыбныя Слободы крестьянинъ Костька Филипьевъ сынъ Голышкинъ съ товарищи на тѣ ихъ рыбныя ловли, а въ челобитьѣ своемъ онъ написалъ, будто тѣ рыбныя ловли въ—пустѣ и никто де не владѣетъ и дана де ему Костькѣ на тѣ рыбныя ловли память въ 1672 году и по сыску тѣ ихъ монастырскія, рыбныя ловли отданы имъ въ Ураевской монастырь по прежнему, и чтобы Великій Государь пожаловалъ ихъ велѣлъ имъ въ Рыбную Слободу дать память съ прочетомъ для того, чтобы Рыбныя Слободы Крестьяня впредь не вступались и рыбы ловить въ ихъ монастырскія воды въ тѣхъ межахъ, которыя даны Великаго Государя по грамотѣ, не въѣзжали и рыбы не ловили никакими ловлями и прочетъ память списать списокъ и держать въ приказной избѣ, а подлинную память отдать въ Троицкой Ураевской монастырь Строителю съ братьею, а въ грамотѣ великаго государя, какова дана въ Ураевскую пустыню строителю съ братьею, написано: рыбнымъ ловлямъ межа на Камѣ рѣкѣ заводь сулень съ западными и съ источными озерки, да заводь лозинская да промежь суленскимъ и лозинскимъ устьемъ заводь на дреставѣ, да за Камою рѣкою противъ суленскихъ горъ и монастыря песокъ да за нимъ подвалье до истоку, что изъ садоваго озерка да за Камою же рѣкою противъ Анатышской волости и Рыбной Слободы озеро бѣлое, а вѣлено имъ въ тѣхъ водахъ на церковное строеніе и на монастырской обиходъ рыбу ловить безоброчно и по сыску заводь, что на дреставѣ въ большую воду, розмыло и сталъ осередокъ и велѣно Ураевскаго монастыря строителю съ братьею и крестьяномъ въ тѣхъ водахъ, которыя написаны въ Государевѣ грамотѣ рыбу ловить по прежнему, а Рыбныя Слободы Анатышскія волости и крестьяномъ въ тѣ ихъ воды не въѣзжать и рыбы никакими ловлями не ловить, а въ сыскныхъ и въ дозорныхъ книгахъ Архипа Якшина прошлаго 1615 года написано, пріѣхавъ онъ въ Казанской уѣздъ по нагайской дорогѣ на пустое на дикое мѣсто взялъ съ собою сторонныхъ людей и старожильцовъ села Анатыша старосту Митьку Алек-

сѣева сына прозвище Гребенку, Янку Васильева сына прозвище Полубчика да Куземку Григорьева сына Онулибина тое же волости деревни Урай Митьку Панфильева да Ширяйка Михайлова деревни Шумковы старосту Карпуньку Григорьева да Онтошку Луконанова да... Осипова, села Бетьковъ старосту Сеньку Захарова Кондрашку Иванова сына прозвище Воблаca Янку Шихъ Малѣева, да чувашу тое же Нагайской дороги деревни Яньшиховы Кузегулко Мамкѣева да деревни Меретьевы старосту Ишейка Бекшейкова Илкешка Куйлашева, деревни Малыхъ Салтанъ Янсурку да Байбѣхтку да Инкейка Тикѣевыхъ да Бектемирка Тюгеева да Карманка Мальцова, и съ тѣми сторожильцы того дикаго мѣста дезиралъ и ихъ русскихъ людей по Государеву цареву и великаго Князя Михаила Оедоровича всея Русіи крестному цѣлованію спрашивалъ, а татаръ и Чувашу по ихъ вѣрѣ по шерти, чья та прежь сего пустошь была изстари помѣстная ли или ясашная земля и сколь давно лежитъ въ пустѣ и кто прежь сего владѣлъ ею и къ Государеву дворцовому селу приписана ли и сколь давно лежитъ впустѣ, и въ сыску сказали русскіе люди по государеву цареву и великаго князя Михаила Оедоровича всея русіи крестному цѣлованію, а татара и чуваша по своей вѣрѣ по шерти, что де то дикое мѣсто лежитъ въ пустѣ издавна, а проломило де то дикое мѣсто бурею отъ рѣчки Итеменки, что за лѣсомъ отъ села Бетьковъ да и по Шумковское поле, а Отмасскіе Чуваша дву деревень косятъ сѣно на томъ дикомъ мѣстѣ и пашню пашутъ не по дачѣ, самовольствомъ, а по дозору и по смѣтѣ на томъ мѣстѣ отъ рѣчки Итеменки и сверхъ бояpака и до ключа пашенныя земли на 40 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ да заросляй перелогу на 10 десятинъ въ полѣ, а въ дву потомуже, а сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ, и сверхъ того дикаго мѣста къ рѣкѣ Итеменкѣ чернаго лѣса версты на полторы, а старожильцы указали около того дикаго мѣста межи отъ рѣчки Итеменки дубъ виловатой, а на немъ грань и отъ дуба на березу, что у прясла, а на ней грань же, да на ниву на томъ бояракѣ, что къ ключу дубъ троевиловатой, на немъ грань, а отъ дуба на сухой пень, а на немъ грань, а промежъ тѣмъ дикимъ полемъ и Отмасъ деревни рѣка Отмаска, и въ проломъ во 1684 году марта 21 дня биля челомъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцемъ Спаса Новаго монастыря Архимандритъ Гавріилъ, келарь Варламъ Бакинъ съ братьею, по указу де великихъ государей и по ихъ челобитью прислана въ Казань великихъ Государей грамота къ боярину и воеводѣ ко князю Володимеру Дмитріевичу Долгорукову, а велѣно по той великихъ государей грамотѣ въ Казанскомъ уѣздѣ приписной ихъ Троицкой Ураевской монастырь со крестьяны и съ дикимъ полемъ и рыбными ловлями въ Камѣ рѣкѣ и съ западными озеры и съ истоки и съ сѣнными покосы и съ пашенною землею и съ черными лѣсомъ, которыми владѣютъ того ихъ приписного Троицкаго Ураевскаго монастыря крестьяня изстари по жалованной грамотѣ и по крѣпостямъ, отъ всякихъ чиновъ людей отмежевать, а иныя ихъ монастырскія крѣпости на рыбныя ловли и на пашенныя земли и на сѣнные покосы въ приписномъ ихъ Спасскомъ въ Троицкомъ Ураевскомъ монастырѣ у строителя съ братьею и въ Казани въ приказной Палатѣ отводныя книги казанца Архипа Якшина ихъ монастырской землѣ деревни Дикаго Поля, и великіе

государи пожаловалибъ ихъ велѣли по тѣмъ крѣпостямъ тое ихъ Троицкую Пустыню съ крестьяны и съ пашенною землею и сѣнными покосы и съ рыбными ловлями и съ черными лѣсомъ и со всякими угодьи по жаловапной грамотѣ и по крѣпостямъ и по сыскнымъ и отводнымъ книгамъ Архипа Якшина ото всякихъ чиновъ людей отмежевать и съ тѣхъ бы монастырскихъ крѣпостей взять къ дѣлу списки, а изъ книгъ Архипа Якшина выписать и для межеванья послать изъ Казани дворянина да подъячего, и въ прошломъ де въ 1684году апрѣля въ 29 день по приговору боярина и воеводы князя Володимера Дмитріевича Долгорукова велѣно противъ государевы грамоты тѣ ихъ монастырскіе вотчины отмежевать, а для того межеванья послать изъ Казани дворянина добра да изъ полаты подъячего и въ наказѣ противъ государева указу написать и имянно, и въ межевыхъ книгахъ Григорья Соковнина да приказныя палаты подъячего Степана Иванова прошлаго 1684 году написано: пріѣхавъ они Спаса Новаго монастыря въ приписной Троицкой Ураевскій монастырь на пашенную землю и на сѣнные покосы и на рыбныя ловли и взявъ съ собою того монастыря строителя Макарія да Казначея старца Аврамія да сторонніхъ людей и старожильцовъ и при тѣхъ сторонніхъ людехъ и при старожильцахъ строитель Макарій и казначей Аврамей да дворцоваго села Урая крестьяня Янка Носъ съ товарищи указали монастырской и дворцоваго села Урая пашенной землѣ и всякимъ угодьямъ межи отъ монастырскія Слободки вверхъ по рѣчкѣ Урайкѣ до вязоваго врага, а тѣмъ врагомъ до вершины, а отъ вершины вязоваго врага до урахчинскія дороги, а по врагу вверхъ до дороги урахчинскія на правѣ лѣсъ и пашенная земля Троицкаго Ураевскаго монастыря, а на лѣвѣ земля дворцоваго села Урая, а отъ дороги на право поворотя лѣсомъ на гремячей ключь, что палъ въ рѣчку Ирыксу по конецъ тростянаго озера, а та рѣчка ирыска пала въ ихъ монастырскія рыбныя ловли въ заводь Сулень да рыбныя ловли что на Камѣ рѣкѣ заводь Сулень съ западныхи и съ источныхи озерки да заводь лозинская, что словетъ Грязная, да промежъ суленскимъ устьемъ и лозинскимъ заводь на дреставѣ, которую розмыло въ полую большую воду и сталъ осередокъ, а тѣмъ ихъ водамъ межи верхняя межа коневаго песку, нижняя изголовь, а за Камою рѣкою противъ тое коневскія изголови медвѣжій колокъ, а на низъ Камы рѣки на луговой сторонѣ противъ монастыря и суленскихъ горъ песокъ съ подвальемъ до истоку, что изъ садоваго озера, который истокъ палъ въ Каму рѣку противъ плаксиваго камени, да за Камою же рѣкою озеро бѣлое противъ Анатышскія волости и Рыбныя Слободы, да за Камою рѣкою про сѣнные покосы, которые покосы межъ шанталки рѣчки отъ истоку садоваго озера въ ихъ монастырскихъ урочищахъ до каракулина озера, и сторонніе русскіе люди, которые были у межеванья по святей Евангельской непорочной заповѣди Господни, а татара по своей вѣрѣ по шерти, сказали, тѣми де сѣнными покосы издавна владѣютъ Троицкаго Ураевскаго монастыря строитель съ братьею и того монастыря крестьяня, а почему владѣютъ, того они не вѣдаютъ, и тѣмъ сѣнныхъ покосамъ учинены межи отъ каракулина озера черезъ дорогу, которою ѣздятъ за Камою рѣкою въ старой и въ новой Шешминскіе городки, на дубъ,

а на немъ учинены двѣ грани, одна грань указываетъ къ Каракулину озеру, а другая грань къ рѣчкѣ Шенталкѣ на двѣ осокори противъ кулуберди-нскаго истоку, что палъ устьемъ въ рѣчку Шанталку, а на низъ рѣчкою Шанталкою изъ зимового озера да до истоку, что палъ въ Каму рѣку изъ садового озера, а деревнѣ Дикое Поле учинены межи и грани съ ясачными татары двумъ деревень Большихъ и Малыхъ Отмасъ противъ сыску и межеванья Архипа Якшина 1615 году отъ рѣчки Итеменки на дубу вновь двѣ грани, одна грань къ рѣчкѣ Итеменкѣ, а другая грань на старой межевой дубъ, а на немъ старыя грани заросли, а отъ того дуба на старой межевой столбъ, который столбъ поставленъ былъ у стараго граненаго дуба, и тотъ дубъ и столбъ повалились и граненый столбъ лежитъ по гранѣ, а дубовой пень и столбовая яма знатны, и у того дубоваго пня и у столбовой ямы поставленъ столбъ на немъ двѣ грани, а съ того столба на столбъ же, что у березы, и березы и столба въ той межи нѣтъ, только лежитъ старое прясло и у того прясла поставленъ вновь столбъ, на немъ двѣ грани, съ того столба на дубъ вновь по бояраку въ вершинѣ у ключа, а на немъ двѣ грани, а отъ того дуба прямо на старой граненой сухой дубъ, на которомъ вверхъ розвилинки и на томъ дубу учинены вновь двѣ грани, а отъ того дуба бояракомъ и ключемъ на липу, которая была близко рѣчки Отмаски и на старой граненный столбъ и яму, въ которой было кладено уголья у рѣчки Отмаски на лугу и въ тѣхъ межахъ липы и граненаго столба нѣтъ, земля вспахана и сѣяна рожью и въ томъ мѣстѣ сыскано прежнія межи яма, а въ ней уголья, и повыше той ямы поставленъ столбъ; а на немъ двѣ грани, а противъ столба у рѣчки Отмаски кустъ Ивовой, а промежъ деревни Дикаго Поля и ясачные татарскія деревни Малыхъ Отмасъ рѣчка Отмаска, а отъ того столба вновь по рѣчкѣ Отмаскѣ до монастырскія мельницы, а отъ мельницы де старыхъ межъ дворцоваго села Бетьковъ, а подо всѣми новыми межовыми столбами сыпаны уголья, да при тѣхъ же сторонныхъ людехъ и при старожильцахъ отведенъ Спаса Новаго монастыря Архимандриту Гавріилу да Келарю старцу Варламу съ братьею и Троицкаго Ураевскаго монастыря крестьяномъ лужокъ подлѣ Камы рѣки за рѣчкою Урайкою противъ выписей боярина и воеводы князя Дмитрія Алексѣевича Долгоруково съ товарищи да писцовъ Семена Волынскаго да дьяка Михаила Патрикѣева, какови выписи положили на межеваньи того монастыря строитель Макарій, да казначей старецъ Аврамій съ братьею и въ выписяхъ написано, въ прошломъ въ 1655 году по указу блаженныя памяти великаго Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя россіи самодержца и по выписи писцовъ Семена Волынскаго Спаса Новаго монастыря Архимандриту Питириму съ братьею велѣно владѣть изъ оброка въ казанскомъ уѣздѣ подлѣ Ураевскаго монастыря за рѣчкою Урайкою, лужкомъ подлѣ Камы рѣки на двѣ десятины, а оброку имъ въ государеву казну платить съ того лужка по двадцати Алтынъ, да пошлинъ по шти денегъ, да въ прошломъ въ 1660 году по выписи боярина и воеводы князя Дмитрія Алексѣевича Долгоруково съ товарищи того же монастыря Архимандриту Питириму съ братьею велѣно владѣть до перекупки, а оброку съ того лужка

велѣно имъ платить стараго, а съ новою надлачею потрицети алтынъ, да пошлинъ по шти денегъ на годъ, и по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ Спаса Новаго монастыря приписного Троицкаго Ураевскаго монастыря Строителю Герасиму да Казначею старцу Ѳерапонту съ братьею дана сія выпись на пашенныя ихъ земли и на сѣнные покосы и на рыбныя ловли и на всякія угодья по ихъ челобитью и по помѣтѣ на челобитной дьяка Левонтья Меньшова впредь для владѣнья, а у подлинныя выписи пишетъ дьякъ Левонтій Меньшевъ; справа подъячего Максима Семенова (Жили).

Подлинный списокъ, подаренный мнѣ священникомъ села Троицкаго Урая В. Ив. Нечаевымъ, 12 аршинъ длины и около одной четверти ширины. На оборотѣ его находятся рукоприкладства слѣдующихъ лицъ: къ сему списку Спаса Новаго монастыря, что въ Москвѣ намѣстникъ Іеромонахъ Герасимъ руку приложилъ. Къ сему списку февраля 25 дня Спаса Новаго монастыря Строитель Иванъ Домохинъ руку приложилъ. Къ сему списку Всемилостиваго Спаса Новаго монастыря подъячей Ивашка Зиновьевъ руку приложилъ.

15.

1687 Ноября 6. Грамота Казанскаго Митрополита Адріана Козмодемьянскаго Спасоюнгинскаго монастыря Архимандриту Мисаилу о церковномъ благочиніи.

Благословеніе Преосвященнѣйшаго Адріана Митрополита Казанскаго и Свіяжскаго. Города Козмодемьянска Спаскаго Юнгинскаго монастыря Архимандриту Мисаилу, да закащикомъ Вознесенскому попу Аписиму, Покровскому попу Евсегнію. Въ нынѣшнемъ во 1687 году Ноября въ 3 указали мы Преосвященнѣйшій Митрополитъ надзирать вамъ заказу своево и сказывать попомъ по всѣмъ церквамъ: было бъ у нихъ пѣніе, единогласіе и благочиніе по Уставу церковному, и книги новоисправленныя печатныя, и служебники у всѣхъ; и нигдѣ (бъ) по церквамъ деревянныхъ сосудовъ отнюдь не было, а были бъ служебные сосуды оловянные съ дискосами по чину жъ. А священники по кабакамъ не ходили (бъ), и безмѣрно не упивались, и нигдѣ не безчинствовали, и приходскіе попы дѣтей своихъ духовныхъ учили всякому благочестію и на покаяніе приводили, и по церквамъ въ приходѣхъ своихъ народъ учили, и во всемъ образъ ко благочестію собою показывали и слово Божіе вездѣ пропсвѣдывали, и отъ неподобныхъ всякихъ дѣлъ и игръ сатанинскихъ возбраняли, а ко святымъ церквамъ приходить имъ всѣмъ православнымъ христіаномъ велѣли. А будетъ гдѣ у кого священниковъ объявятся раскольники и церкви святой преслушники, и къ пѣнію церковному и къ таинству святыни приступать, и къ священикомъ на исповѣдь прихо-

дить не учнутъ, или въ какомъ церковномъ расколѣ нибудь объявятся и отцевъ духовныхъ у себя не имѣютъ, и вамъ закащикомъ въ заказѣ своемъ у всѣхъ поповъ имати росписи въ правду за ихъ руками. А буде гдѣ въ приходѣ были новокрещены татарева, и мордва, и черемиса, и чуваша и иныхъ вѣръ новокрещены мужескъ полъ и женскъ, оставя христіанскую вѣру, перешли жить отъ вѣрныхъ къ прежнимъ своимъ невѣрнымъ сродцамъ, или мужи къ женамъ и жены къ мужамъ а къ покаянію и вѣру христіанскую не обратились, и никакой святыни послѣ крещенія сами тѣ новокрещены не воспріяли, и дѣтей своихъ по заповѣди Божіей не крестили жъ, а иные въ поганой вѣрѣ своей живутъ, убѣгля по прежнему съ невѣрными; и о тѣхъ новокрещеныхъ имати у нихъ приходскихъ поповъ скаски особою статьею за руками жъ съ подлинною очисткою, описывая всему годы, и мѣсяцы, и числа, кто въ вѣру христіанскую крестился когда, и въ кое время оставя христіанскую вѣру обратились къ прежней своей бесурманской вѣрѣ, и кто изъ нихъ новокрещены нынѣ живутъ, и имена ихъ до крещенія, и въ крещенье какъ были. Да и того вамъ закащикомъ смотрѣти накрѣпко чтобы мужи съ женами законными ни по какому образу собою не разводились, и мужья отъ женъ, а жены отъ мужей за иныхъ беззаконно отнюдь не посягали, и ни по которой винѣ не роспускались; и отъ жива мужа жены, также и отъ живыхъ женъ мужи во иноческій чинъ не постригались, и въ сродствѣ и въ крестномъ братствѣ не понималися, и во всякихъ дѣлахъ христіанской законъ хранили со опасеніемъ, и всякія духовные дѣла дѣлали бы вы по святымъ правиламъ съ разсужденіемъ, а о нужнѣйшихъ писали къ намъ Преосвященнѣйшему Митрополиту и о всемъ благочиніе и житіе доброе показали собою, памятуя свое священство, а ни по какому малодушію забытно не чинили. А съ похоронныхъ памятей и пожелѣзного съ колодниковъ имать вамъ не велѣть. А какіе у васъ духовные и челобитчиковъ дѣла у прежнихъ закащиковъ приняты и въ приказѣ вашемъ по се число есть, и тѣмъ всѣмъ прежнимъ и нынѣшнимъ вершенныхъ и невершенныхъ дѣламъ прислать переписные росписи въ судной нашъ Архіерейской приказъ въ полудестевыхъ тетратехъ за своими руками, и по дѣламъ тѣмъ пошлинные, и пенные, и пересудные деньги, опрично вѣнечныхъ пошлинъ, безо всякаго мотчанья и не отписываясь ничѣмъ, учиня все однолично Генваря къ 1-му числу нынѣшняго 1687 году. И какъ къ вамъ сія наша Преосвященнѣйшаго Митрополита грамота придетъ, и вы бъ о всемъ чинили по сему нашему вышеписанному указу съ прилежнымъ радѣніемъ, кромѣ преворства. А буде какимъ своимъ небреженьемъ и лѣностію противъ сего вышеписаннаго нашего Архіерейскаго указу исполнять всего не учнете и въ заказѣ своемъ по церквамъ съ симъ нашимъ указомъ вскорѣ не поѣдете и къ намъ писать не учнете, или какіе старые и при заказѣ вашемъ дѣла въ переписцѣ утаите, и переписныхъ дѣламъ книгъ и по нихъ сборныхъ денегъ не пришлете, и для исправленія о церковныхъ дѣлахъ передъ нами Преосвященнѣйшимъ Митрополитомъ для подлиннаго вѣдома сами къ указному числу не объявитеся, и за то вамъ быть отъ насъ въ Духовномъ смиреніи и въ пени большой. Писанъ въ Казани—лѣта 1687, Ноября въ 6.

Подлинникъ, находившійся въ архивѣ бывшаго Спасоюгинскаго монастыря, писанъ столбцомъ на 3 листкахъ, съ скрѣпою на склейкѣ: приказной Борисъ Остолоповъ. На оборотѣ въ концѣ: писалъ Зиновко Дружининъ. Бывъ сложенъ пакетомъ и запечатанъ, имѣетъ на оборотѣ надпись: города Козмодемьянска Спаского юнгинскаго монастыря Архимандриту Мисаилу, да закащикомъ Вознесенскому попу Анисиму, Покровскому попу Евсегнію. 1687 году Ноября въ 16 подалъ Архіерейскую грамоту старецъ Варсуноѳей.

16.

Отрывокъ грамоты безъ начала и конца:

. . . . . .

и тѣми сѣнными покосы владѣютъ деревни Чюравчи татара сверхъ своихъ оброчныхъ сѣнныхъ покосовъ безъ дачъ, и въ нынѣшнемъ же въ 1691 году іюля въ 25 день по указу вел. государей и по приговору боярина и воеводъ Петра Аврамовича Лопухина съ товарищи велѣно про тѣ сѣнные покоси сыскать повальнымъ обыскомъ въ тѣхъ урочищахъ сѣнные покосы есть ли, и буде есть и тѣми сѣнными покосы опричь ясашныхъ татаръ деревни Чюравчи не владѣетъ ли кто, и будетъ владѣетъ и почему кто владѣетъ, а деревни Чуравчи ясашныхъ татаръ допросить, почему они тѣми сѣнными покосы владѣютъ, и буде крѣпостей у себя не скажутъ, и тѣ сѣнные покоси велѣно измѣрять въ десятины, и для сыску про тѣ сѣнные покосы посланъ приказныя Полаты подъячій Ѳеодоръ Ивановъ, а въ сыску, каковъ подалъ онъ въ приказной Полатѣ, о тѣхъ сѣнныхъ покосахъ написано: разныхъ деревень служилыхъ и ясашныхъ татаръ 36 человѣкъ сказали по своей вѣрѣ по шерти: за Сумкою рукою сѣнные покосы, что словетъ Кочкарникъ есть и по урочищамъ подлѣ Сумки рѣки по обѣ стороны дороги, что ѣздятъ отъ деревни Подъячего Василья Стряпчего за Волгу рѣку на Вязовыя верхняя мѣжа смежны съ сѣнными покосы тояжъ дороги деревни Чувашъ служилыхъ татаръ Азичка Тамякаева съ братьями, нижняя мѣжа мысокъ смежны тояжъ дороги волости Кукморъ съ Черемискими . . . . . (конца нѣтъ).

17.

По указу вел. Государей, царей и вел. князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ, Боринъ и воеводы Данило Аѳонасьевичъ Борятинской съ товарищи дали ввозную грамоту служилымъ татаромъ Зюрейской дороги деревни Тавиль Ерма-

ку московову да Иштеряку Ахманову да Супкѣ Тенюкову да Иркѣ Копенову сыну Сюндюковымъ на сѣнные покосы за Камою рѣкою по рѣчкѣ Чорукъ для того, въ 1690 г. году били челомъ вел. государемъ царемъ и вел. княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцамъ, онъ Ермакъ съ товарищи, въ прошлыхъ де годѣхъ даны имъ вел. государей жалованые сѣнные покосы въ казанскомъ уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ за Камою рѣкою по рѣчкѣ Чорукъ за четвертную пашню за 80 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, а ввозные де грамоты на тѣ сѣнные покосы имъ не дано. И вел. государи пожаловалибъ ихъ, велѣли на тѣ сѣнные покосы дать имъ ввозную грамоту; и въ писцовыхъ книгахъ писцовъ Семена Волынскаго съ товарищи прошлыхъ 1648, 1649, 1650, 1651, 1652 и 1653 годовъ написано: въ казанскомъ уѣздѣ по зюрейской дорогѣ за служилымъ татариномъ за Кулбайкомъ да за братомъ его за неверстаннымъ за Толбайкомъ Ишеевыми за Камою рѣкою бобровые гоны по Шешмѣ рѣкѣ да по Толкишѣ рѣчкѣ да по Чурикъ рѣчкѣ до устья, а даноде въ угодье отцу ихъ, да за нимижъ по тѣмъ же рѣчкамъ вотчина бортный ухожей и знамена той ихъ вотчинѣ да въ тѣхъ же знаменахъ тѣжъ вотчины по сю сторону Камы рѣки лѣсъ сосняк, а въ тѣхъ урочищахъ ловятъ всякой текучей звѣрь, а владѣютъ безоброчно, а дана де та вотчина отцу ихъ за службу, а на тѣ вотчины грамоты отцу у дяди ихъ у Москова Хозяшева, и въ прошломъ во 1681 г. октября въ 6 день били челомъ блаженныя памяти вел. Государю царю и вел. князю Ѳеодору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцу служилые татары Ермакъ Москововъ, Иштерякъ Ахмановъ, Сюпка Тенюковъ, Ирка Копеновъ сынъ Сюндюковы, въ писцовыхъ де книгахъ Семена Волынского съ товарищи написано: Зюрейской дороги деревни Ныресваръ за служилыми татары за Кулбайкомъ да за Толбайкомъ за Камою рѣкою вотчина бортной ухожей и бобровыя гоны и всякія звѣриныя ловли по рѣчкѣ Чоруку нижняя межа переволока супротивъ Берсуцкаго устья, верхняя межа по Шешму рѣку, а въ степь по Толкишъ рѣку. да по сю сторону Камы рѣки боръ и около Берсуту рѣки по обѣ стороны и около тое вотчины и въ той вотчинѣ и въ урочищахъ есть порожніе сѣнные покосы, а никто ими не владѣетъ и ни кому не отданы, и великій государь пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ имъ въ той ихъ Кулбайковѣ и Толбайковѣ вотчинѣ сѣнные покосы, кои около той вотчины и въ той вотчинѣ и въ урочищахъ, отдать имъ въ помѣстье по десяти четей человѣку и за ними справить и по тѣмъ межамъ и урочищамъ сѣнныхъ покосовъ, о которыхъ били челомъ вел. Государю служилые татара Ермакъ Сюндюковъ съ племянники за служилыми татары за Кулбайкомъ да за Толбайкомъ Ишеевыми въ дачахъ и въ писцовыхъ книгахъ не написано, и въ прошломъ же въ 1681 году октября въ 23 день по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Александра Алексѣева велѣно про тѣ сѣнные покосы окольными людьми сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ, порожни ли они лежатъ, въ помѣстье и въ вотчину и на оброкъ кому не отданы и не владѣетъ ли ими кто и прежъ сего кто тѣми сѣнными покосы владѣлъ, и буде въ сыску скажутъ, что лежатъ порожни, и по сыску тѣ сѣнные покосы описать межъ чьихъ они зе-

мель и измѣрять и положить не въ малые чети, а въ чьихъ вотчинахъ тѣ сѣнные покосы и ихъ допросить, есть ли имъ до тѣхъ сѣнныхъ покосовъ дѣло, и буде спору никакого не будетъ, и имъ отказать по десяти четей человѣку, и для сыску и отказу посланъ приказныя Палаты подъячей Алексѣй Демьяновъ. А въ сыскныхъ и въ отказныхъ его книгахъ написано: пріѣхалъ онъ въ Казанскій уѣздъ по Зюрейской дорогѣ за Каму рѣку въ вотчину служилыхъ татаръ Кулбайка да Толбайка Ишеевыхъ на порожніе сѣнные покосы и взялъ съ собою сторонніхъ людей ясашныхъ татаръ деревни Усюли [1]) семь человѣкъ, деревни Берсутъ 14 человѣкъ, деревни Катмышъ 12 человѣкъ, деревни Верхней Сунь пять человѣкъ, деревни Кулусчей Новокрещеновъ 10 человѣкъ, деревни Еникей Чишмы 10 человѣкъ и тѣми людьми сыскивано, а въ сыску новокрещены и татара 59 человѣкъ сказали: прежде сего тою вотчиною по рѣчкѣ Чоруку, нижняя межа переволока супротивъ Берсутскаго устья, верхняя межа по Шешму рѣку, а въ степь по Толкишъ рѣку, владѣли служилые татара деревни Нырсываръ Кулбайко да Толбайко Ишеевы, а послѣ ихъ владѣли дѣти, а почему, того не знаютъ, и тому нынѣ годы съ три тою вотчиною ни кто не владѣетъ, лежитъ порожня, а сѣнные де покосы въ той вотчинѣ и около той вотчины косятъ разныхъ деревень татара, а въ межахъ де та вотчина и сѣнные покосы по нижнюю сторону сѣнные покосы Ивана Змѣева, а верхняя межа рѣчка Шешма, а за Шешмою сѣнные покосы деревни Яковъ ясашныхъ татаръ, а по третью сторону Кама рѣка, а по четвертую сторону рѣчка Толкишъ и за Толкишъ рѣку въ степь, а по смѣтѣ де тѣхъ сѣнныхъ покосовъ въ той вотчинѣ и около той вотчины будетъ въ длину на три версты, а по перегъ на версту, а на сколько де копенъ на тѣхъ сѣнныхъ покосахъ сѣна ставится, того они не знаютъ, и у сыску вотчинники служилые татара Зюрейской дороги деревни Нырсываръ Кулбайковы, да Толбайковы дѣти Ишеевыхъ Тохтагулко Кулбаевъ, да Смаилко Толбаевъ въ допросѣ сказали: вотчиною де за Камою рѣкою, бобровыми гоны по Шешмѣ рѣкѣ да по Толкишѣ рѣкѣ, да по Чюрикъ рѣчкѣ до устья, да по сю сторону Камы рѣки лѣсъ сосняк съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи отцы ихъ Кулбайко да Толбайко владѣли по поламъ, а почему владѣли, того они не знаютъ, а какъ де отцы ихъ померли и они послѣ отцевъ своихъ тою вотчиною владѣли безъ дачь, не бивъ челомъ вел. Государю, а какъ де они отписаны по разбору на ясакъ и тою вотчиною и сѣнными покосы не владѣютъ и по сіе число и нынѣ де имъ до тѣхъ сѣнныхъ покосовъ дѣла нѣтъ, потому что они написаны на ясакъ и платятъ хлѣбныхъ и денежныхъ три ясака съ четью; и при тѣхъ же сторонніхъ людяхъ въ той вотчинѣ по тѣмъ межамъ и урочищамъ и около той вотчины за Камою рѣкою по сыску отказалъ сѣнныхъ покосовъ служилымъ татаромъ Зюрейской дороги деревни Тавиль Ермаку Московову, Иркѣ Копенову, Сюпкѣ Тенюкову, Иштерячку Ахманову Сюндюковымъ въ помѣстье за четвертную пашню по десяти четей въ полѣ, а дву потомужъ, и въ прошломъ въ 1685 г. декабря въ 26 день били челомъ вел. Государемъ они жъ Ермакъ съ товарищи, дана де имъ вотчина за Камою рѣкою бортной ухожей и бобровые гоны и всякія звѣриныя лов-

[1]) т. е. учь—или Три деревни, или три двора.

ли по рѣчкѣ Чоруку нижняя межа переволока супротивъ Бурсутскаго устья, верхняя межа по Шешму рѣку, а въ степь по Толкишъ рѣку, да по сю сторону Камы рѣки боръ, и въ той ихъ вотчинѣ и около той вотчины сѣнные покосы даны имъ за четвертную пашню по десяти четей человѣку въ полѣ, а въ дву потомужъ, и вел. Государи пожаловалибъ ихъ велѣли въ той ихъ вотчинѣ въ тѣхъ же урочищахъ дать имъ сѣнныхъ покосовъ за четвертную пашню къ прежней дачѣ еще по десяти четей въ полѣ, а въ дву потомужъ, и за ними справить, и въ прошломъ же въ 1685 г. іюня въ 3 день по приговору боярина и воевод князя Володимера Дмитріевича Долгорукаго съ товарищи велѣно про тѣ сѣнные покосы розыскать, буде въ ихъ вотчинѣ дать на пашню въ помѣстье по десяти четей въ полѣ, а въ дву потомужъ и отказать за ними по указу къ прежнимъ дачамъ. И въ прошломъ въ 1690 г. августа въ 21 день по приговору боярина и воевод князя Данила Аѳонасьевича Борятинскаго съ товарищи велѣно Ермаку Сюндюкову съ товарищи на ту землю дать ввозную грамоту; и въ нынѣшнемъ въ 1691 г. декабря въ 29 день билъ челомъ великимъ государемъ онъ же Ермакъ Сюньдюковъ съ товарищи въ прошлыхъ де годѣхъ дана имъ вотчина бортной ухожей и съ сѣнными покосы за Камою рѣкою по рѣчкѣ Чоруку и по инымъ урочищамъ за четвертную пашню и на буде вотчину и на сѣнные покосы велѣно дать ввозную грамоту и имъ и по сіе число ввозныя грамоты не дано, и вел. государи по жаловалибъ ихъ, велѣли на ту вотчину и на сѣнные покосы дать имъ ввозную грамоту, и генваря въ 15 день по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Ѳедора Мартынова велѣно Ермаку Сюндюкову съ товарищи на тѣ сѣнные покосы по прежней помѣтѣ дать ввозную грамоту. И по указу вел. государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцевъ служилымъ татаромъ Ермаку Сюндюкову съ товарищи тѣми вышеписанными сѣнными покосы владѣть до тѣхъ мѣстъ, покамѣсть тѣ сѣнные покосы за ними опишутъ и измѣряютъ валовые писцы и мѣрщики и учинятъ за ними по указу вел. государей. Къ сей ввозной грамотѣ вел. Государей царей и вел. князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцевъ печать царства казанскаго Боярин и воевода князь Данило Аѳонасьевичъ Борятинской приложилъ, лѣта 1691 генваря въ 21 день,

(печать чернаго воску).

Эту грамоту доставилъ татаринъ изъ деревни Хозяшева—Тавиль тожъ Хайбулла Якуповъ, повѣренный общества своего.

18.

Лѣта 1692 г. марта въ 28 день по указу вел. государей царей и вел. князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцевъ бояринъ и воеводы Петръ Аврамовичъ Лопухинъ съ товарищи велѣли дать данную слободскому служилому татарину Уразаю Ишмаметеву [1]) на огородное мѣсто, что у татарской слободы за острогомъ

[1]) По другой грамотѣ Ахмаметку Ишмаметеву.

для того, въ прошломъ въ 1681 году билъ челомъ блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Оедору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцу слободской служилой татаринъ Бегетко Тойкеевъ, есть де у нихъ у татарской слободы лугъ для выпуску скотины, изстари лежитъ въ-пустѣ, никто не владѣетъ и тотъ де лугъ загородилъ подъ огородъ служилый деревенскій татаринъ Асманко Багишевъ съ товарищи, покиня свое въ деревнѣ помѣстье, и съ того де мѣста никакова оброку не платитъ, и чтобъ того Османка съ товарищи допросить. И Асманко Багишевъ въ допросѣ сказалъ, что онъ за татарскимъ острогомъ мѣсто загородилъ подъ огородъ собою безъ указу, потому что де на томъ лугу загородили подъ огородъ слободскіе татары мѣстъ съ 50 собою жъ, и по помѣтѣ на дѣлѣ дьяка Ивана Лапунова послана память къ Казанцу къ Степану Веригину, велѣно тѣ мѣста, которые слободскіе татара загородили осмотрѣть и списать и измѣрять и ихъ допросить, по какому указу они тотъ лугъ загородили, и велѣно имъ на тѣ мѣста положить крѣпости. А по переписке Степана Веригина тѣхъ огородныхъ мѣстъ написано поровнь 17 огородовъ, крѣпостей никакихъ не положили, а въ роспросѣ сказали, владѣютъ-де они по отводнымъ писцовымъ книгамъ окольничего Никиты Васильевича Борисова да Митрія Никитина 1666 — 1668 годовъ, а крѣпостей де у нихъ на тѣ мѣста нѣтъ и оброку не платятъ. Двадцать одинъ огородъ въ роспросѣ сказали, владѣютъ де по купчимъ и по данныхъ. Четыре огорода положили досмотры городничихъ противъ ихъ челобитья, а данныхъ изъ приказныя Палаты имъ не дано; двадцать огородовъ крѣпостей никакихъ не положили, а сказали, загородили-де они собою безъ указу и въ томъ числѣ служилыхъ татаръ тридцать девять огородовъ, слободскихъ Абызовъ и оброчныхъ и ясачныхъ и посадскихъ татаръ и вдовъ ихъ двадцать три огорода, и октября въ 20 день 1682 года по приговору боярина и воеводъ Петра Васильевича Шереметева съ товарищи и по помѣтѣ на выпискѣ Дьяка Ивана Кучецкаго велѣно тѣми огородными мѣсты, слободскимъ татарамъ, которые владѣютъ по писцовымъ книгамъ и по купчимъ и по данныхъ, владѣть по прежнему, а которые владѣютъ безъ крѣпостей и безъ дачъ и по досмотромъ, и на тѣ мѣста положить оброки по указу и съ тѣхъ огородныхъ мѣстъ, которыми владѣютъ безъ крѣпостей и безъ дачъ, положено оброку 9 рублевъ 4 алтына 2 деньги, и въ 1682 году били челомъ вел. государемъ слободскіе татара Асанко Крескулатовъ съ товарищи, переписалъ де у нихъ Степанъ Веригинъ огородные ихъ данные бѣлые мѣста, которые даны имъ изстари отъ Казанскаго взятія по писцовымъ книгамъ подъ слободу и подъ огороды безоброчно, и на тѣ де ихъ огородныя мѣста положилъ оброкъ, а они де съ тѣхъ мѣстъ служатъ всякія вел. государей службы, и чтобъ вел. государи пожаловали ихъ велѣли имъ тѣми мѣстами владѣть по прежнему безоброчно, и Апрѣля въ 3 день по приговору жъ боярина и воеводъ Петра Васильевича Шереметева съ товарищи велѣно слободскимъ служилымъ татарамъ тѣми огородными мѣстами владѣть къ прежнимъ своимъ дворовымъ мѣстамъ, какъ имъ тѣ дворовыя и огородныя мѣста даны, и оброковъ съ нихъ имать не велѣно; да въ прошломъ же въ 1684 году по приговору боярина и воевода князя Володимера Дмитріевича Долгорукова съ товарищи велѣно около та-

тарскія слободы огородныя мѣста описать вновь и тѣ огородныя мѣста съ 1683—1691 годъ не переписывали; а въ 1691 году по приговору боярина и воеводъ Петра Авраамовича Лопухина съ товарищи велѣно около татарскія слободы огородныя мѣста переписать приказныя палаты подъячему Ѳедору Власьеву, и ихъ допросить, по какимъ крѣпостямъ они тѣми огородными мѣстами владѣютъ, и по его Ѳедоровѣ переписцѣ тѣхъ огородныхъ мѣстъ объявилось 48 огородовъ, а въ допросѣ слободскіе татара Неяско Бегенеевъ съ товарищи сказали, владѣютъ де они тѣми огородными мѣсты по писцовымъ книгамъ околничаго Никиты Васильевича Борисова да Дмитрія Кикина 1666—1668 годовъ, а дали де имъ тѣ мѣста прадѣдамъ и отцамъ ихъ и имъ подъ татарскую слободу и тѣ де мѣста загородили они себѣ подъ огороды, а съ тѣхъ де мѣстъ служатъ они великимъ государемъ верховыя и низовыя службы, а великихъ государей денежнаго и хлѣбнаго жалованья и поденнаго корму имъ ничего не учинено; да въ прошломъ же въ 1691 году били челомъ вел. государемъ царемъ и вел. княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцемъ слободскія татара Неяско Бегенеевъ съ товарищи, чтобъ вел. государи пожаловали бъ ихъ велѣли ихъ тѣми огородными мѣстами владѣть по писцовымъ книгамъ по прежнему приговору боярина и воеводъ Петра Васильевича Шереметева съ товарищи, безоброчно, и дать имъ на тѣ мѣста для владѣнія выпись. И въ нынѣшнемъ 1692 году по указу вел. государей бояринъ и воеводы Петръ Авраамовичъ Лопухинъ съ товарищи, слушавъ того ихъ челобитья и выписки, приговорили слободскимъ служилымъ татарамъ тѣми огородными мѣсты владѣть къ прежнимъ своимъ дворовымъ мѣстамъ по прежнему приговору боярина и воеводъ Петра Васильевича Шереметева съ товарищи 1682 году безоброчно, для того что въ старыхъ писцовыхъ книгахъ нписаны за ними служилыми татары дворы безоброчно, а оброки велѣно имать только съ гулящихъ людей татаръ, которые живутъ на бобыльскихъ оброкахъ, а не съ служилыхъ татаръ, да и по переписцѣ Степана Веригина и подъячаго Ѳедора Власьева съ тѣхъ ихъ огородныхъ слободскихъ мѣстъ оброкъ не явился же и дать слободскимъ татаромъ на тѣ ихъ огородныя мѣста для владѣнія выписи. И по указу вел. государей царей и вел. князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцевъ слободскому татарину Уразаю Ишмаметеву у татарскаго острогу огородныхъ мѣстомъ, которымъ онъ Уразай напередъ сего владѣлъ по писцовымъ книгамъ и по боярскимъ приговорамъ, владѣть по прежнему безоброчно.

Скрѣплялъ эту выпись дьякъ Никифоръ Зайцевъ.

Справилъ Петрушка Колушкинъ.

19.

Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца въ нашу отчину въ Казань

окольничему нашему и воеводамъ князю Петру Лукичу Львову съ товарищи. Били челомъ намъ велик. государю казанскіе слободскіе служилые татары Махмедка Апаковъ съ товарищи, въ Казани де у нихъ по ихъ вѣрѣ татарской кладбище подлѣ ихъ татарской слободы изстари отъ казанскаго взятья, и на томъ де ихъ татарскомъ кладбищѣ русскіе люди поселились дворами, и въ нынѣшнемъ де 1694 году въ Казани за городомъ полковникъ Александръ Шарфъ описывалъ и мѣрилъ земли подъ стрѣлецкія дворовыя мѣста, и тоде ихъ татарское кладбище онъ Александръ мѣрилъ же, а иного де татарскаго кладбища у нихъ нѣтъ, и намъ вел. государю пожаловатибъ ихъ не велѣтибъ того ихъ татарскаго стариннаго кладбища подъ стрѣлецкія дворовыя мѣста имать, а велѣти бъ съ того ихъ татарскаго кладбища русскимъ людемъ, которые на томъ ихъ кладбищѣ дворы поселили, и тѣ дворы снесть, и впредь никому селиться не велѣть, чтобъ имъ было гдѣ умершихъ класть, и о томъ дать имъ въ Казань нашу вел. государя грамоту съ прочетомъ, и какъ къ вамъ ся наша вел. государя грамота придетъ, и тыбъ окольничей нашъ и воеводы князь Петръ Лукичъ съ товарищи велѣли противъ прежняго нашего вел. государя указу дворы и слободы измѣрять и учинить чертежъ, а кладбище татарское, какъ было изстари, велѣли измѣрять же и отдать татарамъ, и чтобъ утѣсненія имъ отнюдь не было, а буде они похотять огородить, и имъ то кладбище велѣть огородить, а на сколько того ихъ кладбища по мѣрѣ явится, о томъ къ намъ вел. государю писали и чертежъ прислали, а отписку и чертежъ велѣли подать въ Приказѣ Казанскаго Дворца боярину нашему князю Борису Алексѣевичу Голицыну съ товарищи, а прочетъ сю нашу вел. государя грамоту, и списавъ съ нее списокъ, оставили въ Казани въ Приказной Палатѣ, а подлинную сю нашу вел. государя грамоту отдали имъ татарамъ впредь для иныхъ нашихъ бояръ и воеводъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 1694 году августа 2-го.

(Въ концѣ этого списка находится резолюція, по всей вѣроятности, Бориса Голицына, слѣдующаго содержанія: Сего сентября въ 10 день записать въ книгу и, списавъ списокъ, оставить въ приказной Палатѣ, а подлинную вел. государя грамоту отдать татаромъ съ росписью).

На оборотѣ этого списка находятся слѣд. надписи: въ нашу отчину въ Казань Окольничему нашему и воеводамъ князю Петру Лукичу Львову съ товарищи. 25 а.л. (алтынъ?) взято съ Апакова съ товарищи. Москва. Артемій Волковъ. Справилъ Митька Неупаковъ. Сверху помѣта татарская «зіяратныкъ указы» (т. е. указъ о кладбищѣ).

20.

1694 году Сентября въ 7 день по указу вел. Государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцевъ ближней стольникъ и воевода князь Даніло Григорьевичъ Черкасскій съ товарищи далъ выпись слободскому служило-

му татарину Уразайку Ишмаметеву на сѣнные покосы, что на жерновномъ острову, для того, въ нынѣшнемъ въ 1694 году билъ челомъ вел. Государемъ онъ Уразайко, отецъ де его Ишмаметко Шинчуринъ владѣлъ сѣнными покосы на жерновномъ острову, въ межахъ подлѣ соляной Воложки, по другую сторону сѣнные покосы слободского служилаго татарина Тохтара Ишмаметева, коими покосы до брата его владѣлъ татаринъ Москов Уразлѣевъ; съ четвертой стороны покосы слободского служилаго татарина Досая Урѣева, и отецъ де его Ишмаметко умеръ, а тѣми сѣнными покосы владѣетъ онъ Уразайко, а на тѣхъ де покосахъ ставится сѣно по 80 копенъ, а владѣльной де выписи на тѣ сѣнные покосы отцу его было не дано и ему Уразайку не дано жъ, и вел. Государи пожаловали бъ его Уразайка велѣли на тѣ сѣнные покосы дати ему выпись впредь для владѣнія. И въ нынѣшнемъ 1694 году Сентября въ день по помѣтѣ на челобитной Дьяка Пантелея Кондратова велѣно ему Уразайку на тѣ сѣнные покосы дать выпись, буде у него нѣтъ. И по указу вел. Государей тѣми сѣнными покосы въ межахъ, кои писаны выше сего, ему Уразайку владѣть, и дана ся выпись на тѣ сѣнные покосы впредь для владѣнія. Дьякъ Пантелей Кондратовъ.

На оборотѣ: справилъ Аѳонька Немировъ.

21.

1696 г. августа въ день по указу вел. государя царя и вел. князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца ближней стольникъ и восводы Михайла Григорьевичъ Нарышкинъ съ товарищи дали данную слободскому служилому татарину Уразайку Ишмаметеву на дворъ въ татарской слободѣ для того, въ нынѣшнемъ въ 1696 году марта въ 26 день билъ де челомъ великому государю онъ Уразайка, въ прошломъ де 1694 году займывала у него Уразайка въ кабалу денегъ 10 рублевъ алацкія дороги деревни Тлюкляръ татарка Москвкова жена Шабулатова Юварка Яналѣева дочь, а вмѣсто поруки въ тѣхъ деньгахъ заложила ему Уразайку дворъ свой въ татарской слободѣ, и въ кабалѣ де написала, буде на срокъ тѣхъ денегъ ему Уразайку не заплатитъ, и послѣ сроку тѣмъ дворомъ владѣть ему Уразайку, а срокъ де той кабалѣ прошелъ, а она Юварка тѣхъ денегъ ему не заплатила, и чтобъ вел. государь пожаловалъ его Уразайка велѣлъ татарку Юварку допросить и тотъ дворъ ей очистить, и татарка Юварка въ допросѣ сказала: въ прошломъ де въ 1694 году у татарина Уразайка Ишмаметева 10 рублевъ займывала, и вмѣсто поруки въ тѣхъ деньгахъ подписала дворъ свой, и платить де тѣхъ денегъ ему Уразайку нечѣмъ, поступается за тѣ деньги тѣмъ своимъ дворомъ, который писанъ въ кабалѣ, и въ нынѣшнемъ въ 1696 году апрѣля въ 1-й день у татарина Уразайка велѣно взять къ дѣлу съ той кабалы списокъ, и справясь съ подлинною кабалою, у него Уразайка взять къ дѣлу списокъ за рукою. А въ спискѣ написано: слободская татарка татарскаго сотника алацкія дороги деревни Тлюкляръ Мо-

сковкова жена Шабулатова Юварка Яналѣева дочь у слободскаго служилаго татарина Уразайка Ишмаметева 10 рублевъ денегъ займывала въ прошломъ въ 1694 году іюня въ 1-й день до сроку до Семеня дни лѣтѣ начаться въ 1695 году, а вмѣсто поруки подписала въ тое кабалу въ тѣхъ деньгахъ дворъ свой въ татарской слободѣ, который дворъ достался ей Юваркѣ послѣ перваго мужа ея служилаго татарина Оски Сарабашева. А тотъ де дворъ на бѣломъ мѣстѣ, а не на тягломъ, въ межахъ тотъ дворъ подлѣ двора слободскаго служилаго татарина Ссанка Досаева, по другую сторону того двора огородъ Тезика Касимка Сафагулѣева, а на дворѣ хоромъ двѣ избы, промежъ ими сѣни, дворъ въ городьбѣ съ вороты безъ огорода, а концомъ пришолъ тотъ дворъ къ озеру Кабану А буде вышишица Юварка ему Уразайку на срокъ тѣхъ денегъ не заплатитъ, и тотъ дворъ просрочитъ, и послѣ того сроку вольно ему Уразайку тѣмъ дворомъ самому ему Уразайку владѣть и на сторону продать и заложить, и послѣ сроку на тотъ дворъ кабала и купчая. И въ нынѣшнемъ въ 1696 году августа въ 23 день по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержца велѣно тотъ закладной дворъ за тѣ деньги отдать челобитчику татарину Уразайку Ишмаметеву, и по сей данной ему Уразайку тѣмъ дворомъ владѣть, а татаркѣ Юваркѣ Яналѣевѣ дочери до того двора впредь дѣла нѣтъ.

Дьякъ Павелъ Мухинъ. На оборотѣ: смотрѣлъ Ѳедька Сокольниковъ.

22.

Вдова слободскаго служилаго татарина Ахмаметевская жена Ишмаметева Аднакей Бисарина дочь дала сію запись въ Казани деверю своему слободскому служилому татарину Уразаю Ишмаметеву въ томъ, въ нынѣшнемъ 1697 году сентября въ 10 день по полюбовному договору поступилась я Аднакей ему Уразаю помѣстною дачею мужа своего, а его Уразаева брата Ахмаметя жеребьи, своимъ и дочери своей дѣвки Тохъячки въ казанскомъ уѣздѣ по Галицкой дорогѣ въ деревнѣ Юртушахъ, да въ деревнѣ Мозарахъ пашенною землею и сѣнными покосы на Сумкѣ рѣкѣ, да на Волгѣ рѣкѣ противъ деревни Курочкины и Краснаго Яру на перевозѣ жеребьи своими, да подгородными покосы на острову на Соляной Волошкѣ и въ татарской слободѣ дворомъ и за татарскою слободою огородомъ, который дворъ и огородъ у меня Аднакеи и у другой мужа моего Ахмаметевской жены Аруи вообще, что изъ дачи мужа моего Ахмаметя мнѣ Аднакеѣ и дочери моей достанется, такожде и во дворѣ и въ огородѣ мѣста и строснія впредь тѣми моими Аднакейскими и дочери моей Тохъячки жеребьи въ ладу (?) ему Уразаю [1]) и женѣ его и дѣтямъ и родственникамъ его, а мнѣ Аднакеѣ и дочери моей Тохъячкѣ и родственникомъ моимъ до того поступного помѣстнаго жеребью

[1]) Вѣроятно, быть *во владѣніи* у него, Уразая и проч.

и до двора и до огорода дѣла нѣтъ. Такожде и хлѣбъ посѣянной и въ гумнахъ и въ стогахъ ему Уразаю и женѣ его и дѣтямъ и долги мужа моего Ахмаметевскіе платить и на людехъ имать ему Уразаю и женѣ его и дѣтямъ и изъ двора мужа моего Ахмаметевскаго выдти мнѣ Аднакейкѣ съ дочерью своею и изъ поступившаго вышеписаннаго помѣстья; мнѣ Аднакейкѣ принести великому государю челобитную за рукою и у допросу противу сей записи сказать и впредь мнѣ Аднакейкѣ и дочери моей Тохъячкѣ и родственникомъ моимъ о поворотѣ того помѣстнаго жеребью и о дворѣ и о огородѣ, да о лавкѣ, коею мужъ мой Ахмаметъ владѣлъ въ соляномъ ряду и ни о какихъ пожиткахъ и о товарехъ и о скотинѣ и о калымныхъ и объ вѣнечныхъ деньгахъ на него Уразая и на жену его и на дѣтей и на родственниковъ его не бить челомъ и не вступаться и въ томъ имъ никакихъ проторей и убытковъ не учинить, а буде я Аднакея и дочь моя или родственники въ чемъ противъ сей записи, что писано въ сей записи выше сего, не устоимъ, и ему Уразаю и женѣ его и дѣтямъ его и родственникомъ взять по сей записи на мнѣ Аднакеѣ и на дочери моей и на томъ, кто будетъ бить челомъ, за неустойку 50 рублевъ денегъ и убытки, а ся запись и впредь въ запись же, а что на вышеписанномъ дворѣ хоромъ и всякаго строенія и тѣмъ всѣмъ владѣть ему жъ Уразаю и женѣ его и дѣтямъ, а на то послуси казанскія площади подъячіе Михайло Семеновъ, Ѳедоръ Новгородцевъ, Петръ Савинъ. Запись писалъ тояжъ площади подъячій Ивашко Степановъ; лѣта 1697 году сентября въ 10 день. Позади подлинной записи написано татарскимъ письмомъ: толмачилъ Ивашко Овсяниковъ да послуховы руки.

Отрывокъ грамоты—конецъ:

. . . . . .

не учинить, а буде я Ару или дочери мои Шарка и Зулейха и родственники мои станемъ великому государю о поворотѣ тѣхъ помѣстій и сѣнныхъ покосовъ и двора и огорода и о скотинѣ на него Уразая бить челомъ или вступаться или съ стороны станутъ вступаться, и мнѣ Ару и дочерямъ моимъ его Уразая въ томъ вышеписанномъ помѣстьѣ его Уразая и въ сѣнныхъ покосахъ и во дворѣ и въ огородѣ очищать, убытковъ никакихъ не учинить, а ему Уразаю также въ долгу мужа моего меня Ару и дочерей моихъ убытку никакого не довести, а буде я Ару или дочери мои противъ сей записи въ чемъ не устоимъ и на мнѣ Ару и на дочеряхъ моихъ или кто станетъ со стороны вступаться не очищу, за неустойку взять ему Уразаю и женѣ его и дѣтямъ и родственникамъ его по сей записи тридцать рублей денегъ, а ся запись и впредь въ запись же, у сей записи послуси казанской площади подъячій Игнатій Посохинъ, Логинъ Синбиряшинъ, Яковъ Санниковъ; запись писалъ тояжъ площади подъячій Ивашко Степановъ; лѣта 1696 г. августа въ 7 день. Позади пишетъ: къ сей записи Ару Бѣляева дочь знамя приложила таково >——| да .... на, татарскимъ письмомъ толмачилъ Ѳедоръ Овсяниковъ да послуховы руки.

Оглавленіе.

стр.

Предисловіе . . . . . 3—6.

1.

Челобитная служилаго татарина *Чорая Курмандербышева* царю Михаилу Ѳедоровичу 1617 г. о помѣстьѣ въ деревнѣ *Большомъ Куюкъ*. И Списокъ съ вводной грамоты на помѣстье въ деревнѣ *Малыхъ Куюкахъ*, 1637 г. . . . . 7—8.

2.

Грамота 1633 г. служилому татарину *Москову Хозяшеву* на пожалованную ему въ деревнѣ *Тавелевѣ*, совмѣстно съ *княземъ Яковомъ Васильевымъ Асановымъ*, мельницу . . . . . 8—9.

3.

Списокъ съ грамоты о помѣстьѣ, которое было дано татарину *Еналейкѣ Еммаметеву*, и за его измѣну взято и отдано *Емеевымъ дѣтямъ Хозяшева Уразильдейку да Чюречейку*, 1638 г. . . . . 10—11.

4.

Выпись 1648 г. *Канышу Мурзѣ Ишкееву Яушеву* на землю и на сѣнные покосы по рѣкѣ Ашитъ. 11—12.

5.

Грамата 1653 г. татарамъ *Москововымъ дѣтямъ Хозяшева* на помѣстья и разныя угодья. . . . . 12—15.

стр.

6.

Отписка Казанскаго Воеводы Ив. Н. Хованскаго Государю Царевичу Алексѣю Алексѣевичу о *моровомъ повѣтріи* въ Казани 1656 г. . . . . 15—19.

Отписка Казанскаго Воеводы Ив. Хованскаго о дѣйствіи моровой язвы. . . . . 19—20.

7.

Грамота 1632 г. о помѣстьѣ служилому татарину Байгильдею Тянпкову въ деревнѣ Большой Бимерь. 20—21.

8.

Отрывокъ изъ челобитной 1667 г. служилыхъ татаръ, которые просили выключить ихъ изъ посаду, и по прежнему обратить въ служилыхъ татаръ. . . . 21—22.

9.

Грамота 1667 г. служилымъ новокрещеннымъ татарамъ деревни Азякъ Микиткѣ Борисову да Ивашкѣ Иванову о помѣстныхъ земляхъ дѣдовъ и отцевъ ихъ. 22—24.

10.

Грамата 1668 г. служилымъ новокрещеннымъ татарамъ деревни Азякъ Микиткѣ Борисову да Ивашкѣ Иванову на помѣстную ихъ землю въ деревнѣ Азякъ. 24—26.

11.

Память 1670 г. Казанскимъ Слободскимъ татарамъ Ишкейкѣ Досаеву, Апанку Ишкееву, Иштерячку, да Антку Шигаевымъ о бытіи ихъ въ служилыхъ татарахъ. 26—27.

12.

Храмозданная грамота 1678 г. о построеніи казанцемъ *Андреемъ Ѳ. Люткинымъ* въ Казани церкви во имя Знаменія Богоматери (при Вознесенской церкви). 27—29.

стр.

13.

Данная (грамота) 1684 г. на огородное мѣсто казанскому слободскому татарину Ишмаметку Шанчурину. . . . . 29—30.

14.

Выпись 1686 г. Приписнаго къ Ново-Спасскому (Московскому) монастырю Троицкаго Ураевскаго монастыря строителю старцу Герасиму, на пашенную землю, на сѣнные покосы, на рыбныя ловли и другія угодья. . . . . 30—39.

15.

Грамота Казанскаго Митрополита Адріана 1687 г. Козмодемьянскаго Спасо-Юнгинскаго монастыря Архимандриту Мисаилу о церковномъ благочиніи . . . . 39—40.

16.

Отрывокъ грамоты 1691 г. о сыску, или справкѣ, владѣнія сѣнными покосами татаръ деревни Чуравчи. 40—41.

17.

Ввозная грамота 1691 г. на сѣнные покосы татарамъ Сюндюковымъ деревни Хозяшева-Тавиль. . . 41—44.

18.

Данная грамота 1692 г. слободскому (Слободы г. Казани) татарину Уразаю Ишмаметеву на огородное мѣсто. . . . . 44—46.

19.

Списокъ съ грамоты 1694 г. татарамъ г. Казани Махмедкѣ Апакову съ товарищи о татарскомъ старинномъ кладбищѣ. . . . . 46—47.

стр.

20.

Выпись 1694 г. слободскому татарину Уразайку Ишмаметеву на сѣнные покосы. . . . . 47—48.

21.

Данная грамота 1696 г. слободскому татарину Уразайку Ишмаметеву на дворъ въ татарской Слободѣ г. Казани. . . . . 48—49.

22.

Поступная запись 1697 г. вдовы татарской Аднакей Бисариной деверю, слободскому татарину Уразаю Ишмаметеву на пашенную землю и сѣнные покосы въ разныхъ мѣстахъ . . . . . 49—50.

П. ПОКРОВСКІЙ.

КЪ ИСТОРІИ
КАЗАНСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ
до 1764 года.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества *Н. Катановъ*.

КЪ ИСТОРІИ

Казанскихъ монастырей до 1764 года.

I.

Монастыри въ Казанскомъ краѣ появились одновременно съ присоединеніемъ Казанскаго Царства къ Русской Державѣ. Въ періодъ своего возникновенія они принадлежали къ числу окраинныхъ. Явившись въ инородческомъ волжско-камскомъ краѣ вмѣстѣ съ русскими людьми и христіанствомъ, они сразу сдѣлались носителями и охранителями христіанскихъ понятій и русскихъ интересовъ. Какъ въ древней Руси монастыри служили первыми просвѣтительными и колонизаціонными пунктами при собираніи и строеніи Русской земли на просторной равнинѣ восточной Европы, такъ точно монастыри въ Казанскомъ краѣ сослужили замѣтную службу при укрѣпленіи христіанства и русской власти во вновь присоединенномъ обширномъ краѣ.

Обстоятельства возникновенія тѣхъ и другихъ монастырей имѣютъ много общаго, хотя казанскіе монастыри появились сравнительно поздно. Появленіе первыхъ казанскихъ монастырей падаетъ на половину XVI в. Этотъ вѣкъ закончился возвышеніемъ Русской церкви до одной изъ патріархій вселенской церкви и былъ разцвѣтомъ русской колонизаціи въ обширномъ волжско-камскомъ краѣ, чрезъ который лежалъ путь въ необозримую Сибирь и Среднюю Азію. Москва съ ея кремлемъ, украшеннымъ церковными главами, къ этому времени успѣла постепенно собрать во едино русскіе удѣлы и раздвинуть рус-

скія границы въ пригородческіе края, вмѣстивъ въ свои предѣлы волжско-камскій край во главѣ съ Казанскимъ царствомъ. Новыя мѣста потребовали особыхъ заботъ какъ отъ государства, такъ и отъ церкви. Христіанское просвѣщеніе, колонизація, обрусѣніе и закрѣпленіе ихъ за Русью сдѣлались общерусской задачей. Въ такой сложной задачѣ скрывается главная причина возникновенія всѣхъ вообще монастырей въ Московской Руси, вчастности казанскихъ.

Въ глазахъ церковной власти монастыри являлись лучшими проводниками національныхъ и христіанскихъ понятій въ новыхъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ Русской Церкви и государства. Правительство также понимало значеніе монастырей, возникавшихъ въ Казанскомъ краѣ. Іоаннъ Грозный и первые казанскіе іерархи возлагали на нихъ большія надежды, о чемъ свидѣтельствуетъ быстрое возникновеніе первыхъ казанскихъ монастырей. Основаніе Зилантова монастыря положено при самомъ взятіи Казани въ 1552 году самимъ царемъ Іоанномъ Грознымъ на мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя и погребены русскіе воины, павшіе при взятіи Казани. Первоначально тамъ стояла обыденная церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго. Святитель Гурій, по прибытіи на Казанскую каѳедру, занялся устройствомъ монастыря, о чемъ писалъ царю, намѣчая и будущее миссіонерское значеніе Зилантова монастыря [1]). Въ 1556 году устроенъ Спасо-Преображенскій монастырь въ Казани, сдѣлавшійся центромъ религіозной жизни бывшей мусульманской столицы. Устроитель его и просвѣтитель инородцевъ архимандритъ Варсонофій всецѣло посвятилъ себя дѣлу благоустройства новаго монастыря. Годомъ раньше, въ 1555 году, возникъ Богородице-Успенскій мужской монастырь въ г. Свіяжскѣ по повелѣнію и на средства Царя Ивана Васильевича съ цѣлью распространенія и утвержденія христіанства среди инородцевъ. Надъ устройствомъ его потрудился другой сотрудникъ святителя Гурія архимандритъ Гер-

[1]) Продолж. Древн. Рос. Вивліоѳики, ч. V, стр. 243.

манъ. Въ 1579 году, по случаю обрѣтенія иконы Божіей Матери, именуемой Казанской, царь Иванъ Васильевичъ основалъ въ Казани женскій монастырь. Названные четыре монастыря сдѣлались не только центрами христіанской жизни среди мусульманскаго населенія, но и разсадниками христіанскаго просвѣщенія въ связи съ усиленіемъ русскаго элемента среди инородцевъ. Во второй половинѣ XVI в. возникло еще нѣсколько казанскихъ городскихъ и уѣздныхъ монастырей: Іоанно-Предтеченскій въ Казани, Ѳедоровскій, Троицкій Чебоксарскій и др.

Какъ видно изъ исторіи первоначальнаго возникновенія казанскихъ монастырей, правительство, въ лицѣ самого царя, особенно внимательно относилось къ монастырямъ, этимъ лучшимъ проводникамъ и охранителямъ русскихъ и христіанскихъ понятій. Иначе не могло и быть.

Русскаго человѣка XVI вѣка считаютъ мало образованнымъ, но онъ былъ горячо вѣрующимъ христіаниномъ. Его православная вѣра всегда и всюду являлась самою дѣйствительною силой, которую русскій человѣкъ противопоставлялъ чуждому вліянію. Послѣ присоединенія Казанскаго царства къ Русской Державѣ эта сила не утратила своего значенія въ отношеніи казанскихъ инородцевъ. Самый походъ на Казань запечатлѣнъ знаменіями вѣры или чудесами. Участники похода слышатъ чудесный колокольный звонъ на р. Свіягѣ, гдѣ возникъ г. Свіяжскъ съ его монастыремъ; на стѣнахъ мусульманской Казани предъ русскими войсками является преп. Сергій, благословляющій наступающихъ воиновъ. На мѣстѣ его явленія возникаетъ кремлевскій Троице-Сергіевскій монастырь, просуществовавшій до начала XVIII в. [1]). Къ сказаніямъ лѣтописцевъ

[1]) Троицкій Сергіевскій монастырь принадлежитъ къ числу первыхъ казанскихъ монастырей. При явленіи чудотворной иконы Пресв. Богородицы въ Казани въ 1579 г. инокъ этого монастыря Іосифъ чудесно исцѣлился отъ глазной болѣзни предъ иконой Богородицы (Правосл. Собесѣд. 1867 г. стр. 456). Тутъ издано «Сказаніе о явленіи чудотворныя иконы Пресв. Богородицы въ градѣ Казани».

присоединились легендарныя сказанія, напр. о дѣтищѣ, родившемся отъ коровы и убѣждавшемъ повиноваться московскому государю. Отправленіе св. Гурія въ Казань изъ Москвы въ 1555 г. было великимъ религіознымъ торжествомъ Московской Руси. Монастыри прежде всего являлись носителями той именно силы, которой былъ силенъ русскій человѣкъ въ инородческихъ областяхъ.

Правительственная колонизація инородческихъ окраинъ Россіи также носитъ религіозный характеръ, будучи тѣсно связана съ монастырской колонизаціей. До основанія казанскихъ монастырей окраинными монастырями въ средне-волжскомъ краѣ были нижегородскіе монастыри; ихъ населенныя владѣнія по р.р. Сурѣ и Курмышкѣ выдвигались въ инородческія земли [1]). Съ половины XVI в. ихъ замѣнили казанскіе монастыри. Русскіе цари со времени Грознаго, раздавая новымъ монастырямъ свободныя и несвободныя земли въ Казанскомъ краѣ наравнѣ съ властями, служилыми людьми и помѣщиками, смотрѣли на монастыри, какъ на важнѣйшихъ представителей русской колонизаціи. Надѣленіе монастырей землями для самого правительства имѣло весьма важное значеніе. Монастыри, получая государево пожалованье, чувствовали себя обязанными охранять государственные интересы и старались населять свои земли русскими людьми, пользуясь льготными владѣльческими правами. Крестьянство охотно селилось на церковныхъ земляхъ при льготныхъ условіяхъ отбыванія разныхъ повинностей. Сравнительно легкая жизнь монастырскихъ крестьянъ въ Казанскомъ краѣ притягивала новыхъ насельниковъ на церковныя земли. Дѣло дошло до того, что въ нач. XVII в. казанскіе воеводы стали жаловаться, что крестьяне не идутъ на ихъ земли и перебѣгаютъ къ монастырямъ и духовнымъ властямъ. Въ 1624 году правительство, по доносу воеводъ, запретило крестьянамъ оброчиться у монастырей [2]).

[1]) А. Арх. Экс. I, № 12.

[2]) А. Э. III, № 153. Грамоты Зилантова монастыря... изд. Кущевича... копія № 11, стр. 25.

Не смотря на то, что въ концѣ XV и нач. XVI в.в. слышались постоянные протесты противъ монастырскихъ вотчинъ, даже было нѣсколько соборныхъ постановленій и правительственныхъ распоряженій противъ надѣленія монастырей землями и угодьями, сами государи противорѣчили такому противомонастырскому настроенію. Они продолжали жаловать земли и угодья казанскимъ монастырямъ, чтобы выдвинуть силу монастырей не какъ богатыхъ вотчинниковъ, а какъ носителей внутренней силы русскаго человѣка, проявляющейся въ его православной вѣрѣ.

Монашество, въ лицѣ своихъ самоотверженныхъ подвижниковъ, шло на встрѣчу правительственнымъ интересамъ въ обширномъ инородческомъ и иновѣрческомъ краѣ. Сохранилось преданіе, что на мѣстѣ Спасо-Юнгинскаго монастыря, возникшаго въ 1627 году, еще до завоеванія Казани поселился „умоленникъ“ благочестивой жизни. Отшельникъ пользовался такимъ уваженіемъ народа, что многіе ходили къ нему за совѣтами. Во время похода на Казань Іоаннъ Грозный, будтобы посѣтилъ умоленника и тотъ предсказалъ царю: „претерпишь много горя, будетъ тебѣ большая радость“ [1]).

Около трехъ столѣтій тому назадъ оживленное мѣсто, гдѣ нынѣ возвышаются величественныя главы храмовъ Седмиозерной Богородицкой пустыни, тоже было пусто. На цѣлые десятки верстъ кругомъ пустыни не было никакихъ поселеній до самаго начала XVII вѣка, когда въ первый разъ туда проникли христіанскіе иноки-пустынники. Раньше ихъ въ дикую лѣсную глушь заходили только окрестные язычники-черемисы для моленія обитавшему тамъ кереметю. Одинъ изъ иноковъ Евѳимій, родомъ изъ Устюга былъ основателемъ нынѣшней пустыни, а вмѣстѣ первымъ вождемъ мѣстной колонизаціи.

Грустно было иноку Евѳимію видѣть языческія моленія черемисъ, но онъ не мѣшалъ имъ, твердо вѣруя, что Богъ

[1]) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этногр. при Казан. Унив. т. XIII, вып. I, стр. 2.

очистить это мѣсто отъ мерзостей язычества. Черемисы полюбили кроткаго подвижника; мало того, они приносили ему все потребное. Молва объ инокѣ-пустынникѣ скоро дошла до Казани. Къ Евоимію стали являться другіе иноки и всѣ желавшіе раздѣлять съ нимъ пустынные подвиги. Евоимій всѣхъ принималъ съ любовью. Такъ образовалась Седміозерная пустынь, которую инокъ основатель благословилъ своимъ родовымъ чудотворнымъ образомъ Пресвятой Богородицы Одигитріи Смоленской. Чудотворная икона доселѣ служитъ лучшимъ украшеніемъ пустыни и источникомъ ея духовныхъ и тѣлесныхъ благъ [1]).

На первыхъ порахъ обитель была весьма бѣдна. Въ 1646 году старецъ Протасій сказалъ переписчикамъ, что „ихъ въ томъ монастырѣ (Вознесенскомъ, что на семи озерахъ) двадцать девять братьевъ, а *кормятца мотыками* [2])." Очевидно огородничество у первыхъ насельниковъ Седміозерной пустыни было главнымъ способомъ добыванія средствъ для пропитанія. При такихъ же условіяхъ и одновременно возникла другая пустынь—Раиѳская, отстоящая отъ Казани въ 25 верстахъ. Основателемъ ея былъ инокъ Филаретъ, изъ братіи московскаго Чудова монастыря, родомъ москвитянинъ. Онъ въ 1613 году предпринялъ путешествіе въ низовыя страны. Прибывъ въ Казань, преподобный Филаретъ поступилъ въ число братіи Спасо-Преображенскаго монастыря. По особой склонности къ

---

[1]) Правосл. Собесѣдникъ 1869 г. III, стр. 213. Ст. проф. П. В. Знаменскаго «Описаніе Седміозерной Богородицкой пустыни» и «Сказаніе о Седміозерной Богородицкой пустыни Казанской епархіи и о чудотворной иконѣ Пресв. Богородицы, называемыя Смоленскія» изд. 5, Казань 1893 г. Временемъ основанія монастыря, приблизительно, считаютъ 1628 годъ. Монастырь возникъ послѣ двѣнадцатилѣтняго пребыванія Евоимія въ пустыни. Евоимію не суждено довести до конца устройства обители. Первый ея деревянный храмъ во имя Вознесенія Господня устроенъ на доброхотныя даянія, собранныя двумя братьями обители Гуріемъ и Іоной. Впрочемъ, Евоимій не былъ безучастенъ въ устройствѣ храма. Онъ, будучи взятъ въ архіерейскій домъ, исходатайствовалъ у м. Матоія дозволеніе устроить въ пустыни храмъ и завести иноческую обитель.

[2]) Глав. Арх. М. Юст. Перси. кн. 7154 (1646 г.) № 6444, л. 117.

уединенію онъ не разъ удалялся изъ Казани въ ближайшіе лѣса. Въ одинъ изъ такихъ выходовъ, пробираясь сквозь дебри дремучаго лѣса узкими тропами, онъ напалъ на то мѣсто, гдѣ нынѣ живописно красуется Раиоская пустынь. Хижинка на берегу чуднаго Раиоскаго озера, устроенная самимъ преп. Филаретомъ, пріютила пустынника въ спокойномъ уединеніи. Только дикіе черемисы часто приходили на берега озера приносить жертвы своимъ идоламъ и тутъ же въ лѣсной глуши совершали свои идолопоклонническія празднества. Шумныя собранія тревожили отшельника, но онъ, подобно Евоимію, терпѣливо переносилъ изувѣрства шаманства. Черемисы тоже не безпокоили преп. Филарета. Скоро вѣсть объ отшельникѣ дошла до русскихъ и близъ одинокой кельи пустынника быстро появилось еще нѣсколько хижинъ, гдѣ поселились русскіе люди разныхъ сословій, пожелавшіе раздѣлить пустынное уединеніе съ препод. Филаретомъ. Такъ возникла новая община среди необитаемой мѣстности, извѣстной только язычникамъ инородцамъ. Братія по совѣту Филарета устроила часовню на берегу озера, куда стали собираться на ежедневную молитву подъ руководствомъ своею наставника и основателя пустыни. Первый храмъ во имя Пресвятой Дѣвы Грузинскаго Ея Образа построенъ уже по смерти преп. Филарета, погребеннаго въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ [1]).

Въ 1647 году была основана еще пустынь—Мироносицкая, въ 15 верстахъ отъ Царевококшайска, по случаю явленія чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы со св. женами Мироносицами близъ селенія Дальнихъ Кузнецовъ. При самомъ обрѣтеніи иконы одинъ изъ черемисъ, именемъ Антуганко, чудесно исцѣлился отъ разслабленія своихъ членовъ [2]).

Пустыни Седмиозерная, Раиоская, Мироносицкая и Спасо-Юнгинскій монастырь возникли почти одновременно, въ первой

---

[1]) Извѣстія по Казан. Епархіи 1886 г. № 13, стр. 332—341. Ст. «Начало основанія Раиоской пустыни».

[2]) Подробнѣе о Мироносицкой пустыни—брошюра прот. Е. А. Малова: Мироносицкая пустынь Казанской Епархіи... Казань 1896 г.

половинѣ XVII в.. То было время, замѣтнаго подъема религіознаго чувства русскаго человѣка послѣ тяжелыхъ лѣтъ безвременья-самозванщины и смутъ. Они основаны въ мѣстахъ отличныхъ отъ тѣхъ, гдѣ строились первые казанскіе монастыри. Пустыни возникли не въ главныхъ городахъ и населенныхъ пунктахъ, а въ глуши лѣсовъ среди инородческихъ селеній, главн. образомъ среди черемисъ. Эти мѣста были мало доступны для русской колонизаціи и покрыты мракомъ язычества. Монастырскіе храмы сдѣлались маяками въ лѣсныхъ дебряхъ, освѣщая путь христіанству и русской колонизаціи. Черемисы, среди которыхъ возникли названныя пустыни и монастыри, въ смутное время возмущали инородцевъ и принимали главное участіе въ бунтахъ и возстаніяхъ [1]). Поэтому постройка монастырей въ землѣ черемисъ была торжествомъ христіанства и русской колонизаціи. Куда не могла проникнуть правительственная колонизація, туда явились смиренные иноки и силой своей вѣры и благочестія сдѣлали то, что до нихъ никто не могъ сдѣлать. Дикіе черемисы, не смирявшіеся предъ силой русскаго оружія, смирялись предъ силой христіанскаго Бога, проявляющейся въ чудесахъ, и предъ кроткими отшельниками, которымъ уступали свои земли. Упраздненіе Спасо-Юнгинскаго монастыря (1764 г.), справедливо, считается преждевременнымъ. Масса инородцевъ, жившихъ вокругъ монастыря, надолго погрязла въ своихъ языческихъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ [2]).

Будучи передовыми просвѣтительными и колонизаціонными пунктами въ инородческомъ краѣ, казанскіе монастыри вмѣстѣ съ тѣмъ являлись опорными пунктами для русскаго политическаго могущества при столкновеніяхъ съ инородцами. Послѣдніе долго не могли успокоиться подъ русской властью и не разъ возставали, дѣлая набѣги на русскія селенія. Въ

---

[1]) Акт. Ист. II, № 293; А. Э. II, № 157; С. М. Соловьевъ—Исторія Россіи II кн. стр. 88, 292, 304, 311 и др. (Изд. Общественная Польза).

[2]) Извѣст. Общ. Археол., Ист. и Этногр. при Казан. Ун. XIII; вып. 1, стр. 9. «Статья К. С. Рябинскаго «Малоюнгинскій монастырь».

1574 году инородцы напали на Зилантовъ монастырь, разграбили его, сожгли церкви, а крестьянъ увели въ плѣнъ [1]). Этотъ монастырь служилъ охранительнымъ пунктомъ для самой Казани. Въ „сполошное время“ туда „для береженья отъ измѣнниковъ“ посылались стрѣльцы и ратные люди [2]). Въ такихъ случаяхъ монастырь превращался въ крѣпость.

Въ смутное время въ Свіяжскомъ мужскомъ монастырѣ отъ воровскихъ людей отсиживались воеводы, дворяне, боярскія дѣти, служилые и земскіе люди, даже татары. Въ одно изъ такихъ сидѣній воеводы роздали весь монастырскій хлѣбъ служилымъ посадскимъ и ратнымъ людямъ, въ то же время главную монастырскую вотчину с. Исаково разграбили воры [3]). Игумена Чебоксарскаго Троицкаго монастыря Геласія бродячіе казаки сбросили съ башни и убили (1610 г.) [4]). Въ тревожное время послѣ смутъ не только монастыри, но и ихъ вотчины превращались въ крѣпости. Такъ въ 1617 году Казанскій Спасо-Преображенскій монастырь выпросилъ разрѣшеніе построить острожекъ въ своей вотчинѣ селѣ Мамадышѣ для защиты отъ ногайскихъ людей [5]). Случалось, что набѣги инородцевъ ограничивались разграбленіемъ однихъ монастырей. Въ такихъ случаяхъ только монастыри выносили всю тяжесть непріятельскихъ нашествій.

Говоря о значеніи монастырей въ Казанскомъ краѣ, нельзя не упомянуть о томъ, что они много способствовали укрѣпленію христіанства и умственному развитію какъ среди русскихъ такъ и среди инородцевъ въ духѣ православія. Неоспоримо, что казанскіе монастыри на первыхъ порахъ служили сосредо-

---

[1]) Правосл. Собесѣдникъ 1864 г. ч. I, стр. 198.

[2]) Грамоты Зилантова монастыря. Изд. Г. З. Кунцевича, Казань 1901 г. стр. 21.

[3]) Акт. Эксп. III, № 86.

[4]) Правосл. Собесѣд. 1864 г. I, стр. 202. Строевъ. Списки іерарховъ стр. 298. Троицкій Чебоксарскій монастырь относится къ числу первыхъ казанскихъ монастырей, будучи основанъ въ XVI в. (1574 г.).

[5]) Акт. Эксп. III, № 90.

точіемъ духовнаго образованія и мѣстомъ, гдѣ желающіе могли получить „книжное ученіе“. Самимъ инокамъ вмѣнялось въ обязанность чтеніе духовныхъ книгъ [1]). Монастырскія библіотеки, только частью сохранившіяся до сего времени, достаточно свидѣтельствуютъ о книжномъ богатствѣ старо-русскихъ монастырей. Конечно, казанскіе монастыри по своему книжному богатству не могли сравняться съ такими монастырями, какъ—Троице Сергіевская Лавра, Чудовъ, Кирило-Бѣлозерскій, Іосифо-Волоколамскій, Соловецкій и др. Тѣмъ не менѣе и въ казанскихъ монастыряхъ имѣлись книги при самомъ началѣ. Святитель Гурій, устроитель первыхъ изъ нихъ, при отправленіи въ Казань былъ одаренъ, между прочимъ, множествомъ книгъ изъ царской казны и изъ монастырей [2]). Въ спискѣ съ писцовыхъ книгъ г. Казани съ уѣздомъ 1566—1568 г.г. въ книгохранилищѣ Спасо-Преображенскаго монастыря помимо Св. Евангелія, Апостола и богослужебныхъ книгъ, названы Скитскій и Печерскій патерики, творенія Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Григорія Богослова, Діонисія Ареопагита, Златоструй, Василія Кессарійскаго, Лѣствица и др. [3]).

Безъ сомнѣнія въ другихъ монастыряхъ были библіотеки и книги. Особенно это нужно замѣтить о Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, гдѣ всегда существовала школа. Монастыри съ своими книгохранилищами были той школой, въ которой получали образованіе русскіе іерархи. Въ какой мѣрѣ это приложимо къ казанскимъ монастырямъ, сказать трудно.

Далеко не всѣмъ русскимъ людямъ было доступно книжное ученіе и едва-ли много жаждавшихъ его находилось въ Казанскомъ краѣ. Но у русскаго человѣка было, и нынѣ есть, въ обычаѣ приходить въ монастыри и пустыни къ благочестивымъ подвижникамъ для духовно-назидательныхъ бесѣдъ. Этотъ

---

[1]) Пол. Собр. Лѣтоп. I, стр. 79.

[2]) Житіе Св. Гурія, составя. Гермогеномъ въ сборникѣ Пл. Любарскаго, стр. 15.

[3]) Списокъ съ писц. кн. г. Казани... стр. 31—32. Изд. Каз. Дух Академіи 1877 г.

святой обычай дѣлалъ всѣ монастыри, безъ исключенія, разсадниками просвѣщенія въ духѣ православія и христіанской нравственности. Въ каждомъ монастырѣ свято почитаются имена подвижниковъ, привлекавшихъ въ обители мірянъ для назидательныхъ бесѣдъ и руководившихъ ихъ не только словомъ, но и примѣромъ своей жизни. Таковы особенно имена основателей монастырей и пустынь (Евѳимій, основатель Седміозерной пустыни, Филаретъ, основавшій Раѳескую пустынь, иноки Нектарій и Іона, ученики св. Гурія, погребенные въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ). Мощи Св. Германа и Варсонофія привлекали множество поклонниковъ въ Свіяжскій и Спасо-Преображенскій монастыри. Въ послѣднемъ до 1641 года почивали мощи Св. Гурія, перенесенныя затѣмъ въ Благовѣщенскій соборъ при м. Матѳіи [1]).

Область вліянія казанскихъ монастырей расширялась и разнообразилась еще тѣмъ, что она не ограничивалась одними духовными интересами, но захватывала и житейскіе. Монастырскіе старцы, жившіе въ вотчинахъ, были опытными хозяевами. Какъ таковые, они много способствовали улучшенію русскаго сельскаго хозяйства на дикихъ поляхъ обширнаго некультурнаго края.

Владѣнія казанскихъ монастырей были очень значительны.

За все то, что монастыри давали русскимъ людямъ эти послѣдніе, начиная съ царя и кончая простолюдиномъ, платили кто чѣмъ могъ. Государи, называя русскія обители своими богомольями, жаловали имъ земли, угодья, лѣса, луга, воды съ рыбными ловлями и т. п. Міряне считали священнымъ долгомъ сдѣлать какой-либо вкладъ въ монастырь въ молитвенное поминовеніе о здравіи, а когда „Богъ пошлетъ по душу“—за упокой.

Въ 1576 году нѣкто Степанъ Григорьевъ, рыбный прасолъ, пожертвовалъ въ Спасскій монастырь „въ поминъ по

[1]) Пл. Любарскій. Сборникъ стр. 62, 76.

своемъ отцѣ, да и по себѣ" лавку и половину погреба въ рыбномъ ряду. Съ этого времени и до половины XVII в. въ монастырь потекли пожертвованія за пожертвованіями въ видѣ лавокъ, полулавокъ, кузницъ, полукузницъ, погребовъ, амбаровъ и пустыхъ мѣстъ [1]). Вклады въ Казанскіе монастыри были самые разнообразные, напр. патріархъ Гермогенъ далъ „по своей душѣ" въ казанскій монастырь св. мученика Стратилата (Оедоровскій) книгу Сборникъ (Опис. Синод. рукоп. II, № 208). Земли закрѣплялись за монастырями разными жалованными грамотами, а крестьяне вводились во владѣніе монастырей послушными грамотами.

Внѣшнее и внутреннее устройство монастырей было общимъ дѣломъ. Въ спискѣ съ писцовой книги 1566—1568 гг. о Спасо-Преображенскомъ монастырѣ читаемъ: „постановленіе церкви, и въ церквахъ образцы и все церковное строеніе Государево и Спасскаго архимандрита съ братіей и мірской прикладъ" [2]). При постройкѣ каменной церкви Спасо-Юнчинскаго монастыря въ 1709 году всѣ жертвовали кто что могъ и сколько могъ [3]).

Важнѣйшими монастырскими богатствами считались земельныя владѣнія въ которыхъ сосредоточивалось монастырское хозяйство. Въ 1566—1568 гг. у Спасо-Преображенскаго монастыря въ Казанскомъ уѣздѣ было 3 сельца, деревня, 5 починковъ, пустошь, въ нихъ 3 двора монастырскихъ, 44 крестьянскихъ, полоняничныхъ, новокрещеновъ и чувашскихъ; чуваши жили за монастыремъ вмѣсто крестьянъ, два двора безпашенныхъ, людей во всѣхъ дворахъ 55 челов. и 5 дворовъ пустыхъ. Пашни доброй земли 203 четверти, перелогу 63 четверти, зарослей и дубровъ пашенныхъ по 53 десятины въ каждомъ изъ трехъ полей, сѣна 890 копенъ, лѣсу пашеннаго 50 десятинъ, кромѣ того лѣсу пашеннаго и непашеннаго въ

[1]) Е. Лебедевъ. Спасскій монастырь въ Казани, стр. 85 (Изв. Общ. Археол., Ист. и Этн. т. XVII, вып. 1).

[2]) Списокъ.... изд. 1877 г. стр. 24.

[3]) Синодикъ Спасо-Юнчин. мон. Рукоп. Библ. Каз. Д. Акад. № 1839.

разныхъ мѣстахъ по смѣтѣ въ длину на $10^1/_2$ верстъ, поперекъ на $3^1/_2$ версты, 3 мельницы и рыбныя ловли въ Волгѣ въ Чертыкѣ, близъ Тетюшъ и въ оз. Кабанахъ пополамъ съ протопопомъ [1]). Зилантову монастырю принадлежали деревня Бежболда и новый починокъ Мити Батушина [2]).

Владѣнія казанскихъ монастырей постепенно увеличивались царскими пожалованіями по государевой милости и по просьбамъ монашествующихъ. Въ 1575 году „на прокормъ" Спасо-Преображенскому и Зилантову монастырю даны рыбныя ловли: за рѣкой Камой степная рѣчка Мешкала съ озерами и истоками. Рѣчка Мешкала поступала во владѣніе Зилантова монастыря, а Красное озеро поступало Спасскому монастырю [3]). Со временемъ число населенныхъ вотчинъ Спасо-Преображенскаго монастыря значительно увеличилось. Въ 1596 году въ его владѣніе перешли дер. Плетени и Поповка, лежавшія близъ озера Кабана. Въ 1580 году ему даны Меньшіе Дертюли на р. Носкѣ, а чрезъ 10 лѣтъ къ монастырскимъ владѣніямъ присоединена дача „Подсѣка". Въ 1632 году Спасскій монастырь получилъ деревни Биму и Каппы на р. Мёшѣ, отказанныя ему „на поминъ души казанцемъ Матвѣемъ Брудковымъ, сыномъ Невѣровымъ. Въ 1639 году около Каппъ у монастыря явилось новое село Егорово, въ которомъ онъ построилъ церковь во имя св. Великомученика Георгія. Грамотой 1606 г. ему

---

[1]) Спасо-Преображенскому монастырю принадлежали *сельца*: Клыкъ, Средній Клыкъ, Кукъ, починки: Самасырь, Сафаровъ, Ангильдѣева, Полянка, Новой подъ чернымъ инемъ на Сафаровской землѣ, *деревня* Борисово на озерѣ третьемъ Кабанѣ, пустошь Мамотнова (Списокъ съ писц. кн. стр. 75—77).

[2]) Тамъ же стр. 80. Въ спискѣ, очевидно, ошибочно починокъ названъ починкомъ «Мити Батутина», слѣдуетъ «Ватутина». Въ позднѣйшихъ грамотахъ и писцовыхъ книгахъ въ числѣ вотчинъ Зилантова монастыря значится деревня «Ватутина» (Арх. М. Юст. перец. кн. 1646 г. № 6444 и 93. Ср. грамоты изд. Кунцевичемъ, стр. 41).

[3]) См. Грамоты Казан. Зилантова монастыря, изд. Г. З. Кунцевичемъ. Казань 1901 г. Въ этихъ грамотахъ заключается богатый матеріалъ для внѣшней исторіи монастыря, особенно по вотчинно-владѣльческому вопросу. Изв. Общ. Арх., Ис». и Эти. т. XII, стр. 78—79.

предоставлены во владѣніе въ Лаишевскомъ у. селище Тереберьевское, пустоши Баишевская, Тетѣевская и Бѣляковская, Новый островъ и др. Права на эти владѣнія подтверждены въ 1614 и 1646 гг. [1]).

Мы остановились на постепенномъ ростѣ владѣній самаго богатаго Спасо-Преображенскаго монастыря. По богатству владѣній съ нимъ до нѣкоторой степени могъ ровняться Свіяжскій Богородицкій монастырь. Въ половинѣ XVII вѣка ему принадлежало въ одномъ Казанскомъ уѣздѣ шесть населенныхъ мѣстъ, а именно: село Мамадышъ съ пятью деревнями (Красная Горка, Комарово, Бѣляева, Каменная рѣка и Максимова). Вотчины Успенскаго Зилантова монастыря къ этому времени тоже значительно увеличились, сравнительно съ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ 1566—1568 гг. Къ деревнямъ Бежболдѣ (впослѣдствіи селу Макарьевскому) и Ватутиной прибавились село Рождественское-Высокое тожъ, деревня Киндеръ и Щербаковъ починокъ [2]). Ѳедоровскій монастырь въ 1646 году владѣлъ деревней Сидоровой и починкомъ Макаровымъ. Богаче его былъ Кремлевскій Троице-Сергіевскій монастырь, давно упраздненный. Ему принадлежали село Пестрецы и деревни: Малый Пестрецъ, Уланова и Пермякова [3]). Во второй половинѣ XVII в. всѣ болѣе или менѣе важные казанскіе монастыри имѣли свои вотчины и вотчинныхъ крестьянъ. Седміозерной пустыни, иноки которой въ 1646 году „кормились мотыками", въ 1678 году принадлежало 19 крестьянскихъ дворовъ и по дачѣ имѣлось земли 459 четвертей 219 десятинъ, сѣнныхъ покосовъ на 2100 копенъ, лѣсныхъ угодій длиной на 18 верстъ, мельницъ 4, рыбныхъ ловель въ одной рѣкѣ и 3-хъ озерахъ, въ Казани въ рядахъ 12 лавокъ [4]).

---

[1]) Е. Лебедевъ. Спасскій монастырь... стр. 88—92.

[2]) Грамоты Зилант. монастыря.. стр. 36—41 и пр.

[3]) Арх. Мин. Юст. писц. кн. 1646 г. № 6444 л.л. 56—57, 107—108.

[4]) Приложенія... стр. V. Считаетъ не лишнимъ для исторіи Казанскихъ монастырей, хотя въ примѣчаніи, привести нѣкоторыя данныя о владѣніяхъ ихъ, извлеченныя нами сокращенно изъ переписной книги г. Казани съ уѣздами отъ 1646 г., хранящейся въ Москов. Арх. Мин. Юстиціи за № 6444.

Троицкая Ураевская пустынь, (нынѣ село Монастырскій Урай Лаишевскаго уѣзда) основанная въ нач. XVII в., въ

I. Троице-Сергіева монастыря.

1—Въ городѣ Казани *Троицкаго Сергіева* монастыря служебниковыхъ въ уѣздѣ, въ селахъ, деревняхъ и починкахъ крестьянскихъ бобыльскихъ дворовъ—дв. стряпчій Иванъ Бужениновъ, у него дворовый человѣкъ Ларка Кузьминъ, дв. слуга Савостьянко Семеновъ, дв слуга Ивашка Максимовъ съ своимъ человѣкомъ Куприяшкой Григорьевымъ; въ монастырѣ служебники—конюхъ Ивашка Яковлевъ, повръ Ѳедька Павловъ, Гурка Евфимовъ, Ромашко Исаковъ, Ивашко Семеновъ, Ѳедька Наумовъ прозвище Козелъ, Ѳедька Григорьевъ. На монастырскомъ дворѣ бобыльская семья.

На посадѣ бобыльскіе дворы—дв. Спирка Константиновъ, въ монастырскомъ квасоваренномъ дворѣ солоденикъ Гарасимко Смуевъ, дв. Овдейко Леонтьевъ кузнецъ съ сыномъ съ Микиткою, дв. Илюшка Потаповъ кузнецъ съ братьями... За городомъ въ Богоявленской слободѣ жили монастырскіе бобыли восемь дворовъ, бездворовыхъ пять бобылей, а всего съ сыновьями, племянниками, сосѣдями 50 человѣкъ (л. 52 об. 53).

2—Того же Троицкаго монастыря *село Пестрецы*—дв. попа Алексѣя Никифорова сына Панна съ дѣтьми Стенькою и съ Якунькою, дв. просвирницы съ сыномъ, *крестьянскихъ* 38 дворовъ, въ нихъ жило 180 человѣкъ; бобыльскихъ дворовъ 16, въ нихъ жило 41 чел. (л.л. 53—55 об.).

3—Деревня *Малой Пестрецы*, въ ней 13 дворовъ крестьянскихъ и одинъ бобыльскій, а въ нихъ жило 58 человѣкъ (л. 55).

4—Деревня *Уланова*, въ ней 16 крестьянскихъ дворовъ и 4 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 73 человѣка (л.л. 55—56).

5—Деревня *Пермякова*, въ ней 22 дв. крестьянскихъ и одинъ бобыльскій, а жило въ нихъ 70 челов. (л.л. 56 об.—57).

II. Спаса Новаго монастыря.

Приписной къ тому монастырю въ Казан. у. по Ногайской дорогѣ на Камѣ рѣкѣ *Ураевской Пустыни* монастырь Живоначальной Троицы. Тому монастырю принадлежали дворы крестьянскіе и бобыльскіе.—Въ деревнѣ Ураевской пустыни дв. монастырскій, а въ немъ наемный работникъ государевъ крестьянинъ села Бетьковъ Онучка Евдокимовъ, семь дворовъ крестьянскихъ, 17 бобыльскихъ, въ нихъ 105 челов. Какъ видно изъ названій крестьянъ и бобылей (Кинешемецъ, Нижегородецъ, Курмышенинъ) населеніе было сводное изъ вотчинъ богатаго Московскаго Новоспасскаго монастыря.

2—Дер. *Ладино (Дикое?) Поле*,—въ ней 49 двор. крестьянскихъ, у нихъ въ сосѣдяхъ жило 9 бобылей съ семьями, всего 164 челов. (л.л. 57—59 об.).

1614 году получила для содержанія братіи и служителей рыбныя ловли на рр. Волгѣ и Камѣ; въ слѣдующемъ году

III. Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря

1—Подгородное Борисоглѣбское село Плетени, 2,—дер. Подмонастырское «Озеро», 3,—дер. Сафарова, 4,—дер. Борисова, 5,—дер. Новоселка, 6,—дер. Бѣлякова, 7—дер. Танаева, 8—Мертвый починокъ, 9—село Вознесенское (?), 10—дер. Кабачищи. 11—дер. Салмачъ, 12—дер Балрыдинка (?), 13—дер. Черемухина, 14—дер. Самосырово, 15—Большіе Клыки, 16—дер. Рѣшетниковъ Починокъ, 17—дер. Меньшіе Клыки, 18—с Богородицкое, 19—дер. Шильдѣево, 20—дер., что былъ Некрасовъ Починокъ, 21—дер. Чернопень, 22—дер. Дертюли, 23—дер. Полянка, 24—дер. Куюки, 25—дер. Куюки въ Зарѣчной Сторонѣ, 26—с. Егорьевское, 27—дер. Бимы, 28—дер. Каипы, 29—дер. Чертыкъ. Чертыковская, Чертыковскій Починокъ.

Въ г. Казани у него было на конюшенномъ, бочкарномъ и на квасоваренномъ дворѣ служителей 7 человѣкъ, да на посадѣ 10 дворовъ (л.л. 59 об.—91 об.).

IV. Монастырь Успенія Пречистыя Богородицы, что на Зилантовѣ горѣ.

У того монастыря дворъ монастырскій, конюшенный, а въ немъ живутъ служки, перемѣняясь. Къ тому монастырю села, деревни и починки:

1.—Дер. *Бежболда*—въ ней дворъ монастырскій, 16 дворовъ крестьянскихъ, 13 бобыльскихъ и одинъ дворъ бобыля Фильки Микитина съ дѣтьми. Филька былъ сторожемъ государевыхъ житницъ на Бежболдѣ; всего 30 дворовъ, а въ нихъ 94 чел.

2.—Деревня *Ватутина*, въ ней дворъ попа Василія Логинова, у него монастырскій служка, дв. просвирницы Овдотьицы Ивановой съ двумя сыновьями; третій сынъ съ тремя своими сыновьями, внучатами просвирни, жилъ въ особой избѣ; крестьянскихъ дворовъ 11, бобыльскихъ 24 двора, всего 37 дворовъ, а въ нихъ жило 112 челов.; одинъ бездворный бобыль жилъ въ сосѣдяхъ. Въ числѣ бобылей были портные мастера, затязошникъ съ ученикомъ, горшешникъ. Интересны прозвища нѣкоторыхъ крестьянъ и бобылей: Рожа, Буканъ, Стерлядка, Жила и т. п.

3.—Монастырскіе дворы въ *Казани на посадѣ*—въ одномъ дворѣ жилъ посацкій человѣкъ Іевка Борисовъ, который былъ записанъ и съ посацкими; въ другомъ дворѣ бобыль Васька Иконникъ съ дѣтьми; въ третьемъ дворѣ Казанскій Пушкарь Якунька Корниловъ, а наймуетъ тотъ дворъ погодно.

4.—Село *Рождественское*—Высокое—тожъ, въ немъ монастырскій дворъ, въ которомъ жили поперемѣнно старцы и нанятые работные люди Артюшка Денисовъ съ дѣтьми и Сережка Ларіоновъ, въ томъ же селѣ были дворы попа Іосифа Евфимова съ тремя сыновьями, у него сосѣдъ церковный дья-

ей пожаловано пустое дикое мѣсто, впослѣдствіи деревня Дикое Поле *). Мало-Юнгинскій монастырь, близъ г. Космо-

чокъ Родька Ивановъ съ сыномъ; дворъ пономаря Алешки Ларіонова съ двумя сыновьями; дв. просвирни вдовы Ульяницы, а у нея сосѣдка вдова Матренка Иванова дочь, а у послѣдней сынъ Мишка Ивановъ; крестьянскихъ 24 двора, бобыльскихъ 16 двор., а всего 34 двора, въ нихъ людей 132 человѣка (л.л. 94—95 об.).

5.—Деревня *Киндерь*, въ ней крестьянскихъ 37 дворовъ, бобыльскихъ 15 дворовъ, бездворныхъ бобылей, жившихъ въ сосѣдяхъ, было четыре человѣка, всего 52 двора, въ нихъ 189 чел. (л.л. 95 об.—97 об.).

6.—Починокъ *Щербаковъ*, въ немъ десять крестьянскихъ дворовъ, а въ нихъ жило 30 челов. (л. 97 об.—98).

V. Свіяжскій Богородицкій монастырь.

1.—Село *Мамадышъ*,—въ немъ дворъ монастырскій, на которомъ жилъ дворникъ Митька Алексѣевъ, дворъ попа Ѳедосѣя Степанова съ двумя сыновьями, у него же сосѣдъ Евфимка Архиповъ съ двумя сыновьями; дворъ пономаря Сергуньки Онисимова со внукомъ, въ томъ же селѣ крестьянскихъ 80 дворовъ, бобыльскихъ 47 дворовъ, всего 139 дворовъ, въ нихъ 545 человѣкъ (л.л. 98—103).

2.—Деревня *Красная Горка*, въ ней крестьянскихъ 45 дворовъ, въ нихъ жило 163 чел. (л.л. 103—104 об.).

3.—Дер. *Комарова, что былъ починокъ Комаровъ*,—въ ней крестьянскихъ 10 дворовъ, въ нихъ жило 39 человѣкъ (л.л. 104 об.—105).

4.—Дер. *Бѣляева*, что былъ *починокъ Бѣляевъ*,—въ ней 11 дворовъ крестьянскихъ, въ которыхъ жили 31 человѣкъ (л. 105).

5.—Деревня *Каменная Рѣка*, въ ней крестьянскихъ дворовъ девять, въ нихъ 34 чел. (л.л. 105 об.—106).

6.—Дер. *Максимова*, что былъ *Максимовъ Починокъ*, въ ней крестьянскихъ 14 дворовъ, въ нихъ жило 60 человѣкъ (л. 106).

7.—Въ селѣ Мамадышѣ мельница Большое Колесо на рѣчкѣ Вошмѣ, около той мельницы дворъ мельничный, а въ немъ жилъ старецъ Дорофей, да засыпка Илюшка Григорьевъ (л.л. 106—107).

VI. Ѳедоровскій монастырь, что на старомъ казанскомъ городищѣ.

1.—За нимъ по Арской дорогѣ дер. *Сидорова*, что была пустошь Сидоровская, въ ней монастырскій дворъ, на которомъ жили старцы Па-

*) Извѣстія по Каз. Епарх. 1869 г. стр. 336—347. Тутъ изданы старинныя грамоты о пожалованіяхъ монастырю рыбныхъ ловель, угодій и земель. Въ 1625 г. Ураевская пустынь приписана къ Московскому Новоспасскому монастырю, а около 1700 г. упразднена; церковь превращена въ приходную села Монастырскаго Урая.

демьянска, основанный позже Ураевской пустыни, благодаря близости къ городу и внимательности къ нему казанскихъ

велъ, да Стефанъ; крестьянскихъ 16 дворовъ, въ нихъ жило 60 человѣкъ (л. 107).

2.—По *Алацкой* дорогѣ починокъ *Макарова*, въ немъ мельничный монастырскій дворъ, въ немъ жили старецъ Іуда, да бобыль Якунька Семеновъ крестьянскихъ 12 дворовъ, всего 13 дворовъ, а въ нихъ жило 50 человѣкъ; одинъ дворъ пустой крестьянина, бѣжавшаго въ 154 году вмѣстѣ съ дѣтьми (л.л. 107—108 об.).

VII. Вятскаго Успенскаго монастыря вотчины.

1.—Село *Рождественское—Полянки* тожъ, въ немъ монастырскій дворъ, гдѣ жили старцы Прокофій, да дѣтеныш Ѳилька Григорьевъ и поваръ Ивашко Ивановъ. дворъ попа Петра Ѳедорова съ пятью сыновьями: Тимошкой, Абакумкомъ, Сенькой, Логинкомъ и Ивашкомъ; дворъ просвирни Лукерьицы Савельевой съ 5 сыновьями, у старшаго сына четыре своихъ сына. Если прибавить къ этому малолѣтнихъ и женскій полъ, то семья просвирницы будетъ очень почтенной; монастырскій конюшій дворъ, а на немъ жилъ пономарь Гришка Алексѣевъ, да дворникъ Трофимко Филиповъ съ сыномъ; крестьянскихъ 61 дворъ, бобыльскихъ 29 дворовъ; всего 94 двора, въ нихъ 343 человѣка (л.л. 108—111 об.).

VIII. Вятскаго Пыскорскаго Преображенскаго монастыря Усольскаго уѣзда.

Пыскорскому монастырю въ Казанскомъ уѣздѣ на Камѣ рѣкѣ на каменномъ городищѣ, ниже Елабуги принадлежалъ монастырь *Живоначальной Троицы*. Тому Троицкому монастырю принадлежала вотчина у монастыря.

1.—*Каменное Городище*,—въ немъ дворъ монастырскій, на немъ дворники Емелька Семеновъ, да Ивашка Ильинъ съ дѣтьми и сосѣдомъ; дворъ монастырскій, а въ немъ работниковъ 7 челов., изъ нихъ одинъ водовозъ; скотинный дворъ, а на немъ монастырскій вкладчикъ Родька Кондратьевъ, да Емелька Васильевъ сынъ пономарь (въ другомъ мѣстѣ среди монастырскихъ крестьянъ встрѣчается сынъ поповъ—л. 98), тутъ же жили пастухъ и поваренные люди. Такимъ образомъ у Троицкаго монастыря въ слободкѣ было три монастырскихъ двора, въ нихъ всякихъ работниковъ 21 чел., да бобыльскихъ дворовъ 7, всего 10, а въ нихъ жило 43 чел. (л.л. 111 об.—112).

Къ слободѣ Каменному Городищу:

2.—Село *Бетьки*—въ немъ 40 крестьянскихъ дворовъ, бобыльскихъ 14 дворовъ, всего 54 двора, въ нихъ жило 230 человѣкъ. (л.л. 112 об.—114). Бѣлаго духовенства не было. Вѣроятно служили монахи или бѣлое духовенство села Бетьковъ стояло внѣ всякихъ отношеній къ монастырю.

іерарховъ, особенно м. Тихона (1699—1724 г.), къ началу XVIII вѣка значительно обогатился, владѣя селомъ Ахмыло-

---

3.—Дер. *Соболекова*, въ ней 19 крестьян. дворовъ, въ которыхъ жило 73 челов. (л.л. 114—115).

4.—Дер. *Простяки*, въ ней крестьянскихъ 14 дворовъ, бобыльскихъ 5 дв. всего 19 дворовъ, а въ нихъ 57 человѣкъ (л.л. 115—116).

5.—Дер. *Танайка*, въ ней монастырскій дворъ, въ немъ жилъ монастырскій служка Ивашка Алексѣевъ съ пасынкомъ, крестьянскихъ 25 дворовъ, бобыльскихъ 16 двор., всего 41 дворъ, въ нихъ людей 132 человѣка (л.л. 116—117).

IX. Вознесенскій Седміозерный монастырь, въ казанскомъ уѣздѣ по Алацкой дорогѣ.

Протасій—старецъ Вознесенскаго монастыря, что на семи озерахъ, сказалъ переписчикамъ, что «ихъ въ томъ монастырѣ двадцать девять братовъ, а кормятца мотыками» (л. 117 об.). Очевидно прежніе иноки Седміозерной пустыни кормились огородничествомъ.

X. Осинскаго Преображенскаго монастыря

въ селахъ, деревняхъ и починкахъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ—

1.—Село *Преображенское*, противъ Осы на Камѣ рѣкѣ, въ немъ крестьянскихъ 9 дворовъ (одинъ Ефимки Иванова, сына пономарницына), бобыльскихъ 20 дворовъ, всего 29 дворовъ, а въ нихъ жило 117 человѣкъ (л.л. 117 об.—118 об.).

2.—*Село Троицкое, что на Дуброве*, въ немъ дворъ монастырскій, на которомъ жили старцы Гурій, да Гермогенъ, да Ефремъ и служка Никифорко Ерофеевъ; дв. попа Авдія Варфоломѣева съ тремя сыновьями, дворовъ крестьянскихъ 50, въ нихъ людей 200 чел. (118 об.—120 об.).

3.—Починокъ *Бабкинъ*, въ немъ одинъ дворъ крестьянскій, въ которомъ жила одна семья, состоящая изъ пяти человѣкъ (л. 120 об.).

4.—Дер. *Степанова*, въ ней монастырскій дворъ, на которомъ жилъ старецъ съ работникомъ, у послѣдняго три сына; крестьянскихъ 3 двора, въ нихъ 13 человѣкъ (л. 120 об.—121).

5.—Въ Сарапульскомъ уѣздѣ Осинскаго Преображенскаго монастыря деревня Сайгатка на усть Сайгатки рѣчки на Камѣ рѣкѣ; въ ней 4 крест. двора, въ которыхъ жило 17 человѣкъ (л. 121).

6.—Того же уѣзда деревня *Банная* на Камѣ рѣкѣ, въ ней монастырскій дворъ, въ немъ жилъ старецъ Ѳедосѣй, крестьянскихъ дворовъ три, бездворный бобыль съ двумя сыновьями жилъ на монастырскомъ дворѣ, всего въ деревнѣ Банной жило монастырскихъ людей 15 чел. (л. 121).

7.—Дер. *Частые*, въ ней монастырскій дворъ, а во дворѣ служебникъ

вымъ (Предтеческое тожъ) и деревнями Руткой, Болонихой, Красногоркой, Гавренихой и Сосновкой [1]). По переписи 1678 г. въ его владѣніяхъ было 33 крестьянскихъ двора, а по свидѣтельству Генералитета (1710 г.) 423 души; въ 1732 г. за нимъ значилось на двѣ души меньше, а въ 1753 г. на 22 души больше [2]). Изъ уѣздныхъ монастырей богаче Юнгинскаго монастыря былъ Троицкій Чебоксарскій монастырь, основ. въ 1574 г. Въ 1678 г. въ его владѣніяхъ насчитано 113 дворовъ, по свидѣтельству Генералитета 539 душъ; земли по дачамъ было по 506 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей, сѣнныхъ покосовъ 695 копенъ, одна мельница и рыбная ловля въ Волгѣ. Троицкому Чебоксарскому монастырю принадлежали деревни: Баннова, Гремячева, Завражная, Набережная, Соляная и Якимова [3]). Кромѣ указанныхъ монастырей въ Казанской епархіи состояли вотчинные монастыри: Успенскій Болгарскій (180 душъ), Благовѣщенскій Сызранскій (100 дворовъ), Вознесенскій Ядринскій (2 двора), Кизичскій (46 дв.), Мироносицкая пустынь (21 дв.), Покровскій Кукарскій (по свид. Генерал. 235 душъ), Рапеская пу-

---

Васька Парфеновъ, сынъ Устюженинъ и одинъ дворъ крестьянскій Пашки Иванова (л. 121 об.).

8.—Дерев. *Давыдовка*,—въ ней крестьянинъ Макарка Гавриловъ сынъ Серяшевъ съ дѣтьми съ Юркою, да съ Кандрашкомъ, да съ Платонкомъ (л. 121 об.).

[1]) Извѣстія Общ. Археол., Ист. и Этногр. т. XIII, вып. I, стр. 6—7.

[2]) Приложенія... стр. XIV (тутъ показано количество земли: лѣса, сѣна, и угодій). Изв. Общ. Арх., Ист. и Эти. т. XIII, в. I, стр. 7.

[3]) Приложенія... стр. XVI, Изв. Общ. Арх., Ист. и Эти. т. XIV, в. 4, стр. 547—555. Тутъ въ статьѣ В. Магницкаго «Городъ Чебоксаръ по 2 народной переписи 1742—1748 гг. «имѣются очень интересныя свѣдѣнія о владѣніяхъ чебоксарскихъ монастырей: Троицкаго, Николаевскаго дѣвичьяго, Новопостроеннаго Срѣтенскаго монастыря, Спасо-Преображенскаго близъ Чебоксаръ (ему принадлежала деревня Голодяиха, подгородная монастырская слобода и село Троицкое—Сорма тожъ), пустынь: Геронтіевой, имѣвшей покупныхъ людей и Владимірской пустыни, къ которой былъ причисленъ нѣкто «полской нацы Архипъ Григорьевъ, умершій въ 1740 году. Въ статьѣ есть свѣдѣнія и о церквахъ г. Чебоксаръ.

стынь (34 дв.), Спасо-Геронтіева пустынь (16 дв.), Спасскій Чепочскій Уфимскій монастырь (145 двор.), Срѣтенская пустынь (4 двора), Троицкая Черноозерская пустынь (земли 30 четв. 15 дес., сѣнныхъ покосовъ 100 копенъ), Успенскій Сарапульскій (10 двор.), Успенскій при г. Уфѣ (95 двор.); всѣ они имѣли въ вотчинахъ отъ 2 до 145 дворовъ по переписи 1678 г. [1]).

Какъ велось монастырское хозяйство и въ какихъ отношеніяхъ крестьяне находились къ монастырямъ, отчасти видно изъ вѣдомостей (1739—1741 г.), приложенныхъ къ настоящей статьѣ (стр. I—XIV). Монастыри обработывали землю, пользуясь приплоднымъ хлѣбомъ, косили сѣно, водили скотъ, продавали его, содержали мельницы, мололи на нихъ зерно, собирая помольный хлѣбъ и т. п. Крестьяне оброчились у монастырей. Оброкъ платился деньгами и *столовыми* припасами: свининой, гусятиной, бараниной, коровьимъ масломъ, яйцами, орѣхами, ягодами и *конюшенными* припасами—телѣгами, санями, дровнями, хомутами, возжами, лопатами, ведрами, лубками, рогожами, дровами и т. п. Монастырскія средства увеличивались синодишными вкладами на поминъ души, сборными въ кружки и вообще мірскимъ подаяніемъ.

Мірское подаяніе было однимъ изъ главныхъ, если только не самымъ главнымъ средствомъ содержанія мало-вотчинныхъ и безвотчинныхъ монастырей. Въ женскихъ монастыряхъ къ мірскому подаянію присоединялось рукодѣліе, т. е. личный трудъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мужскихъ монастыряхъ иноки питались также дѣлами своихъ рукъ, напр., объ инокахъ Вознесенскаго Яранскаго монастыря въ вѣдомости 1739—1741 г.г. замѣчено, что они питаются своими трудами и мірскимъ подаяніемъ, а крестьяне, которыхъ по свид. Генералитета у монастыря было 40 душъ, исправляли всякое мона-

---

[1]) Приложенія.... стр. III, VI, VII и др. ср. впереди прим. 5 стр. 10. Елабужскій Троицкій монастырь — Каменное Городище въ 1739—1741 г. принадлежалъ казан. архіер. дому.

стырское изѣліе. Очевидно братія небогатыхъ казанскихъ монастырей, въ томъ случаѣ, когда монастырь имѣлъ даровыхъ работниковъ, не покладала своихъ рукъ. Монахи Соловецкой Симбирской пустыни питались также отъ своего рукодѣлія и мірскимъ подаяніемъ [1]). Такой способъ содержанія небогатыхъ казанскихъ монастырей относится къ сравнительно позднему времени, хотя и раньше монахи кормились дѣлами рукъ своихъ, напр. „мотыками“ т. е. огородничествомъ, какъ замѣчено, объ инокахъ Седміозерной пустыни.

Лучшей порой, въ смыслѣ внѣшняго процвѣтанія казанскихъ монастырей, считается конецъ XVI в. и первая половина XVII в. Возникновеніе большинства монастырей и ростъ ихъ владѣній съ широкими владѣльческими правами падаетъ на это время. Постройка каменныхъ храмовъ и устройство братскихъ келій относится къ тому же періоду.

Монастырь все еще оставался притягательной силой для русскаго человѣка и руководителемъ его въ духовныхъ и житейскихъ дѣлахъ. Многіе искали успокоенія въ святыхъ обителяхъ, сдѣлавъ посильные вклады. Правительство, какъ замѣчено, цѣнило разностороннее значеніе казанскихъ монастырей и старалось поддерживать ихъ въ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ русскаго человѣка, искавшаго утѣшенія въ мирныхъ обителяхъ. Къ сожалѣнію миръ иноческихъ обителей постепенно начиналъ нарушаться. Въ монастыряхъ, не исключая казанскихъ, строгія правила монастырской жизни порасшатались. Монашествующіе стали нуждаться въ постоянныхъ напоминаніяхъ о томъ, что иноки забыли свои обѣты. Насколько общій упадокъ монашеской жизни коснулся казанскихъ монастырей, сказать трудно. Несомнѣнно только то, что правительственныя и епархіальныя распоряженія не исключали казанскихъ монастырей. Правительство, видимо, переставало довѣрять самому вѣрному классу подданныхъ русскаго царя и такимъ образомъ значеніе монастырей постепенно слабѣетъ.

---

[1]) Приложенія стр. VI, X,

Постепеннаго ослабленія монастырскаго вліянія, конечно, нельзя объяснять исключительно упадкомъ иноческаго житія. Были другія обстоятельства и причины, по которымъ государственныя заслуги монастырей отодвигались въ область прошлаго. Укажемъ кратко эти причины и обстоятельства.

Къ половинѣ XVII в. сильныя смуты на Руси улеглись. Государство крѣпко сплотило всѣ русскія окраины. Казанскій край считался уже не новымъ. Ста лѣтъ было достаточно, чтобы онъ, войдя въ неразрывный составъ Русскаго государства, сдѣлался русскимъ. Монастырская колонизація замѣнена правительственной. Царская служба объединила русскихъ и татаръ, тѣ и другіе, въ качествѣ служилыхъ людей, получаютъ помѣстья и населенныя вотчины или населяютъ ихъ при содѣйствіи правительства. За монастыремъ остается, хотя важная, но незамѣтная духовная миссія. Но и миссіонерское значеніе монастырей тоже слабѣетъ вслѣдствіе увеличенія русскаго элемента и распространенія христіанства среди иновѣрцевъ-язычниковъ и магометанъ. Миссія сопровождается увеличеніемъ приходскихъ храмовъ. Эти послѣдніе всегда могли удовлетворять религіозному чувству православнаго человѣка. Вполнѣ естественно, что вниманіе правительства, епархіальной власти и мірянъ начинаетъ отвлекаться отъ монастырей. При такихъ условіяхъ легко было ослабѣть монастырской жизни и монастырскому вліянію въ казанскомъ краѣ.

Наконецъ ко второй половинѣ XVII в. почти заканчивается постройка казанскихъ городовъ, а въ нихъ монастырей. Съ развитіемъ колонизаціи и устройствомъ городовъ пустынножительство и отшельничество слабѣютъ и становятся почти невозможными. Понятно, что при такихъ условіяхъ можно говорить только о постепенномъ ослабленіи монашескаго житія и вліянія самихъ монастырей. Монастырь привлекаетъ богомольца, но не вкладчика. Правительство, взявъ непосредственно на себя заботы по устройству русскихъ окраинъ, не только само сокращаетъ пожалованія монастырямъ земель и угодій, но и частнымъ лицамъ запрещаетъ отдавать въ монастыри на по-

минъ души свои земли и вообще недвижимыя имущества. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) значительно подорвало и сократило владѣльческія права монастырей, ослабивъ внѣшнюю силу ихъ, какъ юридическихъ лицъ.

Вторая половина XVII в. была временемъ не скрытой и глухой борьбы за права церкви, но временемъ бурныхъ движеній, во главѣ которыхъ всталъ патріархъ Никонъ, ратовавшій противъ Монастырскаго Приказа, учрежденнаго Уложеніемъ и ослабившаго вообще церковную власть. Ослабленіе сказалось особенно на монастыряхъ. Свѣтскія власти, замѣтивъ правительственныя движенія не въ пользу церковныхъ учрежденій, въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ укоряли черное и бѣлое духовенство. Въ борьбѣ неравныхъ силъ одна сторона должна была ослабѣть и сдаться. Сдавшейся оказалась церковная власть. Расколъ много повредилъ монастырямъ и духовенству. Тѣмъ не менѣе до XVIII вѣка въ жизни русскихъ монастырей, вчастности казанскихъ, не замѣтно большихъ перемѣнъ. Все еще шла подготовка къ этимъ перемѣнамъ. Нельзя назвать совершенно ошибочнымъ взглядъ, что время патріаршества на Руси было золотымъ вѣкомъ для русскаго монашества. Дѣйствительно патріархъ былъ защитникомъ монастырей и когда его не стало (1700 г.), положеніе русскихъ монастырей весьма измѣнилось, конечно, къ худшему. Это случилось съ воцареніемъ Петра, составившаго на все крайне утилитарный взглядъ и непонимавшаго монашества по его существу. Петръ I потребовалъ отъ монастырей не того служенія, какое указано выше, а служенія матеріальнаго.

II.

Государственныя и церковныя преобразованія Петра сломили силу русскаго монашества. Этотъ, такъ сказать, жизненный нервъ древне-русскаго общества убитъ новыми понятіями и новыми взглядами на самую жизнь и цѣль жизни. „Свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ міряномъ иноки“ говорили

старо-русскіе люди, считая монастырь мѣстомъ воплощенія христіанскаго идеала. Монашество считалось даже „выше царской державы", когда монастырь жилъ полною жизнью, сосредоточивая интересы церковной, общественной и государственной жизни, когда монашество въ лицѣ іерарховъ, игуменовъ и аскетовъ-подвижниковъ стояло во главѣ полуцерковнаго государственнаго строя до-петровской Руси. Но, какъ замѣчено, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ монашество къ концу XVII в. почти утратило свои идеальныя свойства и добрые старцы перевелись. Ихъ замѣнили такіе старцы, о которыхъ Петръ говаривалъ, что „они многому злу корень".

Петръ былъ человѣкомъ не безъ крайностей, особенно когда его мысли сосредоточивались на политическомъ и экономическомъ могуществѣ Русскаго Государства, которому должно было служить все до забвенія собственныхъ интересовъ. Царь съ такими понятіями и взглядами не видѣлъ прямой пользы отъ современнаго ему монашества, а монашество, заключившись въ узко монастырскихъ интересахъ, не понимало Петра, называя его стремленія ослабить силу монашества „кознями врага рода человѣческаго". Раздраженные монахи обозвали Петра „антихристомъ". Петръ съ своей стороны въ каждомъ монахѣ видѣлъ безполезнаго члена общества, въ то время какъ каждый крестьянинъ являлся троеданникомъ: государству, помѣщику и дому своему [1]). Петръ думалъ, что большинство постриженниковъ бѣгутъ въ монастырь по лѣности отъ податей, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть. Взгляды Петра на монашество были общими съ взглядами знаменитаго Ѳеофана Прокоповича—этого второго „я" Петра въ церковныхъ преобразованіяхъ. Мрачные взгляды на монашество раздѣляли многіе изъ современниковъ Петра, напр. извѣстный крестьянинъ-публицистъ Иванъ Посошковъ [2]).

Крайній взглядъ Петра на монашество проникаетъ всѣ указы и всѣ распоряженія его относительно монастырей, при

[1]) Пол. Собр. Зак. Р. Имп. VII, № 4450.

[2]) Сочиненія... I, 133, 135.

чемъ не полагается различія между монахомъ и монастыремъ. Идеи Петра нигдѣ не проведены такъ послѣдовательно и такъ рѣзко, какъ въ распоряженіяхъ о монашествѣ. Монашество всюду и во всемъ стѣснено. Съ первыхъ годовъ царствованія Петра идутъ указъ за указомъ, распоряженіе за распоряженіемъ касательно внѣшней и внутренней жизни чернаго духовенства и средствъ содержанія его.

Петровскіе указы о монастыряхъ и монастырскихъ вотчинахъ не были мертвой буквой; они сразу приводились въ исполненіе. Указы, вышедшіе до изданія Духовнаго Регламента и учрежденія Синода, касались, главнымъ образомъ, внѣшней, преимущественно, экономической стороны въ жизни монастырей. Первымъ стѣснительнымъ указомъ петровскаго времени былъ указъ 1696 года, которымъ запрещалось монастырямъ употреблять монастырскія деньги на какія-бы то ни было каменныя или деревянныя постройки безъ царскаго указа или грамоты изъ Приказа Большого Дворца. Въ Приказъ Большого Дворца гребовалось доставлять приходо-расходныя книги изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей [1]). Приказъ Большого Дворца въ данномъ случаѣ являлся контрольнымъ учрежденіемъ надъ монастырями. Непосредственное завѣдываніе церковными вотчинами, сборъ доходовъ и пользованіе средствами пока принадлежали непосредственно епархіальной и монастырской власти. Когда правительство желало воспользоваться церковными средствами, то просило объ одолженіи и съ благодарностью принимало жертвы отъ церковныхъ учрежденій [2]).

Просить объ одолженіи было не въ характерѣ полновластнаго Петра. Онъ на правахъ неограниченнаго собственника въ государствѣ задумалъ пользоваться церковными доходами для государственныхъ нуждъ. Лучшимъ исполнителемъ царскихъ намѣреній былъ Монастырскій Приказъ, возстанов-

[1]) Акт. Археогр. Экспед. IV, № 315.

[2]) Румянц. Муз. Собраніе Рукописей Бѣляева № 13 (1521) л. 152; Арх. Мин. Юст. Прих.-расх. кн. Рост. епарх. № 163 лл. 22, 30 (по Казен. Патр. Приказу).

ленный въ 1701 году [1]). Монастырскому Приказу, во главѣ котораго стоялъ Мусинъ Пушкинъ, предоставленъ не только контроль, но и завѣдываніе монастырскими доходами. Вмѣсто посельскихъ старцевъ и старостъ въ монастырскихъ вотчинахъ явились прикащики, находившіеся въ распоряженіи Монастырскаго Приказа. Монастырское хозяйство взято подъ строгую опеку правительства. Такая важная монастырская реформа оправдывалась, точнѣе прикрывалась, идеальными стремленіями возвысить монашество и монастыри, освободивъ ихъ отъ мірскихъ заботъ и обязанностей по управленію вотчинами. Надъ вопросомъ объ обезпеченіи монастырей думали не долго. Не прошло года послѣ передачи монастырскаго хозяйства и доходовъ въ вѣдѣніе Монастырскаго Приказа, какъ вышелъ указъ (1701 года) давать въ монастыри монахамъ и монахинямъ опредѣленные оклады деньгами и хлѣбомъ „въ общежительство ихъ“. Вотчинами и угодьями монастырямъ не велѣно владѣть, не ради раззоренія ихъ, но ради лучшаго исполненія монашескаго обѣщанія, понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбными руками пищу промышляли и общежительно живяше, многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питаше. „Сея ради вины“ царь указалъ учинить равное даяніе, какъ начальнымъ, такъ и подчиненнымъ монахамъ: каждому по 10 руб. деньгами и хлѣба по 10 четвертей, а дровъ сколько потребуется. Жалованье монахамъ должно идти изъ монастырскихъ доходовъ, съ вѣдома Монастырскаго Приказа. Гдѣ не доставало доходовъ, тамъ предполагалось сократить число монастырскихъ слугъ и служебниковъ. Остатки, послѣ выдачи опредѣленнаго жалованья, предполагалось употреблять на пропитаніе нищихъ въ богадѣльняхъ или отдавать въ убогіе монастыри. Въ бѣдные монастыри, куда отпускалось царское денежное и хлѣбное жалованье, указано, по прежнему, давать его, но въ весьма ограниченномъ размѣрѣ „безъ чего пробыть

[1]) О Монастырскомъ Прикавѣ см. спеціальное изслѣдованіе о. М. Горчакова. СПб. 1867 г.

невозможно [1]). Указъ относился къ мужскимъ и женскимъ монастырямъ и составляетъ цѣлую эпоху въ жизни русскихъ монастырей. Особыми наказами предлагалось братію питать умѣренно [2]).

Для знакомства съ состояніемъ и средствами монастырей съ 1701 года стали посылать переписчиковъ съ строгими наказами. Въ Московскомъ Главн. Арх. Мин. Юст. по Архиву Монастырскаго Приказа отъ 1701—1702 г. сохранились цѣлые десятки переписныхъ книгъ разныхъ монастырей, помимо переписей при дѣлахъ Монастырскаго Приказа. Есть книги, содержащія переписи нѣсколькихъ монастырей. Одновременно съ переписью храмовъ, утвари, строеній, числа монашествующихъ, наличныхъ средствъ переписывались вотчины, земли, угодья, доходныя статьи т. п. Однихъ стольниковъ для переписки вотчинъ церковныхъ учрежденій было разослано во всѣ концы Россіи до 40 человѣкъ [3]).

Правительственныя распоряженія и переписи не обошли казанскихъ монастырей. Наказы казанскимъ переписчикамъ доходили до мелочей. Одинъ изъ такихъ наказовъ былъ данъ переписчику стольнику Стефану Юрьевичу Митусову, отправившемуся въ 1702 году въ Свіяжскій Богородицкій монастырь для переписи церквей, иконъ, церковной утвари и денегъ. Митусовъ привезъ строгій царскій указъ, которымъ запрещалось монашествующимъ, безъ царскаго разрѣшенія и указа изъ Монастырскаго Приказа, брать деньги себѣ и служителямъ на жалованье, а равно платить по подряду неводнымъ, огороденнымъ и наемнымъ работникамъ. Монастырскія власти должны были опасаться брать денегъ, чтобы заготовить про братскій обиходъ на зимнее время огурцовъ, капусты и вся-

[1]) П. С. Зак. IV, №№ 1834, 1886 ср. Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената по Монастырскому Приказу и Синодал. Эконом. Правленію 1730—1731 г. л. 83.

[2]) Арх. М. Ю. Переписн. кн. Вятск. епарх. № 55 л. 1—4 (Монастыр. Приказа).

[3]) Тамъ же, дѣл. Монастырск. Приказа 1702 г., вязка 209, № 21, ср. П. С. З. IV, № 1834.

каго зимняго харча. Чтобы купить сала для монастырскихъ мельницъ или заготовить кузпечныхъ углей для поправки мельничныхъ снастей и произвести разныя починки требовалось царское разрѣшеніе чрезъ Монастырскій Приказъ.

Братіи Свіяжскаго монастыря было положено опредѣленное жалованье. За первое полугодіе (съ 1 янв. 1702 г. по 1 іюля) это жалованье было выдано по окладу [1]), но за второе полугодіе жалованье не выдавалось. Архимандриту Симеону, келарю Манассіи съ братіей пришлось писать въ Монастырскій Приказъ и просить разрѣшенія безденно взять положенное жалованье изъ монастырскихъ денегъ, чтобы было чѣмъ кормиться и чтобы мельницы безъ сала не остановились. Челобитье писано 2 ноября 1702 г. Такимъ образомъ четыре мѣсяца свіяжскіе монахи оставались безъ жалованья. По ихъ челобитью наведена справка въ Монастырскомъ Приказѣ по переписи Митусова и оказалось, что по Свіяжскому монастырю на жалованье наличному составу монашествующихъ 99 человѣкамъ по окладу въ 10 руб. сверхъ прихода не доставало 245 руб., 25 алт., а весь монастырскій расходъ превышалъ приходъ на 563 рубля 20 алт. 1 ден. [2]).

---

[1]) Арх. М. Ю. по Монаст. Прик. д. № 62. Съ 1 янв. по 1 іюля выдано жалованья: архимандриту 5 руб., казначею 2 руб. 16 ал. 4 д. (2 руб. 50 коп.), *нелюбомысской земли епископу* съ келейникомъ зажилыхъ кормовыхъ 11 руб. 9 алт. 4 д., рядовымъ монахамъ 63 руб. 26 алт., келейнику 1 руб. 20 алт., бѣлымъ дьячкамъ, кондристу, псаломщику 11 р. 4 д., слугамъ 33 р. 25 алт., конюхамъ 16 руб. 21 алт., лошкомоямъ 1 руб. 10 алт., повору 4 руб. 27 алт., бочару, сторожамъ, истопникамъ, кузнецамъ, мельничнымъ засыпкамъ, солодорастникамъ, кормовому, водовозу, извозчику 34 руб. 16 алт. 4 д. всего за полгода роздано 202 руб. 3 алт. 4 д.

[2]) Тамъ же. Интересны справки, наведенныя по переписи стольника Митусова, которой въ подлинникѣ или въ копіи намъ не удалось найти. Приведемъ справку въ сокращеніи.—Въ монастырѣ—архимандритъ, келарь, казначей и т. д. всего 99 человѣкъ; *доходовъ* синодишныхъ 32 алт. 2 ден., съ мельницъ помольныхъ и извозныхъ 422 руб. 28 алт., съ рыбныхъ ловель оброчныхъ и за продажную рыбу 124 руб. 6 ден., съ пустошей, перевозовъ, сѣнныхъ покосовъ 107 руб. 29 алт., за продажную муку 21 алт., съ крестьянъ за монастырскія издѣлія и за дрова, лучину, смолу и т. п. 75 р. 30 алт. за гусей, барановъ 3 р. 25 алт.. *Служителей*: 1 подъячій, слугъ 11, конюховъ 11,

Если такимъ образомъ въ богатомъ Свіяжскомъ монастырѣ всѣхъ доходовъ не доставало на одно жалованье, то

поваровъ 2, приспѣшныхъ 2, шеваръ, лошкомой, гвоздарь, пивоваръ, поваренныхъ, квасоваренныхъ, водовозныхъ работниковъ 11. Сколько было дворовъ за монастыремъ въ Приказѣ не значилось. По приходнымъ книгамъ 1701 года синодишныхъ 31 алт. 2 ден., съ мельницъ и изгозныхъ 462 руб., съ рыбныхъ ловель, покосовъ, за лопаточную (?) и продажную муку 232 руб. 17 алт. 4 ден., съ крестьянъ за работниковъ, за хомутины и т. п. 75 руб. 30 алт., за продажныя бревна, телѣги, боченки 2 р. 31 алт. 4 д., всего приходу 744 руб. 7 алт. 4 деньги. Въ *расходѣ* 1701 г. на промѣнъ иконъ 3 руб. 31 алт., свѣчъ, ладону, воску 60 руб, 25 алт. 2 ден., попамъ молебенныхъ и славленныхъ 12 руб. 15 алт. 4 ден.; архимандриту и братіи 99 человѣкамъ 178 руб. 19 алт. 2 д., подъячимъ, служебникамъ, конюхамъ, сторожамъ, мельникамъ, засыпкамъ, кузнецамъ, работнымъ и всякаго чина людямъ 318 руб. 27 алт., на покупку рыбы и всякаго харчу 126 руб. 1 алт. 4 д., корицы, гвоздики, ягодъ 1 руб. 7 алт. 2 д., меду сырцу 25 руб. 25 алт. 4 ден., за крестьянъ государственныхъ податей доимочныхъ 17 руб. 5 алт. 5 ден., приказнымъ людямъ за работу и на бумагу 32 руб. 22 алт. 5 ден., покупка мѣди и олова 128 руб. 25 алт., желѣза 141 руб. 27 алт., хмѣля 4 руб. 26 алт., свѣчей 21 руб. 27 алт., бревенъ, тесу драни 45 р. 12 алт. 2 д., дровъ—6 р. 26 алт., конюшенные припасы—сани, телѣги и т. п, 10 руб. 18 алт. 2 ден., покупка лошадей 18 руб. 16 алт. 4 ден., сборочныхъ за сѣнные покосы въ платежъ по засѣчнымъ кабалямъ 53 руб. 17 алт. 4 д., мелочные расходы—рыбныя и мелочныя снасти, лотки, рогожи, лопаты 103 руб. 15 алт. 1 ден., всего въ расходѣ 1301 руб. 27 алт. 5 ден., противъ прихода больше на 563 руб. 20 алт. 1 ден.

За вторую половину 1702 г. съ 1 іюля по 1 янв. 1703 г. жалованья причиталося—монахамъ съ архимандритомъ 178 р. 19 алт. 2 д., подъяку 4 руб. 12 четв. хлѣба, слугамъ—одному 8 р. и хл. 24 четв., пятерымъ по 4 руб. и 10 четв. хлѣба, конюхамъ 9 челов.—двумъ по 2 руб. 16 алт. 4 ден. и хлѣба по 10 четв., семерымъ по 2 руб. и по 10 четв. хлѣба, поварамъ—одному 3 руб., другому 1 руб. и хл. по 8 четв., приспѣшникамъ одному 3 руб., другому рубль 26 ал. 4 ден. хлѣба по 8 четв., двумъ шеварамъ по 1 руб. 20 алт., лошкомою 1 р. 17 алт. 4 ден., двумъ кузнецамъ—одному 3 руб. 16 алт. 4 ден., другому 3 руб. и хл. 10 четв., гвоздарю 3 р., хл. 8 четв., повару 3 руб., хл. 8 четв., поварамъ, квасоварамъ и воротникамъ 11 чел. по 2 руб. 6 алт. 4 ден. хл. 6 четв. 1½ чк.—итого денегъ 121 руб. 20 алт., хл. 392 четв., всего всѣмъ жалованья 300 руб. 6 алт.

А въ указѣ Великаго Государя, какой состоялся въ прошломъ 1701 году 30 декабря за помѣтой думнаго дьяка Автонома Ивановича написано (излагается указъ объ окладѣ въ 10 руб.). Если положить каждому монаху по указу 1701 г. по 10 руб. и 10 четв. хлѣба, то противъ дохода не достаметъ на 99 челов. 245 руб. 25 алт.

что сказать о бѣдныхъ монастыряхъ Казанской епархіи, на долю которыхъ предназначались остатки отъ богатыхъ монастырей.

Правительство предвидѣло затрудненія по содержанію бѣдныхъ монастырей, поэтому не коснулось ихъ доходовъ. Да и вообще судьба бѣдныхъ монастырей мало интересовала правительство. Скоро оно приняло особыя мѣры, чтобы избавиться отъ расходовъ на содержаніе маловотчинныхъ и безвотчинныхъ монастырей, о чемъ рѣчь впереди.

III.

Познакомившись съ состояніемъ монастырей и ограничивъ содержаніе монашествующихъ введеніемъ штатныхъ окладовъ, Петръ пошелъ дальше. Указомъ 1704 года всѣ монастырскія угодья и доходныя статьи—рыбныя ловли, мельницы, перевозы, пчельники, бани и т. п. обращены въ казенныя оброчныя статьи [1]). Казанскіе монастыри, имѣвшіе владѣнія по рѣкамъ, вслѣдствіе указа 1704 года, лишились значительной части своихъ доходовъ. Помольныя деньги съ монастырскихъ мельницъ, взятыхъ на государя, поступали въ казну, между тѣмъ мельники, засыпки, кормъ, обувь и все необходимое для содержанія мельницъ и мельниковъ было отъ монастырей [2]). То же нужно сказать и о рыбныхъ ловляхъ.

Правительство, отнявши у церковныхъ учрежденій доходныя статьи, заботилось только объ исправномъ поступленіи оброковъ, а не о развитіи дѣла, возложивъ ремонтъ мельницъ на монастыри. Монастыри, считаясь владѣльцами мельницъ, не имѣли никакого преимущества при оброчной арендѣ ихъ. Поэтому монастырскія мельницы часто попадали въ руки совершенно сторонннхъ лицъ, которыя, въ качествѣ аренда-

[1]) Арх. М. Ю. Монаст. прик. д. 1704 г., вязка 209, № 17. Ср. Оп. Док. и Д. Арх. Св. с. III, № 173.

[2]) Оп. Докум. и Д. Арх. Св. С. I, № 91.

торовъ, мало заботились о цѣлости и исправности ихъ. Чрезъ пятнадцать лѣтъ, послѣ указа 1704 года, многія монастырскія мельницы запустѣли или полуразрушились. Правда, всякія мельничныя починки, новыя постройки возлагались на монастырскихъ крестьянъ, но требовать отъ монастырей исправнаго содержанія мельницъ было несправедливостью, по одному тому, что монастыри, по отношенію къ своимъ оброчнымъ статьямъ, взятымъ на Государя, не выравнивались даже съ другими владѣльцами. Напр., за шляхетствомъ оставлено право держать на оброкѣ свои мельницы съ уплатой казнѣ четвертой доли помольныхъ денегъ; у монастырей не оставалось и этого права. Казанскій архіерейскій домъ въ лицѣ м. Тихона просилъ о возвращеніи ему оброчныхъ мельницъ на условіяхъ одинаковыхъ съ шляхетствомъ [1]). Вслѣдъ за архіерейскимъ домомъ казанскіе Спасо-Преображенскій, Успенскій Зилантовъ, Троицкій Ѳедоровскій и Кизическій монастыри въ 1723 году 15 марта просили, чтобы ихъ мельницы отдавались въ оброчное содержаніе монастырскимъ крестьянамъ, а не сторонним откупщикамъ [2]). Такая просьба вызывалась несомнѣнно тѣмъ, что монастырскіе крестьяне, на обязанности которыхъ лежала поправка мельницъ, имѣли большее право на аренду ихъ, чѣмъ сторонніе лица. Это съ одной стороны, съ другой— сами монастыри чрезъ своихъ крестьянъ становились ближе къ своей собственности, имѣя возможность строже слѣдить за исправностью мельницъ. Сторонніе лица, получавшіе монастырскія мельницы въ оброчное владѣніе съ торговъ за повышенныя цѣны, конечно, не имѣли разсчета убивать доходы на поправку чужихъ мельницъ. Впрочемъ, сами губернскіе и провинціальные воеводы и камериры замѣтили злоупотребленія и стали просить Сенатъ передать монастырскія мельницы въ пользованіе и содержаніе самихъ владѣльцевъ изъ средняго

[1]) Тамъ же, III, № 173. У архіерейскаго дома отобрано было 30 мельницъ и «про доховой обиходъ» не оставлено ни одной.

[2]) Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Син. III, № 237.

оброка. Передача состоялась 1 іюня 1726 года [1]). Но, кажется, было поздно. Въ продолженіе 20 лѣтъ нѣсколько казанскихъ монастырскихъ мельницъ полуразрушилось. Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда не поправлять ошибокъ.

До 1710 года сборы съ оброчныхъ статей казанскихъ монастырей поступали въ Монастырскій Приказъ; съ 1710 года они перешли въ губернскія канцеляріи. Въ этомъ году закончилось первое распредѣленіе Россіи на губерніи, во главѣ которыхъ встали губернаторы. При учрежденіи губерній Петръ имѣлъ двоякую цѣль, во-первыхъ, всенародную пользу, во вторыхъ, *удобство присматриваться къ денежнымъ сборамъ* и всякимъ дѣламъ. Царь-политикъ былъ убѣжденъ, что внѣшняя безопасность и спокойствіе народа внутри государства много зависитъ „отъ правильнаго съ благоразуміемъ устроеннаго раздѣленія государства на части [2])". Царь-экономистъ,

---

[1]) Тамъ же, I, № 91. Пол. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Правосл. Исп. т. V, № 1791.

[2]) Пол. Собр. З. Р. И. IV, № 2218. Указъ о раздѣленіи Россіи на губерніи вышелъ въ 1708 году. Имъ учреждалось восемь губерній. Въ составъ Казанской губерніи входило 72 города и много населенныхъ пунктовъ: ее составили Казань, Яикъ, Терекъ, Астрахань, Царицынъ, Дмитровской, Саратовъ, Уфа, Самара, Симбирскъ, Царево-Санчурскъ, Кокшайскъ, Свіяжскъ, Царевъ-Кокшайскъ, Алатырь, Цывильскъ, Чебоксары, Кашпиръ, Ядринъ, Козмодемьянскъ, Яранскъ, Василь, Курмышъ, Темниковъ, Нижній Новгородъ, Арзамасъ, Кадомъ, Елатьма, Касимовъ, Гороховецъ, Муромъ, Кокшайскъ, Уржумъ, Балахна, Вязники, Юрьевецъ, Повольскій, Лаишевъ, Алатырь, Арскій, Малмыжъ, Тетюши, Оса, Мензелинскъ, Заинскъ, Старый Шешминскъ, Новый Шешминскъ, Билярскъ, Маинскъ, Гурьевъ, Яицкой, Красный Яръ, Черный Яръ, Бѣлый Яръ, Ярыклинскъ, Тагаевъ, Яшанскъ, Уренскъ, Корсунъ. Малый Корсуновъ, Аргашъ, Тальскій, Сурскій, Бирскій, село Каракулино, Соловарный, Рамзаевскій, Сарапуль, Елабуга, Куларскъ, Рыбной, Пенза. Такимъ образомъ обширная Казанская губернія заключала въ себѣ все пространство Царствъ Казанскаго и Астраханскаго, земли Башкиръ, Мордвы, Мещеры, Чувашъ и Черемисъ; въ ея предѣлахъ находились нынѣшнія губерніи: Казанская, Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская и части Вятской, Пермской, Тамбовской, Пензенской, Костромской, Владимірской и Кавказской.

Въ 1719 г. послѣдовалъ новый передѣлъ губерній, вмѣсто 8 учреждено 11 губерній. Казанская губернія значительно уменшена. Ее составили четыре

постоянно нуждавшійся въ средствахъ, изыскивалъ лучшіе способы присматриваться къ денежнымъ сборамъ. Такимъ лучшимъ способомъ явилась передача монастырскихъ сборовъ изъ центральныхъ учрежденій (Монастырскаго Приказа) въ губернскія и провинціальныя канцеляріи. Положеніе монастырей и ихъ вотчинъ отъ этого не только не улучшилось, но еще ухудшилось. Провинціальныя власти, въ лицѣ разныхъ камериръ и комиссаровъ, дѣйствовали слишкомъ произвольно, не вникая въ нужды монастырей, монастырскихъ крестьянъ и хозяйства.

Способы присматриваться за монастырскими доходами не ограничились учрежденіемъ губерній. Они стали постепенно развиваться. Непосредственно за учрежденіемъ губерній приступлено къ новымъ повѣркамъ монастырскихъ доходовъ и къ составленію генеральной табели монастырскихъ окладовъ. Въ Казанской губерніи была произведена перепись всѣхъ крестьянъ церковныхъ учрежденій съ показаніемъ доходовъ съ нихъ. Въ Арх. М. Юстиціи по Арх. Монастырскаго Приказа сохранилась часть переписи 1710 года при дѣлѣ № 75. Изъ переписи видно, что въ Казанскомъ уѣздѣ [1]) архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянскихъ дворовъ было 3998. Въ той же вѣдомости есть свѣдѣнія о количествѣ крестьянъ не только казанскихъ монастырей, но и другихъ церковныхъ учрежденій, имѣвшихъ вотчины въ Казанской и Астраханской губерніяхъ [2]).

провинціи: Казань съ пригородами, Уржумъ (Казанская провинція), Свіяжскъ, Кокшайскъ, Цивильскъ, Царево-Кокшайскъ, Чебоксаръ, Яранскъ, Царево-Санчурскъ, Васильсурскъ, Козмодемьянскъ (Свіяж. провинція), Пенза съ пригородомъ Рамзаевскимъ, Мокшанскъ, Саранскъ (Пензен. пров.), Уфа съ пригородами (Уфим. пров.). (Подробнѣе см. Арсеньевъ. Статистическіе очерки. СПБ. 1848 г.).

[1]) Тогдашній Казанскій уѣздъ былъ весьма обширенъ. Почти всѣ монастырскія вотчины находились въ немъ.

[2]) Приведемъ часть переписи 1710 года.—Въ Казани городскихъ бобылей за казанскимъ архіерейскимъ домомъ 38 дворовъ, за *монастырями*—за Предтечевымъ (Іоанно-Предтеченскимъ) 5 двор., за Спасо-Преображенскимъ 28 дв., за Казанскимъ дѣвичимъ 17 дворовъ, за Кизическимъ 4 дв., за Седмиозерной пустыней 1 дв., за Казанскимъ Троице-Сергіевымъ—22 дв.,

Всѣ петровскія монастырскія переписи, росписи и табели имѣли въ виду увеличеніе государственныхъ доходовъ на счетъ монастырскихъ средствъ. Прежнее привиллегированное

за Ѳедоровскимъ 16 двор., за Зилантовымъ 5 двор.—всего 206 двор. Да въ Казанскомъ уѣздѣ вотчины по *Галецкой дорогѣ*: за Казан. архіер. домомъ въ деревнѣ Савиновѣ 19 двор., за Ѳедоровскимъ монастыремъ въ дерев. Макаровой пустоши 10 двор., за Кукарскимъ-Покровскимъ монастыремъ въ с. Спасскомъ-Атары тожъ съ починками 11 двор., по *Арской дорогѣ*—за каз. архіер. домомъ въ с. Троицкомъ Усадъ-Поляны тожъ съ деревнями 46 двор., Казанскаго Троице-Сергіевскаго монастыря въ с. Пермякахъ 10 двор., Сарапульскаго Успенскаго мон. въ Подмонастырской слободѣ съ деревнями 16 двор, за Осинскимъ Спасскимъ монастыремъ въ Подмонастырской слободѣ съ селами и деревнями 194 двора, за Ѳедоровскимъ монастыремъ въ дер. Сидоровкѣ 7 двор., Зилантова монастыря с. Рождественское—Высокая Гора тожъ съ деревнями 54 дв., за Вятскимъ Успенскимъ Трифоновскимъ монастыремъ въ с. Рождественскомъ—Вяцкая Поляна съ селами и деревнями 52 двора. По *Зюрейской дорогѣ*—въ Архіерейскихъ вотчинахъ въ с. Благовѣщенскомъ—Омара тожъ съ селами и деревнями 347 двор., с. Архангельское Танайка тожъ, да Илбахтина Троицкаго Елабужскаго монастыря. Подмонастырской слободы съ селами и деревнями 277 двор., Дмитріевскихъ вотчинъ Седмиозерной пустыни село Тихія Горы 79 двор., Троицкаго Сергіевскаго м. с. Нестрецы съ деревнями 17 дв., Раиской пустыни с. Свинія Горы 32 дв., Свіяжскаго Богородицкаго монастыря с. Мамадышъ съ деревнями 460 двор., Спасо-Преображенскаго монастыря въ деревнѣ Малыхъ Клыкахъ съ деревнями 76 двор.; по *Новайской дорогѣ*: вотчины каз. архіер. дома с. Архангельское съ деревнями 72 двор., с. Введенское 174 двора, с. Ивановское—Каравлево тожъ съ селами и деревнями 389 дв., с. Богородицкое съ деревнями 197 дв., с. Воскресенское—Кирельское тожъ съ деревнями 180 дв., да приписныхъ изъ Симбирскаго уѣзда с. Архангельское—Паншино тожъ 79 дв., Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря с. Плетени 314 дв., Кизическаго монастыря въ дер. Осиновкѣ 34 дв., Спаса Новаго монастыря с. Троицкаго-Урая тожъ 105 дв., Новоспасскаго приписного Покровскаго тетюшскаго монастыря с. Ильинское съ деревнями 67 двор., Чудова Монастыря с. Архангельское 30 двор., Костромскаго Богоявленскаго монастыря с. Красный Яръ 171 дв. По *Галецкой дорогѣ*—за каз. архіер. домомъ с. Ягодное съ селами и деревнями 160 дв., да приписного Ковмодемьянскаго уѣз. Черноозерскаго Троицкаго монастыря на р. Ветлугѣ 70 дв., за Зилантовымъ монастыремъ с. Макарьевское 22 дв., Раиоскаго—дер. Васильево и с. Ильинское 19 дв. Итого въ Казанскомъ уѣздѣ въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ 3998 дворовъ.

Уржумскаго уѣзда Спасскаго Чепочскаго монастыря—Подмонастырская слобода съ деревнями 22 дв., *Свіяжскаго у.* Троице-Сергіевскаго монастыря въ починкѣ Долишевѣ съ селами и деревнями 346 двор., Свіяжскаго Бого-

положеніе церковныхъ земель и крестьянъ отжило свой вѣкъ. Монастырскіе крестьяне несли всѣ государственныя повинности, даже въ большемъ количествѣ, сравнительно съ архіерейскими, дворцовыми и помѣщичьими [1]).

родицкаго монастыря въ с. Утюковѣ съ селами и деревнями 794 двор., свіяжскаго собора за протопопомъ и братіей въ деревнѣ Протопоповѣ 11 дв.; всего за Свіяжскими монастырями 1151 дв. *Чебоксарскаю* у.—вотчины Чебоксарскаго Троицкаго монастыря деревня Набережная съ деревнями и въ городѣ Чебоксарѣ 114 дворовъ, Чебоксарскаго Преображенскаго монастыря въ Подмонастырской слободѣ 35 двор., соборной церкви за протопопомъ съ братіей въ деревнѣ Протопоповѣ 2 дв., всего 151 дв., *Козмодемьянскаю* у. за нижегородскимъ архіереемъ въ с. Покровскомъ съ деревнями 148 дв., за Спасо-Юнгинскимъ монастыремъ въ с. Сосновкѣ съ деревнями 44 двора, всего 192 дв., *Кокшайскаю у.*—вотчины крутицкаго архіерея с. Сундырь съ деревнями—226 двор., *Царево-Санчурскаю у.* за Мусерской пустыней въ починкѣ Леонтьевѣ съ деревнями 15 двор., *Царевококшайскаю у.* за Мироносицкой пустыней въ подмонастырской слободѣ 17 дв.; *Ядринскаю у.* за Вознесенскимъ монастыремъ дер. Бармотово съ деревней 2 дв., *Саранскаю у.* въ вотчинѣ Высокопетровскаго муж. монастыря въ с. Левжѣ 17 дв., *Пензенскаю у.* Чудова монастыря с. Лукино 24 дв., Высокопетровскаго монастыря с. Терновка 21 дв., вотчины Саввы Сторожевскаго монастыря с. Рождественское—Кукаевка 38 дв., Чудова приписного монастыря с. Богородицкое 29 двор. съ полдворохъ—всего 112 двор. *Уфа*—Уфимскаго Успенскаго монастыря с. Вознесенское съ деревнями 23 дв. Въ Астраханской губерніи за церковными учрежденіями было 699 двор.; всего въ Казанской и Астраханской губерніяхъ было 6615 дворовъ; съ нихъ собиралось доходовъ 18,396 руб.

[1]) Приведемъ таблицу сборовъ съ казанскихъ уѣздныхъ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ въ 1710 году, помѣщенную въ вышеуказанномъ дѣлѣ.—*Окладныхъ*—«бобыльскаго оброку за десятинную пашню и за всякія издѣлія 608 руб. 12 алт., въ Военный Приказъ полуполтиннаго сбору 999 руб. 16 алт. 4 ден., въ адмиралтейство карабельныхъ по 4 алт. 1 ден. со двора—499 руб. 25 алт., земскаго сбору на дачу армейскимъ извощикамъ по 4 алт. 2 ден. со двора—519 руб. 25 коп., дворцовыхъ доходовъ на покупку конскихъ кормовъ по 5 алт. со двора—499 руб. 23 алт. 2 ден., ямскихъ и полоняничныхъ по 3 алт. 2 ден.—399 руб. 27 алт. 4 д., за лѣсъ низовыхъ отпусковъ *отъ однихъ монастырей* съ 1448 дворовъ по 2 алт.—116 руб. 29 алт. 2 ден., за окладной сошный стрѣлецкій хлѣбъ и за житную подѣлку со всѣхъ дворовъ по 23 алт. 3 д.—2258 руб. 19 алт., на наемъ подводъ подъ артиллерійскіе припасы по 2 алт.—239 руб. 29 алт., въ Монастырскій Приказъ на жалованье драгунамъ, на наемъ каменщиковъ и кирпичъ по 15 алт.—1799 руб. 3 алт. 2 ден. *Повсегодныхъ* на дачу армейскихъ полковъ драгунамъ и солдатамъ въ мясоядные дни по 6 алт. со двора—719 руб. 21 алт. 2 ден. (л. 22).

Петровскія реформы, сопровождавшіяся постройкой городовъ, увеличеніемъ войска, заведеніемъ флота, учрежденіемъ новыхъ должностей и т. п., требовали большихъ расходовъ. Естественно, что правительственные сборы увеличились. Установлены новые налоги. Такими новыми налогами для церковныхъ крестьянъ въ XVIII вѣкѣ были сборы въ городовую канцелярію — на городовое дѣло и кирпичъ по 9 алт. 3½ ден. Этого „новаго“ сбора съ церковныхъ крестьянъ Казанской и Астраханской губерній въ 1721 году насчитано 1904 руб. 22 алт. 2½ ден.; съ учрежденіемъ ландратствъ стали собирать на жалованье ландратамъ и приказнымъ людямъ по 3 алт. 2 ден. и за хлѣбъ по 2 алт. и 1½ ден.—всего 1068 руб. 9 алт. 3 ден. Вновь учреждены сборы на канальное дѣло, на отправленіе морского провіанта и т. п. По всѣмъ статьямъ государственнаго дохода съ церковныхъ крестьянъ Казанской и Астраханской губерній въ 1721 г. собиралось 35,235 руб. 5 алт. 2½ ден. Но въ это число не входили сборы въ губерскія канцеляріи съ оброчныхъ лавокъ, рыбныхъ ловель, мельницъ, перевозовъ, пчельниковъ, бань, съ оброчныхъ земель, съ мостовъ и т. п. Оброчнымъ деньгамъ велись особыя вѣдомости [1]).

Въ 1704 году, какъ только вышелъ указъ отобрать на Государя всѣ доходныя и оброчныя статьи, у церковныхъ учрежденій отошло доходовъ на 57,917 руб. 27 ал. [2]). Со временемъ эта цифра увеличилась едва-ли не вдвое. Довольно значительная часть ея падала на казанскіе монастыри. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVIII в. три казанскихъ монастыря Спасо-Преображенскій, Ѳедоровскій и Свіяжскій Богородицкій платили въ губернскія и провинціальныя канцеляріи оброчныхъ съ рыбныхъ ловель, мельницъ, лавокъ и т. п. болѣе 500 руб. [3]).

---

[1]) Арх. М. Ю. д. 1710 г. № 75 по Арх. Мон. Приказ.
[2]) Прот. М. Горчаковъ. Монастырскій Приказъ... стр. 219.
[3]) Приложенія—стр. III, XI, XVII.

Исторія всякихъ обложеній петровскаго времени слишкомъ сложна и мы не будемъ на ней останавливаться. Замѣтимъ только, что *окладные сборы* шли въ военный, адмиралтейскій, ямской, земскій приказы, въ уплату за лѣсъ низовыхъ отпусковъ, въ дворцовый доходъ на покупку конскихъ кормовъ, *повсягодные сборы* шли на наемъ подводъ подъ артилерійскіе припасы, въ армейскіе полки на мясо, за сбавочный полуосьминный хлѣбъ, за стрѣлецкій хлѣбъ, въ городовую канцелярію, *запросные* (временные) сборы шли на жалованье и на хлѣбъ ландратамъ, на капальное дѣло. Въ 1721 г. съ каждаго казанскаго монастырскаго двора по всѣмъ статьямъ сходило 2 руб. 29 алт. $3^3/_4$ ден., тогда какъ помѣщичій крестянскій дворъ платилъ 1 руб. 26 алт. $2^3/_4$ ден. [1]). Очевидно монастырскіе крестьяне оказались выносливѣе.

Передача всякихъ сборовъ съ казанскихъ монастырскихъ крестьянъ въ губернскія и провинціальныя канцелярін, съ которыми вѣдался и Монастырскій Приказъ, весьма замѣтно отразилась на разореніи самихъ крестьянъ и монастырскаго хозяйства. Такое печальное явленіе имѣло въ результатѣ поворотъ къ прежнему порядку. 16 октября 1720 года вышелъ указъ, которымъ приказано самимъ архимандритамъ и игуменамъ вѣдать монастырскія вотчины при условіи исправнаго платежа всякихъ взносовъ въ казну. Изъ вѣдѣнія монастырскихъ властей исключались бывшія монастырскія вотчины, отданныя по именнымъ указамъ въ вѣчное владѣніе частнымъ лицамъ [2]). Высшій надзоръ за исправнымъ поступленіемъ государственныхъ сборовъ оставался за свѣтской властью въ лицѣ Сената и подвѣдомственныхъ ему учрежденій, но не долго. При самомъ учрежденіи Св. Синода съ именемъ Ду-

[1]) Сравнительную таблицу обложеній монастырскихъ, архіерейскихъ, дворцовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ см. въ изслѣдованіи И. Покровскаго «Казанскій Архіер. домъ, его средства и штаты, преимущественно до 1764 года». Приложеніе къ Правосл. Собесѣднику 1901 г. стр. 148.

[2]) Пол. Собр. Зак. VI, № 3659.

ховной Коллегіи, всѣ церковныя вотчины, „того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягой обязалась, какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интересовъ Царскаго Величества, противъ прочихъ коллегій не меньше“, переданы въ вѣдѣніе Синода. При поворотѣ къ старому порядку слѣдовали указъ за указомъ. Однимъ изъ такихъ указовъ требовалось, чтобы Синодъ отсылалъ въ Камеръ и Штатъ-Контеръ-Коллегію всѣ сборы, какъ то: доимочные, табельные, сверхтабельные и назначаемые по распоряженіямъ Сената съ Камеръ-Коллегіей. Синодъ далеко не сразу могъ упорядочить дѣло относительно сборовъ. Дѣло въ томъ, что окладныя росписи составлялись и хранились въ Монастырскомъ Приказѣ и Камеръ-Конторѣ. Но это дѣло велось очень запутанно, такъ что Синодъ съ трудомъ досталъ краткія и не ясно расписанныя, а „иныя и зѣло неисправныя вѣдомости, которыхъ нельзя было употреблять въ дѣйство“. Губернскія и провинціальныя канцеляріи, дурно отрекомендованныя при возвращеніи церковныхъ вотчинъ въ вѣдѣніе духовной власти, неохотно давали свѣдѣнія и справки епархіальнымъ учрежденіямъ. Ничѣмъ иным, какъ этой безпорядочностью объясняется то обстоятельство, что, не смотря на указъ 1721 года отъ 19 ноября, требовавшій уравнять всѣхъ крестьянъ по отбыванію платежныхъ повинностей, съ 1238 дворовъ монастырскихъ крестьянъ по казанскому уѣзду за два года (1722—1723 гг.) взято лишняго 2659 руб. 37 коп. 1 ден. Послѣ долгой волокиты лишнія деньги были зачтены въ подушный окладъ [1]).

Подушные оклады, замѣнившіе подворное обложеніе, нисколько не улучшили положенія монастырскихъ крестьянъ и внѣшняго состоянія самыхъ монастырей. Казанскіе владыки, замѣчая крайнее обремененіе церковныхъ крестьянъ, иногда заступались за нихъ. Напр. м. Тихонъ, не смотря на сенатскій

[1]) Арх. Св. Синода дѣло 1723 г. № 178. Тутъ перечислены всѣ монастырскія села Каз. уѣзда, съ которыхъ взяты лишнія деньги.

указъ 1720 года отъ 26 авг., приказалъ своимъ домовымъ и монастырскимъ крестьянамъ отказаться отъ исполненія ямской повинности натурой. Крестьяне перестали выставлять подводы и работниковъ даже къ ломкѣ алебастра, нужнаго на строеніе царскихъ палатъ въ Петербургѣ и къ мѣстамъ заготовки лѣса, отправляемаго въ Астрахань для постройки морскихъ судовъ. Послѣдовала жалоба изъ Сената въ Синодъ на м. Тихона. Синодъ указалъ домовымъ и монастырскимъ крестьянамъ отбывать названныя повинности наравнѣ съ дворцовыми и ясашными крестьянами, по числу дворовъ [1]). Распоряженіе м. Тихона и уклоненіе крестьянъ отъ отбыванія ямской повинности, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что въ Казанскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ архіерейскіе и монастырскіе крестьяне одни гоняли ямскую гоньбу [2]), къ тому же они платили ямскія деньги.

Передача нѣкоторыхъ монастырскихъ вотчинъ „подъ приказное вѣдѣніе“, уже послѣ передачи церковныхъ имѣній въ вѣдѣніе Синода, ставила монастырскихъ вкладчиковъ въ затруднительное положеніе. Былъ такой случай. Дворянка вдова Вѣра Васильева Писемская, съ согласія покойнаго мужа, отдала въ даръ Семіозерной пустыни въ Казан. уѣздѣ свою приданую деревню Сосновку съ помѣщичьимъ дворомъ, со скотомъ, хлѣбомъ, съ дворовыми людьми и крестьянами, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы монастырь довольствовалъ ее, Писемскую, пищей, дровами и прочимъ по записи, если она пострижется въ какомъ либо дѣвичьемъ монастырѣ, или пока не умретъ. Когда же нѣкоторыя монастырскія деревни, въ томъ числѣ и Сосновка, по указамъ 1723 и 1724 гг. поступили „подъ приказное вѣдѣніе“, то братія перестала посылать довольство вдовѣ Писемской, а приказные управители не принимали ея прошенія. Писемская возбудила ходатайство о возвращеніи ей деревни Сосновки.

---

[1]) Опис. Док. и Д. Арх. Св. Синода I, № 537.

[2]) Тамъ же, II, ч. I, № 178.

Какъ видно изъ дѣла, Св. Синодъ былъ очень смущенъ этимъ ходатайствомъ вдовы Писемской [1]).

IV.

Монастырскіе вотчинные крестьяне пережили очень много со времени Петра до отобранія въ 1764 г. населенныхъ владѣній у церковныхъ учрежденій и передачи ихъ въ полное вѣдѣніе Коллегіи Экономіи. Вмѣстѣ съ крестьянами насельники монастырей — монахи и служители также переживали тревожныя и тяжелыя времена. Въ 1705 году „для свѣйской войны", т. е. по случаю шведской войны, окладное, монашеское жалованье (10 руб. деньгами и 10 четвертей хлѣба) убавлено на половину. Штатные монахи стали получать по 5 руб. и 5 четв. хлѣба въ годъ [2]). Царь мало обращалъ вниманія на глухой ропотъ монаховъ и, въ чемъ только было можно, стѣснялъ монастыри и монашество. Онъ задался цѣлью очистить монастыри отъ излишнихъ, якобы безполезныхъ, насельниковъ.

Еще въ 1701 году Монастырскому Приказу было велѣно произвести перепись монашествующихъ по монастырямъ и оставить въ монастыряхъ только наличныхъ монаховъ съ самымъ ограниченнымъ количествомъ слугъ, безъ которыхъ обойтись невозможно. Бѣльцовъ требовалось изгонять изъ монастырей, а монастырскому начальству, подъ страхомъ ссылки въ отдаленные монастыри, запрещалось держать ихъ въ стѣнахъ монастырей. Дозволялось постригать только на убылыя мѣста [3]). На будущее время предполагалось особыми штатами

---

[1]) Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода V, № 152. Чѣмъ дѣло кончилось изъ синодальнаго дознанія не видно. Но замѣтно, что прошеніе Писемской о возвратѣ ей дер. Сосновки было непріятно духовнымъ властямъ, которымъ свѣтская команда часто причиняла одни непріятности.

[2]) П. Собр. з. IV, № 1826, Оп. Док. и Д. Арх. Св. С. I, № 40, II, ч. II, № 1022, Арх. Мин. Юст. дѣла Сената по Кол. Экон. кн. II, лл. 83—84. Румянцев. Музей, Собр. Рукоп. проф. Бѣляева № 122.

[3]) П. С. З. №№ 1834, 1839, 1886, 1948.

опредѣлить количество монастырской братіи и слугъ. Но вопросъ о штатахъ остался не рѣшеннымъ, какъ при Петрѣ, такъ и послѣ него, впредь до 1764 года. Не разъ посылались указы о доставленіи въ Монастырскій Приказъ и Синодъ вѣдомостей къ составленію монастырскихъ штатовъ, давались образцы вѣдомостей, но разныя обстоятельства, главнымъ образомъ трудность дѣла, оттягивали рѣшеніе вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ. Одна изъ вѣдомостей о казанскихъ монастыряхъ, сохранившаяся въ Арх. Мин. Юстиціи въ общихъ монастырскихъ книгахъ по Коллегіи Экономіи, помѣщена нами въ приложеніи къ настоящей статьѣ съ небольшими сокращеніями [1]).

Въ Синодальномъ Архивѣ также сохранилось нѣсколько дѣлъ о составленіи и присылкѣ вѣдомостей къ сочиненію штатовъ. И всякій разъ, какъ только заходила рѣчь о сочиненіи штатовъ, припоминался указъ 1701 года о томъ, чтобы не было лишнихъ монаховъ въ монастыряхъ и чтобы монахи не бродили изъ монастыря въ монастырь. Кромѣ вдовыхъ поповъ, дьяконовъ и отставныхъ солдатъ никого не велѣно постригать въ монахи [2]).

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ подробно останавливаться на пунктахъ Прибавленія къ Духовному Регламенту и извѣстнаго „Объявленія о монашествѣ“, касающихся мужского и женскаго монашества. Въ нихъ идетъ рѣчь о томъ, кого и какъ принимать въ монахи, о жизни монаховъ, о монахиняхъ, особо говорится о пустыняхъ и соединеніи малобратственныхъ монастырей, о монастырскихъ вотчинахъ, о монастырской казнѣ, о настоятеляхъ, о духовникахъ и т. д. Всѣ пункты направлены къ возвышенію монашества, не исключая казанскаго.

Общія и частныя распоряженія коснулись не только внѣшней, но и внутренней жизни казанскихъ монастырей.

---

[1]) См. Прилож. стр. I—XXV.

[2]) Арх. С. Синода дѣл. 1739 г. № 65 (лл. 1—375). 1740 г. № 468 (лл. 1—151) и дѣло 1741 г. № 637.

Строгія и стѣснительныя условія поступленія въ монастыри особенно замѣтно отразились на убыли монаховъ. И безъ того не много было охотниковъ вступать въ число братій бѣдныхъ и отдаленныхъ казанскихъ монастырей, а теперь ихъ могло совсѣмъ не оказаться. Опасаясь за участь своихъ монастырей, казанскій м. Тихонъ въ 1704 году писалъ особое письмо начальнику Монастырскаго Приказа Мусину-Пушкину, чтобы ему, м. Тихону, разрѣшили, хотя-бы вдовыхъ священниковъ поставлять въ монахи, а то, какъ бы не остаться совсѣмъ безъ монаховъ. Съ письмомъ изъ Казани послали рыбы въ подносъ Государю и боярамъ. Просьба м. Тихона была удовлетворена, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ непремѣнно сообщилъ въ Монастырскій Приказъ: кто, куда и съ какимъ именемъ постриженъ [1]). М. Тихонъ, очевидно опасался, какъ бы не запретили ставить въ монахи даже вдовыхъ поповъ. Но его опасенія оказались напрасными. Вдовыхъ поповъ всегда позволялось ставить въ монахи, только вдовые попы сами не хотѣли поступать въ казанскіе монастыри. Въ началѣ 1727 г. архіепископъ Сильвестръ доносилъ Св. Синоду, что „въ монастыряхъ Казанской епархіи и въ архіерейскомъ домѣ имѣется не малая нужда въ монахахъ, такъ какъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ самое малое число, да и изъ тѣхъ никто своею охотою не постригается, а изъ неволи постригать являются противны". Архіепископъ Сильвестръ, находясь въ крайнемъ затрудненіи, просилъ у Синода разрѣшенія принимать въ число монастырской братіи подвѣдомственной ему епархіи безпаспортныхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ, приходившихъ въ казанскіе монастыри для моленія изъ дальнихъ странъ. Синодъ рѣшительно запретилъ принимать въ монастыри безпаспортныхъ монаховъ, этого мало, онъ предписалъ поступать съ ними, какъ съ бродягами [2]).

Послѣ выхода указа 1723 года совсѣмъ не постригать монаховъ въ монастырѣ, а на убылыя мѣста опредѣлять отстав-

[1]) Арх. М. Ю. Монаст. Прик. 1704 г., вяз. 215, д. № 9.
[2]) Опис. Док. и Д. Арх. Св. С. VII, № 57.

ныхъ солдатъ, число монастырской братіи стало быстро убавляться. Даже въ многолюдныхъ и богатыхъ монастыряхъ, Казанской епархіи, число братіи сократилось почти на половину, сравнительно съ тѣмъ, сколько полагалось по опредѣленію Монастырскаго Приказа. Такъ въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ, вмѣсто 99 монаховъ, въ 1742 году было 65, въ Спасо-Преображенскомъ, вмѣсто 49 всего, 26 человѣкъ [1]). По вѣдомости 1739—1741 гг. въ Свіяжскомъ монастырѣ значатся 42 монаха, въ томъ числѣ 7 человѣкъ престарѣлыхъ, въ Спасскомъ монастырѣ было 24 человѣка монашествующихъ, изъ нихъ 8 слѣпыхъ. Въ Казанской епархіи имѣлся не одинъ монастырь, гдѣ монашествующихъ было всего два-три человѣка, таковы Срѣтенская пустынь въ Чебоксарскомъ уѣздѣ Тихвинскій Царевосанчурскій монастырь, Троицкая Хмелевская пустынь и др. [2]).

По мнѣнію Казанскаго епископа Луки (Конашевича) въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ необходимо было увеличить число монашествующихъ до 39 чел., а въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ къ наличнымъ 65 человѣкамъ необходимо прибавить 8 человѣкъ крылосныхъ [3]).

---

[1]) Арх. Св. Синода, 1742 г. № 637.

[2]) Приложенія, стр. I, XIII, XV.

[3]) Арх. Св. Синода, д. 1742 г. № 637. Дѣло интересно по вопросу о содержаніи трехъ важнѣйшихъ казанскихъ монастырей Спасо-Преображенскаго, Казанскаго женскаго и Свіяжскаго Успенскаго. Приведемъ нѣкоторыя статистическія данныя. За *Преображенскимъ* м. было 229 душъ крестьянъ, 141 бобылей, 136 десят. земли, сѣна 200 копенъ или 600 пуд. Дохода монастыря тѣже, что въ вѣдомости (Приложенія—стр. X—XI), только есть не большая разница въ количествѣ: по однѣмъ статьямъ собиралось больше по другимъ меньше—всего денегъ собиралось 740 р. 40 коп., хлѣба 610 четв. По опредѣленію Монастырскаго Приказа должно быть въ штатѣ 49 челов. монашествующихъ, имъ жалованья 94 руб. 50 коп., на лицо 26 чел., жалованья 79 руб. По Архіерейскому мнѣнію должно быть 39 чел, жалованья 131 руб. 30 к., хлѣба 216 четверт. Архимандриту по опредѣленію Монастырскаго Приказа 6 руб., въ 1742 г. получалъ 20 руб., а предполагалось 50 руб., хлѣба 30 четв., священниковъ 7 челов., по положенію Монастырскаго Приказа имъ жалованья 23 р., получали 23 р. 60 к., проектировалось столько же и хлѣба 56 четв., дьяконовъ вмѣсто 2—4, имъ жалованья 14 руб. 40 коп. и 28 четв. хлѣба.

При дѣлѣ съ мнѣніемъ преосвященнаго Луки имѣются интересныя свѣдѣнія о количествѣ монастырскихъ насельниковъ во всѣхъ казанскихъ монастыряхъ въ 1742 году и ихъ

Служителей по опредѣленію Монастырскаго Приказа 17 чел., жалованья имъ 51 р. 80 коп., хлѣба 146 четверт., на лицо 47 чел. жалованья 134 р. 11 коп., хл. 241 четв., слѣдуетъ быть по проекту 44 чел., жалованья 139 руб. и хлѣба 264 четв. *Воинныхъ* 8 челов., имъ жалованья 105 руб. 79 коп. и хл. 38 четв., должно быть 5 чел. (капралъ и 4 рядовыхъ) имъ жалованья 33 руб. 64 коп. и хл. 30 четвертей. Указаны расходныя статьи—на церковныя потребы—воскъ, ладонъ, вино, муку, на медъ для понафидъ 34 руб., должно быть 35 руб. 52 к., на починку оконницъ, на оловянную посуду, на конюшенные припасы—хомуты, шлеи, подковы, епанчи и т. п., на общую братскую пищу хлѣба 265 четв., властямъ *на странноприятіе*: на водку, на медъ, на пиво, на хмѣль 33 р. 20 коп.; въ *Казанскую Губерн. Канцелярію* за лавки и мельницы 248 р. 54 к., въ *таможню* съ лавокъ оброчныхъ 26 руб. 34 коп., за мытье скатертей отъ 1 р. 50 до 2 р. 30 к., въ архіерейскій домъ трактаменту стряпчему 18 руб. 18 коп., туда же пѣвчимъ славленныхъ и столовыхъ 3 руб. 22 коп., про братію и служителей соли 12 р. 18 коп., тоже и по предложенію епископа. Далѣе идутъ расходы на сало для мельницъ, на деревянную посуду, на кирпичъ, на матеріалы для рыболовныхъ снастей, на приказныя и монастырскія дѣла гербовой и писчей бумаги и сургучу (по послѣдней статьѣ полагалось 9 руб., расходовалось 3 р. 86 к., предполагалось 8 руб.), на свѣчи, на корм лошадямъ и т. п. всего по опредѣленію Монастырскаго Приказа 458 руб. 46 коп. и 385 четв., расходовалось 447 р. 4 коп. и 324 четв., слѣдовало по мнѣнію епископа 463 руб. 46 коп. 100 четв. хлѣба. Въ 1742 г. за всѣми расходами осталось 2 руб. 27 коп. и 12 четв. хлѣба (лл. 453—458).

За Свіяжскимъ Богородицкимъ монастыремъ было 905 душъ крестьянъ и 211 душъ бобылей, земли 490 десят., сѣнокосу 3905 копенъ или 23430 пуд. Сбору окладного съ оброчныхъ крестьянъ Казанскаго и Свіяжскаго уѣзда слугамъ на жалованье 140 руб. 76 коп., съ оброчныхъ бобылей за монастырскую десятинную пашню и прочіе доходы 224 руб. 70¾ коп., съ оброчныхъ бобылей 53 руб. 38 коп., съ крестьянъ Казанскаго уѣзда селъ Мамадыша и Красной Горки съ деревнями за столовые припасы за 16 сыровъ 48 коп., за 8 пуд. коровьяго масла 5 руб. 60 коп., за 3200 яицъ 3 руб. 20 к., за 16 тушъ свинины 8 руб., за 16 гусей 96 коп., за 16 барановъ 3 руб. 20 коп., за медъ 24 пуда 40 руб., за конюшенные припасы за 8 хомутовъ ременныхъ 3 руб. 20 коп., за 8 лычныхъ 80 коп., за подерюжки, что покрываютъ лошадей 30 коп., за 16 саней обшивней 4 руб., за лѣтнихъ пѣшихъ работниковъ 18 чел. 63 руб., на Казанское подворье за дрова и лучину 2 руб. 80 коп., итого 554 руб. 38¾ коп. *Неокладныхъ* съ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ 139 руб. 7 коп., съ 8 мельницъ, которыя отданы монастырю въ прочное владѣніе изъ средняго оброка, за платежемъ оброка и прочихъ расходовъ, остаточныхъ 19 руб. 98 коп.; съ рыбныхъ ловель рр. Волги, Свіяги,

жалованіи сравнительно съ тѣмъ, сколько должно быть по опредѣленію Монастырскаго Приказа и сколько должно быть по

Щуки, Вятки съ полои, съ озерами и истоками, послѣ платежа оброка, 30 руб. 83½ к., выводныхъ за вдовъ и дѣвокъ 2 р. 83 к., съ монастырскихъ дворовъ за мякинную продажу 5 руб. Да денежные доходы, что монастырскіе необрочные крестьяне свіяжскихъ вотчинъ пашутъ сверхъ нижеозначенной монастырской пашни по 100 десятинъ въ полѣ, съ которыхъ въ приплодѣ каждогодно можетъ быть ржи по 200 четвертей, пшеницы по 170 четвертей; изъ этой ржи употребляется на содержаніе монастырскихъ рыбныхъ ловель неводчиковъ и работниковъ 22 человѣкъ по 70 четвертей, а остальной хлѣбъ, за оскудѣніемъ монастырскихъ денежныхъ доходовъ, повсягодно продается по существующимъ цѣнамъ за 130 четв. ржи 39 руб., за пшеницу 102 руб.— итого неокладныхъ 338 руб. 71½ коп., а съ окладными 893 руб. 10¼ коп. Хлѣба разнаго собиралось 1346 четв. Въ Коллегію Экономіи, замѣнившую Монастырскій Приказъ, вотчинные крестьяне платили остаточные 132 руб. 70½ к. ежегодно. Сверхъ того въ прежніе годы, когда родился хлѣбъ, ставился хлѣбъ въ особо опредѣленныя Коллегіей Экономіи житницы.

По опредѣленію Монастырскаго Приказа въ Свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ должно быть 99 челов., имъ жалованья 324 руб. и хлѣба 495 четв.; архимандритъ получалъ 20 руб. и 12 четв. хлѣба, столько и долженъ получать. Съ 1740 года архимандритъ при учрежденіи Новокрещенской конторы сталъ получать деньгами 300 руб. и хлѣба 100 четвертей; монахи получали по 3 руб. деньгами и хлѣба по 5 четв. На лицо было 65 челов. имъ жалованья 171 руб. 20 коп. и хлѣба 334 четв. Предполагалось прибавить 8 чел. крылосныхъ съ жалованьемъ 16 руб. и хлѣба 18 четв., такъ что всего братіи должно быть 73 человѣка, имъ жалованья 187 руб. 20 коп., хлѣба 382 четв. Въ томъ монастырѣ два проповѣдника іеромонахъ Сильвестръ Гловацкій и Веніаминъ Григорьевичъ; денежное и хлѣбное жалованье они получали отъ Новокрещенской Конторы, служителей, по опредѣленію Монастырскаго Приказа, 43 чел. имъ со шведской войны жалованье въ полы 65 руб. 5 коп., на лицо 62 чел., имъ жалованья 179 руб. 42 коп., хлѣба 546 четв. Количество служителей соотвѣтствовало тому, сколько необходимо по представленію казанскаго епископа. Казанской Семинаріи учителямъ и студентамъ 20 доли хлѣба 42½ четв. ржи и 6¾ четв. пшеницы, на церковныя потребы 50 руб. Этихъ суммъ было вполнѣ достаточно. На просфоры отпускалось 12 четв., соборянамъ славленныхъ и столовыхъ 4 руб., иподьяканамъ и пѣвчимъ 14 руб., за С.-Петербургское дворовое мѣсто квадратныхъ денегъ 3 руб. Неминуемыя монастырскія потребы тѣже, что и въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ—соленіе рыбы, хозяйственныя приготовленія, подѣлки, кормъ, властямъ на странноприятія (100 ведеръ вина—78 руб., вина бѣлаго и краснаго 10 ведеръ 20 руб., сахару ½ пуда, перцу, шпена, ягодъ и разныхъ кореньевъ на 20 руб.). Раньше по опредѣленію Монастырскаго Приказа пола-

мнѣнію преосвященнаго Луки Конашевича [1]).

	По опредѣленію Монастырскаго Приказа.					На лицо въ 1742 г.					Должно быть по мнѣнію еписк. Луки Конашевича.				
	Число.	Денежное и хлѣбн. жалованье				Число.	Денежное и хлѣб. жалованье				Число.	Денежное и хлѣб. жалованье.			
		Руб.	Коп.	Четв.	Чк.		Руб.	Коп.	Четв.	Чк.		Руб	Коп.	Четв.	Чк.
химандритовъ . .	6	17	—	15	—	3	46	—	12	—	7	102	—	97	4½
уменовъ	7	10	—	5	—	8	16	—	15	—	8	37	—	80	—
уменій.	2	10	—	—	—	2	5	—	—	—	2	10	80	—	—
ащенниковъ . .	36	47	—	43	—	49	75	80	40	—	51	130	70	238	—
ашествующихъ.	493	1018	70	877	—	342	619	23	408	42	461	1180	21	1373	—
ужителей . . .	189	339	50	301	—	247	600	3	997	—	268	626	83¼	1237	6
сныхъ	12	108	95	43	6½	36	483	63¾	110	7	27	248	35½	105	3½
зныхъ расходовъ.	—	1549	93¼	1019	5	—	1882	45¼	1865	3½	—	1776	36¼	677	7
ѣхъ расходовъ .	—	2117	8¼	2241¾	3½	—	3585	36½	3366	6	—	3831	75	3378	6½

галось на одиѣ церковныя потребы 50 руб., и жалованья всякимъ чинамъ 439 руб. 5 коп., хлѣба 507 четвертей, а было въ расходѣ 323 руб. 85 коп., съ жалованьемъ 890 руб. 54½ коп., хлѣба 420½ четвертей, съ жалованьемъ 1346 четв. 6 чк., нужно на расходы 441 руб. 72 коп., хлѣба 372 четв., съ жалованьемъ 893 руб. 10 коп., хлѣба 1346 четв. За расходомъ оставалось 2 руб. 55 коп. (л. 474—479). Средства содержанія Казанскаго дѣвичьяго монастыря съ 1705 года сократились почти вдвое—деньгами вмѣсто 517 руб. 82½ коп. съ 1705 г. получалось 280 руб. 27½ к. (л. 462).

[1]) Во всѣхъ казанскихъ монастыряхъ архимандритовъ, игуменовъ и игуменій было 18, церквей 61, въ нихъ престоловъ 79. По переписнымъ книгамъ 186 (1678) года крестьянскихъ дворовъ 1176, бобыльскихъ 393, по свидѣтельству Генералитета всего 11958 душъ, окладныхъ денегъ 941 р. 28¾ коп., неокладныхъ 2442 руб. 77¾ коп., итого 3384 р. 7¼ коп., неокладныхъ временныхъ 210 руб. 13¼ коп., всего 3594 руб. 2½ к., хлѣба ржи—2028 четв. 7 чк. 5 гарнц., овса 924 четв. 7 чк. 6 гарнц., пшеницы 191 четв. 6½ чк., гречи 93 четв., полбы 27 четв., ярицы ¼ четв., ячменя 65 четв., сѣмя конопляного 5 четв. 4 чк., проса 1 четв. 1 чк., гороху 1 четв. 1 чк., съ мельницъ помольныхъ 10 четв., да отъ вкладчиковъ дано ржи, овса и ячменя 35 четв. Итого всего хлѣба 3378 четв. 6½ чк. и 3 гарнца.

Изъ таблицы видно, что число монастырской братіи ко времени составленія вѣдомости о казанскихъ монастыряхъ значительно уменьшилось, сравнительно съ опредѣленіемъ Монастырскаго Приказа. При составленіи вѣдомости вмѣсто 493 человѣкъ монаховъ было 342 человѣка; жалованья имъ уменьшилось почти вдвое. Правда, число наличныхъ монастырскихъ служителей увеличилось съ 189 до 247 чел., но и тѣхъ оказалось мало по архіерейскому мнѣнію. Число военныхъ, находившихся на пропитаніи въ казанскихъ монастыряхъ, увеличилось втрое: вмѣсто 12 человѣкъ ихъ кормилось 36 челов., вмѣсто 108 руб. на нихъ расходовалось 483 руб., а хлѣба, вмѣсто 43 четв. 110 четв.

Монастырскихъ денежныхъ и хлѣбныхъ средствъ едва доставало на ограниченное содержаніе казанскихъ монастырей съ братіей и слугами. Доброхотныхъ даяній отъ вкладчиковъ было мало. Въ вѣдомости показано всего 35 четвертей разнаго хлѣба. Правительство само понимало матеріальное затрудненіе монастырскихъ насельниковъ. Ничѣмъ инымъ можно объяснить то обстоятельство, что даже Свіяжскій Богородицкій монастырь по царскому указу и синодальному опредѣленію въ 1742 г. освобожденъ отъ взноса въ Коллегію Экономіи заопредѣленныхъ суммъ, въ количествѣ 132 руб. 42½ коп. [1]).

Петровское правительство, очень стѣснявшее монастыри, однако понимало, что существованіе монастырей безъ монаховъ и средствъ невозможно. Равнымъ образомъ невозможно было уничтожить монастыри. Поэтому требовалось найти мѣры къ тому, чтобы монастыри не являлись бременемъ, какъ для правительства, такъ и для общества. Такой мѣрой было присоединеніе малобратственныхъ монастырей къ большимъ, а въ

[1]) Арх. Св. Син. д. 1742 г. № 637 л. 449. Заопредѣленными суммами назывались суммы, не оставшіяся въ монастыряхъ, а поступавшія сначала въ Монастырскій Приказъ, послѣ въ Коллегію Экономіи; отсюда и самые монастыри, изъ которыхъ поступали заопредѣленныя суммы, назывались заопредѣленными. Изъ всѣхъ казанскихъ монастырей заопредѣленнымъ былъ только Свіяжскій Богородицкій монастырь.

нѣкоторыхъ случаяхъ совершенное прикрытіе малолюдныхъ и бѣдныхъ монастырей съ обращеніемъ ихъ храмовъ въ приходскія церкви.

Въ Прибавленіи къ Регламенту мы читаемъ: „монастыри, идѣ же мало братіи, надлежитъ сводити во едину обитель, идѣ же прилично только, елико препитатися могутъ, обаче по самой нуждѣ да не менѣе тридесяти братіи будетъ, ради лучшаго благоговѣнія“ [1]). 5 февраля 1724 года вышелъ указъ о неотложномъ соединеніи монастырей, имѣющихъ малое число братіи и пустынокъ и о наивозможно большемъ упраздненіи послѣднихъ [2]). Если правило Регламента со всей строгостью примѣнить къ казанскимъ монастырямъ, то ихъ не могло остаться болѣе 10. Впрочемъ, само правительство не сразу разрѣшило очень сложный вопросъ о приписке и закрытіи малобратственныхъ и маловотчинныхъ монастырей. Дѣлались постепенныя послабленія изложеннаго правила „Прибавленія къ Регламенту“, пока оно совсѣмъ не было отмѣнено. Въ 1726 году 20 мая вышло синодальное распоряженіе оставить самостоятельными безвотчинные мужскіе монастыри, которые въ состояніи содержаться своими средствами. 6 февраля слѣдующаго года окончательно отмѣнено распоряженіе приписывать маловотчинные и безвотчинные монастыри къ степеннымъ монастырямъ [3]). Тѣмъ не менѣе за короткій промежутокъ времени нѣсколько казанскихъ монастырей было приписано къ степеннымъ монастырямъ и даже совсѣмъ прикрыто.

Приписка казанскихъ монастырей къ степеннымъ началась до изданія Прибавленія къ Регламенту и до указа 1724 года. Троицкій Ураевскій и Покровскій-Тетюшскій еще

---

[1]) Пол. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Испов. II, № 596, п. 45.

[2]) Тамъ же, IV, № 1200. Указъ подписали Ѳеофанъ, архіепископъ Псковскій, Ѳеофилактъ, епископъ Тверской, Іерофей архимандритъ Новоспасскій и Раоанлъ, архимандритъ Калязинскій.

[3]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по В. Пр. Исп. т. V, №№ 1786, 1907. Оп. Докум. и Д. Арх Св. Син. VII, № 91.

въ XVII вѣкѣ были приписными къ Московскому Новоспасскому монастырю. Въ 1710 году они вмѣстѣ съ вотчинами отошли было въ Казанскую губернію, но Новоспасскій монастырь снова выпросилъ ихъ себѣ [1]). Приписка малыхъ монастырей къ большимъ въ XVII в. не было случайнымъ явленіемъ, такъ какъ приписные монастыри являлись ни болѣе ни менѣе какъ выселками или колоніями степенныхъ монастырей. При этомъ монахи приписныхъ монастырей не выводились въ другіе монастыри [2]).

Приписка монастырей въ силу строгихъ и неоднократныхъ распоряженій петровскаго правительства равнялась прикрытію ихъ, иногда даже противъ желанія жителей, дорожившихъ монастырями. Очень характерно въ этомъ отношеніи дѣло о прикрытіи Соловецкаго монастыря, основ. въ 1675 г. и находившагося въ 10 верстахъ отъ Симбирска. Въ монастырѣ до указнаго числа не доставало всего одного монаха: ихъ было 29, а по правилу Приб. къ Регламенту должно быть не менѣе 30. Монахи питались подаяніемъ и своими трудами отъ „земного плода“. По указу изъ казанскаго архіерейскаго приказа въ силу Регламента соловецкіе монахи въ 1725 году разселены по разнымъ монастырямъ, такъ что монастырь „остался впустѣ“. 15 монаховъ было переведено въ Кукарскій Покровскій монастырь, а 14 въ Спасскій Чепочкинъ монастырь.

Жители Симбирска всякихъ чиновъ вступились за свой монастырь и даже письменно обязались выдавать каждому монаху на содержаніе въ годъ деньгами по 5 руб. и по 6 четв. хлѣба. Только подъ этимъ условіемъ „выведенное изъ

[1]) Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода, I, № 40. Въ дѣлѣ есть интересныя свѣдѣнія о томъ, какъ монастырскія вотчины сначала отдавались въ аренду графамъ, а затѣмъ поступали въ ихъ вѣчное владѣніе. Такъ были переданы графу Б. П. Шереметеву с. Константиново, деревня Островецъ и мельница Быковская, отобранныя у Новоспасскаго монастыря Ср. II, №№ 165, 176, прил X, 321, 329, 403, 856, 857, 990 и др. III, № 164, IV, № 428 и др.

[2]) Соборъ 1681 г. постановилъ сводить вмѣстѣ малые монастыри, но это постановленіе едва-ли имѣло дѣйствительную силу.

монастыря братство было паки совокуплено" 5 декабря 1726 г. [1]). Почти то же случилось съ Чебоксарскимъ Срѣтенскимъ монастыремъ, основаннымъ въ 1716 г., по указу м. Тихона. Онъ былъ приписанъ къ Троицкому Чебоксарскому монастырю въ силу правила Регламента и указа. Приписка была равноспльна упраздненію монастыря, такъ какъ изъ него вся братія выводилась и оставались для службы только попъ, дьячекъ и пономарь. Упраздненіе монастыря состоялось, не смотря даже на то, что въ немъ жило до 20 человѣкъ братіи во главѣ съ строителемъ Іаковомъ. Монастырь имѣлъ пахотной земли по 20 четвертей въ полѣ, покосовъ на 500 копенъ, двѣ мельницы и достаточно скота. Чебоксарскіе обыватели Алексѣй Ѳедоровъ Игуменовъ съ товарищами также отстояли монастырь, обязавшись „безъ всякихъ отговорокъ" помогать монахамъ въ ихъ пропитаніи [2]). Какъ видно изъ дѣла о приписке и закрытіи Срѣтенскаго Чебоксарскаго монастыря, въ 1725 году шла страшная перетасовка монаховъ по казанскимъ монастырямъ.

Архіепископъ Сильвестръ воспользовался указами о закрытіи малобратственныхъ монастырей для увеличенія средствъ Казанской Семинаріи. Онъ приписалъ къ Семинаріи вотчины двухъ монастырей Осинскаго Спасо-Преображенскаго и Успенскаго Сарапульскаго монастырей. Въ томъ и другомъ монастырѣ храмы погорѣли, а братія по силѣ Регламента въ 1724 году переведена въ Уфимскій Успенскій монастырь [3]).

Распоряженіе о приписке малыхъ монастырей къ степеннымъ вызывала даже злоупотребленія со стороны архимандритовъ и настоятелей богатыхъ монастырей. Злоупотребленія заключались въ своевольной приписке и даже закрытіи монастырей самими архимандритами безъ особыхъ указовъ.

---

[1]) Опис. Д. и Д. Арх. Св. С. V, № 278. Пол. Собр. Пост. и Распор. V, № 1654.

[2]) Оп. Д. и Д. А. Св. С. V, № 250. Пол. Собр. Пост. и Распор. V, № 1664.

[3]) Приложенія, стр. XII и XIX.

Въ исторіи казанскихъ монастырей встрѣчается едва-ли не безпримѣрный случай такого злоупотребленія. Синодальнымъ указомъ отъ 20 октября 1724 года велѣно было приписать къ другимъ монастырямъ Кизическій и Ѳеодоровскій монастыри, также пустыни Седміозерную, Мироносицкую и Геронтіеву, а пустыни Успенскую, Макарьевскую и Троицкую совершенно упразднить. Архимандритъ Спасо-Преображенскаго монастыря Іона (Салникѣевъ), въ бытность первымъ судьей и главнымъ управителемъ въ Казанской епархіи въ междоархіерейство, по смерти м. Тихона, безъ архіерея упразднилъ Кизическій и Ѳеодоровскій монастыри, принадлежавшіе архіерейскому дому. Имущество того и другого монастыря поступило въ Спасо-Преображенскій монастырь. Между тѣмъ Кизическій монастырь, построенный при Адріанѣ на архіерейской крѣпостной землѣ, имѣлъ три церкви и каменныя зданія, а братія жила „неоскудно". Противъ упраздненія Кизическаго монастыря были казанскій вицегубернаторъ Кудрявцевъ, штабъ—и оберъ-офицеры, гражданскіе секретари, канцеляристы, знатное шляхетство, купечество и игуменъ Кизическаго монастыря съ братіей. Челобитчики указывали на то, что даже такія бѣдныя пустыни, какъ Соловецкая и Срѣтенская, остались неприкрытыми, а Кизическій монастырь значительно богаче ихъ. Начавшееся слѣдствіе кончилось тѣмъ, что Кизическій, Ѳеодоровскій и Мусерскій монастыри не были прикрыты и остались существовать по прежнему въ качествѣ приписныхъ къ казанскому архіерейскому дому [1]).

Указъ 6 февр. 1726 года, отмѣнявшій распоряженіе о приписк‍ѣ малобратственныхъ и маловотчинныхъ монастырей къ степеннымъ, на нѣкоторое время положилъ конецъ тревожному состоянію казанскихъ монастырей и ихъ насельниковъ. Почти всѣ монастыри остались самостоятельными, не смотря на скудость средствъ и на малочисленность братіи. Кизи-

[1]) Полн. Собр. Постан. и Распор. по В. Пр. Исп. V, № 1912. О другихъ приписныхъ домовыхъ монастыряхъ см. Изслѣдованіе И. Покровскаго «Казанскій Архіерейскій домъ...» стр. 57—62.

ческій, Ѳеодоровскій монастыри и Седміозерная пустынь даже не значатся приписными къ архіейскому дому по вѣдомости 1739—1741 гг. Домовыми монастырями оставались только три монастыря: Іоанно-Предтеченскій, Воскресенскій—Новый Іерусалимъ, гдѣ нынѣ архіер. загородный домъ, и Троицкій Каменное-Городище (Елабужскій) [1]). Совершенно прикрыты и больше не возстанавливались кремлевскій Сергіевскій [2]), Мусерскій, Сарапульскій Успенскій и Осинскій Спасо-Преображенскій монастыри. Послѣдніе два монастыря, какъ видно, послѣ пожара совсѣмъ не возстанавливались. Успенскій Симбирскій остался приписнымъ къ симбирскому Благовѣщенскому монастырю.

При учрежденіи штатовъ въ 1764 году оставлены въ Казанской епархіи слѣдующіе монастыри—*мужскіе*: I кл. Богородицкій Свіяжскій, II кл. Спасо-Преображенскій Казанскій, III кл. Успенскій Зилантовъ, Кизическій, Раиѳская и Седміозерная Вознесенская пустыни, Чебоксарскій Троицкій и Симбирскій Покровскій монастыри. Сверхъ штата остались—Казанскій Іоанновскій, Троице-Ѳеодоровскій, Болгарскій Успенскій [3]), Цивильскій Тихвинскій, Сызранскій Вознесенскій, Чебоксарская Спасо-Геронтіева и Царево-Кокшайская, Мироносицкая пустыни.

Изъ женскихъ монастырей штатнымъ второкласснымъ оставленъ только одинъ Казанскій Богородицкій. Послѣ было

[1]) Арх. М. Юст. Кол. Эконом. Вѣдомости архіер. домовъ, Казан. архіер. домъ. См. И. Покровскаго Русскія епархіи въ XVI—XIX в. т. I, прил. стр. XIX.

[2]) Послѣднія свѣдѣнія о существованіи кремлевскаго Троице-Сергіевскаго монастыря, извѣстныя намъ, относятся къ 1714 году (Опис... л. 47 об.). Братія Троице-Сергіевскаго монастыря едва ли не была переведена въ Ѳеодоровскій монастырь, который называется Троице-Ѳеодоровскимъ, тогда какъ въ документахъ начала XVIII в. онъ называется только Ѳеодоровскимъ.

[3]) Успенскій Болгарскій (осн. 1712 г.) и Чебоксарскій Срѣтенскій (осн. 1716 г.) монастыри едва-ли не единственные монастыри Казанской епархіи, возникшіе въ XVIII в. Оба строились не на средства казны, а на средства м. Тихона и мірское подаяніе—деньгами, хлѣбомъ, кирпичемъ, извѣстью, желѣзомъ и т. п. (Опись... Рукоп. Каз. Д. Акад. № 1825, л. 62. № 78.

прибавлено еще два Симбирскій Спасскій и Свіяжскій Іоанновскій [1]).

Такимъ образомъ вмѣсто 41 монастыря, показанныхъ въ вѣдомости 1739—41 гг., по штатамъ 1764 года въ Казанской епархіи осталось всего 18; слѣдовательно менѣе половины. Вотчины у монастырей были отобраны и вмѣсто того положены штатные оклады: первоклассным муж. монастырямъ по 2017 руб. 50 коп., второклассным по 1311 р. 90 коп. и третьеклассным по 806 руб. 30 коп., женскимъ монастырямъ перваго класса неодинаково (отъ 2009 р. 80 к. до 1506 руб. 30 к.), второго класса по 475 руб. 80 коп., 3 класса по 375 руб. 60 коп. Впослѣдствіи послѣдовали добавочныя ассигновки [2]), но эти вопросы выходятъ изъ хронологическихъ рамокъ предлагаемой статьи. Сверхштатные монастыри остались на своемъ содержаніи. Такъ разрѣшился вопросъ, о монастырскихъ штатахъ, поднятый Петромъ въ самомъ началѣ XVIII вѣка.

V.

Положеніе женскихъ монастырей въ XVIII вѣкѣ впредь до учрежденія штатовъ 1764 года было тяжелѣе, чѣмъ мужскихъ. Мѣры строгости, примѣнявшіяся къ женскимъ монастырямъ, переходили границы. Монахинямъ совершенно запрещалось выходить изъ монастыря; онѣ не могли принимать участія въ крестныхъ ходахъ, посѣщать приходскія церкви, даже женскія обители. Этого мало, мірянамъ воспрещалось посѣщать храмы женскихъ монастырей. Видимо, всѣ распоряженія направлялись къ тому, чтобы женскія обители и самихъ монахинь совершенно отдѣлить отъ міра съ его соблазнами. Во избѣжаніе соблазновъ требовалось постригать не моложе 60 лѣтъ [3]). Монахинямъ запрещалось продавать свои

[1]) Арх. Св. Синода д. 1764 г. № 51 и 1781 г. № 488 лл. 167—178.
[2]) Тамъ же.
[3]) Подробнѣе Прибавл. къ Регламенту §§ 37—40. 42.

издѣлія и тѣмъ самымъ отнимались у нихъ едва-ли не послѣднія средства къ существованію. Знатныя постриженицы не имѣли права держать у себя прислужницъ.

Мѣры строгости, предъявляемыя къ женскимъ монастырямъ, вызвали много челобитій. Синодъ понялъ всю тяжесть условій существованія женскихъ обителей и постепенно сталъ ослаблять необыкновенную строгость своихъ распоряженій. Правительство не только разрѣшаетъ монахинямъ продавать свои издѣлія „чрезъ довѣренныхъ отъ нихъ женскихъ лицъ [1])“, но само старается дать лучшую постановку рукодѣльнымъ занятіямъ въ женскихъ монастыряхъ. Въ 1722 году съ Покровскаго прядильнаго двора разослано 44 мастерицы и прядильщицы по монастырямъ, имѣющимъ вотчины, для обученія монахинь. Требовались, чтобы всѣ дѣвицы и вдовы, проживавшія въ женскихъ монастыряхъ и готовящіяся къ постриженію, учились шить и прясть не по прежнему, а по новому, лучшему способу. Женщины благородныхъ и честныхъ фамилій, для которыхъ пряденіе могло казаться низкимъ занятіемъ, должны были обучаться вышиванью низанью и т. п. рукодѣліямъ [2]). Знатнымъ старицамъ-монахинямъ разрѣшено держать прислужницъ на своемъ содержаніи. Сдѣлана уступка и въ строгой замкнутости монахинь: Имъ разрѣшалось выходить изъ монастыря въ крайнихъ нуждахъ, напр. для посѣщенія больныхъ и погребенія ближайшихъ родственниковъ [3]). Почтенныя и надежныя старицы могли выходить изъ монастыря по неотложнымъ хозяйственнымъ нуждамъ [4]). Всѣ изложенныя правила и постановленія не исключали казанскихъ женскихъ монастырей.

Указъ о соединеніи малыхъ монастырей и переводѣ монашествующихъ въ большіе монастыри относительно жен-

---

[1]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по В. Прав. Испов. II, № 875.

[2]) Тамъ же, №№ 616, 747, 779.

[3]) Тамъ же, № 994.

[4]) Опис. Докум. и Дѣлъ Арх. Св. Синода III, № 364.

скихъ монастырей былъ также строже, чѣмъ относительно мужскихъ. Самостоятельными оставались только тѣ, въ которыхъ находилось болѣе 40 сестеръ [1]). Впрочемъ, прошло не много болѣе года, какъ выходитъ иное распоряженіе, чтобы до особаго указа маловотчинные и безвотчинные дѣвичьи монастыри оставить самостоятельными. Св. Синодъ изъ донесенія Духовной Дикастеріи понялъ, что въ сведенныхъ монастыряхъ не хватитъ средствъ для содержанія инокинь. Между тѣмъ до указа 1 февр. 1725 г. маловотчинные и безвотчинные женскіе монастыри содержались отъ своего рукодѣлія и отъ подаянія христолюбцевъ. Чтобы убавить число монахинь, Синодъ запретилъ постригать на убылыя мѣста [2]).

Всѣ казанскіе женскіе монастыри принадлежали къ числу маловотчинныхъ и безвотчинныхъ. Самый богатый изъ нихъ Казанскій Богородицкій монастырь имѣлъ 86 душъ крестьянъ и бобылей, земли по дачѣ по 10 четвертей въ каждомъ изъ трехъ полей, сѣна на 10 копенъ и двѣ рыбныя ловли, съ которыхъ въ Губернскую Канцелярію платилось по 56 руб. 72 коп. въ годъ; у Владимірскаго поводѣвичьяго Яранскаго монастыря при р. Лансѣ, по переписи 1678 г., было два двора, а по свид. Генералитета 70 душъ, земли по дачѣ 12 четвертей въ полѣ. Крестьяне, жившіе на монастырской землѣ, вмѣсто оброка, дѣлали на монастырь всякое издѣлье, такъ что монахини, какъ и въ безвотчинныхъ монастыряхъ, питались своими трудами и мірскимъ подаяніемъ [3]). Николаевскому чебоксарскому монастырю по писцовымъ книгамъ 1648 года принадлежали сѣнные покосы за рѣкой Волгой на рч. Кривушкѣ, смежно съ покосами церквей Введенскаго собора и Архистратига Михаила [4]). Позже и этихъ покосовъ не осталось у монастыря. Монахини и бѣлицы питались мірскимъ

[1]) Полн. Собр. Пост. и Распор. V, № 1588. Указъ отъ 1 февр. 1725 г.
[2]) Тамъ же, № 1787. Указъ отъ 20 мая 1726 года.
[3]) Приложенія... стр. XXI и XXII.
[4]) Изв. Общ. Арх., Истор. и Этнографіи XIV, в. IV, стр. 547.

подаяніемъ [1]). У Іоанновскаго свіяжскаго монастыря имѣлось покосу на 110 копенъ [2]).

Достаточно сказаннаго, чтобы замѣтить, что казанскіе женскіе монастыри были бѣдны. Однако изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи документовъ не видно, чтобы въ Казанской епархіи прикрывались дѣвичьи монастыри. Впрочемъ и безъ того ихъ было не много; напротивъ, правительство, видимо, поддерживало нѣкоторые изъ монастырей ружнымъ жалованьемъ изъ Казанской Губернской Канцеляріи. Ружное жалованье получали Казанскій Богородицкій (228 р. 55 к.), Козмодемьянскій Вознесенскій (11 руб. 75 к.), Свіяжскій Іоанновскій (79 руб. 37 коп.), Николаевскій въ Казани (105 руб. $12^1/_2$ к.), Спасскій Симбирскій (103 руб. 50 коп.) и Успенскій въ Казани (101 р. $62^1/_2$ к.). Остальные шесть провинціальныхъ казанскихъ женскихъ монастырей существовали безъ всякой поддержки со стороны правительства и безъ вотчинъ, питаясь „своимъ рукодѣліемъ и мірскимъ подаяніемъ". Положеніе этихъ послѣднихъ монастырей было весьма нелегкимъ, особенно, когда надъ монастыремъ стрясалась бѣда. Вотъ выразительный примѣръ бѣдственнаго состоянія одного изъ этихъ монастырей.

При м. Маркеллѣ, въ концѣ XVII в., по просьбѣ солдатъ, переселившихся въ Сызрань изъ разныхъ городовъ Казанской губерніи, основанъ близъ г. Сызрани Богородицкій дѣвичій монастырь. Обыватели были очень внимательны къ монастырю, заботясь о благолѣпіи монастырскихъ храмовъ и помогая монахинямъ. На ихъ средства построены не только два храма—деревянный и каменный, но и монастырскія кельи. Монастырь существовалъ безбѣдно, пока надъ г. Сызранью не стряслась бѣда въ видѣ опустошительнаго пожара, быв-

---

[1]) Приложенія, стр. VIII. Тутъ, по недосмотру, опущено, что монахини и бѣлицы питались мірскимъ подаяніемъ, за неимѣніемъ другихъ средствъ (Подл. вѣдомость, л. 282).

[2]) Тамъ же, стр. XXIII.

шаго въ 1742 году. Городъ выгорѣлъ весь безъ остатка. Хлѣбный недородъ ухудшилъ положеніе сызранцевъ, такъ что всѣ они стали нищими. Монастырь, не получая мірского подаянія, лишился дневной пищи. Молодыя монахини и бѣлицы пошли скитаться по міру, а старухи полуголодныя и раздѣтыя сидѣли въ обгорѣломъ монастырѣ. Тѣхъ и другихъ было 40 человѣкъ.

Монастырь долго не могъ поправиться. Въ 1745 году игуменья собиралась идти въ Петербургъ и просить помощи съ челобитьемъ на Высочайшее имя, но это тогда запрещалось. Тѣмъ не менѣе до свѣдѣнія высшей духовной власти дошло извѣстіе о бѣдственномъ положеніи монастыря. Св. Синодъ сдѣлалъ запросъ, на который казанскій владыка Лука Конашевичъ отвѣтилъ, что въ Сызронскомъ Богородицкомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ 1742 году изъ 41 кельи сгорѣло 19 келій; въ 1745 г. имѣлось 38 келій, но изъ нихъ 18 келій ветхихъ. Монахини получали одежду и пищу отъ родственниковъ и мірянъ и отъ своего рукодѣлья. Старухи „обдержимыя скорьбми и дряхлостью“ не въ состояніи были работать, почему содержались исключительно подаяніями. Каменная церковь, начавшаяся строиться въ 1728 году, выстроена въ 1741 г., но пожаръ 1742 г. задержалъ внутреннюю отдѣлку. Какъ отнесся Синодъ къ отвѣту епископа Луки, изъ дѣла не видно [1]). Надо полагать, что пожаръ 1742 года способствовалъ тому, что въ 1764 г. монастырь совершенно прикрытъ [2]).

Не удивительно, что безвотчинные и глухіе провинціальные женскіе монастыри казанской епархіи чувствовали нужду, вслѣдствіе скудости матеріальныхъ средствъ и правительственныхъ ограниченій. Даже Казанскій Богородицкій монастырь не могъ считаться вполнѣ обезпеченнымъ. Его положеніе послѣ 1705 года сдѣлалось гораздо хуже, чѣмъ было раньше. До 1705 года въ немъ полагалось быть игуменьѣ съ жалованьемъ

[1]) Арх. Св. Синода, дѣло 1745 г. № 47.

[2]) В. Звѣринскій. Матеріалъ для исторіи монастырей II, № 650.

10 руб., четыремъ соборнымъ монахинямъ съ жалованьемъ по 5 руб. каждой, 96 рядовыхъ съ жалованьемъ всѣмъ 240 руб. Вмѣсто хлѣба всѣмъ, не исключая игумены, полагалось 168 руб. 60 коп., а всего 101 персонѣ 438 руб. 60 коп.; послѣ 1705 года рядовыхъ монахинь оставалось 85 съ жалованьемъ 106 руб. 25 к., а всѣмъ 90 челов.—205 руб. 55 коп. вмѣсто 438 руб. 60 коп. Содержніе служителей, бѣльцовъ—стряпчаго, двухъ дѣтенышей и водовоза сокращалось двое и опредѣлялось всего тремя рублями въ годъ, при чемъ вмѣсто двухъ дѣтенышей полагался одинъ съ жалованьемъ 75 коп. Преосвящ. Лука Конашевичъ высказывалъ желаніе, чтобы въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ все оставалось такъ, какъ было до 1705 года [1]). Іоанно-Предтеченскій свіяжскій монастырь также испытывалъ затрудненія въ содержаніи храмовъ и монахинь послѣ того, какъ у него денежное и хлѣбное жалованье съ церковной ругой были сокращены болѣе, чѣмъ на половину. Игуменья по прежнему положенію получала въ годъ деньгами 6 руб. и хлѣба 6 четв.; въ половинѣ XVIII в. ей выдавалось всего 2 руб. 50 коп., хлѣба совсѣмъ не полагалось, на церковныя потребы раньше выдавалось 9 руб., теперь всего 2 руб. [2]).

Правительство не ограничилось изданіемъ строгихъ указовъ относительно женскихъ монастырей съ сокращеніемъ числа монашествующихъ и средствъ; оно время отъ времени производило ревизіи, чтобы выяснить настоящее положеніе дѣла и узнать, исполняются-ли правила Регламента и правительственныя распоряженія. Съ этой цѣлью 1753 году 31 декабря епископъ Лука Конашевичъ приказалъ архимандриту казанскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря Тихону съ консисторскимъ канцеляристомъ пересмотрѣть и переписать въ

---

[1]) Арх. Св. Синода, дѣло 1742 г. № 637 л. 462.

[2]) Изв. по Каз. Епархіи 1870 г. № 20, стр. 628—630. Тутъ напаны полныя вѣдомости о содержаніи Іоанно-Предтеч. свіяж. женскаго монастыря до полов. XVIII в. и послѣ.

казанскихъ дѣвичьихъ монастыряхъ бѣлицъ вдовъ и дѣвокъ съ показаніемъ: какихъ онѣ чиновъ, съ которыхъ поръ въ монастырѣ, кѣмъ пущены и сколькихъ лѣтъ. Были освидѣтельствованы только три казанскихъ монастыря: Казанскій Богородицкій, Никольскій и Успенскій. Ревизія показала, что строгія правила и мѣры не прекратили стремленія бѣлицъ въ женскіе монастыри, мало того, они, видимо, не могли поднять нравственнаго уровня обитательницъ монастырей. Въ трехъ казанскихъ монастыряхъ молодыхъ вдовъ и дѣвокъ оказалось 428, и, не къ малому удивленію, нѣкоторыя изъ нихъ „въ духовной консисторіи явились подозрительными, а другія и въ беззаконнодѣйствіи уличены". Удивляться тутъ почти нечему. По 45 п. Прибавленія къ Регламенту на основаніи словъ ап. Павла къ Тимооею (гл. V, ст. 9) можно было постригать въ монахини не моложе 60 лѣтъ. Молодымъ вдовамъ и дѣвицамъ, поступившимъ въ монастыри, ждать такого возраста, когда могло послѣдовать полное отреченіе отъ міра, было слишкомъ долго, и во время долгаго искуса легко могло случиться искушеніе. Чрезъ три года послѣ ревизіи послѣдовало строгое предписаніе всѣмъ игуменьямъ по Казанской епархіи выслать изъ монастырей бѣлицъ вдовъ и дѣвокъ моложе 45 лѣтъ и впредь таковыхъ не принимать. Предписаніе выполнено немедленно, по крайней мѣрѣ, въ Іоанно Предтеченскомъ свіяжскомъ монастырѣ [1]).

Изгнаніе молодыхъ вдовъ и дѣвицъ изъ женскихъ монастырей вызывалось, конечно не тѣмъ только, что монастыри переполнялись бѣлицами и бѣлицы являлись подозрительными, но и тѣмъ, что еще въ 1739 году 27 апрѣля былъ изданъ указъ Анны Іоанновны о томъ, чтобы принимать въ женскіе монастыри на праздныя монашескія порціи не моложе 50 лѣтъ и преимущественно вдовъ *отставныхъ оберъ-офицерскихъ и солдатскихъ женъ*. Указъ Анны Іоанновны по Казанской епар-

[1]) Тамъ же, стр. 630—631. Предписаніе вышло 30 сентября 1756 года.

хіи повторенъ въ 1755 году [1]). Повтореніе указа ускорило изгнаніе вдовицъ и дѣвицъ изъ казанскихъ монастырей.

VI.

Вопросъ о размѣщеніи по мужскимъ и женскимъ монастырямъ отставныхъ военныхъ и ихъ женъ много занималъ свѣтское правительство и можетъ быть названъ не злобой дня, а злобой всей первой половины XVIII вѣка. Онъ объединился съ вопросами о благотворительномъ значеніи русскихъ монастырей и искорененіи нищенства на Руси.

Нищенство было распространеннымъ явленіемъ въ древней Руси. Оно усиливалось злоупотребленіями со стороны мнимыхъ нищихъ. Въ одномъ указѣ конца XVII в. замѣчено, что „гулящіе люди, подвязавъ руки и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпые и хромые", притворно просили милостыню „Христа ради"; по осмотру всѣ они оказывались здоровыми. Такихъ нищихъ велѣно ловить, бить кнутомъ и ссылать въ дальніе сибирскіе города [2]). Регламентъ также отмѣтилъ притворныхъ нищихъ [3]). Но рядомъ съ „лукавыми" нищими на Руси встрѣчалось великое множество истинныхъ нищихъ — бѣдняковъ и сиротъ, не способныхъ къ труду. Благотворительности царей, патріарховъ, епископовъ и частныхъ людей было недостаточно къ уменьшенію нищихъ. Общественная благотворительность развивалась слабо; богадѣленъ при церквахъ учреждалось мало и тѣ, которыя существовали, были бѣдны и малы. Въ Казанскомъ краѣ не меньше, чѣмъ гдѣ нибудь, если только не больше, встрѣчалось нищихъ и попрошаекъ. За казанцами увѣковѣчилось названіе „сиротъ". Между тѣмъ не видно, чтобы тамъ много было богадѣленъ. По писцовымъ книгамъ 1623—1624 г. въ двухъ домовыхъ

[1]) Тамъ же, стр. 630.
[2]) Полн. Собр. Зак. Р. И. III, № 1486.
[3]) Регламентъ, ч. III, п. 12.

архіерейскихъ селахъ Карадулатѣ и Введенскомъ на церковной землѣ близъ храмовъ было семнадцать келій, въ которыхъ жили нищіе, питаясь отъ церкви Божіей [1]). Несомнѣнно имѣлись и другія богадѣльни, какъ въ самой Казани, такъ и въ селахъ. Богадѣльни издавна существовали при церкви Николы Зарайскаго и при Николаевскомъ дѣвичемъ монастырѣ. Ивановскій муж. монастырь на первыхъ порахъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ богадѣльней [2]).

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка вопросъ о богадѣльняхъ или госпиталяхъ выдвигается съ особой силой. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ построить въ Москвѣ два госпиталя, чтобы „впредь по улицамъ бродячихъ и лежачихъ нищихъ не было". На содержаніе ихъ опредѣлялись вотчины, бывшія за архангельскимъ архіереемъ, каѳедра котораго въ нач. XVII в. существовала при московскомъ кремлевскомъ Архангельскомъ соборѣ, и вотчины Знаменскаго монастыря [3]). Въ 1678 году учреждены патріаршія богадѣльни, на которыя собиралось со всѣхъ епархіальныхъ церквей по 10 коп., или гривнѣ [4]).

По примѣру столичныхъ госпиталей стали возникать провинціальные госпитали, но очень медленно. Особой заботой о страждущемъ человѣчествѣ отличался Новгородскій святитель Іовъ. Не разсчитывая, что госпитали или богадѣльни будутъ устроены всюду безъ указовъ, Петръ I въ 1712 году повелѣлъ по всѣмъ губерніямъ „учинить шпиталеты для самыхъ увѣчныхъ, такихъ, которые ничѣмъ работать не могутъ, ни стеречь", и для незаконнорожденныхъ младенцевъ [5]). На содержаніе богадѣленъ опредѣлялись сборы съ вѣнечныхъ памятей или разрѣшеній на бракъ. Стоимость ихъ, въ виду обезпеченія богадѣленъ, съ 1714 года увеличилась вдвое [6]). Въ 1723

[1]) П. Покровскій. Казанскій архіер. домъ, Приложенія... стр. 11 и 24.

[2]) Тамъ же, Изслѣдованіе... стр. 179.

[3]) Акт. Археогр. Экспед. IV. № 343.

[4]) Арх. Мин. Юст. Патр. Каз. Прик. кн. 1679 г. № 97 лл. 972—976.

[5]) Пол. Собр. Закон. №№ 1467 ст. II, п. 18; 1712, 2477.

[6]) П. С. З. V, № 2821. Сборы вѣнечныхъ памятей были далеко не одинаковы. Они постепенно увеличились.

году въ пользу госпиталей назначены имущества духовныхъ особъ, отобранныя у нихъ по рѣшенію тайной канцеляріи и имущество бѣжавшихъ раскольниковъ [1]).

Распоряженіе 1712 года о постройкѣ богадѣленъ не обошло Казани. При каждой казанской церкви предполагалось устроить по одной или по двѣ деревянныхъ избы съ тѣмъ, чтобы въ каждой избѣ помѣщалось по 25 человѣкъ. Всего думали помѣстить въ богадѣльни 600 человѣкъ. Казанскія богадѣльни по однимъ свѣдѣніямъ предназначались „для нищихъ и странныхъ“, по другимъ свѣдѣніямъ „для отставныхъ солдатъ, чтобы они не шатались“. Въ одномъ Синодальномъ дѣлѣ 1745 г. № 292 о казанскихъ богадѣльняхъ замѣчено, что онѣ строились на 600 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы „солдаты не шатались“. Впрочемъ, подъ нищими и странними въ Петровское время разумѣлись главнымъ образомъ солдаты. Петровскія войны наготовили много увѣчныхъ людей, которые по выраженію указа, ничѣмъ работать не могли. Были и другого рода престарѣлые солдаты, которые, выйдя въ отставку, нуждались въ пенсіи за свою службу. Пенсіей для нихъ являлась жизнь въ гошпиталѣ или богадѣльнѣ на готовыхъ хлѣбахъ. Но прежде, чѣмъ появились гошпитали и богадѣльни, убѣжищемъ для солдатъ служили монастыри. Въ 1680 году по указу Ѳеодора Алексѣевича въ Тихвинскій монастырь прислано „за службу, за старость и за увѣчье“ 4 стрѣльца. Ихъ велѣно содержать въ монастырѣ, выдавая ежегодно каждому стрѣльцу по 1 руб. 30 коп. и хлѣба по четверику толокна, по полчетверику гороху, по четверику овсянныхъ крупъ, по 10 гривенокъ соли и ежедневно по братскому хлѣбу, а по воскресеньямъ полагалось кормить ихъ братской пищей [2]). Въ 1682 году въ Симоновъ монастырь помѣстили цѣлую роту (47 чел.) солдатъ. Содержаніе ихъ стоило около 500 руб. Монастырь

[1]) П. С. З. VI, № 3962 ср. Опис. Д. и Дѣл. Арх. Св. С. I, №№ 260 и 276, стр. 260 и 304.

[2]) Акт. Ист. V, № 58.

больше не могъ принять на свой коштъ и отказалъ въ убѣжищѣ присланному туда сотенному Андрею, отставленному отъ службы не за старость и раны, а за пьянство. Недовольный отказомъ чуть ни каждый день являлся въ монастырь бранилъ матерны настоятеля, грозилъ ему копьемъ и такъ напугалъ всѣхъ, что не только настоятель, но и монахи боялись показаться въ городѣ [1]).

Въ Казанскіе монастыри также посылались раненые и увѣчные солдаты. Войны съ крымцами во второй половинѣ XVII вѣка не обходились безъ участія казанскаго архіерейскаго дома и монастырей. Цѣлые десятки домовыхъ боярскихъ дѣтей, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ церковныхъ крестьянъ, гибли въ жестокихъ бояхъ съ крымскими ханами. 30 іюля 1659 года убито девять человѣкъ домовыхъ дѣтей боярскихъ и 2000 солдатъ; въ слѣдующемъ году погибло на войнѣ еще восемь человѣкъ домовыхъ дѣтей боярскихъ [2]). Убитые навсегда оставались на полѣ брани, для раненыхъ воиновъ убѣжищемъ служили тѣ монастыри, которымъ принадлежали они до войны.

Въ 1702 году м. Тихонъ получилъ грамоту отъ Петра съ запросомъ о солдатскихъ женахъ, которые (солдаты) взяты изъ архіер. дома и изъ казанскихъ монастырей и нынѣ на службѣ [3]). Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти самой грамоты и познакомиться съ ея содержаніемъ. Но, едва-ли можно сомнѣваться, что въ грамотѣ идетъ рѣчь о призрѣніи солдатскихъ женъ въ казанскихъ монастыряхъ. Вѣдь въ продолженіе всей первой половины XVIII вѣка солдатскій вопросъ въ связи съ выслѣживаніемъ и собираніемъ свѣдѣній о свободныхъ монашескихъ порціяхъ становится жгучимъ вопросомъ въ исторіи русскихъ монастырей вообще, казанскихъ въ частности, особенно послѣ указа 1722 года отъ 12 апрѣля. Этимъ указомъ

---

[1]) Доп. Акт. Истор. X, стр. 84.
[2]) Синодикъ Казан. Архіер. дома. Рукоп. Каз. Д. Акад. № 1967.
[3]) Опись грамотъ... № 1825, Рукоп. Каз. Д. Ак. л. 25 № 3.

самъ Петръ въ присутствіи Синода и Сената повелѣлъ: отставныхъ офицеровъ, драгунъ и солдатъ, опредѣленныхъ въ монастыри, содержать на счетъ свободныхъ штатныхъ монашескихъ окладовъ. Но во многихъ монастыряхъ монаховъ „обрѣталось полное число“ и свободныхъ порцій не было. Петръ не остановился предъ такимъ затрудненіемъ, разрѣшивъ его очень просто: онъ приказалъ изъ полныхъ монастырей вывесть треть или половину монаховъ въ такіе монастыри и пустыни, гдѣ монахи питались не жалованьемъ, а рукодѣльемъ и своими трудами. На мѣсто выбывшихъ монаховъ опредѣлялись солдаты, при чемъ рядовымъ полагалось жалованье на равнѣ съ чернецами, унтеръ-офицерамъ по полторы порціи, а оберъ и штабъ-офицерамъ по особому окладу. Въ монастыряхъ могли жить и женатые солдаты [1]).

Военное начальство, опираясь на царскіе указы, не сообразовалось съ средствами монастырей при отправкѣ отставныхъ солдатъ и драгунъ въ бѣднѣйшіе и малобратственные монастыри. Такъ случилось въ Псковской епархіи съ бѣдными монастырями. Тамъ не знали куда дѣвать 29 человѣкъ солдатъ, присланныхъ для размѣщенія по монастырямъ [2]). Не въ порядкѣ вещей было и то, что разсылка и размѣщеніе отставныхъ солдатъ иногда производилась безъ вѣдома епархіальныхъ архіереевъ, на что жаловались въ 1729 году вологодскій и вятскій архіереи [3]).

Въ штатные монастыри присылали не однихъ солдатъ. Къ тихому пристанищу стремились разные чиновники военнаго вѣдомства, корабельные мастера, кузнецы, плотники и др. лица, такъ или иначе прикосновенныя къ увеличившимся штатамъ сухопутнаго и морского войска [4]). Въ числѣ монастырскихъ насельниковъ—инвалидовъ попадались совсѣмъ не инвалиды, а люди со средствами, у которыхъ на паспортахъ

[1]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по Вѣд. Прав. Исп. II, № 536.
[2]) Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода III, № 354.
[3]) Арх. Св. Синод. дд. 1729 г. №№ 78, 81.
[4]) Опис. Док. и Д. Арх. Св. Син. III, № 272.

прописывалось, что, по окончаніи военной службы они обязывались жить на своемъ содержаніи. Незаконное проживательство въ монастыряхъ разныхъ проходимцевъ породило много дѣлъ и ходатайствъ о выводѣ изъ монастырей лишнихъ насельниковъ, присланныхъ туда военнымъ начальствомъ [1]). Безъ преувеличенія можно сказать, что чуть не половину дѣлъ Синодальнаго Экономическаго Правленія (съ 1726—1764 года), хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Юстиціи, составляютъ дѣла солдатъ и солдатскихъ вдовъ и сиротъ съ челобитьями о принятіи ихъ въ монастыри. Не мало подобныхъ дѣлъ сохранилось въ Синодальномъ Архивѣ. Съ одной стороны шли постоянныя отписки и наводились справки о свободныхъ монашескихъ порціяхъ, съ другой стороны монастыри жаловались на стѣснительное положеніе епархіальнымъ архіереямъ, а эти послѣдніе доносили Синоду; иногда дѣло доходило до Высочайшаго имени. Извѣстный Арсеній Маціевичъ горячо принималъ къ сердцу интересы монастырей по солдатскому вопросу, разоблачая предъ глазами правительства какихъ насельниковъ приходилось принимать въ монастыри. Въ числѣ ихъ встрѣчались майоры вотчинники, люди богатые и далеко не скромные [2]).

Казанскіе монастыри не меньше, если только не больше другихъ монастырей, тяготились содержаніемъ въ своихъ стѣнахъ солдатъ. Они оказались положительно переполненными военными и имъ становилось совсѣмъ не въ мочь держать и содержать солдатъ. Инвалиды, негодные къ службѣ, держали себя непозволительно въ отдаленныхъ казанскихъ монастыряхъ, не признавая никакой власти. Этого мало, нѣкоторые изъ нихъ оказались настоящими разбойниками. Архимандриты, игумены и строители разныхъ казанскихъ монастырей, наконецъ, вышли

---

[1]) Арх. Св. Син. дѣла 1738 г., № 106; 1742 г. № 161; 1745 г. № 85 и др.

[2]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Сената по Коллегіи Экономіи кн. III, № 132, л. 158.

изъ терпѣнья и обратились, письменно и словесно со слезами къ м. Сильвестру, чтобы тотъ освободилъ ихъ монастыри отъ солдатъ, присылаемыхъ на пропитаніе. Монастырскія власти мотивировали свою просьбу тѣмъ, что отставные военные никакихъ работы въ монастыряхъ не исполняютъ и монахамъ ни въ чемъ не помогаютъ, настоятелей не слушаются, честныхъ іеромонаховъ и служебныхъ старцевъ бьютъ и нагло ругаютъ; насильно берутъ братскую пищу и напитки; отъ ихъ озорничества многіе старцы изъ монастырей ушли, братство оскудѣло, церковная служба остановилась, въ монашество постригаться боятся. Военные самовольно ѣздили на монастырскихъ лошадяхъ и отлучались изъ монастырей даже по полугоду; въ 1729 году въ Уфимскомъ Успенскомъ монастырѣ они зарѣзали до смерти игумена Іоакима и его келейника. Монастыри и пустыни, по донесенію м. Сильвестра, всѣ были переполнены отставными военными [1]).

Монастырскія власти жаловались, что отставные солдаты не дѣлали никакого дѣла и нисколько не помогали монахамъ. Между тѣмъ при отправкѣ отставныхъ на монастырскіе хлѣба имѣлось въ виду пристраивать ихъ къ монастырскимъ дѣламъ [2]). Такъ думало правительство, но не такъ думали сами отставные, не желавшіе трудиться. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ не могли нести монастырской службы. Въ 1721 году прапорщикъ казанскаго гарнизона Василій Константиновъ, разбитый параличемъ, посланъ на пропитаніе въ Свіяжскій Богородицкій монастырь „съ опредѣленіемъ его къ службѣ, къ какой будетъ годенъ“ [3]). Но вопросъ, къ какой службѣ могъ быть годенъ параличный прапорщикъ, видимо, никому не приходилъ въ голову.

Новые насельники монастырей, въ лицѣ отставныхъ, конечно не содѣйствовали монастырскому благочинію, напротивъ

[1]) Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Син. X, № 63.
[2]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по В. П. И. II, № 536.
[3]) Опис. Док. и Д. Арх. Св. Син. I, № 703.

нарушали его и съ успѣхомъ могли замѣнить прежнихъ бродягъ, отъ которыхъ много терпѣли монастыри. Кажется, между монастырскими бродягами и отставными солдатами, выжившими бродягъ изъ монастырей, велась скрытая борьба. Въ этой борьбѣ можно находить нѣкоторое объясненіе уголовнаго дѣла іеродіакона Ефрема, разсѣкшаго обѣ руки капралу Игнатію Кравцову.

Іеродіаконъ Ефремъ съ 1718 года по 1721 годъ побывалъ въ главныхъ казанскихъ монастыряхъ — Свіяжскомъ, Спасо-Преображенскомъ, Воскресенскомъ архіерейскомъ и другихъ небольшихъ обителяхъ. Прослышавъ осенью 1721 года про указъ, запрещавшій монахамъ переходить изъ монастыря въ монастырь, Ефремъ рѣшился отправиться на Валаамъ и навсегда поселиться тамъ. По дорогѣ на Валаамъ онъ чуть не зарубилъ топоромъ капрала Кривцова. На слѣдствіи истинной причины преступленія такъ и не открыли [1]). Но, кажется, главная причины заключалась въ той досадѣ, съ которой бродячій іеродіаконъ услыхалъ про указы съ одной стороны широко раскрывшіе монастырскія ворота для солдатъ, съ другой стороны запрещавшіе бродяжничество монаховъ.

По доношенію м. Сильвестра Синоду о безобразіяхъ отставныхъ, разосланныхъ по казанскимъ монастырямъ, начали наводиться справки въ Коллегіи Экономіи. Вѣроятно жалобы о вопіющихъ безобразіяхъ отставныхъ солдатъ присылались не изъ одной Казани. Въ 1731 году Коллегія Экономіи уже доносила Сенату, что въ монастыри наслано отставныхъ гораздо больше, чѣмъ полагалось по опредѣленію Монастырскаго Приказа, такъ что кормить ихъ стало печѣмъ. Изъ вѣдомостей, присланныхъ въ Сенатъ, узнали, что штабъ и оберъ-офицеры въ монастыряхъ получали жалованья больше, чѣмъ на службѣ. Обо всѣмъ доведено было до свѣдѣнія императрицы Анны Іоанновны, послѣ чего послѣдовалъ указъ: военнымъ, помѣщаемымъ въ монастыри давать $^2/_3$ оклада московскихъ гарни-

[1]) Опис. Докум. и Дѣл. Арх. Св. Син. II, ч. I, № 606.

зоновъ. Если оберъ и штабъ-офицеры потребуютъ хлѣба и другихъ припасовъ отъ монастырей, то давать имъ и припасы, но въ счетъ денежнаго жалованья. Очевидно, офицеры низшихъ ранговъ, получая денежное жалованье изъ монастырскихъ суммъ, требовали себѣ сверхъ положенія хлѣбныхъ запасовъ. Хлѣбное жалованье или мѣсячный провіантъ сохранялся только за унтеръ офицерами и рядовыми солдатами. При этомъ различались холостые и женатые. Холостымъ полагалось по 3 четверти муки и $1^1/_2$ четверика крупы на каждаго въ годъ; женатые получали вдвое. О новомъ положеніи монастырскимъ инвалидамъ Сенатъ донесъ Синоду. Послѣднему оставалось только подтвердить новые оклады [1]).

Такъ разрѣшился давнишній вопросъ объ окладахъ и жалованьѣ отставнымъ военнымъ. Изъ за этого жалованья шли постоянныя пререканія: солдаты жаловались на монастыри, а монастыри на солдатъ. Жалобы въ 1723 году доходили до Синода. Синодъ счелъ нужнымъ на этотъ разъ указать только источники, откуда давать солдатамъ жалованье, противъ монашескихъ порцій, а именно: тѣмъ, которые въ монастыряхъ живутъ при комиссарахъ, давать жалованье изъ комиссарскаго вѣдомства, которые при монастырскихъ дѣлахъ, тѣмъ давать изъ монастырей, которые не могутъ ничего дѣлать, тѣхъ содержать наравнѣ съ больничными монахами [2]). Въ указѣ Анны Іоанновны точно опредѣлено какому чину сколько давать денежнаго жалованья, а именно:

Полковнику	100 руб.
Подполковнику	50 руб.
Майору	46 руб. $66^2/_3$ коп.
Капитану	33 руб. $33^1/_3$ коп.
Подпоручику	16 руб. $66^1/_3$ коп.
Прапорщику	16 руб. $66^1/_3$ коп. (тоже).
Полковому обозному	20 руб.

[1]) Арх. Св. Синода, дѣло 1731 г. № 67.
[2]) Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Синода III, № 549.

Унтеръ-офицеру гвардіи изъ настоящаго оклада $^2/_3$ солдатъ съ третью.	13 руб. 33 коп.	Противъ
Прочихъ полковъ унтеръ офицерамъ	5 руб. 49 коп.	
Рядовому гвардіи	11 руб. 33 коп.	
Рядовому прочихъ полковъ	5 руб. 66 коп.	

Какъ видно гвардейцы были въ особомъ почетѣ и состояли на высшихъ окладахъ.

Вѣдомость съ росписью жалованья изъ Сената поступила въ Синодъ, отсюда въ Коллегію Экономіи; изъ Коллегіи Экономіи вѣдомости разосланы къ приказнымъ людямъ въ архіерейскіе дома, откуда онѣ при указахъ уже разосланы по монастырямъ [1]).

Помимо денежнаго жалованья низшимъ чинамъ полагались хлѣбные оклады.

Роспись жалованья по вѣдомости 1731 года оказывается была необязательной. Нѣкоторые чины получали оклады выше окладовъ росписанья. Напр. поручики, помѣщенные въ казанскіе монастыри, получали не по 16 руб. 66 коп., а по 26 руб. 66 коп. [2]).

Чѣмъ богаче былъ монастырь, тѣмъ больше въ него посылалось отставныхъ на пропитаніе. Высшіе чины размѣщались по самымъ богатымъ монастырямъ. Въ казанскихъ монастыряхъ не встрѣчается чина выше майора. Майоръ питался въ богатомъ Свіяжскомъ монастырѣ, получая жалованья 46 руб. $66^1/_2$ коп. Тутъ питались еще капитанъ, три поручика, сержантъ, капралъ, трое женатыхъ солдатъ, трое холостыхъ и три солдата находились въ больницѣ.

Какъ уже замѣчено, по опредѣленію Монастырскаго Приказа, во всѣхъ казанскихъ монастыряхъ должно содержать 12 человѣкъ изъ отставныхъ военныхъ. Между тѣмъ, одинъ Свіяжскій Богородицкій монастырь содержалъ 15 человѣкъ,

[1]) Арх. Св. Син. д. 1731 г. № 67.
[2]) Приложеніе... Вѣдомость... стр. I, X.

расходуя на нихъ, помимо хлѣба, деньгами 161 руб. 75 коп. Даже больные солдаты получали жалованье—одинъ два руб. 50 коп., двое по 80 коп. Ихъ едва-ли нужно считать за больничныхъ служителей. Служителями были сами монахи, изъ которыхъ четверо съ саномъ іеромонаховъ и трое простые монахи. Помимо отставныхъ и больныхъ военныхъ въ Свіяжскомъ монастырѣ въ больницѣ или госпиталѣ находился подъячій, присланный „на исправленіе ума“. И этотъ послѣдній получалъ изъ монастырскихъ средствъ одинъ рубль 70 коп. [1]).

Очевидно Свіяжскій монастырь съ своей больницей являлся своего рода психіатрической лѣчебницей.

Въ другихъ казанскихъ монастыряхъ питалось меньшее количество отставныхъ военныхъ. Спасо-Преображенскій монастырь кормилъ девять человѣкъ. Высшимъ чиномъ былъ капитанъ, а низшими четыре отставныхъ солдата, изъ которыхъ одинъ гвардеецъ, получавшій 11 руб. 33 коп. и хлѣба 6 четв. и 6 чк. Высшій монастырскій чиновникъ—стряпчій едва могъ сравняться по своему содержанію съ отставнымъ рядовымъ гвардейцемъ, получая въ годъ 10 руб. деньгами и хлѣба 10 четв. Изъ 809 руб. 49½ коп. денежнаго дохода на долю отставныхъ Преображенскаго монастыря приходилось 97 руб. 58 коп. и хлѣба 41 четв. 6½ чк.; въ то же время въ Казанскую семинарію, съ которой у монастыря было больше общаго, чѣмъ съ солдатами, отпускалось „на пропитаніе студентовъ“ ржи и ярового только 67 четв. 3 чк. [2]). Свіяжскій монастырь, имѣвшій свою школу, на семинарію ничего не отпускалъ, а солдатамъ, кромѣ денегъ, на пропитаніе выдавалъ 41 четв. 2 чк. Богородицкая Жадовская пустынь Симбирскаго уѣз., имѣвшая сѣнныхъ покосовъ на 15 копенъ и получавшая всякихъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ 48 руб. 26 коп., содержала отставного подпоручика и платила ему 11 руб. 27½ к. жалованья. На семинарію она, конечно, ничего не платила.

---

[1]) Тамъ же, стр. I—II.

[2]) Приложеніе. Вѣдомости, стр. X. Тутъ въ 5 строкѣ снизу, по недосмотру, напечатано: «хл. 6 руб. 3 коп.», слѣдуетъ «хл. 6 четв. 3 чк.».

Какъ видно изъ вѣдомости (1739—1741 г.) во всѣхъ казанскихъ монастыряхъ питались 44 человѣка отставныхъ военныхъ [1]), тогда какъ по постановленію Монастырскаго Приказа ихъ должно быть только 12; они получали деньгами 380 руб. 40½ к., вмѣсто 108 руб. 95 коп., и хлѣба 178 четв. 5½ чк., вмѣсто положенныхъ 43 четв. 6½ чк. Конечно любопытна не эта, повторенная нами статистика, а то, что казанскіе монастыри, расходуя на отставныхъ военныхъ не одну сотню рублей и не одну сотню четвертей хлѣба, на семинарію могли давать только 86 четв. съ четверикомъ хлѣба, если не имѣть въ виду упраздненныхъ приписныхъ къ семинаріи монастырей.

Казанскіе монастыри служили пріютомъ не для однихъ солдатъ; въ нихъ ютились и дворяне. Въ Вознесенскомъ Сызранскомъ монастырѣ жилъ на пропитаніи „отставной дворянинъ“ [2]). Онъ жилъ безъ жалованья и питался, вѣроятно, вмѣстѣ съ братіей. У Вознесенскаго монастыря не было никакого имущественно-владѣльческаго достоянія, кромѣ скотнаго двора. Въ нуждѣ и дворянину приходилось питаться кое-какъ. Солдатамъ удѣлялось правительственнаго вниманія больше, чѣмъ дворянамъ и монахамъ. Изъ солдатъ, проживавшихъ въ казанскихъ монастыряхъ, только одинъ не получалъ жалованья, питаясь вмѣстѣ съ братіей въ Успенскомъ Болгарскомъ монастырѣ.

Сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы понять, что вопросъ о призрѣніи въ казанскихъ монастыряхъ сводился къ вопросу о содержаніи на монастырскій счетъ отставныхъ солдатъ. Правда, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ пріютилось нѣсколько убогихъ престарѣлыхъ и слѣпыхъ монаховъ, но ихъ было

[1]) Майоръ 1, капитановъ 2, прапорщиковъ 2, поручиковъ 3, подпоручиковъ 2, капраловъ 5, сержантовъ 2, катенармусъ 1, квартермейстеръ 1, профессъ 1, драгунъ 1, боцмановъ 3, матросъ 1, женатыхъ рядовыхъ 3, холостыхъ 12 и три солдата находились въ больницѣ. Общій наплывъ отставныхъ въ Казанскомъ краѣ замѣчается въ 1736 и 1737 гг. послѣ указа, которымъ велѣно всѣхъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и нестроевыхъ, не имѣвшихъ своихъ деревень и пропитанія отсылать преимущественно въ Казанскую губернію (П. С. З. Р. П. XVI, № 11825).

[2]) Приложенія, стр. V.

слишкомъ мало, сравнительно съ количествомъ солдатъ, проживавшихъ въ казанскихъ монастыряхъ. Надо полагать, что много больныхъ и убогихъ монаховъ, монахинь и мірянъ продолжали бродить по городамъ и селамъ, выпрашивая милостыню „Христа ради".

Монастырскія „больничныя" кельи имѣлись далеко не во всѣхъ мужскихъ казанскихъ монастыряхъ и при своей тѣснотѣ могли вмѣстить слишкомъ ограниченное число больныхъ [1]). Во всѣхъ женскихъ городскихъ казанскихъ обителяхъ, вмѣсто больницъ издавна существовали богадѣльни или богадѣленныя кельи, въ которыхъ ютились богадѣленныя старухи. При Богородицкомъ монастырѣ имѣлась каменная богадѣльня длиной 7 саж. шир. 4 сажени. Почти такихъ же размѣровъ была деревянная богадѣльня въ Успенскомъ монастырѣ—7 саж. длин. и 3 саж. шир. Въ Николаевскомъ монастырѣ было двѣ богадѣльни, занимавшія весьма обширный корпусъ длиной въ 121 с. и шир. отъ 5 до 7 саж. Богадѣльни Николаевскаго монастыря (нынѣ церковь Николо-Ляпуновская) въ нач. XVIII в. содержались на средства Казанскаго архіерейскаго дома. По крайней мѣрѣ, ремонтъ зданій производился домовой каѳедральной казной [2]). Въ николаевскихъ богадѣльняхъ могло помѣститься достаточно призрѣваемыхъ. Составъ призрѣваемыхъ

[1]) Больничныя и богадѣленныя кельи въ 1739—1741 гг. находились въ слѣдующихъ монастыряхъ и пустыняхъ: въ Свіяжскомъ Богородицкомъ муж. монастырѣ больница, но какъ велика она была, въ вѣдомости не показано; больничная келья Седміозерной пустыни помѣщалась въ одномъ корпусѣ съ квасоварней, поварней, хлѣбной и погребами; она едва-ли была помѣстительна; больничная келья Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря съ сѣнями имѣла 9 саж. длины и 5 с. ширины; больничная келья съ сѣнями была также въ упраздненномъ Спасо-Преображенскомъ Осинскомъ монастырѣ; больничная келья Уфимскаго Спасо-Чепочскаго монастыря имѣла въ длину и ширину по 3 сажени; не много просторнѣе ея была больничная келья Троицкаго Чебоксарскаго монастыря—4 саж. длины и 3 с. шир.; въ Зилантовѣ монастырѣ, въ Мироносицкой и Раиской пустыняхъ упоминаются только «больничные монахи» и одинъ «больничный разстрига». Были ли тамъ кельи, изъ вѣдомости не видно.

[2]) И. Покровскій. Казанскій архіер. домъ... Приложенія. Прих.-расх. кн. м. Тихона 1706 г., стр. 218 ср. стр. 154.

въ казанскихъ женскихъ монастыряхъ былъ самый разнообразный по, кажется, преобладали солдатскія жены и вдовицы.

Въ такомъ положеніи находились вопросы о больницахъ при мужскихъ монастыряхъ и богадѣльняхъ при женскихъ, когда въ Казани, по указу Петра 1712 года, при каждой церкви требовалось устроить по одной или по двѣ деревянныя избы и помѣстить въ каждую изъ нихъ по 25 человѣкъ. На постройку каждой избы отпущено по 30 руб. изъ неокладныхъ доходовъ [1]) Казанской Губернской Канцеляріи. Этой же Канцеляріи поручено устроить богадѣльни и поддерживать ихъ. Но, кажется, Губернская Канцелярія не очень заботилась о богадѣльняхъ. Изъ одного синодальнаго дѣла 1745 г. видно, что Канцелярія не отпускала въ богадѣльни ни денегъ, ни хлѣба и не заботилась о самыхъ зданіяхъ, такъ что зданія начали даже разваливаться. Указомъ 1745 г. 17 іюля подтверждено распоряженіе Петра и составлена опись богадѣльнямъ, по которой въ Казани оказалось 10 богадѣленъ (6 мужскихъ и 4 женскихъ), будто бы, не требовавшихъ починокъ; четыре мѣста пустовали, послѣ пожара (вѣроятно 1742 года). Послѣ повторительныхъ указовъ въ 1748 году Губернская Канцелярія повела торги на постройку четырехъ богадѣленъ. Чѣмъ дѣло кончилось, мы не знаемъ. Можно думать, что судьба казанскихъ правительственныхъ богадѣленъ была печальна. Въ 1764 году, послѣ учрежденія духовныхъ штатовъ, велѣно было отпускать изъ казны на особую богадѣльню въ Казани по 150 руб. въ годъ.

По этой богадѣльни не существовало и въ 1780 году [2]).

Съ прикрытіемъ большинства казанскихъ мужскихъ и женскихъ монастырей въ 1764 году, почти всѣ монастырскія „больничныя кельи“ и „богадѣльни“ тоже отжили свой вѣкъ. Чрезъ сто лѣтъ при монастыряхъ Казанской епархіи было всего

---

[1]) Какіе здѣсь разумѣются неокладные доходы, сказать мудрено. Можно предполагать, что подъ этими доходами разумѣются сборы съ оброчныхъ статей церковныхъ учрежденій, съ вѣнечныхъ памятей и т. п.

[2]) Арх. Св. Син., д. 1745 г. № 292. Покровскій. Казан. архіер. домъ, стр. 180—181.

па всего двѣ больницы: одна при Казанскомъ Богородицкомъ женскомъ монастырѣ, въ которой помѣщалось до 122 человѣкъ больныхъ женщинъ, содержавшихся на счетъ церковно-монастырскихъ доходовъ, другая въ Свіяжскомъ первокласномъ Богородицкомъ мужскомъ монастырѣ на 5 человѣкъ; по штату 1764 года и по указу 1797 года на нихъ отпускалось 45 руб. 71¼ коп. Домовъ для призрѣнія бѣдныхъ не было ни при одномъ монастырѣ [1]). Печальное явленіе! Но еще печальнѣе то, что церковныя вотчины, взятыя правительствомъ у казанскихъ церковныхъ учрежденій, вчастности у монастырей, и значительно увеличившія правительственныя средства, не улучшили благотворительности въ Казани и въ Казанскомъ краѣ.

Образовательно-просвѣтительное значеніе казанскихъ монастырей совсѣмъ ослабѣло. Школа Свіяжскаго монастыря, основанная еще Св. Германомъ, уступила мѣсто Новокрещенской школѣ. Эта послѣдняя помѣщалась въ 1739—1741 г. подъ одной изъ церквей. Быть можетъ подъ церковью существовала и прежняя монастырская школа. Новокрещенская школа уступила свое мѣсто семинаріи, которая послѣ скитаній по монастырямъ (Ѳеодоровскій и Зилантовъ), наконецъ, устроилась въ самой Казани въ своемъ зданіи [2]).

Свіяжскій монастырь съ своимъ просторнымъ каменнымъ трехъэтажнымъ зданіемъ для настоятельскихъ и братскихъ келій и деревянными хозяйственными постройками могъ пріютить цѣлое учрежденіе—Новокрещенскую Контору съ ея значительнымъ штатомъ [3]). Новокрещенская Контора содержалась на особыя ассигнованныя суммы, но одинъ проповѣдникъ-іеро-

---

[1]) Извѣстія по Каз. Епархіи 1869 г., стр. 503. Изъ отчета архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго Антонія о состояніи епархіи въ 1868 г.

[2]) До сего времени остается не выясненнымъ вопросъ о томъ, какъ долго существовала свіяжская монастырская школа, учрежденная св. Германомъ, и существовала-ли она непрерывно до замѣны ея Новокрещенской школой.

[3]) О штатѣ Новокрещенской Конторы. 1740 г. см. Свящ. Е. А. Малова «О Новокрещенской Конторѣ» Казань. 1878 г. стр. 41.

монахъ, бывшій настоятелемъ монастыря, вмѣсто архимандрита, входилъ въ составъ монастырскаго штата; въ томъ же штатѣ состоялъ присланный подъ начало архимандритъ.

Для смиренія лицъ низшихъ духовныхъ чиновъ въ Свіяжскомъ монастырѣ въ 20 годахъ XVIII в. имѣлась „земляная тюрьма [1])". Долго-ли она существовала въ такомъ незавидномъ помѣщеніи, мы не знаемъ, но въ вѣдомости 1739—1741 г. о ней уже не упоминается. По своимъ постройкамъ съ Свіяжскимъ монастыремъ могли равняться Казанскій Спасо-Преображенскій монастырь, отчасти Вознесенскій Седміозерный и Кизическій. Въ Кизическомъ монастырѣ имѣлась даже каменная келья для пріѣзда архіерея.

По количеству и великолѣпію храмовъ этимъ монастырямъ принадлежитъ первое мѣсто среди всѣхъ казанскихъ мужскихъ монастырей. Среди женскихъ монастырей первое мѣсто занималъ Казанскій Богородицкій монастырь, имѣвшій шесть однопрестольныхъ каменныхъ церквей. У Свіяжскаго Богородицкаго и Спасо-Преображенскаго монастырей нашелся даже излишекъ серебра, помимо священныхъ сосудовъ и церковныхъ вещей. Лишнее серебро въ 1707 году по особому указу взято въ Москву въ Монастырскій Приказъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности переплить его въ монету. Пятнадцать лѣтъ монастырское серебро хранилось въ Приказѣ и только въ 1723 г. отослано на монетный дворъ за Москвой—рѣкой. Вмѣстѣ съ монастырскимъ серебромъ взято излишнее серебро у казанскаго архіер. дома [2]).

Не разъ повторявшіеся указы Петра о томъ, чтобы монастырскія власти не воздвигали новыхъ построекъ, замѣтно отразились на общемъ состояніи монастырскихъ зданій и помѣщеній. Большинство изъ нихъ оставались деревянными, а въ шести монастыряхъ и пустыняхъ не было даже каменныхъ церквей [3])

---

[1]) Опис. Докум. и Д. Арх. Св. Син. III, № 9.

[2]) Тамъ же, II, ч. II, № 886.

[3]) О храмахъ, зданіяхъ и службахъ см. въ Приложеніи—Вѣдомости.

Съ какой бы стороны ни посмотрѣть на состояніе и положеніе казанскихъ монастырей, нельзя не убѣдиться, что монахамъ въ половинѣ XVIII в. жилось тяжело, а самые монастыри, потерявъ прежнее значеніе и крайне урѣзанные въ средствахъ, клонились къ упадку. Быть можетъ упадокъ этотъ искусственно поддерживался, чтобы легче осуществить сложную реформу 1764 года, измѣнившую какъ внѣшній такъ и внутренній строй монастырей вообще, казанскихъ вчастности. Многіе изъ казанскихъ монастырей и пустынь предъ 1764 годомъ не процвѣтали, а влачили свое существованіе. Таковъ Тихвинскій Царевосанчурскій монастырь: въ немъ было двѣ деревянныя церкви, двѣ деревянныя ветхія братскія келіи—длиной $2^1/_2$ саж. и шир. 2 саж. Въ монастырѣ по древнему установленію долженъ быть игуменъ, а на лицо въ 1739—1741 г. были только одинъ монахъ, да бѣльцовъ: попъ, дьяконъ и дьячекъ. Объ угодьяхъ и денежныхъ доходахъ такого монастыря не можетъ быть рѣчи [1]).

Вмѣстѣ съ ослабленіемъ внѣшняго величія монастырей слабѣло величіе самого монашества. Достаточно припомнить указъ Петра отъ 5 февраля 1724 года о сокращеніи числа архимандритовъ и опредѣленіи въ монастыри, вмѣсто намѣстниковъ, приказныхъ. Только знатные, богатые монастыри или тѣ, въ которыхъ имѣлись чтимыя святыни, напр. гробъ святого, могли разсчитывать имѣть своимъ настоятелемъ архимандрита [2]). Петровскія распоряженія о монастыряхъ и духовенствѣ постоянно держались на мысли сократить „мѣру чести“ русской церковной іерархіи и вообще нужно замѣтить, что нигдѣ такъ послѣдовательно не проводились мысли Петра, какъ въ указахъ о монастыряхъ и монашествѣ.

---

[1]) Приложеніе... стр. XV. Эта пустынь именовалась «Мусерской» (В. Звѣринскій III, № 1754). Поэтому у насъ на стр. 55 ошибочно сказано, что Мусерская пустынь была прикрыта до 1739 года.

[2]) Полн. Собр. Пост. и Распор. по В. Прав. Исп. IV, №№ 1202, 1239 ср. 1187.

О внѣшнемъ состояніи Казанскихъ монастырей въ настоящей статьѣ мы говоримъ на основаніи вѣдомостей 1739—1741 года. Эти вѣдомости могутъ быть названы предшественницами монастырскихъ вѣдомостей, составленныхъ предъ самой секуляризаціей церковныхъ имуществъ и учрежденіемъ штатовъ 1764 года. Посредствующихъ вѣдомостей уже не встрѣчается. Вѣдомости 1739—1741 года оффиціально называются краткими. Таковы онѣ и есть. Въ нихъ нѣтъ описанія храмовъ, церковной утвари, ризницы, книгъ и т. п., а также полнаго перечня угодій и вотчинъ. Всѣ эти свѣдѣнія имѣются въ описяхъ казанскихъ монастырей 1763—1764 гг., составленныхъ предъ самой секуляризаціей церковныхъ имуществъ. Переписи казанскихъ монастырей и вотчинъ сдѣланы подпоручикомъ Ростовскаго пѣхот. полка Малышевымъ. Одна изъ полныхъ вѣдомостей о Кизическомъ монастырѣ помѣщена въ XI т. I вып. Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ Университетѣ въ статьѣ Е. Н. „Вотчины и угодья Кизическаго Казанскаго монастыря [1]).

Въ приложеніи къ названной статьѣ помѣщено нѣсколько грамотъ, главн. образ. экономическаго содержанія. Грамоты извлечены изъ столбцовъ Архива Мин. Юстиціи по Коллегіи Экономіи. Тамъ сохранились грамоты, весьма важныя для исторіи экономическаго быта и другихъ казанскихъ монастырей до 1764 года. Ихъ легко найти по описи грамотъ по уѣздамъ Казанской губерніи.

Описи и вѣдомости о казанскихъ монастыряхъ, оставшихся въ штатѣ и за штатомъ послѣ 1764 года, имѣются среди рукописей Библіотеки Казанской Дух. Академіи.

---

[1]) Подлинныя вѣдомости и описи хранятся въ Москов. Главн. Арх. Минист. Юстиціи по Коллегіи Экономіи. Мы списали только вѣдомости и описи вотчинъ Казанскаго архіер. дома, составленныя тѣмъ же Малышевымъ. О нихъ будетъ рѣчь въ послѣдней главѣ печатающагося изслѣдованія «О казанскомъ архіер. домѣ, его средствахъ и штатахъ до 1764 г.», на которое дѣлаются ссылки въ настоящей статьѣ.

Приложеніе.

I.

Мужскіе монастыри.

I.

Богородицкій Свіяжскій монастырь въ г. Свіяжскѣ.

Въ томъ монастырѣ каменныхъ церквей 5, въ нихъ 5 престоловъ. Каменнаго строенія настоятельскихъ и братскихъ о трехъ аппартаментахъ 6 келій длиной 24 с. шириной отъ 3 до 5 саж. Подъ одной церковью школа, выходъ дл. на 5 с., поперекъ тоже., двѣ поварни дл. на 19 с. ш. 7 с., два погреба съ сушилами дл. 12 с, поперекъ 8 саж., кузница съ келіей дл. 8 с. ш. 4 с., баня дл. 4 с. ш. 3 с. Около монастыря ограда каменная на 146 саж. За монастыремъ выходъ каменный дл. 5 с. шир. тоже.

Деревяннаго строенія—сарай дл. 6. с. ш. 3 с., вмѣсто магазиновъ житницъ 6 дл. 24 с. ш. отъ 4 до 3 с., анбаръ дл. 6 с. ш. 3 с., конюшенный дворъ съ принадлежащимъ строеніемъ дл. 76 с. ш. 35 с. Гостинный дворъ, въ немъ 2 избы съ сѣнями дл. 5 с. ш. 3 с.

Въ томъ монастырѣ противъ древняго установленія надлежитъ быть архимандриту, а нынѣ на лицо: проповѣдникъ іеромонахъ вмѣсто бывшаго архимандрита настоятелемъ, экономъ іеромонахъ 1, казначей іеродіаконъ 1, присланный подъ начало архимандритъ 1, служащихъ іеромонаховъ 7, въ томъ числѣ одинъ ризничій, іеродіаконовъ 5, монаховъ-пономарей 2, просвиренный 1, конюшенныхъ 2, житенной 1, ясельникъ 1, подкеларщикъ 1, хлѣбодарскихъ 2, огороденной 1, кузнешный 1, престарѣлыхъ монаховъ 7; больничныхъ іеромонаховъ 4, монаховъ 3, итого 42.

Прислано къ постриженію бѣльцовъ-протопопъ 1, дьяконовъ 1, кононархистовъ 2, псаломщикъ 1, звонарей 3, раскольниковъ 3.

Отставныхъ штабъ, оберъ и унтеръ офицеровъ и солдатъ на пропитаніе—майоръ 1, ему годового жалованья 46 р. 66 ½ к.; капитанъ 1, ему 33 руб. 33 ½ коп; поручиковъ 3, каждому по 26 р. 66 к. сержантъ 1, ему 5 р. 19 к., хл. 6 четв. 3 чк., капралъ 1, ему 3 руб. 66 к., хл. 6 четв.

1 ½ чк., солдатъ женатыхъ 3, кважому по 3 руб. 66 коп. хл. 6 четв. 3 чк., холостыхъ 3, каждому по 3 р. 66 к. хл. по 3 четв. 1 ½ чк; въ больницѣ трое, одному 2 р. 50 к., двумъ по 80 к.

На братской пищѣ монастырскихъ служителей—управитель 1, ему жалованья 10 руб., хл. 22 четв., стряпчихъ 2, каждому по 5 р. и 15 четв. хлѣба, подъячихъ 4—первому 5 руб. хлѣба 15 четв; второму 4 р. 50 к. и хлѣба 12 четв. 4 чк., двумъ—каждому по 3 руб. 50 к., хл. 12 четв., чудотворцевой раки строителю 1 р. 50 коп., слугъ 6 чел., одному 4 руб. хл. 12 четв., двумъ по 3 р. 50 к., хл. 12 четв., 3-мъ по 3 руб. хл. 12 четв., конюховъ 10—двумъ по 3 р. и хл. по 10 четв., восьмерымъ по 2 р. 50 к. и хл. по 10 четв., поваровъ 6, изъ нихъ четверымъ по 3 р. и хл. по 8 четв., двумъ по 2 р. 10 к. хл. по 8 четв., бочкаровъ—2, каждому по 2 р. и 10 четв. хлѣба, часоводъ 1, ему 3 руб. 10 к. и хлѣба 1.4 руб., кузнецовъ 3—первому 3 р. и 10 четв., второму 2 р. и 10 четв., третьему 1 руб. 50 коп. и 8 четв., оконишниковъ 1, ему 2 р. и 10 четв. хлѣба, дворникъ 1, ему 2 руб. и 8 четв., скотниковъ 3, изъ нихъ двумъ по 1 руб. 15 к. и 8 четв. хл., одному 2 руб. 50 к. и хл. 8 четв., плотниковъ 3, каждому по 3 руб. и хл. по 10 четвертей, хлѣбниковъ 5, изъ нихъ троимъ по 2 р. 40 коп., одному 1 р. 20 к. и послѣднему 2 руб., рыбной ватаги строитель 1, ему 2 р. 40 к., въ вотчинахъ у присмотру монастырскаго хлѣба 1, неводной службы строитель 1, у присмотра скота 1, имъ по 2 руб., а хлѣба не дается, питаются съ братіей, истопникъ 1, ему 1 р. 50 к., конюшій 1, ему 2 руб., настоятельскихъ келейниковъ двое, имъ по 2 руб, присланный на исправленіе ума подъячій 1, ему 1 руб. 70 к.

За тѣмъ монастыремъ въ вотчинахъ по переписнымъ книгамъ 186 года служныхъ крестьянъ и бобылей 1265 дворовъ, въ нихъ по свидѣтельству генералитета 6045 душъ. Въ тѣхъ вотчинахъ по дачамъ земли 8080 четвер., сѣнныхъ покосовъ 26783 копны, мельницъ 4, рыбныхъ ловель въ р. Волгѣ и Свіягѣ.

Въ томъ монастырѣ по окладнымъ и неокладнымъ (книгамъ) денежныхъ, хлѣбныхъ и прочихъ доходовъ въ годъ собирать надлежитъ: окладныхъ съ крестьянъ а) оброчныхъ 643 руб. 78 ¾ к., б) за столовые запасы 61 р. 44¾ к. в) за конюшенные припасы 74 руб. 10 коп. г) стряпческихъ 12 руб. 54½ к., д) съ мельницъ оброчныхъ 165 р. 16 к. е) съ рыбныхъ ловель 23 р. 61 коп. ж) съ бобылей 51 руб. 3 коп., з) съ пашенныхъ земель 19 р. 24 коп. и) съ сѣнныхъ покосовъ 117 р. 62 к.—всего окладныхъ 1379 р. 53¼ к.

Неокладныхъ а) синодишныхъ 7 руб. 75 коп., б) выводныхъ за дѣвокъ и вдовъ 7 руб. в) за продажной скотъ 5 руб. 60 коп.—итого 20 р. 35 к., а всего окладныхъ и неокладныхъ 1399 р. 88¼ к.

Хлѣба неокладного—съ пашни приплоднаго ржи и ярового 2050 четв.

Столовыхъ припасовъ—свинины тушъ 47, гусей 47, барановъ 47, масла коровьяго 21 пуд. 21 фун., яицъ 9005, орѣховъ 29 четв. 2½ чк., ягодъ—брусники 48 ведеръ, смородины 16 вед., малины 51 ведро.

III

Конюшенныхъ припасовъ—телѣгъ 44, саней 35, дровней 26, хомутовъ посконныхъ 45, дугъ 205, оборотей 411, вожжей 822, лопатъ 411, мѣшковъ рогожныхъ 140, ведеръ 20 паръ, лубковъ 1505, дровъ 291 сажень. Денежные доходы въ тотъ монастырь собираются сполна.

Изъ того прихода въ томъ монастырѣ оставляется на расходы 1267 руб. 3 4 коп., хлѣба 1895 четвертей.

Платится въ Казанскую Губернскую канцелярію съ рыбныхъ ловель и съ мельницъ оброку 93 руб. 8 4 коп., въ Свіяжскую провинціальную канцелярію за рыбныя ловли 126 руб. 45 1/2 коп. Казанскому соборному причту с братіей славленныхъ 4 руб.

Да въ Коллегію Экономіи платится 132 руб. 48 1/2 коп. и хлѣба 165 четв.

II.

Благовѣщенскій монастырь при р. Свіягѣ, отъ Симбирска въ двухъ верстахъ.

Каменная церковь одна съ четырмя престолами, деревяннаго строенія: келій съ сѣнями и чуланами 8 дл. 51 саж. шир. отъ 2 до 4 саж., братская трапезная, да хлѣбная съ сѣнями дл. 18 саж. шир. 2 саж., хлѣбенный амбаръ дл. 4 саж. шир. 2 саж., ледникъ дл. 5 саж. шир. 4 саж., погребъ дл. 8 с. шир. 2 саж., скотный дворъ съ принадлежащими къ нему строеніями дл. 17 шир. 7 с. Школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію надлежитъ быть архимандриту. На лицо: архимандритъ, казначей монахъ 1, іеромонаховъ 4, схимникъ 1, монаховъ: клобшникъ 1, хлѣбенный 1, рядовыхъ 6—всего 15 человѣкъ. Бѣльцовъ—одинъ попъ, да въ приписномъ къ Благовѣщенскому монастырю Успенскомъ монастырѣ поповъ два, дьячковъ два. На пропитаніи отставныхъ солдатъ нѣтъ.

Вотчинъ, крестьянъ и сѣнныхъ покосовъ у монастыря не было. Въ монастырѣ по окладамъ и неокладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ въ сборѣ надлежитъ быть—окладныхъ: съ монастырской земли, на которой жили симбирскіе обыватели, оброчныхъ 2 руб. 10 коп., неокладныхъ—отъ часовни подаванія христолюбцевъ 13 руб. Доходы оставались въ монастырѣ, въ Коллегію Экономіи ничего не отсылалось.

III.

Благовѣщенскій монастырь въ Симбирскомъ у. при р. Волгѣ, отъ Сызрани въ 10 верстахъ.

Каменная церковь 1 съ двумя престолами, келій настоятельскихъ 1 дл. 3 с. шир. 3 саж.

IV

Деревяннаго строенія—братскихъ келій 4, дл. 12 саж. шир. 3 с., около монастыря каменная ограда. Школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію надлежитъ быть игумену, на лицо игуменъ, монаховъ 4, бѣльцовъ дьяконъ 1.

За тѣмъ монастыремъ по переписнымъ книгамъ 186 г. 10 двор., по свид. Генералитета 17 душъ; земли по дачамъ по 15 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣнныхъ покосовъ на 15 копенъ. Никакихъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ нѣтъ, а питаются мірскимъ подаяніемъ.

IV.

Богородицкая Жадовская пустынь при р. Самородкѣ, Симбирскаго у., отъ Симбирска 130 верстъ.

Деревяннаго строенія—церковь 1 съ двумя престолами, келій 12 дл. 26 шир. 36, хлѣбня 1 дл. 4 саж. шир. 2 саж., житница 1 дл. и шир. по 3 с., конюшня дл. и шир. 4 с., Школъ и гошпиталей нѣтъ. Около монастыря деревянная ограда на 67 с.

Надлежитъ быть игумену, а на лицо: строитель іеромонахъ, рядовыхъ монаховъ 3, бѣльцовъ трудникъ 1. На пропитаніи—отставной подпоручикъ 1, ему давалось 11 руб. 27½ к.

За монастыремъ сѣнныхъ покосовъ на 15 копенъ. Въ тотъ монастырь денегъ собиралось—окладныхъ—съ лавокъ 25 руб., неокладныхъ за продажный скотъ 6 руб. 94 коп., за промѣнъ восковыхъ свѣчей 16 руб. всего 48 р. 26 к. Въ Коллегію Экономіи ничего не платилось.

V.

Вознесенскій Седміозерный монастырь, въ Казан. у. при р. Солоницѣ, отъ Казани въ 15 верстахъ.

Каменныхъ церквей 3 съ 4 престолами. Каменнаго строенія—настоятельскихъ и братскихъ келій о двухъ апартаментахъ 14, дл. 22 с. шир 4 с. Больничная келія—при ней надъ погребомъ надпогребница, квасоварня, поварня, хлѣбная дл. 19 с. шир. 4 с. Деревяннаго строенія—настоятельскихъ и братскихъ келій 13—дл. 38 с. ш. отъ 2 до 5 с. При тѣхъ келіяхъ погребы, поварня, приспѣшня дл. 9 ш. 2½ с, келья поваренная дл. 2½ ш. 2½ с., житницъ 4 дл. и шир. 9 с., погребъ съ надпогребницей, надъ ними амбаръ дл. 3 с. ш. 3 с. Выходъ, а надъ ними амбаръ дл. 3 с. шир. 3 с., конюшенный дворъ съ принадлежащимъ строеніемъ дл. 23 с. ш. 13 с., а школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію долженъ быть игуменъ, на лицо—игуменъ, служащихъ—казначей іеромонахъ, іеромонахсвъ 2, монаховъ—ризничій 1,

...лосный 1, сенадшный и часоводъ 1, просвирешный 1, пономарь 1, у ...трѣнія на мельницѣ 1, въ приписной (?) пустыни монахъ 1, больничный ...монахъ 1, бѣльцовъ—дьяконъ 1. На пропитаніи: капитанъ 1, ...ру хлѣба 22 четверти, драгунъ 1, ему 3 р. 66 к. хл. 3 четв 2 чк. Монастырскихъ служителей—стряпчій 1—ему жалованья 6 руб. и 10 ...тв. хлѣба, келейникъ 1 ему 60 коп, сторожей 2, имъ по 2 р. 50 к., по...рь 1, хлѣбниковъ 2, житенной 1, подкелярникъ 1, сторожъ при часахъ 1—...мъ имъ по 2 руб. каждому въ годъ, лошкомой 1, дворникъ 1, имъ по ... руб. 50 к., коровникъ 1, ему 1 р. 50 к. хлѣба 3 четв, мельникъ 1, ему ... руб. 50 к., хлѣба 7 четв., работниковъ 1, кузнецъ 1—имъ по 3 руб.

За той пустыней въ вотчинахъ по переписи 186 ч. 19 дв., по свид. Генералитета 422 дв., по дачѣ земли 459 четв. 219 дес., сѣнныхъ покосовъ ... 2100 коп., лѣсныхъ угодій—длиной на 18 верстъ, мельницъ 4, рыбныхъ ловель въ одной рѣкѣ и 3-хъ озерахъ, въ Казани въ рядахъ 12 лавокъ.

Въ пустыни окладныхъ и неокладныхъ денегъ и хлѣбныхъ доходовъ въ годъ должно быть: окладныхъ—съ крестьянъ оброчныхъ 11 руб. 5 коп., неокладныхъ—а) за продажный хлѣбъ, рыбу, скотъ и выводныхъ—76 р. 33 коп. б) синодишныхъ и за промѣнныя свѣчи—10 р. 73 к. в) съ мельницъ—59 р. 58½ к. г) съ рыбныхъ ловель 79 руб. д) съ лавокъ и харчевень—68 р. 18 к., е) съ крестьянъ за подводы 13 руб. 65 коп. ж) прикладныхъ въ отдачу рекрута—29 руб., з) явочныхъ съ лѣсу и звѣриныхъ ловель—69 коп. и) молебенныхъ 64 руб. 12 коп.—всего 402 р. 94½ к.. а съ окладными 413 руб. 99½ коп Хлѣба неокладного приплоднаго 183 четв., помольнаго 5 четв.—всего 188 четв. Въ казанскую губернскую канцелярію оброчныхъ съ мельницъ, рыбныхъ ловель и съ бани платится—69 руб. 71½ к., съ лавокъ 4 руб. 95½ коп. Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

VI.

Вознесенскій Сызранскій монастырь при р. Сызрани, отъ Сызрани въ 1 верстѣ.

Каменнаго строенія: Церковь 1 съ двумя престолами; деревяннаго строенія—2 церкви съ 3 престолами, настоятельскихъ и братскихъ келій 8, дл. 30 с., ш. отъ 2 до 4½ с., амбаровъ хлѣбныхъ 3, дл. 6 с. ш. 2 с., ограда деревянная. За монастыремъ скотный дворъ съ принадлежностями дл. 7 с. ш. 4 с.; школъ и гошпиталей нѣтъ.

Надлежитъ быть игумену—на лицо: игуменъ, іеромонаховъ 3, іеродіаконъ 1, монаховъ 4, бѣльцовъ—попа 2, діакона 1, пономарь 1; отставной на пропитаніи дворянинъ одинъ.

VI

VII.

Вознесенскій монастырь Тирвенскій въ Цивильскѣ, при р. р. Большой и Малой Цивилях.

Каменная церковь 1 съ двумя престолами, деревяннаго строенія келій 5 дл. 15 и шир. 3, житенный амбаръ дл. 3 ш. 2 с., погребовъ два, надъ ними 2 амбара дл. 8 ш. 2 с., хлѣбня съ сѣнями дл. 4 с. ш. 2 с.; около монастыря деревянная ограда 30 саж. Школъ и гошпиталей нѣтъ. За монастыремъ скотный дворъ со службами.

По древнему установленію долженъ быть и есть на лицо: игуменъ, казначей іеромонахъ 1, іеромонахъ 1, схимонахъ 1, бѣльцовъ—дьяконъ 1, дьячокъ 1, пономарь 1. Отставныхъ на пропитаніи нѣтъ; вотчинъ и угодій нѣтъ. Собирается неокладного денежнаго дохода съ постоялаго двора 8 руб. 50 коп., за промѣнъ восковыхъ свѣчей 5 руб. 20 коп. Весь доходъ остается въ монастырѣ, а въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

VIII.

Вознесенскій монастырь въ г. Яранскѣ при р. Яранѣ.

Каменныхъ церквей 2, деревянная 1, въ нихъ 4 престола. Деревяннаго строенія—келій 6, дл. 17 с. шир. 2 с., надъ погребомъ амбаръ дл. 2 с. шир. 2 с., школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію должно быть и есть на лицо: игуменъ, служащихъ—іеромонахъ 1, іеродіаконъ 1, бѣльцовъ—дьячекъ 1; отставныхъ на пропитаніи и служителей нѣтъ.

За тѣмъ монастыремъ по переписи 186 года 2 двора, по свидѣтельству генералитета 40 душъ, земли 13 четвертей въ полѣ, сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ. Окладныхъ и неокладныхъ доходовъ не собирается; монахи питаются своими трудами и мірскимъ подаяніемъ, а крестьяне исправляютъ всякое монастырское издѣлье.

IX.

Кизическій монастырь при рѣкѣ Казанкѣ.

Каменныхъ церквей 4 съ 5 престолами, подъ одной церковью каменныхъ братскихъ келій 2 дл. 5 саж. шир. 2 саж. Каменнаго строенія—для пріѣзда архіерея келій 3 дл. 10 саж. шир. 3 саж., выходъ дл. 8 саж. шир. 6 саж., настоятельскихъ и братскихъ келій 7, дл. 24 саж., шир. 5 саж., хлѣбня дл. 5 с. шир. 3 с., магазиновъ 3, дл. 6 шир. 3 с., поварня дл. 3 с., шир. 2 с., погребъ каменный съ сушиломъ дл. 4 саж. шир. 3 с., конюшня 1 дл. 4 с. шир. 3 с., ограда каменная, школъ и гошпиталей нѣтъ.

VII

По древнему установленію должень быть игуменъ, а на лицо—архимандритъ, служащихъ—іеромонахъ 1, іеродіаконовъ 3, монаховъ—часовенный 1, пономарь 1, хлѣбенный 1, житенный 1. На пропитаніи отставной солдатъ 1, ему дается 5 руб. 49 к. хлѣба 6 четв. 3 чк.

За тѣмъ монастыремъ вотчинъ по переписнымъ книгамъ 186 года 46 дворовъ, а по свидѣтельству Генералитета 392 души, земли по дачѣ 56½ дес., сѣнныхъ покосовъ 757 копенъ, лѣсу пашеннаго 78 десятинъ, мельница 1, рыбныхъ ловель 2.

Въ тотъ монастырь окладного и неокладного денежнаго и хлѣбнаго доходу въ годъ должно быть—окладныхъ—съ крестьянъ и бобылей оброчныхъ 10 руб. 30 коп., неокладного а) собирается въ церковную кружку 45 руб., б) часовенныхъ 1 р. 73 коп., в) съ мельницъ помольныхъ 13 руб. 50 к., г) съ рыбныхъ ловель 2 руб., всего 72 р. 53 к. Хлѣба неокладного—приплодного 167 четвертей, прочихъ припасовъ—веревокъ лычныхъ 10, лаптей 50 обуваній, оборотей мочальныхъ 10, лопатъ 10. Платится въ Казанскую Губернскую Канцелярію за бобылей подушныхъ 1 р. 52 к. Въ Казанскую Семинарію хлѣба 20 часть—4 четверти. Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

X.

Макарьевская пустынь въ Свіяжскомъ уѣзд. при устьѣ рѣки Свіяги, отъ Свіяжска въ 1 верстѣ.

Каменная церковь 1 съ однимъ престоломъ, дерев. церковь 1 съ однимъ престоломъ. Деревяннаго строенія—келій 6 дл. 20 с. шир. 3 саж. Хлѣбня съ сѣнями дл. 8 с. шир. 3 с., надпогребница 1, дл. 3 с. ш. 2 с., житница 1, дл. 2 с. шир. 2 саж. Около монастыря деревянная ограда, за монастыремъ скотный дворъ съ принадлежностями. Школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію надлежитъ быть и есть на лицо: игуменъ 1, казначей іеромонахъ 1, просвиренный 1.

За тѣмъ монастыремъ по свидѣтельству генералитета написано бобылей 4 души; сѣнныхъ покосовъ на островѣ среди Волги рѣки на 210 копенъ. Въ ту пустынь денежныхъ доходовъ за отдачу въ наемъ сѣнныхъ покосовъ въ годъ надлежитъ собирать 45 руб., а собирается 40 руб. 35 коп. и употребляются всѣ въ монастырѣ, а въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

XI.

Мироносицкая пустыня въ Царевококшайскомъ у. отъ города въ 14 верстахъ.

Каменныхъ 2 церкви, деревянная 1 съ 4 престолами. Деревяннаго строенія—келій съ сѣнями 3, дл. 20 саж. шир. отъ 2 до 3 с.,

хлѣбная да братская келія дл. 6 с. ш. 2 с., анбаръ 1 дл. 2 с. шир. 2 с., подъ нимъ погребъ, погребка 1, надъ ней анбаръ дл. 4 с. шир. 3 с., магазиновъ 4, дл. 7 с. шир. 2 с. Около пустыни деревянная ограда, при пустыни конюшенный дворъ съ принадлежащимъ строеніемъ.

По древнему установленію долженъ быть и есть игуменъ, казначей іеродіаконъ, монаховъ—хлѣбенный 1, конюшенный 1, келейный 1, бѣльцовъ—присланныхъ къ постриженію протопопъ 1, поповъ 2, дьяконъ 1, дьячекъ 1, пономарь 1, псаломщикъ 1, большишной разстрига, на пропитанія отставной боцманъ—ему денегъ 5 руб. 49 коп., хлѣба 9 четв.

За тѣми пустынней вотчинъ по переписи 186 г. 21 дв., по свидѣтельству генералитета 126 душъ, земли 25 четвертей да 10 десятинъ, сѣнныхъ покосовъ на 300 копенъ, мельницъ 3, въ томъ числѣ двѣ запустѣлыхъ.

По окладу и неокладныхъ въ годъ собирать надлежитъ: окладныхъ—съ крестьянъ оброчныхъ 40 руб., неокладныхъ—изъ церковной кружки 8 руб., за промѣнъ свѣчь 27 р. 19 к., подаваемыхъ отъ христолюбцевъ 14 руб., съ мельницъ помольныхъ—4 р. 9 к., за продажный скотъ 7 р. 50 к., за продажныя кожи 1 р. 27 к., всего 102 р. 5 к. Хлѣба съ пашни приплоднаго 6½ четверти. Въ Царевококшайскую воеводскую канцелярію платится съ мельницъ, земли и покосовъ оброчныхъ 5 руб. Въ Казанскую Семинарію хлѣба 6 четвертей. Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

XII.

Покровскій Кукарскій монастырь въ Казан. у. при р. Пижмѣ отъ Казани 250 верстъ.

Каменная церковь 1, деревянныхъ 2, въ нихъ 4 престола. Настоятельская каменная келія 1 дл. 4 с. ш. 2 с. Деревяннаго строенія—настоятельскихъ и братскихъ келій 4 дл. 15 с. ш. отъ 2 до 3 с., хлѣбня съ сѣнями дл. 6 с. шир. 3 с., сторожка съ сѣнями—дл. 2 с. ш. 1 с., погребовъ 2 дл. 6 шир. 3 с., школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію долженъ быть игуменъ, на лицо: игуменъ, служащихъ іеромонаховъ 3, монаховъ—казначей 1, житенной 1, подклярщикъ 1, рядовыхъ 2, опредѣленный въ трехлѣтнее искушеніе попъ 1, дьяконъ 1, пономарь 1. Отставныхъ на пропитаніи—прапорщикъ 1, ему дается денегъ 10 руб. 66¾ к., солдатъ 1, ему 3 руб. 66¾ к. и хлѣба 3 четверти. Монастырскихъ служителей: хлѣбникъ 1, работниковъ 3—всѣ они получаютъ по 2 руб.

За тѣмъ монастыремъ по свидѣтельству Генералитета 235 душъ, а сколько по переписи 186 г., за пожаромъ неизвѣстно. По дачамъ земли 432 дес., покосовъ 1700 копенъ, мельницъ 2, рыбныхъ ловель въ 3-хъ рѣкахъ.

Денежнаго и хлѣбнаго неокладного дохода въ годъ должно собираться: а) съ мельницъ помольнаго 60 р., б) за продажныя свѣчи 2 р. 30 к. в) за продажный скотъ 13 руб. г) за сѣно 7 руб., д) за хлѣбъ 3 руб. Хлѣба

неокладного: приплодныго 70 четв. прочихъ припасовъ въ монастырь не ставляется шерсти 2 пуд., овчинъ 15; съ крестьянъ конюшеннаго окладного припасу—возжей, веревокъ, лопатъ по 50. На одинъ годъ собирается—а) съ мельницъ помольнаго 59 руб., б) за свѣчи 2 руб. 20 к., в) за сѣно 6 руб. 5 к. г) за скотъ 12 р. 70 к. всего 80 руб. 84 к. Хлѣба приплоднаго 55 четвертей. Въ Казанскую Семинарію хлѣба отсылается 2 четверти и 6 чк. Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

XIII.

Раиоская пустынь при р. Сумкѣ и озерѣ Бѣломъ въ Казан. у. отъ Казани 25 верстъ.

Каменныхъ церквей 13 съ 15 престолами. Каменнаго строенія настоятельскихъ и братскихъ о двухъ апартаментахъ 6 келій, дл. 17 с. ш. 4 с., братскихъ келій 18, да поварня дл. 25, шир. 3 с., ограда каменная, школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію долженъ быть и есть архимандритъ, служащихъ іеромонаховъ 5, іеродіаконовъ 4, монаховъ—намѣстникъ 1, крылошныхъ 3, пономарь 1, служебныхъ монаховъ 7, больничныхъ 2. Отставныхъ на пропитаніи капралъ 1, ему дается 3 руб. 66 коп., полковой профессъ 1, ему дается 3 руб. 66 к. Монастырскихъ служителей: подкеларщикъ 1, ему дается жалованье 3 руб., хлѣбникъ 1—ему 2 руб., повяръ 1—ему 2 руб., лошкомой 1—ему 2 руб., конюховъ 3 имъ по 3 руб., рыболовъ 1—ему 1 руб., архимандричій келейникъ—ему 4 руб., намѣстниковъ келейникъ—ему 2 руб, мельниковъ 2, засыпокъ 2, работниковъ 2—имъ по 3 руб. каждому, дворникъ 1—ему 2 руб.

За той пустынел по переписи 186 г. 34 двора, въ нихъ по свидѣтельству Генералитета 405 душъ. По дачамъ къ той пустыни земли 128 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 1200 копенъ, рыбныхъ ловель въ 3-хъ озерахъ, мельницъ 2. Въ Казани 2 часовни, харчевенъ 5, избъ отдаточныхъ 6, лавокъ 2.

Въ ту пустынь окладного и неокладного денежнаго и хлѣбнаго дохода бываетъ—окладного: съ крестьянъ оброчныхъ 7 руб., неокладного: а) съ часовни подаваемыхъ 10 р. 37 к., б) съ харчевенъ—100 руб., в) съ избъ—64 р. 85 к., съ лавокъ 6 руб. г) за продажную избу 7 руб. д) съ мельницъ помольныхъ 38 руб. 65 к.—всего 233 руб. 87 к. Хлѣба неокладного: съ пашни приплоднаго 60 четв., помольнаго 6 четв., всего 66 четв. Всѣ доходы собираются и остаются въ монастырѣ, изъ нихъ платится въ Казан. губ. канцелярію съ мельницъ оброчныхъ 1 р. 68 к. Въ Семинарію хлѣба 20 часть—3 четверти. Въ Колл. Экономіи ничего не платится.

XIV.

Соловецкая Симбирская подгородная пустыня въ Симб. у. при р. Волгѣ, отъ г. Симбирска въ 20 верстахъ.

Деревяннаго строенія—церкви 2 съ двумя престолами, келій 7, дл. 20 с. ш. 3 с. Хлѣбня и скотная изба съ сѣнями дл. 8 с. ш. 3 с., анбаръ ветхій дл. 4 с. шир. 4 с., надпогребница дл. 3 с. ш. $2^1/_2$ с. Школъ и гошпиталей нѣтъ.

Надлежитъ быть игумену, на лицо: игуменъ, рядовыхъ монаховъ 5, бѣльцовъ попъ 1, дьячекъ 1.

За тѣмъ монастыремъ ничего не было. Монахи питались отъ своего рукодѣлія и мірскимъ подаяніемъ.

XV.

Спасскій Преображенскій монастырь въ Казани.

Въ томъ монастырѣ каменнаго строенія—церкви 3, въ нихъ престоловъ 4; при оныхъ церквахъ 4 палатки, хлѣбодарня, 3 сторожки, поварня, 2 приспѣшни, хлѣбня дл. 4 с. шир. отъ 2 до 4 саж. Казенная и братскихъ келій 11 съ сѣнями о двухъ апартаментахъ дл. 29 с., поперекъ на $3^1/_2$ с., квасная да поварня—дл. 7 с. поперекъ 3 с.

Деревяннаго строенія—настоятельскихъ келій 3 дл. 10 с. ш. 5 с., погребъ съ надпогребницей дл. на 3 с. ш. 3 с., два погреба съ сушилами дл. 6 с. ш. 3 с., больничная келія съ сѣнями дл. 9 с. ш. 5 с., магазинъ 1 дл. 3 с. ш. тоже, конюшенный дворъ съ принадлежащимъ строеніемъ дл. 28 с. ш. 24 с., школъ и гошпиталей не имѣется, около монастыря каменная ограда дл. на 92 саж.

Въ томъ монастырѣ подревнему установленію надлежитъ быть архимандриту, на лицо: архимандритъ, казначей іеромонахъ, духовникъ іеромонахъ, іеромонаховъ 3, іеродіаконовъ 3, монаховъ—ризничій 1, крылосныхъ 2, пономарей 3, хлѣбодаръ 1, да при больницѣ больныхъ слѣпыхъ монаховъ 8—всего монашествующихъ 24, бѣльцовъ попъ 1.

Отставныхъ оберъ и унтеръ офицеровъ и рядовыхъ на пропитаніи: капитанъ 1, ему жалованья въ годъ 33 руб. 33 к., поручикъ 1, ему жалованья 26 руб. 66 к., катенармусъ 1, ему 5 руб. 49 к. и хлѣба 3 четв. $1^1/_2$ чк., капраловъ двое—одному 11 руб. 33 коп., хл. 6 четв. 3 чк., другому 3 руб. 66 к., хл. 6 четв. 3 чк., солдатъ четверо—одному 11 руб. 33 к., хлѣба 6 четв. 6 чк., троимъ каждому по 3 руб. 66 к., хл. 6 руб. 3 коп.

Монастырскихъ служителей: стряпчій 1, ему годового жалованья 10 руб. хл. 10 четв., подъячихъ трое, каждому по 4 руб. и хл. по 7 четв., келейныхъ 3, ясельничій 1, кузнецъ 1, каждому изъ нихъ денегъ по 3 руб. и хл. 6 четв., казенный сторожъ 1, житенныхъ четверо, каждому изъ

нихъ по 2 руб. 70 к. и хл. по 5 четв., церковныхъ сторожей 4, дворниковъ 4, огородниковъ 2, бочкаръ 1, свѣшникъ 1, солодовникъ 1, каждый изъ нихъ получалъ въ годъ по 2 руб. и хл. по 5 четв., квасныхъ и хлѣбенныхъ старцевъ 6, поваръ 1, конюховъ 3, всѣ они получали по 3 руб. и хл. по 5 четв., поваръ 1 получалъ 3 руб. 50 к. и хл. 6 четв., кучеръ 1—ему 4 руб. 6 чк., портныхъ 2, каждому по 2 руб. и хл. по 6 четв., сапожникъ 1, ему 2 руб. и 4 четв. хлѣба, лошкомой 1, ему одинъ руб. и 4 четв. хлѣба.

За тѣмъ монастыремъ въ вотчинахъ по переписнымъ книгамъ 186 г. написано крестьянскихъ и бобыльскихъ 370 дв., въ нихъ по свидѣтельству Генералитета 1606 душъ, къ тѣмъ вотчинамъ по дачамъ земли 6161 четв. 6 чк. сѣнныхъ покосовъ 1193 десятины и 8 копенъ, лѣсу длиною на 11 верстъ, мельницъ 5, рыбныхъ ловель въ озерахъ и рѣкахъ длиною на 20 верстъ, въ городѣ Казани 31 лавка, да кузница.

Въ тотъ монастырь по окладу и неокладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ въ годъ собирается—окладныхъ—съ крестьянъ и бобылей оброчныхъ 69 руб. 27 к., неокладныхъ—а) за сѣнные покосы 46 руб., б) за рыбныя ловли 361 руб., в) съ мельницъ 158 р. 51½ коп., г) съ лавокъ 98 р. д) съ крестьянъ за столовые и конюшенные припасы и за дрова 54 р. 21 к., е) изъ церковной кружки 11 р. 40 коп., ж) за проданные огородные овощи, за сѣно, гущу и игуменный кормъ 11 р. 10 коп., итого неокладныхъ 740 р. 22½ коп., а съ окладными 809 р. 49½ к., хлѣба неокладного съ пашни приплоднаго ржи и ярового 547 четв. 4 чк. Съ крестьянъ—яицъ 3440, дровъ 107 саж., лопатъ 100, телѣгъ 6, саней 8, оглобель 28, мочальниковъ 100, дугъ 15, угольевъ 300 четвертей. Оные доходы въ тотъ монастырь въ годъ собираются и оставляются въ томъ монастырѣ на расходы всѣ. Изъ нихъ платится въ казанскую губернскую канцелярію оброчныхъ—а) съ мельницъ 37 руб. 85¼ к., б) съ рыбныхъ ловель 189 руб. 31 к., в) съ лавокъ 26 руб. 34 к., итого 253 р. 50¼ к.

Въ домъ казанскаго архіерея въ семинарскую контору на пропитаніе студентовъ ржи и ярового 67 четв. 3 четверика.

Въ Коллегію Экономіи отъ того монастыря ничего не платится.

XVI.

Спасская Геронтіева Чебоксарская пустынь при р. Волгѣ, отъ Чебоксарска въ 1 верстѣ.

Каменная церковь 1, деревянная 1, въ нихъ 3 престола. Погребъ каменный дл. 2 с. ш. 2 с. Деревяннаго строенія—келій 5, дл. 21 с., шир. 2 с., хлѣбня съ сѣнями дл. 9½ с., ш. 2½ с., анбаровъ 3, дл. 9 с. ш. 2 саж. За монастыремъ конюшенный дворъ съ принадлежностями. Школъ и гошпиталей нѣтъ. По древнему установленію долженъ быть игуменъ и наличо—игуменъ, монаховъ—казначей 1, рядовыхъ 2; бѣльцовъ попъ 1. На пропитаніи отставной боцманъ, ему дается денегъ 5 руб. 50 коп. и хлѣба

6 четв. 3 чк. Монастырскихъ служителей—хлѣбникъ 1, конюхъ 1. Оба питаются съ братіей.

За тѣмъ монастыремъ по переписнымъ книгамъ 186 г. 16 дворовъ крестьянъ, по свид. Генералитета—124 души, земли 256 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 3300 копенъ, мельницъ 4, рыбная ловля въ Волгѣ.

Собирается въ годъ неокладныхъ доходовъ а) съ мельницъ помольныхъ 49 р. 10 к., б) съ водъ оброчныхъ 50 руб., в) съ постоялаго двора за постои 8 р. 5 к., г) сборныхъ отъ свѣчей и часовни 4 руб. 8 к. д) за отдачу въ наемъ земли и сѣнныхъ покосовъ 25 руб. 51 к. е) за продажное сѣно 60 к., ж) за отдачу въ наемъ амбаровъ 1 руб. 90 к. з) за продажную баню 1 руб. 50 к. Всего 140 руб. 74 коп. Хлѣба пріплодиаго 60 четв. 7 чк.

Всѣ доходы оставляются въ монастырѣ и въ Коллегію Экономіи ничего не платится

XVII.

Спасо-Преображенскій Осинскій монастырь въ Казанск. у. надъ рѣкой Камой, отъ Казани въ 700 верстахъ.

Въ томъ монастырѣ имѣющіяся церкви въ 1721 году сгорѣли, монастырь приписанъ, а братья по силѣ Регламента въ 1724 году переведены въ Уфимскій Успенскій монастырь.

Въ томъ монастырѣ осталось послѣ пожара святыхъ иконъ и прочей утвари мѣстныхъ образовъ—1, Спаса Нерукотвореннаго, писанъ на краскѣ, 2—образъ Преображенія Господня, на немъ вѣнецъ и цата серебряные позлощены, 3—образъ св. Николая Чудотворца 4, образъ Пресв. Богородицы Знаменія, 5,—образъ Соловецкихъ Чудотворцевъ въ окладѣ серебреномъ незлащенномъ. Поверхъ царскихъ дверей: 6, Деисусъ и пророки, 7, крестъ запрестольный, 8, образъ Пресв. Богородицы Знаменія запрестольный же, 9,—Евангеліе напрестольное, оболочено бархатомъ краснымъ, на немъ Евангелисты серебряные вызолочены, крестъ серебряный съ мощами, ризы людаиныя красныя, оплечьи той же парчи, ризы выбойчатыя, оплечья кумачныя, патрахиль и поручи краснаго людана, обложены мишурными кружевами. Книги—апостолъ, миней въ четверть 12, прологъ 1, Ефремъ новопечатный 1, тріоди 1 постная, др. цвѣтныя, минеи двѣ въ десть—апрѣль, ноябрь, уставъ старопечатный, служебникъ 1, требникъ 1, псалтири новопечатные, въ нихъ одно съ послѣдованіемъ, кадило мѣдное, паникадило мѣдное 1, лампадъ 3, колоколовъ 5. Деревяннаго строенія—игуменскія келіи о трехъ жилыхъ съ чердаками, крыты тесомъ, двѣ братскія келіи, больничная келія съ сѣнями, поварня; хлѣбня, столовая, анбаръ надъ погребомъ, анбаръ запасной, за монастыремъ, на скотномъ дворѣ изба бревенчатая, а длины и ширины оной деревянной постройки показать нельзя, ибо въ Семинарской конторѣ такого извѣстія не имѣется и въ краткомъ времени за дальнимъ разстояніемъ отъ Казани справиться нельзя.

XII.

Въ томъ монастырѣ скота—меринов 8, кобылъ 17, жеребцовъ 2, жеребятъ 2, коровъ 26, быкъ 1, телятъ 13, овецъ и барановъ 29.

Вышеупомянутый Спасо-Преображенскій монастырь съ утварью и скотомъ отъ 1724—1729 г. былъ въ вѣдѣніи настоятеля Уфимскаго Успенскаго монастыря, а въ 1729 по 1739 годъ порученъ надзору присланному изъ Казани архіерейскаго дома іеромонаху Іакову.

Въ вышеписанномъ монастырѣ вотчинъ: въ Казанскомъ уѣздѣ по Арской дорогѣ село Троицкое—Дуброва тожъ съ малыми деревнями и починками, въ немъ по переписи 186 года крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ 164, по свидѣтельству Генералитета 463 души; земли по 30 четвертей въ полѣ, сѣнныхъ покосовъ 550 копенъ, рыбныхъ ловель противъ того монастыря вверхъ и внизъ по Камѣ рѣкѣ мѣрою на 2 версты; тѣхъ вотчинъ крестьяне на монастырь не пашутъ и сѣна не косятъ. Въ тотъ монастырь окладныхъ и неокладныхъ доходовъ ни денежныхъ, ни хлѣбныхъ ничего не бываетъ.

Вмѣсто монастырской пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и прочихъ издѣлій тѣхъ осинскихъ вотчинъ крестьяне платятъ повсегодно въ Казанскую Семинарію оброчныхъ денегъ по 190 руб. 40 коп. А съ вышеписанныхъ рыбныхъ ловель оброчныхъ денегъ не собирается и во владѣніе никому не отданы.

XVIII.

Спасскій Чепочскій Уфимскій монастырь при р. Вяткѣ.

Въ томъ монастырѣ: Церковь каменная одна съ двумя престолами, деревянная одна—ветхая.

Каменнаго строенія: подъ каменной церковью казенная палата двойная—длина 2 саж. ширина 2 саж. Настоятельская келія 1 дл. 6 саж. шир 4 саж.

Деревяннаго строенія: братскихъ келій 6 дл. 8 шир. $2^1/_2$ саж. больничная—дл. 3 саж. шир. 3, хлѣбня дл. 5 саж. шир. 5 саж., амбаръ дл. 5 с. шир. $3^1/_2$ с., на трехъ погребахъ два амбара дл. 6 саж. шир. 3, житницъ 3, дл. $8^1/_2$ саж. шир. отъ 2 до 4 саж., ограда деревянная, за монастыремъ скотный дворъ съ принадлежащими строеніями. Школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію надлежитъ быть игумену, на лицо: Игуменъ, служащихъ: казначей іеромонахъ 1, іеромонахъ 1, іеродіаконъ 1, монаховъ: крылосный 1, конюшенный 1, свѣчникъ 1, бѣльцовъ: попъ 1, дьяконъ 1, дьячекъ 1.

Отставныхъ на пропитаніи: поручикъ 1, получалъ жалованья отъ монастыря 16 руб. 60 коп., капралъ 1, получалъ деньгами 3 руб. 60 к., хлѣба 6 четв. 3 четвер.

XIV

За тѣмъ монастыремъ по переписнымъ книгамъ 186 г. (1678 г.) 145 дворовъ, въ нихъ по Генералитету 550 душъ, земли 550 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 800 копенъ, мельницъ 3, рыбныхъ ловель въ четырехъ рѣкахъ, да въ озерѣ.

Въ тотъ монастырь неокладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ въ годъ собирать надлежитъ: за сѣнные покосы 3 руб. 65 коп., за рыбныя ловли 57 руб. 68 коп., съ мельницъ помольныхъ 19 руб. 86 коп., за проданный скотъ 7 руб. 90 коп. всего 89 руб. 9 коп.

Хлѣба прилоднаго 110 четвертей. Хлѣбъ собирался весь и оставался въ монастырѣ. Нав денегъ платилось въ Сызрань за рыбныя ловли 3 руб. Въ Казанскую Консисторію на пропитаніе студентовъ одинъ рубль 69 коп. Въ Коллегію Экономіи ничего не отсылалось.

XIX.

Спасскій Юнгинскій монастырь въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Малой Юнгѣ, отъ Козмодемьянска въ пяти верстахъ

Каменнаго строенія: церковь одна съ двумя престолами, подъ церковью келій—трапезная брацкая одна, хлѣбныхъ двѣ, отдаточная одна, поваренныхъ 4, приспѣшенныхъ 5, да двѣ палатки праздны.

Деревяннаго строенія: церковь одна, въ ней одинъ престолъ, келій настоятельскихъ и братскихъ 3 дл. 10 с. шир. $4^1/_2$ саж., казенная дл. и шир. $2^1/_2$ с., при ней сторожка дл. 5 саж. шир. 2 с., магазиновъ 4 дл. $13^1/_2$ с. шир. отъ 2 до 3 с., ледниковъ 2 дл. 6 с. шир. 3 с., поварня и пивная дл. $3^1/_2$ с. ш. 2 с., ограда деревянная, при монастырѣ конюшенный дворъ съ принадлежностями дл. 40 с. шир. 13. Школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію долженъ быть архимандритъ.

На лицо: Архимандритъ, служащихъ: іеромонахъ 1, іеродіаконъ 1, монаховъ: казначей 1, пономарь 1, крылосный 1, подкеларщикъ 1, монахъ 1, всего 8 чел.; бѣльцовъ: попъ 1, псаломщикъ 1.

Отставныхъ на пропитаніи: боцманъ 1, ему денегъ 5 руб. 49 к., хлѣба 9 четв. Монастырскихъ служителей, взятыхъ изъ крестьянъ: келейникъ 1, хлѣбникъ 1, поваръ 1, сторожей 2, конюховъ 2, дворниковъ 2. Они питались съ братіей.

По перен. кн. 186 г. за тѣмъ монастыремъ 33 двора, по генералитету—423 души, земли 181 десятина, 312 четвертей съ осминой, да лѣсомъ поросло 362 четв., сѣнныхъ покосовъ 940 копенъ, мельницъ 2, рыбныхъ ловель въ одной рѣкѣ.

Неокладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ—съ мельницъ помольныхъ 17 руб. 60 коп., съ постоялаго двора 29 руб. 17 к., съ рыбныхъ ловель 1 руб. 20 к., подаваемыхъ на церковныя потребы 5 руб., съ лавокъ 3 руб. 85 коп., за продажный скотъ 23 руб. 17 коп., за продажную рыбу 5 руб. 18 коп.

XV

Хлѣба неокладного: приплоднаго 50 четвертей, съ мельницъ похольнаго 8 руб. Всѣ доходы оставались и расходовались въ монастырѣ.

XX.

Срѣтенская пустынь при р. Чебоксаркѣ, въ Чебоксарскомъ у., въ 1 верстѣ отъ Чебоксаръ.

Каменнаго строенія—церковь съ тремя престолами, настоятельскихъ и братскихъ келій 2, дл. 6 с., шир. 2 с. Школъ и гошпиталей нѣтъ. По древнему установленію долженъ быть строитель и на лицо—строитель, рядовыхъ монаховъ 1, бѣлый дьячекъ 1.

По переписи 186 года за тѣмъ монастыремъ значится 4 двора, по синдѣт. Генералитета 4 души: земли и угодій не имѣется. При той пустыни мельницъ 2, съ которыхъ въ годъ надлежитъ собирать оброку 10 руб., въ то число на одинъ годъ собирается 8 руб. 50 коп. Изъ нихъ въ монастырѣ оставляется 5 руб. 20 коп., остальные 3 руб. 30 коп. оброчныхъ платится въ Чебоксарскую воеводскую канцелярію.

XXI.

Тихвинскій Царевосанчурскій монастырь въ городѣ при рѣкѣ Кокшагѣ, отъ Казани въ 180 верстахъ.

Деревяннаго строенія: церкви 2 съ тремя престолами, братскихъ деревянныхъ ветхихъ келій 2 дл. и шир. $2^1/_2$ саж., магазиновъ и другихъ строеній, школъ и гошпиталей нѣтъ.

Въ томъ монастырѣ по древнему—игуменъ, а на лицо монахъ 1, бѣльцовъ—попъ 1, дьяконъ 1, пономарь 1.

При монастырѣ никакихъ вотчинъ и угодій не было. Монахи питались отъ доброхотныхъ даяній.

XXII.

Троицкая Хмелевская пустынь въ Васильскомъ уѣздѣ при р. Хмелевкѣ.

Церковь 1 каменная съ 2 престолами, деревяннаго строенія келій 2, дл. 6 саж. шир. 3 саж., хлѣбня 1 дл. 3 саж. ш. 3 с., погребъ съ надпогребомъ дл. 2 с. шир. 2 саж. По древнему установленію надлежитъ быть игумену, а на лицо строитель іеромонахъ, бѣльцовъ—псаломщикъ и хлѣбенный.

XVI

За тѣмъ монастыремъ кромѣ одной мельницы ничего не имѣлось. Съ мельницы собиралось помольнаго хлѣба 4 четверти и тотъ хлѣбъ оставался въ монастырѣ весь. Въ Коллегію Экономіи ничего не платилось.

XXIII.

Троицкій Чебоксарскій монастырь.

Каменныхъ церквей 2 съ двумя престолами. Вновь строится церковь, при ней колокольня. Подъ тѣми церквами и колокольней кладовыхъ палатъ 9, да хлѣбня одна дл. 18 с. шир. 5 саж., поварня 1, дл. 4 с. ш. 4 с., келья большая дл. 4 с. шир. 3 с. Деревяннаго строенія настоятельскихъ и братскихъ келій съ сѣнями 6 дл. 34 с. шир. отъ 2 до 3 с., конюшенный дворъ съ принадлежащими строеніями дл. 6 с. шир. 6 с.; школъ и гошпиталей нѣтъ. По древнему установленію долженъ быть архимандритъ и есть—архимандритъ, іеромонахъ 1, іеродіаконъ 1, монаховъ—казначей 1, больничный 1, бѣльцовъ—попъ 1, пономарь 1, крылосныхъ 3. Отставныхъ на пропитаніи: квартермистръ, получаетъ 5 руб. 50 к. и хлѣба 6 четв. 3 чк., матросъ получаетъ 5 четв. хлѣба. Мірскихъ служителей—поваръ 1, хлѣбенный 1, конюховъ 2, сторожъ 1, больничныхъ 2, житенный 1. Всѣ они безъ жалованья и питаются вмѣстѣ съ братіей.

За тѣмъ монастыремъ по переписнымъ книгамъ 186 г. крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ 113, по свидѣтельству Генералитета 539 душъ. Земли по дачамъ 566 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ 685 копенъ, мельница 1, рыбныхъ ловель въ Волгѣ 1.

Неокладныхъ доходовъ въ годъ надлежитъ собирать: а) съ водъ оброчныхъ съ посторонныхъ людей 79 руб. 30 коп. б) съ мельницъ помольныхъ 4 руб. 50 коп. в) отъ часовни сборныхъ 17 руб. г) за промѣнъ восковыхъ свѣчъ 30 р. 70 к. д) по кабаламъ уплатныхъ 9 руб. е) за продажную рыбу 84 руб. 76 к. ж) за продажное сѣно, з) за отдачу въ наймы лавки 6 р. 75 коп. и) съ питаги сборныхъ 76 р. 90 коп., всего 300 руб. 79 к. Хлѣбныхъ доходовъ помольнаго и приплоднаго 113 четв. 6 чк.

Платится въ Канцелярію съ лавокъ оброчныхъ 1 руб. 70 к., за рыбныя ловли 145 руб. 30 коп, за мельницы 5 руб. 15 коп. Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

XXIV.

Троицкая Черноозерская пустынь въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Ветлугѣ, отъ Козмодемьянска въ 100 верстахъ.

Деревяннаго строенія: 2 церкви съ 2 престолами, братскихъ келій 3 дл. $10^1/_2$ с. шир. 3 саж., погребъ, а надъ нимъ амбаръ дл. 3 шир. 3., магазиновъ 3 дл. $6^1/_2$ с. шир. 2 с.

XVII

По древнему—долженъ быть игуменъ. На лицо: игуменъ, келейникъ монахъ 1, бѣлецъ разстрига; отставныхъ на пропитаніи и служителей нѣтъ.

За той пустыней вотчинъ не имѣлось, только по дачѣ къ той пустынѣ земли 30 четв. и 15 десятинъ, сѣнныхъ покосовъ 100 копенъ.

Въ пустынь собиралось за продажный скотъ 50 коп., за капусту 40 коп., за рогожи одинъ рубль 5 коп., за лучину 29 коп., за сѣно 75 коп. Хлѣба приплоднаго 3 четверти. Въ Казанскую Семинарію бралось 4 четверика. Въ Коллегію Экономіи ничего не отсылалось.

XXV.

Троицкій Ѳедоровскій монастырь въ Казани.

Каменная церковь 1, деревянная 1, въ нихъ три престола. Деревяннаго строенія—настоятельскихъ и братскихъ келій 2, дл. 9 шир. 3 с., хлѣбня дл. 4 с. шир. 2 с., погребъ каменный съ выходомъ дл. 5 с. шир. 2 с., погребъ съ надпогребницей деревянный дл. 2 с. ш. 2 с, конюшенный амбаръ съ сѣнцами дл. 4 с. ш. 2 с., семинарскій амбаръ дл. 7 с. ш. 3 с., деревянная монастырская ограда на 225 с., школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію долженъ быть игуменъ, а на лицо—строитель іеромонахъ, служащихъ іеромонаховъ 1, іеродіаконъ 1, рядовыхъ монаховъ 3, бѣльцовъ—попъ 1, отставныхъ на пропитаніи и монастырскихъ служитель не имѣется.

За тѣмъ монастыремъ вотчинныхъ по переписнымъ книгамъ 186 г. крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ 15, по свидѣтельству Генералитета въ нихъ 114 душъ; къ тѣмъ вотчинамъ по дачамъ земли 137 четв. и 4 чк., сѣнныхъ покосовъ 80 десятинъ, мельницъ 1, рыбныя ловли въ озерахъ съ истоками, въ Казани въ рядѣ 3 лавки.

Въ тотъ монастырь по окладнымъ и неокладнымъ книгамъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ въ годъ въ сборѣ надлежитъ быть: окладныхъ: съ бобылей оброчныхъ 3 руб. неокладныхъ: а) съ лавокъ оброчныхъ 18 руб., 36 к., б) съ мельницъ 10 руб. в) съ рыбныхъ ловель 17 руб., г) съ подмонастырской земли 22 р. 29 к. всего 70 р. 55 к. Хлѣба неокладного—приплоднаго ржи и ярового 51 четв. 4 чк. Крестьянами дровъ ставится 15 саженъ. Въ Казанскую Губернскую Канцелярію и въ таможенную съ лавокъ, мельницъ и рыбныхъ ловель платится 14 руб. $55^{3}/_{4}$ коп. Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

XXVI.

Успенскій Болгарскій монастырь при р. Волгѣ въ Казанск. у. отъ Казани въ 90 верстахъ.

Каменнаго строенія—Церкви 2 съ тремя престолами; деревяннаго строенія настоятельскихъ и братскихъ келій съ сѣнями 7

Деревяннаго строенія—келій съ сѣнями 9, дл. 30 с. шир. 2 с.

По древнему—въ томъ монастырѣ должна быть игуменья, а на лицо: монахиня, рядовыхъ монахинь 8, бѣльцовъ—попъ 1, дьяконъ 1, дьячокъ 1, пономарь 1.

Монастырь не имѣлъ земель и угодій. Ему производилось изъ Казанской Губернской Канцеляріи ружное половинное жалованье въ размѣрѣ 11 руб. 75 коп., которое расходовалось все въ монастырѣ.

VI.

Іоанноаскій дѣвичій монастырь въ г. Свіяжскѣ.

Каменныхъ церквей 2 съ двумя престолами.

Деревяннаго строенія—келій настоятельскихъ и монашескихъ 6 дл. 25 с., шир. 5 с., братскихъ келій 36 дл. 82 с., шир. отъ 4 до 5 с., около монастыря деревянная ограда. Школъ, гошпиталей и магазиновъ нѣтъ.

По древнему установленію надлежитъ быть и есть—игуменья 1, рядовыхъ монахинь 58, бѣльцовъ попъ 1, дьяконъ 1, дьячекъ 1.

За тѣмъ монастыремъ вотчинъ нѣтъ, есть покосу на 110 копенъ. Съ означенныхъ сѣнныхъ покосовъ въ монастырь въ приходѣ бываетъ оброчныхъ 1 руб. 80 к. Да изъ Казанской губернской канцеляріи производится ружнаго половиннаго жалованья въ годъ 79 руб. 37 коп. Все расходуется въ монастырѣ безъ остатку.

VII.

Николаевскій дѣвичій монастырь въ г. Казани.

Каменныхъ церквей 3, въ нихъ 3 престола, подъ одной церковью четыре палатки.

Деревяннаго строенія—настоятельскихъ и монашескихъ келій 39, въ томъ числѣ двѣ богадѣльни, дл. 121 саж., шир. отъ 5 до 7 с.. Около монастыря деревянная ограда.

Надлежитъ быть игуменьѣ, на лицо игуменья, монахинь 72, бѣльцовъ попъ 1, дьяконъ 1, псаломщикъ 1, сторожъ 1.

За тѣмъ монастыремъ никакихъ вотчинъ и угодій не имѣется. Изъ Казанской Губернской Канцеляріи ружнаго жалованья видается по 105 руб. $12^1/_2$ коп. въ годъ.

XIX

За тѣмъ монастыремъ по переписи 186 г. крестьянскихъ и бобыльскихъ 83 двора, по свидѣтельству Генералитета 320 душъ, по дачамъ къ тому монастырю земли 296 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 160 стоговъ, рыбная ловля 1, мельницъ 2, въ городѣ Казани 14 лавокъ, изба квасная, изба харчевенная.

Денежныхъ и хлѣбныхъ неокладныхъ доходовъ въ годъ надлежитъ быть—а) съ мельницъ помольныхъ 33 руб. б) съ рыбныхъ ловель 80 руб., в) съ лавокъ 21 руб. 50 к., г) съ харчевенъ 25 руб. д) съ сѣнныхъ покосовъ 50 руб. е) за выводныхъ дѣвокъ 2 руб. ж) за продажный скотъ и сѣно 10 руб. 20 к. з) за капусту 25 коп. и) съ крестьянъ за лубья 4 руб. 57½ коп., всего 22 руб. 32½ к. Хлѣба неокладного—приплоднаго 94 четв. 4 чк.

Въ Казанскую Губернскую канцелярію платится—а) оброчныхъ съ мельницъ 44 руб. 72 к. б) съ рыбныхъ ловель 13 руб. 31 коп. в) съ лавокъ 8 руб. 46 к. г) съ харчевень 1 руб. 70 к. д) за умершихъ слугъ подушныхъ 6 руб. е) въ домъ казанскаго архіерея столовыхъ 50 коп. ж) славленныхъ 2 руб. 63 коп. Хлѣба на Семинарію 3 четверти. Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

XXVIII.

Успенскій Сарапульскій монастырь въ Казанскомъ уѣздѣ при р. Камѣ, отъ Казани 500 верстъ.

Въ оном монастырѣ церковь Божія сгорѣла и монастырь стоитъ пустѣ, а братія, по духовному Регламенту, въ 1724 г. выведена въ Уфимскій Успенскій монастырь.

За той пустынней вотчины въ Казанскомъ уѣздѣ подмонастырская слободка съ починками, а въ нихъ по переписи 186 г. крестьянскихъ и бобыльскихъ 10 дворовъ, а по свидѣтельству Генералитета 86 душъ. Въ той слободкѣ пашенной земли и покосовъ по дачамъ имѣется, того въ крѣпостяхъ именно не писано и поверстныя дачи не учинены, а показаны только по однимъ гранямъ и урочищамъ безъ мѣры.

Мельницъ и рыбныхъ ловель не имѣется, доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ окладныхъ и неокладныхъ не бываетъ. Вышеписанные крестьяне вмѣсто всякихъ платежей въ Казанскую Семинарію по окладу платили оброчныхъ денегъ по 13 руб. 6 коп. въ годъ.

XXIX.

Успенскій монастырь при градѣ Уфѣ.

Въ томъ монастырѣ деревяннаго строенія 2 церкви съ тремя престолами, келій 3 дл. 8 с. шир. 3 с., магазиновъ 2, школъ и гошпиталей нѣтъ. Положено быть игумену, на лицо—строитель іеромонахъ, іеродіаконъ 1,

монаховъ 3. Бѣльцовъ попъ 1, пономарь 1. Отставной на пропитаніи поручикъ 1, ему хлѣбнаго жалованья 9 четвертей 3½ чк., монастырскихъ служителей 3, имъ жалованья не производится, а питаются съ братіей.

За тѣмъ монастыремъ вотчинъ по переписи 186 года 95 дворовъ, въ нихъ по свидѣтельству Генералитета 246 душъ; по дачѣ земли 130 четвертей, сѣна на 1300 коленъ, рыбныхъ ловель въ 4 рѣкахъ.

По окладу и неокладныхъ денегъ и хлѣба надлежитъ собирать съ крестьянъ и бобылей оброку 5 руб. 28 коп., неокладныхъ за продажныя кожи, хлѣбъ и рыбныя ловли 12 руб. 96¾ к., всего 18 руб. 24¾ коп. Хлѣба съ пашни приплоднаго 44 четверти, лубковъ 87 возовъ и оные доходы въ тотъ монастырь въ годъ собираются и оставляется въ томъ монастырѣ на расходы всѣ, въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

II.

Женскіе монастыри.

I.

Богородицкій дѣвичій монастырь въ Казани.

Каменныхъ церквей 6 съ 6 престолами; каменная богадѣльня дл. 7 с. шир. 4 с. Деревяннаго строенія: настоятельскихъ и братскихъ келій 99, дл. 194 с. ш. отъ 3 до 8 с. Около монастыря каменная ограда, школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію должна быть игуменья, на лицо: игуменья, рядовыхъ монахинь 84, бѣлицъ 11. Бѣльцовъ—протопопъ 1, ключарь 1, поповъ 2, дьяконовъ 3, дьячковъ 2, пономарей 2, сторожъ 1, звонарь 1.

Монастырскихъ служителей: стряпчій 1, ему жалованье 3 руб., слугъ 3 чел., имъ дается каждому по 1 руб. 50 к. въ годъ.

За тѣмъ монастыремъ по свидѣтельству Генералитета вотчинъ имѣется крестьянъ и бобылей 86 душъ, земли по дачѣ по 10 четвертей въ полѣ, сѣнныхъ покосовъ на 10 копенъ. Въ равныхъ мѣстахъ рыбныхъ ловель 2, съ нихъ собирается оброку по 56 руб. 72 коп. въ годъ, каковыя платятся въ Казанскую Губернскую Канцелярію.

Изъ Казанской Губернской Канцеляріи ружного половиннаго жалованья въ монастырь дается 228 руб. 55 коп., которые всѣ расходуются въ монастырѣ. Монастырскіе крестьяне исправляютъ въ монастырѣ всякую монастырскую постройку и починку, да возятъ дровъ по 11 саженъ.

Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

II.

Благовѣщенскій дѣвичій монастырь въ Чебоксарскѣ.

Каменнаго строенія—церковь 1 съ однимъ престоломъ и съ двумя предѣлами, а въ нихъ два престола; подъ колокольней одинъ предѣлъ съ однимъ престоломъ. Келья 1 съ сѣнями дл. 6 и шир. 2 саж. Деревян-

наго строенія—настоятельскихъ и монашескихъ келій 25 дл. 110 саж. шир. 5 с. Около монастыря деревянная ограда. Школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію должно быть и есть игуменья, рядовыхъ монахинь 37, бѣльцовъ поповъ два, дьяконъ 1, дьячковъ 2, пономарь 1.

За тѣмъ монастыремъ ни вотчинъ, ни угодій, ни служителей нѣтъ. Монахини питаются рукодѣліемъ и мірскимъ подаяніемъ.

III.

Богородицій дѣвичій монастырь при г. Сызрани.

Каменнаго строенія—церковь 1, деревяннаго—1 церковь, въ нихъ три престола, деревянныхъ келій 17, дл. 42 саж., шир. 2; школъ и гошпиталей нѣтъ.

Надлежитъ быть игуменьѣ. На лицо Игуменья, рядовыхъ монахинь 17, бѣлицъ 20. Бѣльцовъ—2 попа, дьяконъ 1; отставныхъ на пропитаніи и прочихъ служителей нѣтъ.

За тѣмъ монастыремъ вотчинныхъ земель, сѣнныхъ покосовъ и никакихъ сборовъ нѣтъ. Питаются мірскимъ подаяніемъ.

IV.

Владимірскій Новодѣвичій монастырь въ г. Яранскѣ при р. Лаисѣ.

Каменная церковь 1, деревянная ц. 1, въ нихъ 2 престола. Деревяннаго строенія—келій 5 съ сѣнями дл. 23 с., шир. отъ 2 до 3 с. Школъ и гошпиталей нѣтъ. По древнему установленію должна быть и есть—игуменья, рядовыхъ монахинь 3; бѣльцовъ—попъ 1, дьячекъ 1. Отставныхъ на пропитаніи и служителей нѣтъ.

За тѣмъ монастыремъ по переписи 186 г. дворовъ 2, по свид. Генералитета—70 душъ, земли по дачѣ 12 четвертей. А оные крестьяне дѣлаютъ на монастырь всякое издѣліе, а доходовъ окладныхъ и неокладныхъ нѣтъ; питаются своими трудами и мірскимъ подаяніемъ.

V.

Вознесенскій дѣвичій монастырь въ г. Козмодемьянскѣ.

Каменнаго строенія: каменныхъ церквей 2 съ тремя престолами, колокольня 1, подъ ней церковь (еще не освященная).

дл. 7½ с., шир. 3 с., духовный приказъ дл. 2 с. шир. 2 с., хлѣбня дл. поварня дл. 7½ с. шир. 3 с., житницъ 2 дл. 5 с. шир. 2½ с., погребъ съ надпогребницей каменный, дл. 3 с., шир. 3 с., анбаровъ 2 дл. 5 с., шир. 2 с. За монастыремъ скотный дворъ съ принадлежащимъ строеніемъ, школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію долженъ быть и есть игуменъ, іеромонахъ 1, іеродіаконъ 1, крылосныхъ 3, подкеларщикъ 1, житенный 1, хлѣбодаръ 1, монахъ сотнишный 1; бѣльцовъ пономарь 1, пеломщикъ 1, просвирня 1, отставной на пропитаніи солдатъ 1, монастырскихъ служителей—хлѣбникъ 1, дворникъ 1. Онымъ солдату и служителямъ жалованья не производится, а питаются съ братіей вообще.

За тѣмъ монастыремъ въ подмонастырской слободкѣ по свидѣтельству Генералитета крестьянскихъ 120 душъ, къ той слободѣ по дачамъ земли 250 четвертей, сѣнныхъ покосовъ на 3750 копенъ.

Въ тотъ монастырь неокладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ въ годъ надлежитъ собирать: а) сборныхъ отъ часовни 5 руб. б) за сѣнные покосы 1 руб. 50 коп. Хлѣба неокладного—приплоднаго 80 четвертей. Все остается въ монастырѣ. Въ Коллегію Экономіи ничего не платится.

XXVII.

Успенскій Зилантовъ монастырь въ Казан. у. при р. Казанкѣ и четырехъ озерахъ отъ города Казани три версты.

Каменныхъ церквей 4 съ 5 престолами. Каменнаго строенія: подъ одной церковью три палатки кладовыя да одна хлѣбная палатка дл. 3 с., шир. 3 с., келья дл. 1 с. ш. 1 с., поварня дл. 4 с. ш. 2 с., деревяннаго строенія—келій настоятельскихъ 5 дл. 15 с., ш. 4 с., погребъ дл. 4 с., шир. 3 с., братскихъ келій съ сѣнями 6 дл. 34 с., шир. 3 с., три погреба дл. 6 с. ш. 2 с., около того монастыря ограда каменная, а школъ и гошпиталей нѣтъ.

За монастыремъ деревяннаго строенія—конюшенный дворъ съ принадлежащимъ строеніемъ дл. 60 с. ш. 20 с.

По древнему установленію долженъ быть архимандритъ, а на лицо—казначей іеромонахъ, служащихъ: іеромонаховъ 3, іеродіаконъ 1, монаховъ—намѣстникъ 1, подкеларщикъ 1, при рыбныхъ ловляхъ 2 монаха, больничный монахъ 1. Бѣльцовъ пономарь 1. Отставныхъ на пропитаніи—поручикъ 1, ему дается 26 руб. 66 коп., сержантъ 1—ему 5 руб. 49 к., хлѣба 6 четв. 3 чк., солдатъ 1 ему 3 руб. 66 к., хлѣба 3 четв. 1 чк. Монастырскихъ служителей—стряпчій 1, ему жалованья 5 руб., хл. 5 четв., хлѣбенныхъ 2, каждому по 2 руб., поваръ 1, ему 2 руб., конюхъ 1—ему 3 руб., конюхъ, рыболовъ, келейникъ и коровникъ, имъ всѣмъ по 2 руб. каждому коровницъ 2, имъ по 50 к.

VIII.

Николаевскій дѣвичій монастырь въ г. Чебоксарскѣ.

Церковь каменная съ 3 престолами. Деревяннаго строенія—настоятельскихъ и монашескихъ келій 43, дл. 134 с. шир. отъ 5 до 6 с., школъ и гошпиталей нѣтъ. По древнему установленію должно быть и есть—игуменья, казначея 1, рядовыхъ монахинь 27. Бѣльцовъ—поповъ 2, дьяконъ 1, дьячекъ 1, просвирница 1.

IX.

Рождественскій дѣвичій монастырь при г. Уфѣ.

Деревяннаго строенія—1 церковь съ 2 престолами, келій 16 дл. 22 с. шир. 2 саж., школъ и гошпиталей нѣтъ. Надлежитъ быть по древнему установленію игуменья, а на лицо: намѣстница-монахиня, рядовыхъ монахинь 26, бѣльцовъ попъ 1, дьячекъ 1, пономарь 1.

Монастырь земельныхъ владѣній не имѣлъ, слугъ тоже; монахини питались мірскимъ подаяніемъ.

X.

Спасскій дѣвичій монастырь въ Симбирскѣ.

Каменныхъ церквей 4 съ 5 престолами. Деревяннаго строенія—келій 52 дл. 103 саж. шир. отъ 4 до 5 с., анбаръ 1, надпогребница 1 дл. 4 с. ш. 2 с. По срединѣ монастыря кладезь, надъ нимъ амбаръ дл. 3 саж., шир. тоже. Ограда деревянная; гошпиталей и школъ нѣтъ.

Надлежитъ быть по древнему установленію игуменьѣ, на лицо: игуменья, монахиня—казначея, рядовыхъ монахинь 76. Бѣльцовъ—протопопъ 1, ключарь 1, попъ 1, дьяконовъ 2, дьячекъ 1, псаломщикъ 1, пономарь 1, сторожъ 1, просвирница 1.

За монастыремъ никакихъ угодій нѣтъ, а производится въ тотъ монастырь изъ Казанской Губернской Канцеляріи ружнаго жалованья по 103 руб. 50 к. въ годъ, которое расходуется безъ остатка.

XI.

Успенскій дѣвичій монастырь въ г. Казани.

Каменныхъ церквей 3 съ тремя престолами, подъ одной церковью 7 палатокъ. Деревяннаго строенія—настоятельскихъ и монашескихъ

келій 62 дл. 22 саж. ш. отъ 4 до 5 саж. Богадѣльня одна, дл. 7 с. шир. 3 с. Около монастыря деревянная ограда.

По древнему установленію надлежитъ быть игуменьѣ, на лицо: игуменья, рядовыхъ монахинь 77, бѣльцовъ—протопопъ 1, поповъ 2, дьяконъ 1, пономарь 1, сторожъ 1.

У монастыря не было ни вотчинъ, ни угодій, ни мірскихъ служителей. Въ монастырь производилось изъ Казанской губернской Канцеляріи ружнаго половиннаго жалованья въ годъ по 101 рублю 62½ коп.

Въ Коллегію Экономіи ничего не платилось.

XII.

Успенскій дѣвичій монастырь при р. Пижмѣ, отъ Казани 250 верстъ.

Деревяннаго строенія: 2 церкви съ двумя престолами, настоятельскихъ и монастырскихъ келій 3, дл. 11 саж., шир. отъ 2 до 3 саж; Школъ и гошпиталей нѣтъ.

По древнему установленію должна быть игуменья, а на лицо—настоятельница монахиня, рядовыхъ двѣ монахини. Бѣльцовъ попъ—1. Вотчинъ, угодій, земель не имѣется сборовъ никакихъ нѣтъ, служителей нѣтъ, питаются своимъ рукодѣліемъ.

КЪ ВОПРОСУ

О наслѣдственномъ правѣ церковныхъ учрежденій, въ частности Казанскаго Архіерейскаго дома, въ концѣ XVII вѣка.

Вновь образовавшаяся въ X вѣкѣ русская помѣстная Церковь не измѣнила ни формъ, ни основаній общественнаго порядка, какой она застала на Руси, хотя во многомъ этотъ порядокъ ей не нравился. Церковь, въ лицѣ духовенства, старалась постепенно внести лучшія общественныя и бытовыя понятія. Особенно замѣтно было вліяніе ея на семью и семейныя родственныя отношенія. Старый родовой языческій союзъ долженъ былъ уступить мѣсто христіанской семьѣ. Церковное законодательство о бракѣ и наслѣдствѣ упорядочивало родовыя отношенія и устанавливало тѣсную семейную родственную связь не только съ живыми, но и съ умершими. По ученію церкви между живыми и умершими родственныя связи не должны прекращаться. Правда, и въ язычествѣ эта связь признавалась, но только въ грубо чувственной формѣ. Христіанская вѣра въ безсмертіе души и загробную жизнь видоизмѣнила языческія понятія о безсмертіи и поддержала духовную связь между живыми и мертвыми, очистивъ языческую вѣру въ безсмертіе отъ грубыхъ представленій загробной жизни на подобіе настоящей. Христіанство уничтожило религіозное почитаніе умершихъ предковъ, замѣнивъ его молитвой за умершихъ для спасенія душъ этихъ предковъ.

Всегдашнимъ дѣломъ и первой заботой церкви было дѣло спасенія душъ. Она сама постоянно молилась за умершихъ и слѣдила, чтобы живые, особенно родственники, не забывали своихъ покойниковъ. Для молитвеннаго поминовенія послѣд-

нихъ установлены были особые дни: третій, девятый, сороковой, годовой и дни общихъ поминовеній. Имена умершихъ записывались въ Синодики для „повсядневныхъ поминовеній". Христіанскій взглядъ твердо усвоился русскимъ человѣкомъ. Едва-ли не каждый изъ русскихъ заживо самъ старался „устроить свою душу" т. е. сдѣлать вкладъ въ храмъ на поминъ души. Завѣщанія наслѣдникамъ не обходили этого вопроса.

Вклады въ храмы и духовенству за поминовеніе были самые разнообразные: отдавались вещи домашняго обихода, деньги и недвижимыя имущества, не исключая земель и угодій. Въ рукописяхъ библіотеки Казанской Дух. Академіи сохранился Синодикъ Казанскаго Архіер. дома (№ 1697). Изъ него видно, что всѣ цари, начиная съ Іоанна Грознаго до Алексѣя Михайловича, дѣлали денежные вклады въ архіерейскій домъ на поминъ душъ своихъ родственниковъ. Казанскій Зилантовъ монастырь, поставленный на русскомъ кладбищѣ, получилъ значительные вклады отъ первыхъ казанскихъ помѣщиковъ— бояръ и воеводъ, дававшихъ земли Зилантову монастырю съ тѣмъ, чтобы по „ихъ родителяхъ панихиды пѣти" (19 іюня 1560 г.) [1]).

Дача на поминъ души считалась необходимой для христіанъ помѣщиковъ даже изъ инородцевъ. Извѣстны случаи, когда крестившіеся татары-помѣщики, послѣ самаго крещенія, объятые умиленіемъ „къ великой истинѣ и сладости" христіанства, жертвовали въ монастыри земли и угодья. Такъ сдѣлалъ татарскій мурза Туродѣевъ, въ крещеніи Савелій. Онъ далъ *Пурдышевской* пустыни земли съ угодьями, рыбными ловлями, бобровыми гонами и бортными ухожьями, чтобы при жизни его Савелія поминали за здравіе, а по смерти за упокой, пока будутъ стоять міръ и св. обитель [2]).

---

[1]) Грамоты Зилантова монастыря, стр. 5. Изд. Г. З. Кунцевича. Казань. 1901 г.

[2]) Русск. Арх. 1900 г. кн. III, стр. 423.

Случалось, что умершій не успѣвалъ при жизни устроить свою душу, т. е. составить завѣщаніе и сдѣлать вкладъ по душѣ. Тогда эта забота доставалась на долю ближайшихъ родственниковъ и наслѣдниковъ.

Въ допетровской Руси на всѣхъ наслѣдникахъ лежала строгая и непремѣнная обязанность устроить поминовеніе по душѣ покойника. Сама казна, получая выморочное наслѣдство, не освобождалась отъ этой обязанности. Законы царя Ивана Васильевича Грознаго [1]), грамоты царя Михаила Осодоровича [2]), указъ святѣйшаго патріарха Филарета Никитича 1623 года [3]) обязывали наслѣдниковъ „устраивать душу умершаго", т. е. дѣлать вклады изъ наслѣдства на поминъ души покойника. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича не отмѣнило этой обязанности наслѣдниковъ: оно только запретило дѣлать вклады землями и вотчинами. Требовалось, какъ и въ указѣ п. Филарета, на поминъ душъ давать деньги, вмѣсто наслѣдственныхъ земель и вотчинъ (Уложеніе, XVII, ст. 2).

Наслѣдниками „на поминъ души" въ указахъ и грамотахъ называются монастыри, но и архіерейскіе дома не лишались этого права наслѣдства (Уложеніе гл. XVII, ст. 42). Архидіаконъ Павелъ Алеппскій, сопровождавшій въ Россію въ полов. XVII в. своего отца Антіохійскаго патріарха Макарія, въ своихъ знаменитыхъ запискахъ сообщаетъ, что у патріарха Никона былъ особый приказъ по наслѣдственнымъ дѣламъ. Съ каждаго наслѣдника патріархъ получалъ одну десятую наслѣдства, помимо того, что получали судьи и патріаршіе люди. Обо всѣхъ наслѣдственныхъ дѣлахъ приказные судьи докладывали патріарху Никону, которому принадлежалъ рѣшающій голосъ [4]). Надо полагать, что у п. Никона было особое отдѣленіе въ одномъ изъ патріаршихъ приказовъ по наслѣдственнымъ дѣламъ. Это

[1]) Указъ 1562 г. янв. 15 въ Акт. Ист. I, № 154, стр. 268—270.

[2]) Указная кн. въ Рус. Вѣст. 1842 г. № 11—12, стр. 51—52. 75.

[3]) Уложеніе г. XVII, ст. 2.

[4]) Путешествіе Антіох. патріарха Макарія... Переводъ съ арабскаго проф. Г. Муркоса, кн. III, стр. 160.

отдѣленіе архид. Павелъ могъ счесть за особый приказъ.

Было-ли особое учрежденіе у епархіальныхъ архіереевъ по-наслѣдственнымъ дѣламъ, намъ не извѣстно. Нижѐ приведенная грамота свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что казанскій архіерейскій домъ до самаго конца XVII вѣка пользовался правомъ наслѣдства „на поминъ души". По такому праву, по указу п. Адріана отъ 17 сентября 1692 года, казанскій архіерейскій домъ получилъ 300 рублей для поминовенія души подъячаго казанской приказной палаты Петра Артемьева, умершаго безъ наслѣдниковъ, а оставшаяся послѣ него вторая бездѣтная жена не имѣла права наслѣдства. Интересны обстоятельства, при которыхъ получено архіерейскимъ домомъ это наслѣдство. Они очень выразительно раскрыты въ челобитной казанскаго митрополита Маркелла, поданной имъ патріарху Адріану.

„Великому Господину Святѣйшему Кyръ Адріану, Архіепископу Московскому і всея Россіи і всѣхъ северныхъ странъ патріарху бьетъ челомъ богомолецъ твой Маркеллъ митрополитъ казанскій в прошломъ Государь С году, будучи по нашему приказу для домовыхъ дѣлъ подъячей Мишка Пѣвцовъ взялъ казанскія приказныя палаты подъячего Петра Артемъева у прикащика Митрошки Терентьева ізъ товарного ево Петрова промыслу, для издержки вмосковские домовые расходы триста рублевъ денегъ, і послѣ того вскорѣ волею Божіею онъ Петръ умре скоропостижно, а дѣтственного і отъ ближе родства наслѣдия кромѣ второбрачныя бездѣтной жены ево никого у ево не осталось і познавъ такое случение во всякие ево Петровы животы, не бивъ челомъ великимъ государемъ і тебѣ архипастырю нашему, вступились і утайкою неправильнѣ похищаютъ посторонние люди, кому бъ тѣмъ і владѣти не довелось, отъ нихъ же государь кромѣ своего прочества, по церковному управленію того умершаго подъячего Петра и родственниковъ ево для поминовенія ево въ церкви Божіі роздачи, не пекущеся, ничтожъ чинится, а изъ древния Государь, по разсмотрительству въ законоположеніі христіанства,

умирающихъ безавѣщанія, і наслѣдства для поминовенія душъ должное творительство, вашего превысочайшихъ архипастырей опредѣленіе церквамъ святымъ. А домъ казанскія митрополіі пачежъ соборная церковь тебѣ великому архіерею, во управленіе о скудостѣхъ извѣствуется явѣ милостивый Великіі Господинъ Святѣйшіі Кyръ Адріанъ, Архіепископъ Московскіі и всея Россіи і всѣхъ северныхъ странъ патріархъ пожалуй меня богомолца своего вели Государь тѣмъ взятымъ отъ его Петрова приіждѣвенія деньгамъ тремъ стамъ рублямъ быти вдомовой Пресвятыя Богородицы і моей Богомолца твоего казнѣ прочно, а на прикащике ево Петровѣ Митрошкѣ впредь не спрашивать, а я богомолецъ твой за тѣ денги, велю ево Петрово съ сродники имяна вписать соборныя церкви в книгу прочитаемую по вся деиства. И о томъ милостивый свой Государевъ указъ благоволи на сей челобитной подписать. Великіі Господинъ смилуйся".

Ниже подпись:

Къ сей челобитной Мишка Пѣвцовъ руку приложилъ.

На оборотѣ:

Сй года. Сентября въ 17 день. Святѣйшіі патріархъ указалъ по сему челобитью тѣмъ деньгамъ трёмъ стамъ рублямъ быть для поминовенія подъячего Петра Артемьева въ митрополичье казнѣ, а впредъ тѣхъ денегъ на прикащике того умершаго не спрашивать, а сей указъ святѣйшаго патріарха на сей челобитной подписалъ діакъ Іванъ Арѣвневъ [1]).

При Петрѣ, со времени учрежденія единонаслѣдія въ 1714 г., прекратилось наслѣдственное право церкви, въ частности казанскаго архіерейскаго дома. Петровскіе указы обошли молчаніемъ обязанность наслѣдниковъ устраивать души умершихъ, хотя правительство удержало за собой наслѣдственное право на выморочное имущество.

---

[1]) *Писано на столбцѣ.*

Изъ библіот. покойнаго проф. Каз. Дух. Акад. Гордія Семеновича Саблукова. Грамота—челобитье доставлена намъ внукомъ покойнаго С. И. Порфирьевымъ.

Такимъ образомъ со времени Петра наслѣдникамъ предоставлена полная свобода поминать или не поминать умершихъ родственниковъ. Да и вообще дѣла о наслѣдствѣ по новымъ законамъ совершенно изъяты изъ вѣдѣнія церкви и духовной власти. Нѣкоторыя изъ дѣлъ по старой привычкѣ иногда направлялись къ духовной власти, но эта послѣдня отклоняла ихъ. Такъ въ 1730 году возникъ вопросъ о наслѣдствѣ послѣ смерти синодальнаго солдата Ивана Новокрещена. На основ. указа отъ 10 іюля 1725 г. солдатскіе пожитки отданы сестрѣ умершаго, при чемъ Синодъ, замѣнившій собой патріаршую власть, отстранилъ отъ себя это дѣло, замѣтивъ, что „опое дѣло не духовное, а свѣтскаго суда“ [1]).

И. Покровскій.

---

[1]) Описаніе Докум. и дѣлъ Арх. Св. Синода, X, № 322.

ОТЧЕТЪ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

за 1901 годъ,

составленный секретаремъ Общества Н. К. Горталовымъ
и доложенный имъ Общему Собранію 18 марта 1902 года.

Списокъ изданій Общества, находящихся въ его складѣ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

Печатано по опредѣленію Общаго Собранія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ 18 марта 1902 года.

Секретарь Общества Н. Горталовъ.

ОТЧЕТЪ

Общества археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

за 1901 годъ.

I. Составъ Общества. Къ I-му января 1901 года въ Обществѣ состояло 15 членовъ почетныхъ (12 въ Россіи и 3 заграницей), 2 члена-соревнователя (1 городской и 1 иногородній), 45 дѣйствительныхъ членовъ (28 городскихъ и 17 иногородныхъ) и 39 членовъ-сотрудниковъ (15 городскихъ и 24 иногородныхъ), всего 101 членъ.

Въ теченіе 1901 года избраны: а) въ почетные члены-директоръ ярославскаго демидовскаго лицея Сергѣй Михайловичъ Шпилевскій (19 февраля; б) въ члены-соревнователи Екатерина Александровна Толмачева (19 февраля), в) въ дѣйствительные члены: 1) лаборантъ Императорскаго казанскаго университета Митрофанъ Алексѣевичъ Александровъ (19 февраля), 2) законоучитель казанской учительской инородческой семинаріи, священникъ Александръ Ѳеодоровичъ Михайловъ. (19 февраля) и 3) преподаватель камышинскаго реальнаго училища Василій Ивановичъ Соколовъ (10 декабря); г) въ члены-сотрудники: 1) приватъ-доцентъ Императорскаго казанскаго университета, преподаватель духовной семинаріи Константинъ Васильевичъ Харламповичъ (11 января), 2) коллежскій совѣтникъ Платонъ Александровичъ Китицынъ, въ г. Кременчугѣ, полтавской губ. (11 января), 3) настоятель русской церкви въ Стокгольмѣ (въ Швеціи), протоіерей Петръ Павловичъ Румянцевъ (7 февраля), 4) преподаватель казанской учительской инородческой семинаріи Ѳеодоръ Никифоровичъ Никифоровъ (7 февраля), 5) преподаватель камышинскаго реальнаго училища Петръ Александровичъ Поляковъ (6 сентября), 6) управляющій типографіей бр. Каримовыхъ въ Казани, Дмитрій Степановичъ Ухановъ (6 сентября) и 7) учитель комякскаго училища, елабужскаго уѣзда, вятской губерніи Иванъ Васильевичъ Яковлевъ (30 ноября). Скончались въ отчетномъ году: почетный членъ Григорій Васильевичъ Мещериновъ (26 августа), дѣйствительные члены: Николай Александровичъ

Толмачевъ (21 января) и Василій Константиновичъ Магницкій (14 марта); 1 дѣйствительный членъ перечисленъ изъ городскихъ въ иногородніе (С. А. Богатыревъ).

Такимъ образомъ къ 1-му января 1902 года Общество насчитываетъ 110 членовъ: 15 почетныхъ (12 въ Россіи и 3 заграничныхъ), 3 члена-соревнователя (2 городскихъ и 1 иногороднiй), 46 дѣйствительныхъ членовъ (28 городскихъ и 18 иногородныхъ) и 46 членовъ-сотрудниковъ (19 городскихъ и 27 иногородныхъ).

Составъ Совѣта. Избранныя въ 1900 году въ составъ Совѣта лица занимали тѣ же должности и въ отчетномъ году, а именно: предсѣдателемъ былъ Н. О. Катановъ, товарищемъ предсѣдателя Н. Н. Смирновъ, членами Совѣта: А. Н. Александровъ, Е. А. Маловъ, А. А. Штукенбергъ, А. В. Васильевъ и Н. М. Петровскій, казначеемъ Д. В. Васильевъ, секретаремъ Н. К. Горталовъ, членами ревизіонной коммиссій: Н. В. Траубенбергъ, А. Т. Соловьевъ и П. А. Толмачевъ (до дня смерти). Директоромъ музея Общества состоялъ А. А. Штукенбергъ, хранителемъ рукописнаго отдѣла библіотеки Общества А. Н. Александровъ, членами редакціонной коммиссіи—А. А. Штукенбергъ (по археологіи), И. Н. Смирновъ (по исторіи), Е. А. Маловъ и Н. О. Катановъ (по этнографіи). Обязанности редактора «Извѣстій» до конца 1901 года продолжалъ исполнять Н. М. Петровскій. Библіотекой завѣдывалъ дѣйствительный членъ Общества С. Н. Порфирьевъ.

III. Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій, съ уступкой имъ 30% стоимости со всѣхъ изданій Общества и IV Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ 1877 году въ Казани, состояли тѣ же книгопродавческія фирмы, что и въ 1900 году, а именно: въ Казани—книжные магазины П. А. Дубровиной, въ Петербургѣ—К. Л. Риккеръ, въ Москвѣ—магазинъ «Новаго Времени», въ Ригѣ—Н. Киммель и въ Ташкентѣ—«Букинистъ».

IV. Дѣятельность Общества. Въ теченіе 1901 года состоялось 8 засѣданій Совѣта и 8 Общихъ Собраній. Въ послѣднихъ были прочитаны слѣдующіе доклады и сообщенія:

А) дѣйствительныхъ членовъ: Н. О. Катанова—«Венеціанскій путешественникъ XIII—XIV вв. Марко-Поло и сообщенія его о татарскихъ и монгольскихъ племенахъ» (23 января), «Итальянскій путешественникъ XIII вѣка Плано Карпини и сообщенія его о татарахъ» (19 февраля); Д. И. Нагуевскаго—«Біографія профессора Ф. К. Броннера по неизданнымъ источникамъ» (24 сентября); И. М. Покровскаго—«Наслѣдственное право казанскаго архіерейскаго дома въ концѣ XVII вѣка» (12 ноября); А. А. Сухарева—«Къ вопросу о бытѣ татаръ-мусульманъ казанскаго уѣзда (путевыя наблюденія)» (10 декабря);

Б) членовъ-сотрудниковъ: П. А. Китицына—«Заселеніе Устинской волости, костромской губерніи» (окончаніе, 22 января); П. С. Михеева—«Буддисты-ли вотяки?» (по поводу книги свящ. П. Блинова: «Языческій культъ вотяковъ») (19 февраля); О. П. Никифорова—«О бытѣ чувашъ стюхинскаго прихода, бугурусланскаго уѣзда, самарской губерніи» (19 февраля);

И. В. Яковлева—«Изъ жизни пермскихъ вотяковъ Гондырскаго края (общественныя празднества, моленія и обряды)» (10 декабря), и

В) постороннихъ лицъ: Е. А. Боброва—«Путешествіе изъ Казани въ Москву сотню лѣтъ тому назадъ (по неизданнымъ источникамъ)» (12 ноября); М. С. Кулаева—«Отчетъ объ этнографической и лингвистической поѣздкѣ къ башкирамъ оренбургской и уфимской губерній» (23 января), и свящ. І. Шестакова—«Свадебные обычаи инородцевъ—пермяковъ чердынскаго уѣзда пермской губерніи» (10 декабря).

Осенью 1901 года членомъ Общества А. А. Штукенбергомъ были произведены раскопки на берегу Волги, въ мѣстности, называемой «Пустая Морквашка». Докладъ объ этихъ раскопкахъ имѣетъ быть сдѣланъ въ одномъ изъ первыхъ Общихъ Собраній 1902 года.

Въ виду исполняющагося 2 октября 1902 года 350-лѣтія присоединенія Казани къ Россійской державѣ для обсужденія вопроса объ ознаменованіи этого событія была избрана въ Общемъ Собраніи 17 февраля 1900 года комиссія изъ слѣдующихъ лицъ: А. С. Архангельскій, В. Л. Борисовъ, Н. Ѳ. Катановъ, Д. А. Корсаковъ, Е. А. Маловъ и И. М. Покровскій, изъ состава комиссіи выбыли: А. С. Архангельскій за отказомъ, В. Л. Борисовъ за выѣздомъ изъ Казани. Въ Общемъ Собраніи 10 декабря 1901 года комиссія пополнена выборомъ слѣдующихъ лицъ: Н. И. Ашмаринъ, Д. В. Васильевъ И. С. Михеевъ и Н. Ѳ. Юшковъ. 26 декабря эта комиссія имѣла засѣданіе, въ которомъ было рѣшено слѣдующій XVIII томъ «Извѣстій» Общества объемомъ не болѣе 40 листовъ посвятить полностію названному событію, при чемъ выяснилось, кѣмъ именно какіе матеріалы будутъ доставлены для напечатанія въ «Извѣстіяхъ».

Издательская дѣятельность Общества въ 1901 году выразилась въ напечатаніи XVII тома «Извѣстій», состоящаго изъ 6 выпусковъ (изъ нихъ 5 и 6 въ одной книгѣ), объемомъ въ 49 печатныхъ листовъ. Въ этомъ томѣ «Извѣстій», кромѣ библіографическихъ замѣтокъ, отчета за 1900 годъ и протоколовъ Общихъ Собраній, помѣщены слѣдующія статьи:

А) почетнаго члена И. А. Износкова—«Некрологъ В. К. Магницкаго»;

Б) дѣйствительныхъ членовъ: В. Л. Борисова—«Древнее поселеніе близъ деревни Старый Урматъ, казанскаго уѣзда», «Замѣтка объ архивахъ г. Казани», «Отчетъ о реставраціи древней деревянной башни въ г. Арскѣ, казанской губерніи (съ двумя рисунками»), «Новое историко-археологическое Общество въ Камскомъ краѣ»; «Чердынскій музей древностей»; В. К. Магницкаго—«Списокъ селеній «мишарей» въ буинскомъ уѣздѣ, симбирской губерніи», «Клады изъ мелкой серебряной монеты въ вятской губерніи, «Къ біографіи В. А Сбоева», «Чувашинъ—этнографъ Сп. Мих. Михайловъ (къ исторіи мѣстной этнографіи); В. А Мошкова—«Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. Ш. Мелодіи астраханскихъ и оренбургскихъ ногайцевъ и киргизъ»; Н. Н. Пантусова—«Кегеньскій Арасанъ», «Могила Акъ-тамъ (близъ г. Джаркента)», «Ущелье Тереты и р. Коксу близъ выселка Джангызъ-Агача (копальскаго уѣзда, семирѣченской области)», «Изъ замѣтокъ о путешествіи по Алтынъ—Эмельской волости (копальскаго уѣзда, семирѣчен-

ской области»; Н. М. Петровскаго—«О старинномъ латинско—русскомъ словарѣ»; Н. М. Покровскаго—«Бортничество (пчеловодство), какъ одинъ изъ видовъ натуральнаго хозяйства и промысла близъ Казани въ XVI—XVII вв. (съ таблицей)»; А. А. Штукенберга—«Матеріалы для изученія мѣднаго (бронзоваго) вѣка восточной полосы Европейской Россіи (съ четырьмя таблицами рисунковъ)», «Матеріалы для археологіи казанской губерніи»; А. А. Штукенберга и А. А. Сухарева—«О коллекціяхъ проф. Н. А. Толмачева»;

В) членовъ-сотрудниковъ: Н. С. Михеева—«Нѣсколько словъ о бесермянахъ»; П. А. Китицына—«Заселеніе Устинской волости, костромской губерніи», «О городскихъ укрѣпленіяхъ Юрьевца Поволжскаго»; свящ. В. Суховскаго—«О шаманствѣ въ Минусинскомъ краѣ»;

Г) постороннихъ лицъ: Г. З. Кунцевича—«Грамоты Казанскаго Зилантова монастыря», В. В. Попова—«Азбука о хмѣлѣ», и

Д) статьи безъ подписи или за одними иниціалами: «Къ свѣдѣніямъ о древнемъ поселеніи близъ с. Укречь (лаишевскаго уѣзда)»; Н. П. —«Изъ коллекцій Казанскаго Городского Музея», «Стихотвореніе Н. С. Арцыбашева», «Къ исторіи театра въ Казани», «О двухъ спорныхъ чтеніяхъ въ «Поученіи» Владимира Мономаха»; С. П.—«Къ топографіи Болгарскаго городища».

Въ приложеніи къ «Извѣстіямъ» продолжался печатаніемъ «Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ», А. Е. Алекторова (стр. 129—432).

V. Библіотека и музей Общества получили въ отчетномъ году нѣсколько цѣнныхъ пожертвованій. Первое мѣсто между ними занимаютъ коллекціи покойнаго дѣйствительнаго члена Общества, Проф. Н. А. Толмачева, пожертвованныя его сестрой, Е. А. Толмачевой, за каковое пожертвованіе она и была избрана въ члены-соревнователи. По просьбѣ Общества коллекціи эти описаны: этнографическая—А. А. Штукенбергомъ, нумизматическая—М. И. Догелемъ, коллекція череповъ—А. А. Сухаревымъ. Почетнымъ членомъ общества П. А. Полтарацкимъ, г. Казанскимъ Губернаторомъ, препровождено въ Общество 2869 монетъ, найденныхъ крестьянами д. Средней Курланги, кушманской волости, свіяжскаго уѣзда. Членомъ-сотрудникомъ С. К. Кузнецовымъ пожертвована цѣнная коллекція предметовъ остяцкаго быта. Библіотека увеличивалась вслѣдствіе обмѣна изданіями съ разными учрежденіями и отдѣльными лицами, а также благодаря пожертвованіямъ, поступившимъ отъ слѣдующихъ лицъ и учрежденій: Н. А. Аристова, А. П. Аришина, свящ. П. А. Архангельскаго, Ѳ. Т. Васильева, А. А. Дивлева, П. В. Знаменскаго, М. И. Извощикова, свящ. А. Иванова, свящ. Т. Иваницкаго, Н. А. Износкова, Н. Ѳ. Катанова, С. И. Кедрова, П. А. Китицына, В. Ф Кудрявцева, Г. З. Кунцевича, свящ. С. М. Матвѣева, В. Н. Муратовскаго, А. Н. Минха, Д. П. Никольскаго, Н. Н. Пантусова, Н. М. Петровскаго, А. Т. Соловьева, К. Т. Софонова, свящ. Ѳ. А. Ставропольскаго, Ѳ. І. Сурнина, А. А. Титова, свящ. І. Шестакова, А. А. Штукенберга, К. В. Харламповича, Казанской Городской Управы, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Императорскаго

Русскаго Археологическаго Общества, Департамента Народнаго Просвѣщенія.

VI. Въ отчетномъ году Общество высылало свои изданія заграницу въ 30 мѣстъ и въ Россіи въ 128 мѣстъ. Кромѣ того «Извѣстія» доставлялись безплатно всѣмъ почетнымъ членамъ, членамъ-соревнователямъ и пожизненнымъ дѣйствительнымъ членамъ, а также дѣйствительнымъ членамъ, сдѣлавшимъ свой взносъ за текущій годъ, и сотрудникамъ журнала. Въ обмѣнъ «Извѣстія» высылались въ слѣдующія мѣста:

А. ЗАГРАНИЦЕЙ.

Австралія.

Сидней (Sydney). Австралійско-Азіатское Антропологическое Общество («The Australasian Antropological Journal», «Science of Man and Australasian Antropological Journal»).

Австро-Венгрія.

Будапештъ. 1) Ред. журнала «Ethnographia».

— 2) Ред. журнала «Revue orientale pour les études ouraĺo-altaiques».

— 3) Magyar Tudományos Akadémia («Almanach», «Rapport», «Archaeologiai Közlemények», «Archaeologiai értesitö»).

Вѣна. Die Anthropologische Gesellschaft («Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien»).

Загребъ. Hrvatsko Arheološtko Društvo («Vjestnik, organ Arheološkoga Odjela Narodnoga Muzeja u Zagrebu»).

Книнъ. Hrvatsko Starinarsko Društvo («Starohrvatska Prosvjeta»).

Львовъ. Ред. журнала. «Kwartalnik historyczny, organ towarzystwa historycznego, założony przez Xawerego Liskego pod redakcyą Aleksandra Semkowicza».

— 2) Науковое Товариство імени Шевченка («Етнографічний Збірникъ», «Часопись правнича і економична», «Збірник Математично-Природописно-Лікарської секціні», «Памятки Українсько-русьскоі мови і літератури», «Жерела до істориі України-Руси», «Руська Исторична библіотека», «Хроніка» и «Записки»).

Любляна. 1) Ред. журнала «Ljubljanski Zvon».

— 2) Muzejsko društvo za Kranjsko («Mysealverein für Krain») («Izvestja Muzejskega društva za Kranjsko» и «Mittheilungen des Musealvereines für Krain»).

Прага. 1) Museum Regni Bohemiae.

— 2) Národopisné Museum Československé v Praze («Věstnik Musea» и «Národopisny Sbornik»).

Сплѣтъ. Ред. журнала «Bulletino di archeologia e storia dalmata».

Англія.

Лондонъ. The Anglo-Russian Literary-Society («Proceedings»).

Бельгія.

Лёвенъ (Louvain). Société des sciences et lettres. Société orientale («Le Muséon et la revue des réligions. Études historiques, ethnologiques et réligieuses»).

Болгарія.

София. 1) Българско книжовно дружтво («Периодическо списание») и «Лѣтопись».

— 2) Министерство Народнаго Просвѣщенія («Сборникъ за народни умотворенія, науки и книжнина»).

Боснія и Герцеговина.

Сараево. Bosnisch-Hercegovinisches Landesmuseum («Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosrien und der Hercegovina»).

Германія.

Берлинъ. 1) Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte («Zeitschrift für Ethnologie»).

— 2) Konigl. Friedrich-Wilhelms-Universität («Mittheilungen der Seminars für Orientalische Sprachen»).

— 3) Ред. журнала «Orientalische Litieratur-Zeitung»).

Кёнигсбергъ. Die Physikalisch-Oekonomische Gesellschaft («Lehriften»)

Мюнхенъ. Ред. журнала «Hochschul-Nachrichten, Monats-Uebersicht über das Hochschulwesen des In-und Auslandes, Separat-Abdruck aus der «Academistchen Revue», herausgegeben von Dr. Paul von Salvisberg».

Италія.

Неаполь. Regio Istituto orientale («Publicazioni scientifiche», «Collezione scolastica»).

Нидерланды.

Лейденъ. Ред. журнала. «Internationales Archiv für Ethnographie».

Норвегія.

Христіанія. Foreningen til norske fortidsmindes maerkers bevaring.

Турція.

Константинополь. Русскій археологическій институтъ («Извѣстія»).

Франція.

Парижъ. 1) Société de Linguistique («Bulletins» и Mémoires de la Société de Linguistique»).

— 2) Société d'Anthropologie de Paris (журналъ «L'Anrhropologie», «Bulletins»).
— 3) Ред. журнала «Mélusine, recueil de mythologie, littérature populaire, traditions et usages»).
— 4) Association pour l'enseignement des sciences anthropologiques («La Revue mensuelle de l'École d'Anthropologie»).

Швейцарія.

Невшатель. La Société Neuchateloise de Géographie («Bulletins»).

Швеція.

Стокгольмъ. 1) Samfundet för Nordiska museets främsjande («Meddelanden»).
— 2) Kongl. Vittirhets Historie och Antiquitets Akademien («Antiquarisk Tidskrift for Sverige». Månadsblad»).
Упсала. Landsmalsforeningi Upsala, Helsingfors ock Lund («Hyuare Bidrag till kännedom om de svenska landsmålen»).

Б. ВЪ РОССІИ.

Астрахань. 1) Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края («Отчетъ» и «Труды»).
— 2) Ред. «Епарх. Вѣдомостей», выход. 1 и 16 чиселъ.
Барнаулъ. Общество любителей изслѣдованія Алтая («Отчетъ» и «Алтайскій Сборникъ»).
Варшава. 1) Императорскій Университетъ («Варшав. Универс. Извѣстія»).
— 2) Ред журнала «Wista, miesiecznik geograficzno-ethnograficzny z licznemi illustracjami», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ).
Владивостокъ. 1) Общество изученія Амурскаго края, филіальное Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества («Отчетъ» и «Записки»).
— 2) Восточный Институтъ («Труды»).
Владиміръ. Губернская Ученая Архивная Коммиссія («Отчетъ» и «Труды»).
Воронежъ. Губернскій Статистическій Комитетъ («Памятная книжка»).
Вѣрный. 1) Ред. «Семирѣченскихъ Областныхъ Вѣдомостей», выход. по вторн и пятниц.
— 2) Семирѣч. Областной Статист. Комитетъ («Памяти. книжка съ адресъ-календаремъ»).
Вятка. 1) Губернскій Статистическій Комитетъ («Календарь Вятскаго края»).
— 2) Земское Статист. Бюро при Губернской Земской Управѣ («Матеріалы по статистикѣ Вятской губерніи» и «Матеріалы для описанія промысловъ Вятской губерніи»).
Вятка. 3) Ред. «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» («Приложеніе къ В. Г. В.», выход. по средамъ и субботамъ).
Гельсингфорсъ. 1) Финно-Угор. Общество («Journal de la Société Finno-Ougrienne» и «Mémoires de la Société Finno-Ourienne»).

— 2) Финляндское Археологическое Общество («Finska Fornminnes foreningens Tidskrift», «Suomen-Museo» и «Finskt Museum»).
— 3) Финское Литературное Общество («Suomi, kolmas jakso», «Kansatieteellisiä kertomuksia»)
— 4) редакція журнала «Finnisel-Ugriische Vorschungen».

Екатеринбургъ. Уральское Общество Любителей Естествознанія («Записки»).

Екатеринодаръ. 1) Общество любителей изученія Кубанской области («Извѣстія»).
— 2) Кубанскій Областной Статист. Комитетъ («Кубанскій Сборникъ»).

Иркутскъ. 1) Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества («Извѣстія»).
— 2) Ред. газеты «Восточное Обозрѣніе», выход. по воскрес., сред. и пяти.
— 3) Ред. «Иркут. Губерн. Вѣдом.», выход. по средамъ.

Казань. 1) Императорскій Университетъ («Ученыя Записки», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ).
— 2) Духовная Академія («Православный Собесѣдникъ», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ).
— 3) Ред. «Извѣстій по Казанской епархіи», выход. 2 раза въ мѣс.
— 4) Общество Трезвости (журн. «Дѣятель», выход. 1 разъ въ мѣс.).
— 5) Городская Публичная Библіотека.
— 6) Переводческая Коммиссія при Братствѣ св. Гурія («Отчетъ», Буквари, Первоначальные учебники и книги Св. Писанія на разныхъ инородческихъ языкахъ).

Калуга. Губернскій Статистическій Комитетъ («Памятная книжка», «Адресъ-календарь»).

Кишиневъ. Бессарабская Губернская Ученая Архивная Коммиссія («Труды»).

Кіевъ. 1) Императорскій Университетъ («Университетскія Извѣстія»).
— 2) Историческое Общество Нестора-Лѣтописца при Университетѣ Св. Владиміра («Чтенія въ И. О. Н.-Л.»).
— 3) Коммиссія для разбора древнихъ актовъ, состоящая при Управленіи Кіевскаго, Волынскаго и Подольскаго Генералъ-Губернатора («Архивъ Юго-Западной Россіи»).
— 4) Ред. журнала «Кіевская Старина», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ.

Кострома. 1) Губернская Ученая Архивная Коммиссія («Протоколы», «Журналы засѣданій», «Костромская старина»).
— 2) Губернскій Статистическій Комитетъ.

Красноярскъ. 1) Ред. «Енисейскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», выход. по втор., четверг. и субботамъ.
— 3) Ред. газеты «Енисей», выход. 3 раза въ недѣлю.

Минусинскъ. Публичный Музей («Отчетъ»).

Митава. Курляндскій Губернскій Статистическій Комитетъ («Труды»).

Москва. 1) Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи («Извѣстія», «Этнографическое Обозрѣніе», «Труды Антропологическаго Отдѣленія», «Русскій Антропологическій Журналъ» и «Землевѣдѣніе»).

— 2) Библіотека Императорскаго Университета («Ученыя Записки М. У. по истор.-филологич. факультету»).

— 3) Императорское Археологическое Общество («Древности»).

— 4) Ред. журнала «Православный Благовѣстникъ», выход. 2 раза въ мѣсяцъ.

— 5) Архивъ Министерства Юстиціи («Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Архивѣ Мин. Юст.»).

— 6) Императорскій Историческій Музей («Отчетъ»).

— 7) Публичный и Румянцевскій Музей («Отчетъ»).

— 8) Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ («Труды по востоковѣдѣнію»).

Нижній-Новгородъ. 1) Губернская Архивная Коммиссія («Дѣйствія»).

— 2) Ред. «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (неоффиц. часть), выход. по средамъ.

— 3) Ред. „Нижегород. Епархіал. Вѣдом.“, выход. 1 и 15 чиселъ.

— Губернскій Статистическій Комитетъ („Журналы засѣданій“ и („Отчетъ“).

Ново-Александрія. Ред. «Ежегодника по геологіи и минералогіи Россіи».

Новочеркасскъ. Областное правленіе войска Донского.

Нѣжинъ. 1) Историко-филологическое Общество при Институтѣ князя Безбородко («Сборникъ»).

— 2) Историко-филологическій Институтъ князя Безбородко («Извѣстія»).

Одесса. 1) Императорскій Новороссійскій Университетъ («Записки»).

— 2) Императорское Общество Исторіи и Древностей («Труды» и «Отчетъ»).

Омскъ. Западно-Сибирскій Отдѣлъ Императорскаго русскаго Географическаго Общества («Записки»).

Оренбургъ. 1) Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества («Извѣстія»).

— 2) Губернскій Статистическій Комитетъ («Адресъ-календарь», «Памятная книжка»).

— 3) Ученая Архивная Коммиссія («Труды» и «Отчеты»).

— 4) Тургайскій Областной Статистическій Комитетъ («Памятная книжка»).

— 5) Ред. «Оренбургской газеты», выход. ежедневно.

— 6) Ред. Оренбургскаго Листка», выход. еженедѣльно.

Пенза. 1) Ред. «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», выход. ежедневно.

— 2) Губернскій Статистическій Комитетъ.

Пермь. 1) Губернская Архивная Коммиссія («Труды»).

— 2) Губернскій Статистическій Комитетъ («Адресъ-календарь» и «Памятная книжка».

— 1) Ред. «Губернскихъ Вѣдомостей», выход. ежедневно.
Петрозаводскъ. Олонецкій Губернскій Статистическій Комитетъ («Отчетъ»).
Полтава. Естественно-историческій музей Губернскаго Земства («Отчетъ» и «Описаніе коллекцій музея»).
Ревель. Эстляндскій Статистическій Комитетъ («Труды»).
Рига. Общество Исторіи и Археологіи («Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der ostseeprovinzen Russlands», «Mittheilungen aus der livlandischen Geschichte»).
Рязань. Ученая Архивная Коммиссія («Труды» и «Отчетъ»).
Самара. Ред. «Епархіал. Вѣдомостей», издав. при Епарх. Братствѣ Св. Алексія; выход. 1 и 15 чиселъ.
Самаркандъ. Областной Статистическій Комитетъ («Справочная книжка»).
С.-Петербургъ. 1) Императорскій Университетъ («Записки истор.-филол. факультета).
— 2) Императорская Археологическая Коммиссія («Отчетъ» и «Матеріалы по археологіи Россіи»).
— 3) Императорское Русское Археологическое Общество («Записки» Общества и «Записки Восточнаго Отдѣленія»).
— 4) Археологическій Институтъ («Сборникъ», «Вѣстникъ Археологіи и Исторіи»).
— 5) Военно-Ученый Комитетъ Главнаго Штаба («Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ»).
— 6) Императорское Русское Географическое Общество («Извѣстія», «Записки», «Отчетъ» и «Ежегодникъ»).
— 7) Ред. журнала «Живая Старина», выход. 4 раза въ годъ.
— 8) Ред. журнала «Искусство и художественная промышленность», выход. 1 разъ въ мѣсяцъ.
— 9) Ред. газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости», выход. ежедневно.
— 10) Ред. «Русской Музыкальной Газеты», выход. еженедѣльно.
— 11) Ред. журнала «Литературный Вѣстникъ».
Саратовъ. 1) Губернская Ученая Коммиссія («Труды»).
— 2) Ред. «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», выход. по воскрес. и четв.
— 3) Ред. «Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», выход. 1 и 15 чиселъ.
— 4) Губернскій Статистическій Комитетъ («Статистическое обозрѣніе Саратовской губерніи»).
Семипалатинскъ. Областной Статистическій Комитетъ («Памятная книжка»).
Симбирскъ. 1) Ред. «Симбирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», выход. 2 раза въ мѣсяцъ.
— 2) Губернская ученая Архивная Коммиссія («Отчетъ» и «Журналъ засѣданій»).
Симферополь. Таврическая Ученая Архивная Коммиссія («Извѣстія»).
Тамбовъ. 1) Ученая Архивная Коммиссія Извѣстія»).

— 2) Ред. «Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, выход. по субботамъ.

Ташкентъ. 1) Сыръ-Дарьинскій областной Статистическій Комитетъ («Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области»).

— 2) Ред. «Туркестанскихъ Вѣдомостей», выход. по воскр. и четвергамъ.

— 3) Ред. «Туркест. Туземной Газеты», выход. еженедѣльно.

— 4) Ред. газеты «Русскій Туркестанъ», выход. по воскр., сред. и пятниц.

— 5) Туркестанскій Кружокъ Любителей Археологіи («Протоколы»).

— 6) Туркестанская Публичная Библіотека.

Тифлисъ. 1) Кавказскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества («Извѣстія»).

— 2) Управленіе Кавказскаго Учебнаго Округа («Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», «Циркуляры» и «Отчетъ»).

— 3) Ред. журнала «Кавказскій Вѣстникъ», выход. ежемѣсячно.

— 4) Ред. журнала «Кавказскій Книжный Вѣстникъ», выход. ежемѣсячно.

Тобольскъ. 1) Губернскій Музей («Ежегодникъ»).

— 2) Ред. газ. «Сибирскій Листокъ», выход. по воскрес. и четвергамъ.

— 3) Ред. «Губернск. Вѣдом.» (неоффиц. часть), выход. по вторникамъ.

— 4) Ред. «Епархіальныхъ Вѣдомостей», издав. при Братствѣ св. Великомуч. Димитрія Солунскаго, выход. 1 и 16 чиселъ, и «Отчетъ» о дѣятельности этого братства.

Томскъ. 1) Ред. газ. «Сибирскій Вѣстникъ», выход. ежедневно.

— 2) Ред. «Губернскихъ Вѣдомостей», выход. по четвергамъ.

— 3) Ред. «Епархіальныхъ Вѣдомостей», выход. 1 и 15 чиселъ.

Троицкосавскъ. Троицкосавско-Кяхтинское Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества («Протоколы» и «Отчетъ»).

Уральскъ 1) Ред. «Войсковыхъ Вѣдомостей», выход. еженедѣльно.

— 2) Областной Статистическій Комитетъ («Журналы засѣданій» и «Памятная книжка»).

Уфа. Ред. «Губернскихъ Вѣдомостей», выход. ежедневно.

Хабаровскъ. Приамурскій Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества («Записки» и «Отчетъ»).

Харьковъ. 1) Императорскій Университетъ («Записки»).

— 2) Историко-филологическое Общество при Университетѣ («Сборникъ»).

— 3) Общественная Библіотека.

Чита. 1) Отдѣленіе Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества («Извѣстія» и «Отчетъ»).
— 2) Ред. «Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостей». выход. по втор., четв. и субб.
Черниговъ. Губернская Архивная Коммиссія («Труды»).
Юрьевъ, Императорскій Университетъ («Ученыя Записки»).
Якутскъ. Областной Статистическій Комитетъ («Отчетъ» и «Памятная книжка»).
Ярославль. 1) Архивная Коммиссія («Труды»).
— 2) Ред. «Губернскихъ Вѣдомостей», выход. по втор. и пятницамъ.

VII. Отчетъ о денежныхъ средствахъ Общества за 1900 годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

ПРИХОДЪ ЗА 1901 ГОДЪ.

I. Изъ губерн. казначейства получено на охрану и ремонтъ болгарскихъ развалинъ		300 р. —
II. Поступило % съ принадлежащихъ Обществу свидѣтельствъ на 4% государствен. ренту		33 р. 25 к.
III. Изъ правленія Казан. Университета правительственнаго пособія поступило		600 р. —
IV. Получено за изданія Общества:		
а) отъ коммиссіонеровъ	28 р. 45 к.	83 р. 8 к.
б) изъ склада Общества	21 р. 23 к.	
в) отъ подписчиковъ	33 р. 40 к.	
V. Поступило членскихъ взносовъ:		
а) отъ городскихъ членовъ	80 р. —	130 р. —
б) « иногородныхъ » . . .	40 р. —	
Итого		1.146 р. 33 к.
Остатокъ къ 1 января 1901 г.:		
а) Наличными деньгами:		47 р. 10 к.
б) %-ными бумагами:		1.700 р. —
Итого		1.747 р. 10 к.
Балансъ		2.893 р. 43 к.

РАСХОДЪ за 1901 годъ.

I. Выдано жалованья:		
а) Я. А. Соколову *)	120 р. —	316 р. —
б) К. Лапанову **)	84 р. —	
в) Ф. Ѳ. Мордвишину ***)	112 р. —	
II. Выдано праздник. наградъ:		
а) 3 аудитор. служителямъ . . .	6 р. —	20 р. —
б) 2 типограф. рабочимъ . .	2 р. —	
в) почтальону.	2 р. —	
г) К. Лапанову.	10 р. —	

III. Израсходовано на библіотеку:

а) на покупку шкафовъ	80 р. —	82 р. 79 к.
б) « переплетъ книгъ	— 60 к.	
в) « покупку книгъ	2 р. 19 к.	

IV. Израсходовано на музей:

а) на покупку и ремонтъ шкафовъ	28 р. —	111 р. 20 к.
б) « « болгарскихъ древностей	83 р. 20 к.	

V. Израсходовано на таможенныя пошлины, пересылку «Извѣстій», за досылку заграничныхъ посылокъ и на канцеляр. расходы . . . . . 86 р. 91 к.

VI. Уплачено въ унив. типографію:

а) за печатаніе «Извѣстій»	224 р. —	249 р. —
б) « мелкія печатанія	25 р. —	

VII. Заплачено въ Отдѣленіе Госуд. Банка за храненіе % бумагъ Общества . . . . . 1 р. 20 к.

VIII. На поѣздку членовъ ревизіонной коммисіи въ с. Болгары-Успенское . . . . . 30 р. —

IX. А. А. Штукенбергу ассигновано на раскопки близъ Пустыхъ Морквашъ . . . . . 50 р. —

X. Уплачено за привѣтствен. телеграммы:

а) Обществу изслѣдованія Алтая . .	2 р. 95 к.	6 р. 95 к.
б) Вост.—Сиб. Отд. Геогр. Общества	4 р. —	
в) Кавказ. Отд. « «		

Итого . . . . . 954 р. 05 к.

Остатокъ къ 1 января 1902 г.:

а) наличными деньгами . . . . . 239 р. 38 к.

б) %-ными бумагами . . . . . 1.700 р. —

Балансъ . . . . 2.893 р. 43 к.

Примѣчаніе. *) за завѣдываніе складомъ и за письмоводство.

**) служитель Общества.

***) за охрану Болгарскихъ развалинъ.

Предсѣдатель Общества Н. Катановъ.

Членъ Совѣта Н. Петровскій.

Казначей Общества Д. Васильевъ.

Секретарь Общества Н. Горталовъ.

Протоколъ ревизіонной коммиссіи:

А.

По обозрѣнію книгъ Болгарскаго фонда.

По этой книгѣ остатка отъ прошлаго года триста восемьдесятъ рублей двадцать пять копѣекъ (380 р. 25 к.), въ приходѣ къ 13 марта триста рублей (300 р.), въ расходѣ къ 13 марта двѣсти тридцать пять рублей двадцать копѣекъ (235 р. 20 к.), остается въ наличности четыреста сорокъ пять рублей пять копѣекъ (445 р. 05 к.), каковые оказались на лицо, и оправдательные документы въ исправности.—13 марта 1902 г.

Б.

По обозрѣнію книгъ Общественнаго фонда.

Остатка отъ ревизіи 1901 года было четыреста шестьдесятъ два рубля тридцать семь копѣекъ (462 р. 37 к.), въ приходѣ къ 13 марта состояло восемьсотъ пятьдесятъ рублей двадцать девять копѣекъ (850 р. 29 к.), въ расходѣ къ 13 марта девятьсотъ семьдесятъ рублей тридцать восемь копѣекъ (970 р. 38 к.), такимъ осталось въ наличности триста сорокъ два рубля двадцать восемь копѣекъ (342 р. 28 к.). и 4% бумагами тысяча семьсотъ рублей, каковые оказались на лицо, и оправдательные документы найдены въ исправности.—13 марта 1902 г.

Членъ ревизіонной коммиссіи А. Соловьевъ.

Членъ ревизіонной коммиссіи Н. Траубенбергъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Предсѣдатель Общества Н. Катановъ.

Казначей Общества Л. Васильевъ.

СПИСОКЪ

изданій Общества находящихся въ его складѣ.

1) Каталогъ выставки 1882 года Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. Ц. 45 к. 625 экз.

2) Памяти графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шпилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ въ засѣданіи Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 17 января 1885 г. Ц. 75 коп. . . . . 156 экз.

3) Проэктъ публичнаго историко-этнографическаго Музея при Казанскомъ Обществѣ Археологіи, Исторіи и Этнографіи (В. М. Флоринскаго). Ц. 5 коп. . . . . 448 экз.

4) Уставъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, изд. 1878 г. Ц. 10 коп. 4 экз.

5) Уставъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, изд. 1895 г. Ц. 10 к. . . . . 306 ккз.

6) Уставъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, изд. 1898 г. Ц. 10 коп. . . . . .

7. Двухстолѣтней памяти И. И. Неплюева. Ц. 25 коп. . . . 68 экз.

8. Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи Волжско-Камскаго края. I. П. А. Пономаревъ. Ананьинскій могильникъ. Археологическій этюдъ. Ц. 35 коп. . . . . 41 экз.

9) Катановъ, Н. О. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабской надписью, принадлежащаго Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Ц. 15 коп. . . . . 5 экз.

10) Магницкій, В. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксарскаго уѣзда Казан. губ. Ц. 1 руб. . . . . 15 экз.

11) Магницкій, В. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. Ц. 1 руб. 50 коп. . . . . 1 экз.

12) Спицынъ, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. Ц. 10 коп. . . . . 23 экз.

13) Смирновъ, И. Н. Мордва. Ц. 2 руб. . . . . 2 экз.

14) Лебедевъ, Е. М. Спасскій монастырь въ Казани. Ц. 2 р. 3 экз.

15) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія Закона 15 марта 1892 г. П. 2 р. 50 коп. . . . . 19 экз.

16) Веске, М. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Ц. 2 руб. . . . . 16 экз.

17) Судъ въ Парижѣ надъ Березовскимъ, покушавшимся на жизнь Императора Всероссійскаго. Ц. 10 коп. . . . . 15 экз.

18) Аристовъ, П. О землѣ Половецкой. П. 30 коп. . . . . 34 экз.

19) Трощанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. Ц. 40 коп. . . . . 12 экз.

20) Смирновъ, П. П. Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Ц. 20 коп. . . . . 15 экз.

21) Шпилевскій, С. М. О задачахъ и дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. П. И. Золотницкій. Замѣтка о названіяхъ болгаръ, биляръ и моркваши. Ц. 45 к. 128 экз.

22) Шпилевскій, С. М. О задачахъ и дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Ц. 45 к. . . 2 экз.

23) Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго Дворца. Томъ I. Архивъ князя В. И. Баюшева. Разобранъ и приготовленъ къ печати проф. П. П. Загоскинымъ. Ц. 1 руб. 25 коп. . . . . 149 экз.

24) Отчетъ о дѣятельности Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ:

за 1880—1881 г. Ц. 25 к. 292 экз.
за 1881—1882 г. Ц. 25 к. 287 экз.
за 1882—1883 г. Ц. 25 к. 204 экз.
за 1885 г. Ц. 25 к. 37 экз.
за 1887 г. Ц. 25 к. 66 экз.
за 1888 г. Ц. 25 к. 138 экз
за 1894 г. Ц. 25 к. 14 экз
за 1895 г. Ц. 25 к. 15 экз.
за 1897 г. Ц. 25 к. 63 экз.
за 1898 г. Ц. 25 к. 15 экз.
за 1899 г. Ц. 25 к. 18 экз.
за 1900 г. Ц. 25 к. 57 экз.

25) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и его задачи. Ц. 10 к. 789 экз.

26) Лихачевъ, А. Бронзовое зеркало съ изображеніемъ грифона. Ц. 15 к. . . . . 234 экз.

27) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія г. г. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 16 іюня 1885 года. . . . . 200 экз.

28) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго археологическаго съѣзда. Ц. 10 к. . . . . 61 экз.

29) Токмак въ, П. Ѳ. Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Императорскаго Двора и его Библіотекѣ. . . . . 90 экз.

30) Положеніе объ Археологическомъ Институтѣ. . . . . 148 экз.

31) Кузнецовъ, С. К. Замѣтка по поводу реферата Г. Н. Потанина у вотяковъ Елабужскаго уѣзда. . . . . 298 экз.

32) Инструкція, утвержденная III археологическимъ съѣздомъ въ Кіевѣ: I) для Описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и II) для раскопокъ. Ц. 5 коп. . . . . 358 экз.

33) Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 1878, №№ 4—5, стр. 85—145. Ц. 50 к. . . . . 67 экз.

34) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Ц. 50 к. . . . . 26 экз.

35) Извѣстія о занятіяхъ четвертаго археологическаго съѣзда въ Казани. . . . . 27 экз.

36) Гавриловъ, Б. Г. Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь—Учинскаго прихода. Ц. 75 к. . . . 25 экз.

37) Майковъ, Л. Н. О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ Ц. 5 к. . . . . 27 экз.

38) Бычковъ, А. Ѳ. Свѣдѣнія о рукописяхъ Императорской Публичной Библіотеки, содержащихъ между прочимъ народныя пѣсни. Ц. 30 коп. . . . . 25 экз.

39) Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. О характерѣ власти Варяжскихъ князей. Ц. 7 коп. . . . . 24 экз.

40) Петровъ, П. И. Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Лоонѣ. Ц. 10 коп. . . . . 28 экз.

41) Сребницкій, П. А. Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи. Ц. 20 коп. . . . . 25 экз.

42) Маркевичъ, А. П. Къ исторіи войнъ Московскаго Государства съ Казанью. Ц. 12 коп. . . . . 26 экз.

43) Христофоровъ, П. Я. О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской библіотекѣ.

44) Гаркави, А. Я. Крымскій полуостровъ до монгольскаго нашествія въ арабской литературѣ Ц. 10 коп. . . . . 26 экз.

45) Софійскій, И. М. О киреметяхъ крещеныхъ татаръ, изъ деревни Тавель, Чистопольскаго у. Казан. губ. Ц. 12 коп. . . . . 28 экз.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

Археологіи, Исторіи и Этнографіи

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

по 1-ое января 1902 года,

съ указаніемъ времени вступленія въ Общество и мѣста жительства.

I. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

1 Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, заслуженный профессоръ университета (21 апр. 1900 г.), **Москва.**

Аспелинъ, (Aspelin), I. P., государственный археологъ (4 окт. 1881 г.). **Гельсингфорсъ.**

Вирховъ (Virchow), Рудольфъ. профессоръ университета (30 окт. 1880 г.). **Берлинъ.**

Доннеръ (Donner), Отто, проф. университета (4 окт. 1884 г.). **Гельсингфорсъ.**

5. Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, профессоръ университета (16 мая 1884 г.). **Москва.**

Знаменскій, Петръ Васильевичъ, б. профессоръ духовной академіи (19 апр. 1898 г.). **Казань.**

Извосковъ,Ніодоръ Александровичъ, чиновникъ особыхъ порученій при оберъ—прокурорѣ Св. Синода (членъ—учредитель, поч. чл. съ 20 окт. 1899 г.). **С.-Петербургъ.**

Островскій, Андрей Николаевичъ. управляющій дворянскимъ банкомъ (16 мая 1884 г.). **Саратовъ.**

Полтарацкой, Петръ Алексѣевичъ, казанскій губернаторъ (22 дек. 1889 г.). **Казань.**

10. Поповъ, Василій Александровичъ, попечитель виленскаго учебнаго округа (27 янв. 1898 г.). **Вильна.**

Рони, Леонъ (Léon de Rosny), сенаторъ французской республики, предсѣдатель парижскаго этнографическаго общества (30 окт. 1881 г.). **Парижъ.**

Тизенгаузенъ, Владиміръ Густавовичъ, членъ Императорской Археологической Комиссіи (11 апр. 1891 г.). **С.-Петербургъ.**

Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ, директоръ Демидовскаго Юридическаго лицея (19 февр. 1901 г.). **Ярославль.**

Штида (Stieda), Людвигъ Христіановичъ, профессоръ университета (27 апр. 1890 г.). **Кенигсбергъ.**

15. Яновскій, Кириллъ Петровичъ, членъ Государственнаго Совѣта (25 янв. 1896 г.). **С.-Петербургъ.**

II. ЧЛЕНЫ-СОРЕВНОВАТЕЛИ.

Горемыкинъ, Игнатій Ивановичъ, членъ окружнаго суда (16 апр. 1879 г.). **Казань.**

Толмачева, Екатерина Александровна (19 февр. 1901 г.). **Казань.**

3. Шимановскій, Митрофанъ Васильевичъ, членъ судебной палаты (28 сент. 1879 г.). **Одесса.**

III. ПОЖИЗНЕННЫЕ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

а) Городскіе.

Петровскій, Несторъ Мемноновичъ, прив.-доц. универс. (28 нояб. 1897 г.).

Юшковъ, Николай Өирсовичъ, (членъ-учредитель).

б) Иногородніе.

Алекторовъ, Александръ Евгимовичъ, инспекторъ школъ Тургайской области (18 сент. 1898 г.). **Г. Кустанай, Тургайской области.**

Диваевъ, Абу-бекръ Ахмедъ-джановичъ, младшій чиновникъ особыхъ порученій при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ (чл.-сотр. 11 янв. 1896 г., дѣйств. чл. 27 янв. 1898 г.). **Ташкентъ, Сыръ-Дарьинской области.**

5. Поливановъ, Владиміръ Николаевичъ, камергеръ двора Е. И. В. губернскій предводитель дворянства (членъ-учредитель) **Симбирскъ.**

Розенъ, баронъ, Викторъ Романовичъ, академикъ (17 марта 1896 г.). **С.-Петербургъ.**

Смирновъ, Ѳеодоръ Антоновичъ, инспекторъ учительской семинаріи (23 февр. 1899 г.). **Г. Гори, Тифлисской губерніи.**

8. Тимаевъ, Евгеній Матвѣевичъ, драгоманъ Азіатскаго департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (членъ-учредитель). **С.-Петербургъ.**

IV. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ (съ ежегоднымъ взносомъ).

а) Городскіе.

Литовъ, Сулеймань Мухаммедъ-Джановичъ, купецъ (29 нояб. 1896 г.).

Александровъ, Александръ Ивановичъ, профессоръ университета (20 апр. 1889 г.).

Александровъ, Митрофанъ Алексѣевичъ, лаборантъ университета (19 февр. 1901 г.)

Благовидовъ, Осодоръ Васильевичъ, профессоръ духовной академіи (18 марта 1899 г.).

5. Бобровниковъ, Николай Алексѣевичъ, директоръ инородческой учительской семинаріи (28 янв. 1900 г.).

Васильевъ, Александръ Васильевичъ, профессоръ университета (3 марта 1886 г.).

Васильевъ, Дмитрій Васильевичъ, преподаватель Императорской 1-ой гимназіи (20 дек. 1897 г.).

Васильевъ, Осодоръ Тихоновичъ, коммерсантъ (27 янв. 1898 г.).

Воронцовъ, Константинъ Ивановичъ, преподаватель Императорской 1-ой гимназіи (27 февр. 1892 г.).

10. Галкинъ-Враской, Николай Николаевичъ, камергеръ двора Е. И. В., членъ судебной палаты (чл.-сотр. 1 нояб. 1890 г., дѣйств. чл. 27 февр. 1892 г.).

Горталовъ, Николай Константиновичъ преподаватель Императорской 1-ой гимназіи (чл.-сотр. 1 нояб. 1890 г, дѣйств. чл. 27 февр. 1892 г.).

Зусанловъ, Василій Ивановичъ, потом. почетн. граж. (30 нояб. 1878 г.).

Катановъ, Николай Осдоровичъ, профессоръ университета (чл.-сотр. 8 дек. 1884 г., дѣйств. чл. 8 апр. 1894 г.).

Керсаковъ, Дмитрій Александровичъ, профессоръ университета (членъ-учредитель).

15. Кочневъ, Даміанъ Леонтьевичъ, кандид. на судебн. должн. (28 янв. 1900 г.).

Кротовъ, Петръ Ивановичъ, профессоръ университета (10 нояб. 1881 г.).

Маловъ, Евѳимій Александровичъ, каоедр. протоіерей, заслуж. проф. духовной академіи (чл.-сотр. 12 апр. 1884 г., дѣйств. чл. 21 сент. 1895 г.).

Малиновъ, Михаилъ Александровичъ, профессоръ духовной академіи (29 янв. 1894 г.).

Михайловъ, Александръ Осодоровичъ, священникъ, законоучитель инородческой учительской семинаріи (19 февр. 1901 г.).

20. Нагуевскій, Дарій Ильичъ, профессоръ университета (16 дек. 1886 г.).

Покровскій, Иванъ Михайловичъ, доцентъ духовной академіи (18 сент. 1899 г.).

Порфирьевъ, Сергѣй Ивановичъ, преподаватель Родіоновскаго института (26 нояб. 1898 г.).

Смирновъ, Александръ Васильевичъ, протоіерей, профессоръ университета (19 апр. 1898 г.).

Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, заслуженный профессоръ университета (3 мая 1886 г.).

25. Соловьевъ, Александръ Титовичъ, казначей университета (16 мая 1884 г.).

Сухаревъ, Алексѣй Андреевичъ, земскій врачъ (18 мар. 1899 г.).

Хомяковъ, Михаилъ Михайловичъ, помощн. прис. повѣр. (20 окт. 1899 г.).

28. Штукенбергъ, Александръ Антоновичъ, заслуженный профессоръ университета (членъ-учредитель).

б) Иногородніе.

Аничковъ, Иванъ Васильевичъ (31 окт. 1894 г.). **С.-Петербургъ.**

Архангельскій, Николай Александровичъ, священникъ (чл.-сотр. 8. сент. 1895 г. дѣйств. чл. 16 мая 1900 г.). **С. Большая Шатьма,** ядринск. уѣзда, казанской губ.

Бангъ (Bang Willy), профессоръ университета (28 янв. 1900 г.). **Левенъ** (Louvain), Бельгія.

Богатыревъ, Сергѣй Адріановичъ, директоръ гимназіи (21 сен. 1895 г.). **Астрахань.**

5. Борисовъ, Владимиръ Леонидовичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (31 янв. 1897 г.). **Г. Чердынь,** Пермской губерніи.

Вахромѣевъ, Иванъ Александровичъ (14 февр. 1888 г.). **Ярославль.**

Гриммъ, Эрвинъ Давидовичъ, профессоръ университета (29 нояб. 1896 г.).

Зубовъ, Леонидъ Ардаліоновичъ, учитель-инспекторъ городского училища (20 окт. 1899 г.). **Астрахань.**

Кедровъ, Сергѣй Ивановичъ, преподаватель духовной семинаріи (13 нояб. 1892 г.). **Москва.**

10. Красовскій, Сергѣй Семеновичъ преподаватель 2-ой гимназіи (21 сент. 1895 г.). **Саратовъ.**

Кулагинъ, Александръ Корниловичъ, директоръ 1-ой гимназіи (12 дек. 1891 г.). **Саратовъ.**

Маллицкій, Николай, Гурієвичъ, преподаватель учительской семинаріи (23 апр. 1897 г.). **Ташкентъ.**

Мошковъ, Валентинъ Александровичъ, полковникъ артиллеріи (22 дек. 1892 г.). **Варшава.**

Нестеровъ, Алексѣй Дмитріевичъ, податной инспекторъ (28 янв. 1900 г.). **Сахарханъ.**

15. Никаноръ, епископъ Орловскій и Сѣвскій (13 апр. 1895 г.). **Орелъ.**

Никаноръ, епископъ Якутскій и Вилюйскій (25 апр. 1897 г.). **Якутскъ.**

Пантусовъ, Николай Николаевичъ, старшій чиновникъ особыхъ порученій (3 мая 1886 г.). Г. Вѣрный, Семирѣченской области.

Севастьяновъ, Сергѣй Никандровичъ, членъ архивной коммиссіи (9 марта 1900 г.). Оренбургъ.

Соколовъ, Василій Ивановичъ, преподаватель реальнаго училища (10 дек. 1901 г.). Г. Камышинъ, Саратовской губерніи.

20. Шишкинъ, Ѳеодоръ Ротиславовичъ (29 дек. 1885 г.). Г. Тетюши, Казанской губерніи.

V. ЧЛЕНЫ-СОТРУДНИКИ.

а) Городскіе.

Аришинъ, Андрей Поликарповичъ, факторъ универс. типогр. (16 апр. 1898 г.).

Ашмаринъ, Николай Ивановичъ препод. инородч. учит. семин. (20 нояб. 1899 г.).

Вагинъ, Петръ Константиновичъ. учитель 3 гимн. (15 дек. 1879 г.).

Геркенъ, Вѣра Александровна (18 апр. 1887 г.).

5. Кобаевъ-Евсевьевъ, Макаръ Евсевьевичъ, учит. инородч. учит. семин. (3 апр. 1889 г.).

Михеевъ, Иванъ Степановичъ, учитель начальной школы при инородч. учит. семин. (12 янв. 1900 г.).

Нелидова, Раиса Александровна, преподав. Маріинской женской гимн. (16 марта 1890 г.).

Никитскій, Александръ Васильевичъ, фотографъ (18 марта 1890 г.).

Никифоровъ, Ѳеодоръ Никифоровичъ, препод. инородч. учит. сем. (7 февр. 1901 г.).

10. Пашковскій, Христофоръ Григорьевичъ, архитекторъ, препод. реальн. учил. (22 нояб. 1880 г.).

Пельцамъ, Эммануилъ Даниловичъ (дѣйств. чл. 10 нояб. 1878 г.), чл.-сотр. 5 мая 1899 г.).

Пономаревъ, Иванъ Михайловичъ препод. Императорской 1-ой гимн. (5 окт. 1896 г.).

Рябинскій, Константинъ Сергѣевичъ, учитель-инспекторъ городского училища (16 окт. 1882 г.).

Смирновъ, Сергѣй Михайловичъ, (2 мая 1890 г.).

15. Сурминъ, Ѳеодоръ Іосифовичъ, полковникъ артиллеріи (18 дек. 1880 г.).

Харламповичъ, Константинъ Васильевичъ, прив.-доц. универ., препод. духовн. семин. (11 янв. 1901 г.).

17. Яковлевъ, Трофимъ Степановичъ, служит. контрольн. палаты (19 марта 1885 г.).

б) Иногородніе

Ахмаровъ, Гайнуддинъ, учитель татарскаго училища (19 сент. 1893 г.). Г. Тетюши. Казанской губ.

Должностныя лица

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ,

избранныя въ Общемъ Собраніи 18 марта 1902 г.

Предсѣдатель Николай Ѳедоровичъ Катановъ (Ново-Коммиссаріатская улица, домъ Раппенгеймъ).

Товарищъ Предсѣдателя Александоръ Антоновичъ Штукенбергъ, завѣдующій музеемъ Общества (Верхне-Ѳедоровская улица, домъ Тверитиновой).

Члены Совѣта: 1) завѣдующій рукописнымъ отдѣломъ библіотеки Общества Александръ Ивановичъ Александровъ (Грузинская улица, домъ Александровой); 2) Дмитрій Александровичъ Корсаковъ (Воздвиженская улица, собств. домъ); 3) Евѳимій Александровичъ Маловъ (Академич. слобод. собствен. домъ; 4) временно и. д. редактора «Извѣстій» Несторъ Мемноновичъ Петровскій (Грузинская улица, домъ Ге) и 5) Иванъ Михайловъ Покровскій (Академическая слоб., собств. домъ).

Библіотекарь Сергѣй Ивановичъ Порфирьевъ.

Казначей Дмитрій Васильевичъ Васильевъ (Попова гора, домъ № 32).

Секретарь Николай Константиновичъ Горталовъ (Императорская I гимназія).

Члены ревизіонной комиссіи: 1) Александръ Титовичъ Со- (Университетская Типографія), 2) Ѳедоръ Тихоновичъ Васильевъ и 3) Даміанъ Аѳанасьевичъ Кочневъ.

Ж. VIII-16320.

19) О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Д. А. Кочнева. 1895. Цѣна 10 коп.

20) Протоколъ Чрезвычайнаго Общаго Собранія Гг. членовъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 16 іюня 1885 г. (о ремонтѣ болгарскихъ развалинъ). 1885. Цѣна 10 коп.

21) О старинныхъ рукописяхъ въ Сибирской Карамзинской библіотекѣ. И. Я. Христофорова. Цѣна 30 коп.

22) Трощанскій, В. Ф. Опытъ систематической программы для собиранія свѣдѣній о дохристіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ. 1897. Цѣна 40 коп.

23) О древнихъ могилахъ у Мцхеты, изслѣдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байернома. В. Г. Тизенгаузена. Цѣна 10 коп.

24) Сборникъ и указатель документовъ и рукописей, относящихся къ Казанской губерніи и хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и его Библіотекѣ. Составилъ И. Ѳ. Токмаковъ. 15 стр. 4°. Цѣна 15 коп.

25) О землѣ половецкой (Историко-географическій очеркъ). Н. Аристова. Кіевъ. 1877. 26 стр. 8°. Цѣна 30 коп.

26) Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. 1894. Цѣна 25 коп.

27) Дуброва, Я. П. Бытъ калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. 1898. Цѣна 2 руб. 50 коп.

28) Катановъ, Н. Ѳ. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабскою надписью. 1898. (Со снимкомъ). Цѣна 15 коп.

29) Уставъ Общества Арх. Ист. и Этн. при Императ. Казан. Унив.: изд. 1878 г. 13 стр. 8°. ц. 10 к.
1895 г. 7 стр. 8°. ц. 10 к.
1898 г. 11 стр. 8°. ц. 10 к.

30) Отчеты Общ. Арх., Ист. и Этн. за 1878—1900 годы по 25 коп.

31) Пономаревъ, П. А. Ананьинскій могильникъ. 1892. стр. 34. 8° 35 к.

32) Магницкій, В. К. Пѣсни крестьянъ села Бѣловолжскаго Чебоксар. у. Казан. губ. 1877. стр. 160. 8°. ц. 1 р.

33) Магницкій, В. К. Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры. 1881. стр 267. 8°. ц. 1 р. 50 коп.

34) Спицынъ, А. Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губ. 1886. стр. 30. 8°. ц. 10 коп.

35) Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Предварительнаго Комитета IV Высочайше разрѣшеннаго Археологическаго Съѣзда. 1877. Стр. 30. 8° ц. 10 коп.

36) Замѣтка по поводу реферата Г. Н. Потанина «У вотяковъ Елабужскаго у.» С. К. Кузнецова. 1882. Стр. 411—419. 8°. Ц. 5 коп.

37) Инструкціи, утвержденныя III Археологическимъ Съѣздомъ въ Кіевѣ для: 1) описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и 2) для раскопокъ кургановъ. 1879. Стр. 7. 8°. 5 коп.

38) Указатель выставки при четвертомъ археологическомъ съѣздѣ. Стр. 94. 8°. Ц. 50 коп.

39) Магницкій, Къ біографіи Василія Аѳанасьевича Сбоева. Стр. 5. 8°. Цѣна 5 коп.

Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій состоятъ: а) П. А. Дубровина (Казань, Гостинный дворъ, № 1, и Воскресенская улица, домъ Мартинсонъ). б) Карлъ Риккеръ (С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 14). в) Книжный магазинъ «Новаго Времени» (Москва, Неглинный проѣздъ, д. Депре), г) Н. Киммель въ Ригѣ и д) Книжный магазинъ «Букинистъ» (Ташкентъ, Сыръ-дарьинской обл.).

Обращающіеся непосредственно въ Общество Арх., Ист. и Этн. (Казань, Университетъ) пользуются 30% уступки и безплатною пересылкою, если покупаютъ на наличныя деньги; при высылкѣ же заказовъ наложеннымъ платежемъ, съ покупателей взимаются цѣны, показанныя при каждой книгѣ или брошюрѣ.

Канцелярія и книжный складъ Общества открыты ежедѣльно по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ съ 4—6 час. веч.